67

363-4-5
Psychology

ST. VLADIMIR'S SEMINARY LIBRARY
575 SCARSDALE ROAD
CRESTWOOD, TUCKAHOE, N. Y. 10707

WITHDRAWN

27/67

ПОСОБІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПСИХОЛОГІИ.

Священника А. Гиляревскаго.

Святѣйшимъ Синодомъ книга удостоена преміи Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго, и одобрена къ употребленію въ духовныхъ Семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по психологіи.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

МОСКВА.
Тип. Е. К. Гербекъ и К°., Петровка, д. Рудакова.
1886.

От Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 29 Мая, 1886 г.

Цензоръ, Протоіерей *Платонъ Капустинъ*.

365-4-5

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

§ 1. Опредѣленіе психологіи.

Психологія есть наука о душѣ человѣческой, насколько эта послѣдняя обнаруживается, какъ дѣйствительно существующая причина, въ производимыхъ ею явленіяхъ.

§ 2. Предметъ психологіи.

Изъ опредѣленія психологіи видно, что *прямымъ* предметомъ этой науки должны быть душевныя явленія. Душевными же называются тѣ внутреннія явленія природы человѣческой, съ которыми соединяется признакъ сознательности. Поэтому сознательныя душевныя явленія и составляютъ *главный* предметъ психологіи. Но такъ какъ многія стороны душевной жизни (напр. возникновеніе душевныхъ явленій и т. п.) находятся за предѣлами сознанія, а между тѣмъ для полнаго уразумѣнія психическихъ явленій необходимо изученіе и этой области душевной жизни, то въ предметъ психологіи *косвенно* должно входить и изученіе безсознательной стороны душевной жизни.

Душевныя явленія потому составляютъ предметъ особой, самостоятельной науки, что рѣзко отличаются отъ явленій матеріальныхъ. Главное и существенное различіе однихъ явленій отъ другихъ заключается въ *сознательности* душевныхъ явленій. Эти послѣднія явленія заключаютъ въ себѣ возможность достигать до той степени, на которой становятся познаваемыми для производящаго ихъ начала душевной жизни; матеріальныя-же явленія никогда не познаются лежащимъ въ основѣ ихъ веществомъ,—эти явленія, слѣдовательно, по самой сущности своей безсознательныя. Изъ этого основнаго различія естественно вытекаютъ и всѣ остальныя черты, отличающія психическія явленія отъ матеріальныхъ. Такъ, во 1-хъ, матеріальнымъ явленіямъ, будемъ-ли мы разсматривать ихъ въ отдѣльности одно отъ другаго, или въ

извѣстныхъ сочетаніяхъ, какъ опредѣленные предметы, свойственно пребываніе въ томъ состояніи, которое опредѣлено извѣстными условіями существованія предмета или явленія, слѣдовательно, принадлежитъ признакъ косности, обособленности, единичности, почему и самыя явленія эти называются *реальными;* всякое-же явленіе душевной жизни человѣка, уже въ силу своей сознательности, заключаетъ въ себѣ стремленіе перейти въ высшія формы, и это развитіе психическихъ явленій можетъ быть безпредѣльнымъ. Такъ-какъ высшія формы развитія служатъ идеаломъ, который осуществляется въ теченіи всего естественнаго развитія душевной жизни человѣка, то психическимъ явленіямъ, въ противоположность явленіямъ матеріальнымъ, можетъ быть приписанъ характеръ *идеальности.* Во 2-хъ, матеріальныя явленія всегда необходимо происходятъ въ частицахъ вещества, изъ которыхъ каждая занимаетъ относительно другой опредѣленное внѣшнее положеніе, вслѣдствіе чего и самыя явленія называются *экстенсивными;* душевныя же явленія представляютъ обнаруженіе силы, хотя дѣйствующей въ пространствѣ, но не связанной необходимо съ какою нибудь одною его частью: это—явленія *интенсивныя.* 3) Матеріальныя явленія отличаются одно отъ другаго только большимъ или меньшимъ количествомъ частицъ, приведенныхъ въ движеніе, а также большею или меньшею скоростью самаго движенія: это—явленія *количественныя;* душевныя же явленія отличаются одно отъ другаго самымъ своимъ содержаніемъ,—своими качествами, а не количествомъ, отчего и называются явленіями *качественными.* 4) Вслѣдствіе внѣшняго существованія частей, находящихся другъ подлѣ друга, матеріальныя явленія познаются посредствомъ внѣшняго наблюденія и искусственныхъ орудій, облегчающихъ и совершенствующихъ познаніе; душевныя же явленія, вслѣдствіе своей интенсивности, открываются, главнымъ образомъ, въ чувствѣ внутреннемъ или самонаблюденіи, почему и называются, по преимуществу, явленіями *внутренними.* Въ природѣ человѣка происходятъ явленія того и другаго рода и всѣ вмѣстѣ составляютъ предметъ науки—*антропологіи;* въ частности же, тѣлесныя явленія составляютъ предметъ одной части антропологіи—*соматологіи* (анатоміи, физіологіи и органической химіи); душевныя же явленія составляютъ спеціальный предметъ второй части антропологіи—*психологіи.*

§ 3. Принципъ психологіи.

Принципами психологіи называются такія основныя понятія о психической дѣйствительности, которыя служатъ исходнымъ началомъ психологическаго изслѣдованія и вліяютъ на характеръ самаго изслѣ-

дованія. Принципы психологіи могутъ быть троякаго рода. Во первыхъ, принципы психологіи могутъ быть метафизическаго характера. Такъ какъ задача метафизики состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать сущность, причину и цѣль дѣйствительности, то эта же самая задача признается и для изслѣдованія душевной жизни. Но, будучи сходны по своей основной задачѣ, метафизическіе принципы различаются по своимъ *направленіямъ*. Всѣ метафизическіе принципы можно свести къ двумъ основнымъ направленіямъ: *спиритуалистическому* и *матеріалистическому*.

а) Представители спиритуалистическаго принципа при изслѣдованіи душевной жизни выходятъ, обыкновенно, изъ всеобщаго факта самосознанія, который сопровождаетъ всѣ явленія нашей душевной жизни, не формальнымъ только образомъ, но какъ *чистое Я*, т. е. какъ совершенно духовный, единый и тождественный носитель и реальная причина всѣхъ явленій психической жизни. Изъ этого-то всеобщаго факта самосознанія (чистаго Я) представители спиритуализма выводятъ всѣ опредѣленія основнаго начала душевныхъ явленій, а также объясняютъ и самыя явленія, насколько это оказывается необходимымъ. Спиритуалистическій принципъ, вѣрный въ своемъ основаніи—въ признаніи самостоятельнаго духовнаго начала психическихъ явленій, развиваемый послѣдовательно и внѣ опыта, приводитъ къ крайне одностороннимъ воззрѣніямъ на духовную жизнь и природу человѣка.

б) Матеріалистическій принципъ, выходя изъ того общеизвѣстнаго факта, что необходимымъ условіемъ душевной жизни является нервная система, дѣлаетъ тотъ выводъ, что физіологическія и психическія явленія тождественны и что для изслѣдованія психическихъ явленій необходимо производить наблюденія надъ явленіями въ нервной системѣ, а сама психологія должна превратиться въ отдѣлъ физіологіи. Но подобный принципъ долженъ быть признанъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ во 1-хъ потому, что никогда не можетъ быть доказано тождество физіологическихъ явленій съ психическими. Если бы даже было доказано съ математическою точностію, какія перемѣны происходятъ въ мозгу при возникновеніи извѣстнаго психическаго явленія, то и въ такомъ случаѣ доказано было бы лишь строгое и точное соотвѣтствіе между физіологическими и психическими явленіями, но не тождество ихъ и не происхожденіе послѣднихъ явленій изъ первыхъ. Во 2-хъ, при всей тѣснѣйшей связи психическихъ явленій съ физіологическими, психологія необходимо должна сохранить полную самостоятельность по тому, что задача физіологіи состоитъ въ изученіи чисто матеріальныхъ процессовъ, представляющихъ собою только способы и условія происхожденія психическихъ явленій. Самыя же психическія

явленія въ наблюденіи физіологическихъ процессовъ не даны, а могутъ быть познаваемы только при помощи внутренняго наблюденія или самонаблюденія, слѣдовательно, должны составлять предметъ особой, отдѣльной отъ физіологіи, самостоятельной науки. Такимъ образомъ, вслѣдствіе полнаго различія психическихъ явленій отъ физіологическихъ какъ по существу, такъ и по способамъ наблюденія, физіологія можетъ имѣть для психологіи лишь вспомогательное значеніе, занимаясь изслѣдованіемъ чисто матеріальныхъ условій психической дѣятельности. При этомъ, физіологія, несомнѣнно, можетъ принесть значительную пользу психологіи, способствуя достиженію большей точности и отчетливости въ ея выводахъ.

По другому воззрѣнію психологія, какъ и всѣ опытныя науки, должна имѣть исходнымъ началомъ своимъ лишь душевныя явленія, данныя въ опытѣ, и область своихъ изслѣдованій должна ограничить только одними явленіями, безъ всякихъ притязаній на изслѣдованіе ихъ сущности. Этотъ принципъ психологіи называется *эмпирическимъ* и психологія, разработываемая подъ руководствомъ этого принципа, должна быть наукою чисто *опытною*. Какъ и всякая опытная наука, психологія должна изучить отличительныя особенности душевныхъ явленій, показать условія ихъ возникновенія и вывести законы, управляющіе душевною жизнію. Но эмпирическій принципъ психологіи, взятый въ отдѣльности отъ метафизическаго, не можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что цѣль психологическаго изслѣдованія должна состоять въ *изъясненіи* и *уразумѣніи* душевной жизни, а это невозможно безъ метафизическихъ понятій о сущности души, такъ что если бы изслѣдователь даже и отказался отъ всякихъ метафизическихъ задачъ, то одно всестороннее изученіе душевныхъ явленій и искреннее намѣреніе отличить ихъ отъ другихъ, соприкасающихся съ ними, явленій (напр. физіологическихъ) должно имѣть необходимымъ слѣдствіемъ своимъ, болѣе или менѣе, ясное понятіе о ихъ сущности. Слѣдовательно, эмпирическій принципъ психологіи, безъ соединенія съ метафизическимъ, оказывается совершенно невозможнымъ. Вотъ почему одни изъ современныхъ представителей эмпирическаго направленія, не смотря на то, что поставляютъ своею задачею только изученіе душевныхъ явленій, тѣмъ не менѣе явно склоняются къ матеріалистическому направленію (Спенсеръ, Бэнъ, Тэнъ, Льюисъ и т. п.): тогда какъ другіе изъ представителей эмпирическаго направленія склоняются къ принципамъ спиритуализма. Изъ всѣхъ принциповъ психологіи наиболѣе основательнымъ нужно признать принципъ послѣдняго направленія, извѣстнаго подъ именемъ *идеальнаго реализма*, представителями котораго считаются: Фихте младшій († 1879), Ульрици, Жанэ и др. Изъ

сказаннаго слѣдуетъ, что истинно научный принципъ психологіи долженъ быть опытно-умозрительнаго характера. По этому принципу опытное изученіе душевныхъ явленій должно служить основаніемъ психологіи, на которомъ построяются умозрительныя ученія (теоріи и гипотезы) о существѣ человѣческаго духа и законахъ душевной жизни.

§ 4. Задача психологіи.

Задача психологіи состоитъ въ томъ, чтобы изучить нормальную душевную жизнь, въ ея всеобщихъ проявленіяхъ, точно также, какъ естествознаніе изучаетъ явленія, совершающіяся во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому психологія должна, прежде всего, съ достаточною полнотою и обстоятельностію изучить отличительныя особенности душевныхъ явленій такъ, чтобы результатомъ этого было всестороннее *описаніе* психическихъ процессовъ. Затѣмъ, психологія, въ связи съ физіологіей, должна опредѣлить условія возникновенія психическихъ явленій и прослѣдить: какъ развивается душевная жизнь, начиная съ простѣйшихъ явленій и кончая сложными. Результатомъ этого изслѣдованія должна быть обстоятельная *классификація* душевныхъ явленій. Послѣ этого психологія, въ связи съ метафизикой, должна объяснить изучаемыя ею явленія, т. е. открыть и возможно точно опредѣлить тѣ *законы*, которые управляютъ возникновеніемъ и развитіемъ психическихъ явленій и составить понятіе, на основаніи изученныхъ явленій, о ихъ основѣ или *сущности*.

§ 5. Главные источники психологіи.

а) **Внутреннее созерцаніе собственныхъ душевныхъ явленій** — есть первый главный источникъ психологіи. Что такое представленіе и сужденіе, радость и горе, желаніе и страсть, страхъ и надежда,—обо всемъ этомъ мы не имѣли бы ровно никакихъ свѣдѣній, если бы не имѣли возможности познавать при помощи внутренняго созерцанія свои собственныя душевныя состоянія.

Но внутреннее созерцаніе нужно отличать отъ наблюденія, потому что оно имѣетъ такія особенности, въ силу которыхъ никогда не можетъ стать наблюденіемъ. Предметы, созерцаемые внѣшнимъ образомъ, можно наблюдать; слѣдуетъ только, для полнаго постиженія явленія, обращать на него все свое вниманіе. По отношенію же къ процессамъ, созерцаемымъ внутренно, это совершенно невозможно, потому что всѣ душевныя состоянія развиваются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе они стѣснены наблюденіемъ; напротивъ, стоитъ только обратить вниманіе на

то или другое, переживаемое душою, состояніе, какъ оно или прекратится мгновенно, или измѣнитъ свой характеръ; напр. тотъ, кто захотѣлъ бы наблюдать въ себѣ состояніе гнѣва, очевидно, охладѣлъ бы по отношенію къ этому состоянію и—предметъ наблюденія исчезъ бы. Таже самая невозможность относится и ко всѣмъ другимъ случаямъ, такъ что необходимо признать всеобщимъ психическимъ закономъ то, что мы никогда не можемъ сосредоточивать вниманія на предметѣ внутренняго созерцанія, съ цѣлію наблюдать его.

б) **Наблюденіе прежнихъ психическихъ явленій въ памяти** (самонаблюденіе)—составляетъ второй главный источникъ психологіи, при помощи котораго мы пріобрѣтаемъ лучшую часть нашихъ знаній о душевной жизни. Психологъ, обыкновенно, сосредоточиваетъ свое вниманіе на душевномъ явленіи тогда, когда оно уже прошло, но воспоминаніе о немъ еще свѣжо въ сознаніи. И если попытка наблюдать возникающія въ насъ душевныя явленія оказалась невозможною, вслѣдствіе прекращенія самихъ явленій, то наблюденіе въ воспоминаніи прежде бывшихъ состояній, очевидно, не можетъ представлять подобныхъ затрудненій. Дѣйствительно, на прошедшихъ психическихъ явленіяхъ точно также удается сосредоточивать вниманіе, какъ на настоящихъ физическихъ, и въ такомъ видѣ наблюдать ихъ. Можно сказать, что даже экспериментъ съ собственно психическими явленіями возможенъ при подобномъ изученіи душевной жизни. Ибо мы могли бы намѣренно поставлять себя въ разнообразныя (разумѣется, физически возможныя и нравственно дозволенныя) условія и вызывать въ себѣ извѣстныя душевныя явленія, чтобы узнать: какія психическія состоянія соединяются съ ними, какъ слѣдствія, и затѣмъ результатъ опыта мы уже въ воспоминаніи изслѣдовали бы со всякимъ спокойствіемъ и внимательностію. Такимъ образомъ, память, дѣлающая во всѣхъ опытныхъ наукахъ возможнымъ накопленіе наблюдаемыхъ фактовъ для обоснованія на нихъ общихъ истинъ, въ психологіи дѣлаетъ возможнымъ въ тоже время и самое наблюденіе фактовъ. Это наблюденіе собственныхъ душевныхъ явленій въ воспоминаніи называется, обыкновенно, *самонаблюденіемъ*.

Но, не смотря на всю важность самонаблюденія, какъ источника психологіи, пріобрѣтеніе истиннаго познанія о душевной жизни изъ этого источника сопряжено съ большими трудностями. Прежде всего, различныя состоянія, смѣняясь одно съ другимъ, переживаются душою часто съ такою быстротою, что нужно значительное напряженіе вниманія и душевной энергіи, чтобы припомнить какъ самыя психическія состоянія, такъ и условія ихъ возникновенія. При этомъ душевныя состоянія могутъ воспроизводиться въ воспоминаніи далеко не всегда

вѣрно, а многія изъ нихъ отъ времени затемняются и даже совсѣмъ исчезаютъ безслѣдно; вслѣдствіе этого не мало погрѣшностей въ наблюденіе можетъ вносить фантазія наблюдающаго лица (какъ это бываетъ, напр. въ воспоминаніяхъ о событіяхъ дѣтства). Въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденіе должно бы направляться на самый процессъ возникновенія въ нашей душѣ извѣстныхъ состояній (напр. представленій о пространствѣ и времени), послѣднія являются въ нашемъ сознаніи уже окончательно сформировавшимися и такимъ образомъ дѣлаютъ невозможнымъ наблюденіе процесса ихъ образованія. Затѣмъ, не малая трудность самонаблюденія заключается въ томъ, что душа въ одно и тоже время должна быть и наблюдателемъ и предметомъ наблюденія; но подобное раздвоеніе сознанія требуетъ большаго усилія, которое, по мѣрѣ продолженія самонаблюденія, сопровождается возрастающимъ чувствомъ утомленія, при чемъ наблюдаемыя душевныя состоянія такъ спутываются, что наблюдатель невольно впадаетъ въ ошибки. Наконецъ, не малымъ препятствіемъ для самонаблюденія являются теоретическіе предразсудки и практическій эгоизмъ, для котораго не всегда пріятно то, что есть, и который, поэтому, старается выставить свои дѣйствія и побужденія въ лучшемъ свѣтѣ. Но само собою понятно, что съ какими бы затрудненіями ни соединялось самонаблюденіе или, что тоже, наблюденіе душевныхъ явленій въ воспоминаніи, во всякомъ случаѣ это—затрудненія устранимыя и было бы неосновательнымъ преувеличеніемъ, если бы, вслѣдствіе этихъ затрудненій, стали отрицать всякую возможность и достоинство внутренняго опыта. Если бы свидѣтельство памяти было негодно для науки, то вмѣстѣ съ психологіею нужно бы признать невозможнымъ существованіе и всѣхъ другихъ наукъ.

в) **Наблюденіе надъ другими людьми**—есть третій главный источникъ психологіи. При изслѣдованіи душевныхъ явленій психологъ не можетъ ограничиться однимъ самонаблюденіемъ. Такъ какъ психологія есть наука не о собственной только душѣ психолога, но о всеобщихъ проявленіяхъ души человѣческой, въ которыхъ она обнаруживается по самому существу своему во всемъ человѣчествѣ, то къ самонаблюденію, какъ источнику психологіи, должно присоединиться еще и наблюденіе надъ другими людьми. Если самонаблюденіе дѣлаетъ возможнымъ вообще существованіе психологіи, то наблюденіе надъ другими людьми освобождаетъ психологію отъ односторонности и исключительности и сообщаетъ ей характеръ всеобщности, т. е. такой характеръ, какимъ должна отличаться всякая наука. Но, насколько важно наблюденіе надъ другими людьми, какъ источникъ психологіи, настолько же оно представляетъ и чрезвычайныя трудности. Самая главная трудность наблюденія надъ другими людьми заключается въ томъ, что мы

не можемъ наблюдать душевныя состоянія другихъ людей непосредственно, но заключаемъ о нихъ только посредствомъ внѣшнихъ знаковъ и выраженій, а при такомъ способѣ наблюденія ускользаютъ отъ нашего вниманія тончайшіе оттѣнки душевныхъ состояній, потому что ихъ нельзя описать словами, никакими жестами нельзя выразить ихъ вполнѣ и безошибочно. Къ тому же мы можемъ понимать лишь тѣ внутреннія состоянія другихъ, въ которыхъ мы усматриваемъ аналогію съ нашими собственными душевными состояніями; вслѣдствіе чего каждый изъ насъ понимаетъ и изъясняетъ душевную жизнь другихъ по своимъ убѣжденіямъ, поэтому на душевныя состоянія другихъ мы налагаемъ весьма часто субъективный отпечатокъ и представляемъ ихъ не въ настоящемъ свѣтѣ. Вдобавокъ, мы рѣдко имѣемъ возможность наблюдать душевную жизнь другихъ въ состояніи естественной непринужденности; по большей же части каждый человѣкъ имѣетъ много поводовъ, чтобы не обнаруживать во внѣ многихъ своихъ душевныхъ состояній и нерѣдко даже считаетъ долгомъ проявлять въ своемъ поведеніи сдержанность и самообладаніе. Эта сдержанность во внѣшнемъ выраженіи внутреннихъ состояній ростетъ въ человѣкѣ вмѣстѣ съ образованіемъ, но достигаетъ до высокой степени совершенства, главнымъ образомъ, благодаря постоянному упражненію воли въ самообладаніи. Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ представляются чрезвычайныя затрудненія для психолога; но при надлежащемъ вниманіи, при здравомъ и терпѣливомъ наблюденіи, при безпристрастномъ размышленіи, психологъ можетъ и при такихъ условіяхъ извлекать для себя весьма много драгоцѣнныхъ свѣдѣній изъ наблюденія надъ другими. При этомъ необходимо замѣтить еще то, что наблюденіе надъ другими имѣетъ значеніе только тогда, когда подтверждается, повѣряется и дополняется самонаблюденіемъ, потому что въ противномъ случаѣ наблюденіе надъ другими можетъ легко сдѣлаться поверхностнымъ и пристрастнымъ.

§ 6. Второстепенные источники психологіи.

Съ какою бы добросовѣстностію ни производилъ психологъ свои наблюденія надъ самимъ собою и другими людьми, кругъ его наблюденій всегда будетъ, болѣе или менѣе, ограниченъ и психологъ никогда не изучитъ *всѣхъ* тѣхъ *особенностей*, въ которыхъ обнаруживается природа человѣческаго духа въ его полномъ, нормальномъ развитіи. Поэтому главные источники психологіи должны дополняться *второстепенными*, къ которымъ принадлежатъ наблюденія, сдѣланныя другими надъ самими собою (автобіографіи), или надъ другими людьми (біографіи) и переданныя устно или письменно. Въ особенности важное значеніе для психолога должны имѣть такіе источники, которые знакомили бы съ обнаруженіемъ наивысшихъ совершенствъ какъ природы, такъ и жизнедѣятельности духа. Въ этомъ отношеніи большую пользу могутъ принести психологу *біографіи* и *характеристики* знаменитыхъ людей и, особенно, *поэтическія произведенія*. Образцо-

вые поэтическія произведенія бываютъ наполнены глубокими наблюденіями надъ духовною жизнію людей; въ изображеніи различныхъ характеровъ представляютъ чрезвычайно вѣрныя и мѣткія данныя для возможно полнаго опредѣленія идеальной сущности духа; съ неподражаемою проницательностію воспроизводятъ зарожденіе и развитіе различныхъ душевныхъ состояній, въ особенности—чувствованій и страстей, вслѣдствіе чего и должны занять видное мѣсто въ ряду источниковъ психологіи.

Затѣмъ, возникновеніе и особенности многихъ явленій душевной жизни въ ихъ простѣйшей, первоначальной формѣ представляютъ особенную важность для уясненія сущности духа. Въ этомъ отношеніи особенно важнымъ является для психолога рѣшеніе вопросовъ: о происхожденіи языка, о возникновеніи первоначальныхъ формъ религіозной и нравственно-общественной жизни и т. п. Всѣ подобныя явленія существуютъ теперь уже какъ готовые, произведеніе факты въ духовной жизни человѣчества, слѣдовательно, ни изъ самонаблюденія, ни изъ наблюденія надъ другими людьми психологъ не можетъ рѣшить вопроса объ ихъ первоначальномъ происхожденіи. Въ подобныхъ случаяхъ психологу необходима помощь *исторіи*. Неоднократно и не безъ основанія высказывался тотъ взглядъ, что исторія развитія человѣчества представляетъ тоже самое, что въ маломъ, по аналогичномъ видѣ повторяется въ исторіи развитія каждаго индивидуума. Но тѣ явленія, которыя въ каждомъ индивидуумѣ недоступны для самонаблюденія, въ исторіи представляются въ раздѣльности и въ событіяхъ, совершавшихся въ извѣстные, болѣе или менѣе, продолжительные промежутки времени. Поэтому только при помощи исторіи психологъ можетъ узнать: при какихъ условіяхъ возникали и въ какой формѣ первоначально существовали многія изъ тѣхъ явленій духовной жизни человѣчества, которыя теперь существуютъ какъ готовые факты? При помощи же исторіи психологъ можетъ, съ большею или меньшею достовѣрностію, рѣшить: какое вліяніе на возникновеніе первоначальныхъ формъ духовной жизни человѣчества оказывали различныя внѣшнія условія и, преимущественно, условія соціальныя? Въ особенности: какъ самъ человѣкъ создавалъ культуру природы и различныя формы цивилизаціи и насколько обнаруживалось при этомъ *творчество* (самодѣятельность) его духа? На основаніи изученія исторической жизни человѣчества во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ психологъ въ состояніи будетъ опредѣлить: свойства, особенности и всеобщіе законы развитія человѣческаго духа. Таково значеніе исторіи для психологіи.

Полезнымъ восполненіемъ исторіи могутъ служить для психолога *свидѣтельства путешественниковъ о духовной жизни дикихъ народовъ*. Жизнь дикихъ народовъ находится еще на первоначальной, низшей ступени духовнаго развитія, слѣдовательно, представляетъ психологу возможность изучить тѣ формы, въ которыхъ обнаруживается духовная природа человѣка въ первоначальномъ ея развитіи. Поэтому, изучая духовную жизнь дикихъ народовъ, психологъ можетъ прослѣдить: въ какихъ явленіяхъ обнаруживалась первоначально природа человѣческаго духа и какъ, не смотря на различныя уклоненія, духъ человѣческій постепенно приближается къ осуществленію истиннаго назначенія своей природы? Результатомъ подобнаго изслѣдованія будетъ выведеніе многихъ данныхъ для уясненія всеобщихъ законовъ, управляющихъ развитіемъ человѣческаго духа.

Наконецъ, важное значеніе представляетъ для рѣшенія многихъ психологическихъ вопросовъ *статистика*. Статистика поставляетъ своею задачею изслѣдованіе тѣхъ проявленій духовной жизни, которыя съ достаточною правильностію, въ теченіе извѣстнаго періода времени, возникаютъ въ народной жизни. Статистика, въ особенности сравнительная, помогаетъ психологіи въ точномъ рѣшеніи многихъ, весьма важныхъ, вопросовъ. Изучая и сравнивая факты изъ жизни различныхъ народовъ, или изъ жизни одного народа, но въ различное время, психологъ можетъ прослѣдить развитіе духовной жизни народа, въ особенности можетъ видѣть: какія условія и обстоятельства, и

въ какой мѣрѣ, благопріятствуютъ этому развитію или задерживаютъ его и т. п. Но область статистики весьма ограничена: она знакомитъ насъ только съ совершившимися фактами; о тѣхъ же психическихъ состояніяхъ, которыя предшествовали происхожденію извѣстнаго явленія, статистика ничего сказать не можетъ; въ особенности статистика безсильна въ рѣшеніи вопроса о свободѣ или несвободѣ человѣческихъ дѣйствій.

§ 7. Методъ психологіи.

Изслѣдованіе матеріала, представляемыхъ различными источниками психологіи, совершается при помощи двухъ основныхъ методовъ: *индуктивнаго* и *дедуктивнаго*.

По индуктивному методу, въ связи съ аналитическимъ, изслѣдуются душевныя явленія, какъ факты опыта. Прежде всего, наблюдаются отличительныя особенности каждаго душевнаго явленія, при чемъ явленія сложныя разлагаются на простыя (анализъ). Благодаря такому изслѣдованію, является возможность прослѣдить образованіе сложныхъ психическихъ процессовъ изъ простыхъ явленій, отъ чего и самый индуктивно-аналитическій методъ получаетъ названіе *генетическаго*. Взаимоотношеніемъ психическихъ явленій опредѣляется новая задача индуктивнаго изслѣдованія—открытіе однообразія въ сосуществованіи и послѣдовательности психическихъ явленій. Извѣстно, что всякое психическое явленіе возникаетъ или совмѣстно, или въ преемственной послѣдовательности съ другимъ явленіемъ; напр. вмѣстѣ съ мыслью—пріятное или непріятное чувствованіе, вслѣдъ за желаніемъ или хотѣніемъ—извѣстный поступокъ и т. п. Тѣ явленія, которыя *всегда* предшествуютъ возникновенію другаго явленія, должны быть признаны условіями этого послѣдняго. Такъ индуктивное изслѣдованіе приводитъ къ познанію *условій* существованія и происхожденія душевныхъ явленій. Поелику же одно душевное явленіе можетъ происходить въ связи съ другими при разнообразныхъ обстоятельствахъ, то индуктивное изслѣдованіе, руководствуясь опредѣленными методами (методами: согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ), должно выдѣлить то именно явленіе, которое служитъ условіемъ возникновенія другаго явленія. Результатомъ индуктивнаго изслѣдованія должны быть такія обобщенія наблюдаемыхъ явленій, которыя служили бы выраженіемъ неизмѣннаго однообразія какъ въ сосуществованіи, такъ и въ послѣдовательности явленій. Такія обобщенія будутъ выраженіемъ уже *законовъ* сосуществованія и послѣдовательности явленій душевной жизни.

Но психологія не можетъ ограничиться отдѣльными фактами и обобщеніями ихъ сосуществованія и послѣдовательности. Весь матеріалъ, добытый индуктивнымъ изслѣдованіемъ, долженъ быть обработанъ въ систематическое цѣлое и объясненъ. Эта послѣдняя цѣль до-

стигается при помощи метода дедуктивнаго въ связи съ синтетическимъ. Изъ многихъ отдѣльныхъ признаковъ душевныхъ явленій, при помощи синтеза, создается понятіе о цѣломъ явленіи, при чемъ различные выводы, къ которымъ приходитъ индуктивное изслѣдованіе, объединяются и ставятся въ связь между собою. Такъ при помощи синтетическаго метода доходитъ изслѣдователь до пониманія душевныхъ явленій, какъ цѣльныхъ процессовъ. Затѣмъ, послѣ генетическаго изслѣдованія душевныхъ явленій, послѣднія, естественно, распредѣляются по родамъ и видамъ, слѣдствіемъ чего бываетъ классификація душевныхъ явленій по ихъ отличительнымъ признакамъ и степени зависимости однѣхъ группъ явленій отъ другихъ. Наконецъ, при выводѣ законовъ для сосуществованія и послѣдовательности душевныхъ явленій частные законы сводятся къ наиболѣе общимъ, пока, наконецъ, не будетъ найденъ такой общій законъ, который управлялъ бы всѣмъ ходомъ душевной жизни. Изъ общихъ же законовъ выводятся новые частные законы, управляющіе тѣми или другими явленіями, или группами ихъ.

Какъ индуктивное наблюденіе, такъ и синтезъ наблюдаемаго не производятся безъ всякой цѣли: при помощи ихъ должны быть объяснены смыслъ и значеніе душевныхъ явленій. Разнообразныя формы душевной жизни у людей и животныхъ, обнаруженія умственно-теоретической, религіозно-нравственной и эстетической жизни у людей не могутъ, очевидно, совершаться безцѣльно. Поэтому объясненіе ихъ смысла и значенія должно составлять задачу новаго изслѣдованія. Затѣмъ, уже на всѣхъ предыдущихъ ступеняхъ изслѣдованія, прямо или косвенно, должно изъясняться и самое существо душевныхъ явленій. Когда же вся область духовной жизни, доступная опытному изслѣдованію, будетъ изучена, тогда изъ всего изученнаго должна быть выведена цѣлая система понятій о реальномъ основаніи или началѣ духовной жизни. Изъ понятій о существѣ человѣческаго духа вполнѣ выясняется и конечное назначеніе послѣдняго, чѣмъ сообщается различнымъ формамъ душевной жизни и на различныхъ ступеняхъ ея развитія истинный смыслъ и значеніе. Составленіе понятій какъ о цѣли душевной жизни, такъ и о ея началѣ или реальномъ основаніи производится при помощи метода дедуктивно-синтетическаго. Составленныя же понятія о цѣли и реальномъ основаніи душевной жизни соотвѣтствующими наблюденіями провѣряются и доводятся до степени возможной научной достовѣрности.

При индуктивно-аналитическомъ изслѣдованіи душевныхъ явленій, а также при дедуктивно-синтетическомъ построеніи систематическаго ученія объ основномъ началѣ и цѣли душевной жизни употребляются вспомогательные методы индуктивнаго изслѣдованія: *гипотезы, аналогіи*

и приблизительныя обобщенія. Къ гипотезамъ психологъ прибѣгаетъ тогда, когда требуется пополнять пробѣлы наблюденія, или когда необходимо представить объясненіе психическаго явленія или разрѣшеніе вопросовъ, касающихся существа души, только вѣроятное. Примѣненіе къ изученію душевной *жизни аналогій* расширяетъ область психическаго наблюденія, открываетъ новыя точки зрѣнія и такимъ образомъ помогаетъ разъяснять одни явленія другими, отъ сходныхъ явленій заключать къ сходнымъ причинамъ. Аналогіи имѣютъ для психолога широкое примѣненіе при наблюденіи надъ душевною жизнью другихъ людей и, въ особенности, надъ душевною жизнію животныхъ, хотя способъ заключенія по аналогіи требуетъ большой осторожности; иначе извѣстной психической области можно придать совершенно иное значеніе, чѣмъ какое предполагается дѣйствительностію *). Наконецъ, когда по обстоятельствамъ изслѣдованія требуется обратить особенное вниманіе на характеръ и отличительныя особенности извѣстной группы явленій, тогда по отношенію къ этимъ послѣднимъ дѣлаются приблизительныя обобщенія, которыя при дальнѣйшемъ изслѣдованіи или замѣняются другими приблизительными обобщеніями, или получаютъ характеръ научной достовѣрности.

Въ послѣднее время представители естествознанія все болѣе и болѣе стали говорить о необходимости примѣнять къ психологіи *экспериментальный* методъ естественныхъ наукъ, чтобы производить точныя наблюденія надъ искусственно произведенными душевными явленіями. Относительно подобныхъ заявленій должно замѣтить, что если подъ психологическимъ экспериментомъ разумѣть намѣренное воздѣйствіе съ цѣлію дать иное направленіе естественному ходу душевной жизни, то вся наша духовная жизнь можетъ быть непрерывнымъ рядомъ экспериментовъ надъ самими собою (самовоспитаніе и самоисправленіе, вообще—различные виды самодѣятельности) и другими (воспитаніе и т. п.). Если же отъ эксперимента требуютъ, чтобы онъ вызывалъ произвольно избранное и, при томъ, заранѣе предопредѣленное душевное явленіе, то о такомъ психологическомъ экспериментѣ не можетъ быть и рѣчи, во 1-хъ потому, что всѣ душевныя явленія возникаютъ естественно и никакое искусственное воспроизведеніе ихъ не возможно; напр. нельзя по произволу вызвать чувство радости, чтобы производить надъ нимъ изслѣдованіе. Затѣмъ, во 2-хъ чрезвычайная быстрота съ какою одни душевныя состоянія слѣдуютъ за другими, а также необыкновенная

*) Въ такую ошибку, напр. впадаютъ многіе изъ современныхъ психологовъ относительно душевной жизни животныхъ, не находя въ ней различія отъ душевной жизни человѣческой.

сложность психическихъ явленій, гораздо большая, чѣмъ физическихъ, увеличивающаяся еще отъ взаимодѣйствія обоихъ,—все это не представляетъ возможности уединить какое-нибудь душевное явленіе, чтобы непосредственно наблюдать его и изучать его законы. Далѣе, въ 3-хъ, наше произвольное воздѣйствіе не можетъ ни въ насъ самихъ, ни въ другихъ простираться на всѣ тѣ явленія, которыя въ совокупности образуютъ полную причину подлежащаго изслѣдованію явленія и не можетъ, поэтому, находиться съ этимъ послѣднимъ ни въ какой достаточной причинной связи. Наконецъ, въ 4-хъ, надъ душевною жизнью другихъ невозможно производить искусственныхъ опытовъ потому, что экспериментъ приложимъ только къ явленіямъ, возникающимъ по закону строгой необходимости, вслѣдствіе чего въ примѣненіи къ душевной жизни другихъ людей всякое намѣренное воздѣйствіе, съ цѣлію вызвать желаемое душевное явленіе, будетъ находить неустранимое препятствіе въ свободной волѣ. Поэтому, экспериментальный методъ, какъ понимаютъ его представители естествознанія, можетъ быть приложимъ только къ однимъ матеріальнымъ явленіямъ; слѣдовательно, и психологъ можетъ производить эксперименты только надъ процессами, совершающимися въ нервной системѣ, насколько это будетъ требоваться интересами психологическаго изслѣдованія, но не надъ явленіями, которыя имѣютъ чисто психическое происхожденіе.

§ 8. Раздѣленіе психологіи.

Психологія, естественно, должна раздѣляться на три части. Первая часть имѣетъ своею цѣлію всестороннее изученіе душевныхъ явленій, данныхъ въ опытѣ, и выведеніе доступныхъ для насъ законовъ сосуществованія и послѣдовательности психическихъ процессовъ въ ихъ возникновеніи и развитіи. Во второй части изслѣдованіе поставляетъ своею цѣлію изъ изученныхъ явленій сдѣлать необходимые метафизическіе выводы о существѣ человѣческаго духа и его отношеніи къ тѣлу. Но душевныя явленія въ первой части психологіи изучаются абстрактно. Между тѣмъ въ дѣйствительности, у отдѣльныхъ людей, душевныя явленія видоизмѣняются различными индивидуальными особенностями, преимущественно же своеобразною тѣлесною организаціей. Эти видоизмѣненія, насколько они не бываютъ совершенно индивидуальны, но имѣютъ общій характеръ, должны входить въ область психологіи. Изслѣдованіе этихъ видоизмѣненій духовной природы составляетъ содержаніе третьей части психологіи, при чемъ эти видоизмѣненія или существуютъ у всѣхъ людей (раса, темпераментъ, полъ, возрастъ), или проявляются только у нѣкоторыхъ, единичныхъ личностей (сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, душевныя болѣзни).

§ 9. Важность изученія психологіи.

Важность изученія психологіи несомнѣнна.

1) Человѣкъ считается, по справедливости, вѣнцемъ и центромъ мірозданія не только потому, что вообще, въ существѣ своемъ, представляетъ своеобразное и гармоническое единство всѣхъ элементовъ, существующихъ во вселенной, но, главнымъ образомъ, потому, что въ душевной жизни своей представляетъ совокупность такихъ явленій, которыхъ совершенно нѣтъ во внѣшней физической природѣ и благодаря которымъ человѣкъ владычествуетъ надъ стихійными силами этой послѣдней, видоизмѣняетъ и преобразуетъ матеріальную природу и создаетъ міровую исторію съ разнообразными формами нравственной, государственно-политической и религіозной жизни. Однимъ словомъ, явленія, составляющія психическую жизнь человѣка, настолько своеобразны, удивительны и загадочны, что познаніе ихъ законовъ, уясненіе ихъ сущности и назначенія человѣческой природы, представляло во всѣ времена одну изъ важнѣйшихъ задачъ знанія, возбуждавшихъ по отношенію къ себѣ самый высокій интересъ въ умѣ человѣческомъ, независимо отъ какого-бы то ни было практическаго примѣненія психологическихъ знаній.

2) Но интересъ къ изученію явленій душевной жизни усиливается еще болѣе вслѣдствіе того, что эти явленія представляютъ не какой-нибудь внѣшній, безразличный предметъ для изучающаго, но составляютъ содержаніе его собственной жизни. Жизнь, по справедливости, считается высшимъ благомъ человѣка; но для того, чтобы жизнь стала дѣйствительно таковымъ благомъ, необходимо, чтобы въ ней не только находило свое осуществленіе стремленіе человѣка къ счастію, но чтобы въ теченіи событій, ее составляющихъ, осуществлялось самое назначеніе природы человѣческой. Само собою понятно, что такое устроеніе личной жизни каждаго человѣка невозможно безъ знанія законовъ, управляющихъ душевными явленіями и безъ пониманія сущности и назначенія душевной жизни человѣка. Слѣдовательно, изученіе душевной жизни можетъ представлять не только теоретическій интересъ, но и имѣть *практическую цѣнность.*

а) Извѣстно, что научное познаніе душевной жизни возможно, главнымъ образомъ, только при помощи самонаблюденія. Человѣкъ долженъ наблюдать явленія своей душевной жизни, изучать свои способности и наклонности для того, чтобы познать причину, основные законы и особенности душевной жизни. Но такое изученіе душевной жизни не можетъ остаться безъ пользы для жизни практической. Будучи главнымъ источникомъ для пріобрѣтенія теоретическихъ знаній о

душевной жизни, самонаблюденіе можетъ вести къ *самопознанію*—главному средству нравственнаго совершенствованія. Когда человѣкъ „познаетъ самаго себя“, то онъ можетъ, болѣе или менѣе, безошибочно опредѣлить характеръ своихъ умственныхъ и эстетическихъ дарованій и, вслѣдствіе этого, въ состояніи будетъ сообщить имъ надлежащее развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при помощи самопознанія, человѣкъ можетъ бозошибочно опредѣлить свое жизненное призваніе, избирая для выполненія этого послѣдняго такой образъ дѣятельности, благодаря которому будетъ осуществляться идеальное назначеніе природы человѣческой. Но главнымъ образомъ самопознаніе сопровождается важными послѣдствіями для жизни нравственной. Безпристрастное самоиспытаніе даетъ возможность каждому познавать свои нравственные недостатки и изыскивать вѣрныя средства для своего нравственнаго исправленія. Въ тоже время безпристрастное самопознаніе помогаетъ человѣку познавать истинно нравственныя потребности и основное назначеніе своей духовной природы и такимъ образомъ содѣйствуетъ развитію жизни гуманной, человѣческой, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

б) Психологическія наблюденія помогаютъ намъ стать въ правильныя отношенія къ другимъ людямъ. Въ своей жизни человѣкъ постоянно бываетъ принужденъ обращаться съ другими людьми и вступать съ ними въ такое или иное взаимодѣйствіе. Но чтобы отношенія единичной личности къ другимъ людямъ были гуманными и истинно нравственными, для этого каждому необходимо имѣть правильныя убѣжденія касательно сущности и назначенія человѣческой природы, на основаніи которыхъ только и можно установить отношенія къ другимъ людямъ истинно-нравственныя и гуманныя. Въ противномъ же случаѣ каждый человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ будетъ дѣйствовать или совершенно случайно, или на основаніи общепринятыхъ обычаевъ; но въ томъ и другомъ случаѣ дѣятельность его, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, не всегда можетъ быть правильною и нравственною.

в) Если человѣкъ справедливо считается малымъ міромъ, то изслѣдованіе жизни и законовъ человѣческаго духа должно пролить нѣкоторый свѣтъ и на тайны мірозданія вообще. И дѣйствительно, постановка и рѣшеніе вопросовъ о сущности, причинѣ и цѣли міра находится въ необходимой связи съ такими или иными психологическими понятіями. Затѣмъ, изученіе психологіи должно быть признано основаніемъ и средоточіемъ всѣхъ гуманныхъ наукъ. Такъ, психологическія изслѣдованія и знанія въ высшей степени важны, прежде всего, для изучающихъ исторію человѣчества, потому что законы исторіи суть ничто иное, какъ законы развитія человѣческаго духа. Далѣе, психологическія изслѣдованія и познанія необходимы для тѣхъ, кто долженъ заниматься нау-

ками юридическими, политическими и нравственными, потому что эти науки имѣютъ предметомъ своимъ спеціальныя области душевной жизни, а спеціальное изслѣдованіе тѣхъ или другихъ областей душевной жизни будетъ совершенно ложно или односторонне безъ общихъ знаній о душѣ человѣческой. Въ особенности-же психологическія изслѣдованія и познанія, вмѣстѣ съ психологическими наблюденіями, необходимы для педагогической дѣятельности. Чтобы дѣйствовать педагогически, чтобы вести воспитаніе правильно и разумно, для этого нужно знать потребности духовной природы воспитываемой личности, потому что правильно воспитывать человѣка можно только тогда, когда извѣстны его духовныя потребности, указывающія планъ воспитанія и дающія правильное направленіе педагогической дѣятельности. Вотъ почему педагогика, по справедливости, считается прикладною психологіею.

Психологіи отдѣлъ первый — частный.

Анализъ душевныхъ явленій.

ГЛАВА I.

ОБЩІЯ УСЛОВІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

§ 10. Физіологическія условія душевной жизни. Нервная система.

Необходимымъ органомъ психической жизни служитъ *нервная система*, потому что только благодаря возбужденію нервовъ душа, во 1-хъ, ощущаетъ разнообразныя впечатлѣнія отъ перемѣнъ въ собственномъ тѣлѣ и во внѣшнемъ мірѣ, и во 2-хъ, служитъ причиною движеній, производимыхъ ею въ своемъ тѣлѣ. Поэтому, ради особенной важности нервной системы для пониманія сознательной душевной жизни, мы и должны описать анатомическое строеніе и физіологическія отправленія ея, въ предѣлахъ, впрочемъ, психологической задачи.

Нервная система, по своему анатомическому строенію, раздѣляется на двѣ главныя части: голово-хребетную систему и симпатическую нервную систему. Какъ головной, такъ и спинной мозгъ состоятъ, въ свою очередь, изъ системъ: центральной и периферической. Послѣдняя состоитъ изъ нервныхъ нитей, выходящихъ изъ центровъ и распространяющихся по окружности тѣла.

Головной мозгъ состоитъ изъ трехъ основныхъ частей: большаго мозга, мозжечка и продолговатаго мозга. *Большой мозгъ*, состоящій изъ двухъ, соединенныхъ между собою, полушарій, находится въ передней части черепа. Поверхность большаго мозга покрыта корою сѣроватаго вещества, которое снаружи представляется изборожденнымъ многочисленными извилинами, отдѣленными другъ отъ друга болѣе или менѣе замѣтными бороздами. Полушарія большаго мозга, вмѣстѣ съ покрывающею ихъ корою сѣраго мозговаго вещества, служатъ органомъ

всѣхъ высшихъ обнаруженій душевной жизни: сознанія, памяти, мышленія, воли и чувствованій. Въ частности, кора большаго мозга служитъ органомъ многочисленныхъ мускульныхъ движеній, сопровождающихъ психическіе процессы (напр. движеній языка и губъ, рукъ и ногъ, глазъ, головы и проч.), при чемъ, по мнѣнію большинства физіологовъ, извѣстные классы психическихъ процессовъ съ сопровождающими ихъ мускульными движеніями пріурочиваются къ опредѣленнымъ частямъ мозговой коры (локализація психомоторныхъ центровъ).—Въ затылкѣ находится *малый мозгъ* или *мозжечекъ*, лежащій подъ полушаріями большаго мозга и связанный съ этимъ послѣднимъ и со спиннымъ мозгомъ при посредствѣ нервныхъ волоконъ. Мозжечекъ признается органомъ, управляющимъ равновѣсіемъ тѣла и тѣми тѣлесными движеніями, которыми сопровождаются осязательныя, зрительныя и звуковыя ощущенія. Поэтому при разстройствахъ мозжечка всегда происходитъ, большая или меньшая, невѣрность и тяжесть въ движеніяхъ.—*Продолговатый мозгъ* служитъ какъ бы связующимъ звѣномъ между головнымъ и спиннымъ мозгомъ и въ общемъ представляетъ всѣ отличительныя особенности строенія послѣдняго. Продолговатый мозгъ признается центромъ многихъ сложныхъ рефлективныхъ движеній, каковы: движенія вдыханія и выдыханія и связанные съ ними процессы кашлянія, чиханія, рвоты, далѣе—мышечныя движенія при актѣ глотанія, мимическія движенія, движенія сердца и сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ. Многіе изъ этихъ рефлексовъ находятся въ связи между собою.—Изъ головнаго мозга выходятъ 12 паръ периферическихъ нервовъ и развѣтвляются въ соотвѣтствующихъ органахъ чувствъ (зрѣнія, слуха и проч.), почему эти нервы и называются чувствовательными.

Спинной мозгъ представляетъ видъ цилиндра, проходящаго по позвонкамъ хребта, а отъ позвонковъ—разнообразными волокнами, шнурами и пучками развѣтвляющагося по всѣмъ частямъ туловища. Если сдѣлать поперечный разрѣзъ спиннаго мозга, то мы увидимъ круглое овальное тѣло, раздѣленное двумя продольными бороздками на двѣ части—правую и лѣвую. Посрединѣ поперечнаго разрѣза находится маленькое отверстіе, которое есть ничто иное, какъ поперечный разрѣзъ центральнаго канала, идущаго вдоль по спинному мозгу къ головному. Внутренняя часть спиннаго мозга—сѣраго цвѣта и изображаетъ собою букву Н; наружная же или передняя часть его — бѣлаго цвѣта. Сѣрая центральная часть спиннаго мозга образуетъ, такъ называемые, рога—передніе и задніе, изъ которыхъ первые обращены къ передней сторонѣ человѣческаго тѣла, а задніе—къ спинѣ. Въ эти рога входятъ нервныя нити, или, вѣрнѣе, корешки нервныхъ нитей. Спинной мозгъ получаетъ свои возбужденія отчасти отъ внутреннихъ

процессовъ организма, а отчасти—отъ воли души. Поэтому назначеніе спиннаго мозга состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, чисто физіологически охранять опредѣленную степень напряженности мускуловъ, какая существуетъ въ извѣстныхъ частяхъ организма и управлять *непроизвольно-автоматическими* движеніями, а съ другой стороны—приводить въ исполненіе и *произвольныя* движенія, началомъ которыхъ служитъ желаніе или воля души. Изъ спиннаго мозга выходитъ 31 пара периферическихъ нервовъ, между которыми различаются нервы: шейные, грудные, поясные и проч.

Кромѣ высшей голово-хребетной системы въ организмѣ находится еще, такъ называемая, *симпатическая* или *органическая нервная система*. Она беретъ начало въ шейной части спиннаго мозга и проходитъ по передней внутренней сторонѣ позвоночнаго столба, соединяясь въ разныхъ мѣстахъ съ нервнымъ веществомъ спиннаго мозга. Симпатическая нервная система состоитъ изъ двухъ тонкихъ нервныхъ нитей, которыя на своемъ протяженіи образуютъ небольшія продолговатыя утолщенія или узлы, отчего и самая система эта называется *узловою*. Изъ всѣхъ узловъ симпатической нервной системы выходятъ нервы, развѣтвляющіеся въ различныхъ внутреннихъ частяхъ тѣла. Поэтому полагаютъ, что симпатическая нервная система получаетъ возбужденія къ дѣятельности преимущественно отъ внутреннихъ процессовъ организма и, съ своей стороны, управляетъ всѣми этими органическими процессами, а именно: процессами питанія, пищеваренія, кровообращенія, отправленіями почекъ, печени и т. п.

Въ составъ нервной системы входятъ элементы трояваго рода: а) *нервныя клѣтки* (гангліи) сѣроватаго цвѣта, которыя, соединяясь между собою, образуютъ *узлы*, являющіеся существенными составными элементами всѣхъ центральныхъ частей нервной системы; б) *нервныя волокна* бѣлаго цвѣта, которыя или идутъ отъ периферіи тѣла къ центральнымъ нервнымъ массамъ, или-же внутри послѣднихъ соединяютъ различныя группы клѣтокъ одну съ другою. Волокна, идущія къ совмѣстно дѣйствующимъ мышцамъ, или къ близкимъ между собою областямъ кожи, располагаются вмѣстѣ и образуютъ такъ называемыя *нервныя сплетенія* и *стволы*. Оба рода элементовъ заключены въ особаго рода связующее вещество, которое въ центральныхъ частяхъ является въ видѣ мягкой, большею частію, безформенной массы (невроглія); затѣмъ, въ видѣ плотной волокнистой ткани (неврилеммы) окружаетъ снаружи стволы периферическихъ нервовъ; наконецъ, въ видѣ стекловидно-прозрачной, весьма эластичной оболочки (Шванновская оболочка) облекаетъ всѣ периферическія нервныя волокна и часть центральныхъ волоконъ. Такимъ образомъ, это связующее вещество составляетъ основу, въ которой расположены нервные элементы; въ немъ проходятъ кровеносные сосуды; кромѣ того, периферическимъ нервамъ, не защищеннымъ костными каналами, неврилемма придаетъ достаточную устойчивость противъ механическихъ вліяній.—Нервныя клѣтки состоятъ изъ мелко-зернистаго или тонко-волокнистаго протоплазматическаго вещества. Въ каждой нервной клѣткѣ заключается треугольное или круглое ядро. По формѣ своей нервныя клѣтки бываютъ пирамидальныя, веретенообразныя или смѣшан-

ной формы.—Форма нервныхъ волоконъ не менѣе разнообразна. Какъ обыкновенныя составныя части ихъ различаютъ: центральный цилиндрическій сгустокъ, или, такъ называемый, *осевой цилиндръ*, окружающее его *мозговое вещество* и, наконецъ, *Шванновскую оболочку*. Изъ этихъ трехъ частей осевой цилиндръ, очевидно, самая важная, такъ-какъ онъ служитъ проводникомъ возбужденія между центральными клѣтками различныхъ областей, а также между центрами и периферіею и наоборотъ. Значеніе-же мозговой оболочки нервнаго волокна состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать переходу возбужденія съ одного осеваго цилиндра на сосѣдніе, или, другими словами, чтобы способствовать изолированному проведенію возбужденія. На своемъ периферическомъ концѣ, нерѣдко и на центральномъ, осевой цилиндръ распадается на многочисленныя тонкія волокна (фибриллы), которыя на центральномъ концѣ переходятъ въ нервную клѣтку, или теряются въ окружающей ее сѣти волоконъ; на периферическомъ-же концѣ распространяются въ органахъ чувствъ и мышцахъ. Каждымъ своимъ отросткомъ нервная клѣтка принимаетъ или цѣльный осевой цилиндръ, или пучекъ фибриллъ. Между тѣмъ какъ нервныя клѣтки, повидимому, въ высшей степени важны для поддержанія нервныхъ отправленій вообще и для дѣйствій души,—нервныя волокна являются проводниками къ головному мозгу возбужденій, полученныхъ периферическими нервами, а частію проводятъ въ различные мускулы импульсы къ движенію. Эти нервы, проводящіе возбужденіе, по своимъ отправленіямъ бываютъ или нервами *чувствовательными*, или *двигательными*, или *задерживающими*, смотря по тому: служитъ-ли возбужденіе ихъ причиною ощущенія, мускульнаго движенія, или задержки послѣдняго; при чемъ каждое нервное волокно проводитъ извѣстное раздраженіе по одному направленію: ощущающіе нервы отвнѣ во-внутрь (направленіе центро-стремительное), а нервы двигательные—извнутри ко внѣ (направленіе центробѣжное). Но эти отправленія совершаются *различными* нервными волокнами. Несомнѣнно дознано, что всѣ мускулы туловища, насколько они зависятъ отъ спиннаго мозга, приводятся въ движеніе только, такъ называемыми, *передними* корнями спиннаго мозга, т. е. нервными волокнами, выходящими на передней сторонѣ хребта изъ нервной его массы, а всѣ нервныя трубочки, соединяющія отдѣльныя части туловища съ чувствующими мѣстами головнаго мозга, выходятъ, напротивъ, изъ спиннаго мозга, такъ называемыми, *задними* корнями. Это положеніе извѣстно подъ именемъ Беллевскаго закона (по имени Ч. Белля, сдѣлавшаго это открытіе). Въ этомъ законѣ передніе корни обыкновенно называются *двигательными*, а задніе—*чувствовательными* нервами. Чувствовательные нервы, находясь близъ поверхности кожи, соединены съ особо устроенными аппаратами глаза, уха и проч., а двигательные нервы оканчиваются въ мускулахъ. Центральное же окончаніе ихъ находится въ нервныхъ клѣткахъ спиннаго мозга, а затѣмъ—въ головномъ мозгу.

§ 11. Психическія условія душевной жизни. Сознаніе. Вниманіе.

Всякое душевное явленіе имѣетъ не только опредѣленное содержаніе и качества, которыми отличается отъ другаго душевнаго явленія, но и ту особенность, что, при извѣстныхъ условіяхъ, *познается* внутреннимъ образомъ. Соединеніе душевныхъ явленій съ внутреннимъ познаніемъ ихъ, составляетъ общую форму, въ которой обнаруживаются одни лишь явленія душевной жизни. Эта общая форма душевной жизни называется *сознаніемъ*. Если бы душевная жизнь не сопровождалась сознаніемъ, то она лишилась бы своего существеннаго, отличительнаго

признака; поэтому сознаніе необходимо признать формою душевной жизни не только общею, но и *основною*, т. е. такою, безъ которой было бы совершенно невозможно самостоятельное существованіе душевныхъ явленій въ ряду другихъ явленій природы.

Что же служитъ основаніемъ того процесса, результатомъ котораго является сознаніе? Всякій актъ сознанія является въ душѣ уже готовымъ и какая дѣятельность предшествуетъ его возникновенію, — это остается недоступнымъ для непосредственнаго наблюденія. Но недостатки наблюденія восполняются умозаключеніями о началѣ и основаніи сознанія, — умозаключеніями, съ естественною необходимостію вытекающими изъ изученія свойствъ и особенностей актовъ сознанія, а также—условій ихъ возникновенія.

Многіе психологи, отрицая значеніе сознанія, какъ общей и основной формы душевной жизни, пытались объяснить происхожденіе сознанія изъ какихъ нибудь частныхъ видовъ душевной дѣятельности. Всякое, достаточно сильное, душевное состояніе (представленіе, ощущеніе) должно, по этому мнѣнію, влечь за собою и сознаніе, какъ свое необходимое свойство (Гербартъ, Бенеке); однако факты не подтверждаютъ этого мнѣнія. Всѣмъ извѣстны такіе случаи, когда душевное состояніе, которое мы могли бы сознать съ полною ясностію, все-таки не сознается нами; мы, напр. не сознаемъ постоянно давленія на наше тѣло платья, или стула, на которомъ сидимъ. Въ особенности при сильныхъ возбужденіяхъ горя, радости, гнѣва и т. п., мы весьма часто не сознаемъ самыхъ сильныхъ и совершенно новыхъ душевныхъ состояній. Такъ, напр. мать, уносящая своего ребенка изъ пламени и получившая страшные обжоги, хотя, несомнѣнно, испытываетъ сильнѣйшія ощущенія, однако не сознаетъ ихъ; солдатъ въ жару битвы очень часто не замѣчаетъ того, что онъ раненъ. Во всѣхъ этихъ и многихъ подобныхъ случаяхъ самыя сильныя ощущенія не сопровождаются сознаніемъ потому, что на нихъ не обращается *вниманіе*. Что же такое вниманіе?

Вниманіе, прежде всего, не можетъ быть свойствомъ самихъ душевныхъ явленій, потому что само психическое состояніе не можетъ ни сообщить себѣ надлежащей устойчивости, чтобъ остановить потокъ имѣющихъ слѣдовать за нимъ душевныхъ состояній, ни придать себѣ такую силу и значеніе, чтобъ выдѣлиться изъ ряда другихъ душевныхъ состояній и сдѣлаться замѣтнымъ для души *). Нельзя признать вниманіе и способностію души усиливать отдѣльныя чувственныя ощу-

---

*) Сама собою понятна, отсюда, несостоятельность того мнѣнія Гербарта, что вниманіе есть способность отдѣльнаго представленія усиливать самаго себя.

щенія и чрезъ то дѣлать замѣтными тѣ ощущенія, которыя сами по себѣ слишкомъ слабы, чтобъ достигнуть сознанія (мнѣніе Фехнера). Физіологически и психологически доказано, что сила ощущеній зависитъ не отъ души, а отъ силы нервнаго раздраженія: стукъ стѣнныхъ часовъ, который мы ежедневно слышимъ и силу котораго мы точно знаемъ, ничуть не становится сильнѣе, если мы сосредоточимъ на немъ все свое вниманіе; цвѣтъ какого-нибудь предмета не становится ярче, какъ бы мы внимательно его ни разсматривали. Не составляя свойства самихъ душевныхъ состояній и не будучи способностію души усиливать тѣ изъ возникающихъ въ ней явленій, которыя сами по себѣ слабы, вниманіе можетъ быть только возбужденіемъ и усиленіемъ той психической дѣятельности, посредствомъ которой душа *замѣчаетъ* всѣ, возникающія въ ней, состоянія. Замѣчающая дѣятельность души можетъ простираться или на ограниченный, или на обширный кругъ наблюдаемыхъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ замѣчающая дѣятельность души *сосредоточивается* всецѣло на какомъ-нибудь одномъ предметѣ, вслѣдствіе чего происходитъ вниманіе сильное и глубокое, какъ это бываетъ во время глубокаго размышленія, тщательнаго наблюденія какого-нибудь внѣшняго явленія и т. п. Во второмъ случаѣ происходитъ вниманіе слабое и поверхностное, доходящее до полной бездѣятельности духа и совершенной *разсѣянности* (невнимательности). Вниманіе можетъ быть *невольнымъ* (пассивнымъ), когда оно вызывается и направляется помимо нашей воли, дѣйствіемъ самаго предмета. Таковы, прежде всего, сильныя чувственныя впечатлѣнія, обращающія на себя, вслѣдствіе своей силы, замѣчающую дѣятельность души; но могутъ остановить на себѣ наше вниманіе и весьма слабыя впечатлѣнія, когда съ ними соединяются наши интересы. Таковы, напр. наблюденія врачей, естествоиспытателей, астрономовъ, людей, находящихся подъ вліяніемъ страстей и т. п. Извѣстно также, что наше вниманіе особенно возбуждается новыми впечатлѣніями, которыя, въ силу своего контраста съ знакомыми впечатлѣніями, останавливаютъ на себѣ замѣчающую дѣятельность души. Но возбужденіе нашего вниманія не зависитъ отъ однихъ только предметовъ. Очень часто мы дѣлаемъ надъ собою усилія для того, чтобы сосредоточить свою замѣчающую дѣятельность на извѣстномъ предметѣ, иногда на такомъ, который не возбуждаетъ въ нашей душѣ никакого интереса. Такое вниманіе называется *произвольнымъ* (активнымъ). Активное вниманіе свидѣтельствуетъ уже о свободной дѣятельности души, выражающейся въ хотѣніи или нехотѣніи замѣчать возникающія въ ней состоянія. Если бы душа не была существомъ свободнымъ, то ея вниманіе возбуждалось бы только дѣйствіемъ самыхъ предметовъ; сама же она, по своей волѣ, никогда не могла бы остана-

вливать притокъ внѣшнихъ впечатлѣній и сосредоточивать свою замѣчающую дѣятельность на избранномъ ею самой предметѣ.

§ 12. Основа сознанія.

Какъ замѣчающая дѣятельность души, вниманіе есть *первое условіе* для происхожденія сознанія: что не становится предметомъ вниманія, то не входитъ и въ область нашего сознанія. Однако одного вниманія для происхожденія сознанія недостаточно: оно служитъ *только началомъ* тѣхъ психическихъ процессовъ, результатомъ которыхъ является сознаніе. Опытъ свидѣтельствуетъ, что многаго мы не сознаемъ, хотя бы напрягали свое вниманіе до высшей степени: мы, напр. не сознаемъ давленія на свое тѣло атмосферы, въ пчелиномъ рою—жужжанія каждой пчелы и проч., потому что не можемъ отличить подлежащихъ нашему вниманію явленій отъ другихъ, подобныхъ же явленій. Для возникновенія сознанія необходимо, слѣдовательно, чтобы а) подлежащія нашему вниманію явленія были различимы сами въ себѣ и б) чтобы дѣйствительно былъ произведенъ съ полною тщательностію актъ ихъ различенія. Результатомъ же различающей дѣятельности будетъ сознаніе подлежащихъ вниманію душевныхъ состояній. Такимъ образомъ, всякое душевное явленіе мы сознаемъ только тогда, когда отличимъ его отъ другихъ явленій. То положеніе, что сознаніе есть результатъ различающей дѣятельности, подтверждается многими физіологическими и психологическими фактами. Если, напр. положить въ каждую руку по гирѣ, а потомъ въ одну руку подкладывать вѣсовыя мѣры незначительной тяжести, то долженствующая произойти отъ этого разница въ вѣсѣ не будетъ замѣтна, потому что прибавка тяжести недостаточна для того, чтобы различить ее. Въ водѣ, немного подкрашенной красною краскою, не замѣтно красноты; но эта краснота будетъ замѣтна, если рядомъ съ подкрашенной, поставить другую, чистую воду. Шумъ, который по его ничтожности мы не можемъ отличить отъ окружающей насъ тишины, остается, обыкновенно, несознаваемымъ; но этотъ же самый шумъ, среди глубокой тишины, сознается нами, болѣе или менѣе, ясно. Вообще всякое психическое явленіе мы сознаемъ только тогда, когда отличаемъ его отъ другихъ явленій и опредѣленность сознанія находится въ прямомъ отношеніи къ различимости подлежащихъ нашему вниманію явленій, а также отъ большей или меньшей тщательности и остроты нашей различающей дѣятельности.

Въ чемъ же состоитъ различающая дѣятельность, какъ необходимая основа сознанія? По мнѣнію психологовъ эмпирическаго и матеріалистическаго направленій всякій нервный процессъ имѣетъ двѣ сто-

роны: объективную и субъективную. Разсматриваемый объективно, нервный процессъ есть ничто иное, какъ движеніе матеріальныхъ частицъ мозга; а разсматриваемый субъективно, *тотъ же самый* нервный процессъ является *сознательнымъ душевнымъ состояніемъ*, при чемъ различеніе, а слѣдовательно и сознаніе возникающихъ состояній зависитъ отъ различнаго положенія отдѣльныхъ нервовъ и отъ интенсивности ихъ возбужденія (Бэнъ). Но такое объясненіе происхожденія сознанія несостоятельно, такъ какъ въ нервныхъ процессахъ совершенно не дано основанія для различающей дѣятельности, результатомъ которой бываетъ сознаніе. Какъ и всякія вообще матеріальныя явленія, нервные процессы представляютъ движеніе матеріальныхъ частицъ, слѣдующихъ одна за другою, при чемъ ни одна матеріальная частица, сама по себѣ, не можетъ ни сравниваться съ другою частицею, ни различаться отъ нея. Затѣмъ, по этому мнѣнію, сознаніе слѣдовало бы отождествить съ каждымъ отдѣльнымъ душевнымъ состояніемъ, приписавши послѣднему свое собственное сознаніе. Но въ такомъ случаѣ сознаніе могло-бы возникать лишь тогда, когда есть на лицо, болѣе или менѣе, интенсивное (сильное, напряженное) ощущеніе; между тѣмъ въ дѣйствительности сознаніе возникаетъ нерѣдко тогда, когда ощущеніе прекращается; такъ, напр. мельникъ просыпается, когда мельница перестаетъ молоть; часовщикъ, говоритъ Бэнъ, не замѣчаетъ непрерывнаго тиканья всѣхъ его часовъ; но если-бы всѣ они внезапно остановились, то онъ сей часъ-же замѣтилъ-бы эту остановку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сознаніе возбуждается не сильными или слабыми ощущеніями, а только *различіемъ* между настоящимъ состояніемъ и прежнимъ. Источникъ различенія, слѣдовательно, мы должны искать не въ наличныхъ ощущеніяхъ, которыхъ нѣтъ, а въ особомъ актѣ, который не можетъ принадлежать ни самимъ нервнымъ процессамъ, ни сопровождающимъ ихъ психическимъ состояніямъ. Для различенія требуется существованіе субъекта наблюдающаго и предмета наблюдаемаго. Поэтому, если-бы мы даже признали вѣрнымъ тотъ взглядъ, что каждый, достаточно сильный, нервный актъ есть въ тоже время и психическое явленіе, то и въ такомъ случаѣ психическіе акты сами по себѣ оставались бы не различимыми, а, слѣдовательно, и несознаваемыми, потому что каждый актъ является различимымъ отъ другаго акта лишь для *сравнивающаго и наблюдающаго субъекта*, представляя только матеріалъ или содержаніе для его дѣятельности различающей и судящей, или оцѣнивающей отдѣльныя душевныя явленія по ихъ содержанію и значенію. Такимъ различающимъ субъектомъ и является *духъ* человѣческій; сознаніе-же, какъ результатъ различающей дѣятельности, есть актъ, совершенно не сводимый ни на нервные процессы, ни на отдѣльныя душевныя явленія.

Но въ сознаніи обнаруживается дѣятельность не только различающая, а также и объединяющая, соотносящая различаемыя душевныя состоянія одно съ другимъ и такимъ образомъ въ каждомъ актѣ различенія удерживающая свое единство. Въ силу этой соотносящей и связующей дѣятельности, наше сознаніе является единымъ для всего многообразія переживаемыхъ нами состояній. Мы, конечно, сознаемъ, что содержаніе нашего сознанія сложно, измѣнчиво и разнообразно. Однако съ этимъ не только не связывается сознаніе о перемѣнѣ, измѣнчивости и множествѣ самаго сознанія; но самый фактъ этотъ прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что наше сознаніе только одно для всѣхъ состояній, потому что сознаніе перемѣны и различія предметовъ было-бы рѣшительно невозможно, если бы каждое изъ душевныхъ состояній влекло за собою собственное сознаніе. Въ такомъ случаѣ одинъ предметъ былъ бы въ одномъ, другой—въ другомъ сознаніи; содержаніе одного—съ содержаніемъ другаго не имѣло-бы ничего общаго, а потому не могло бы быть и рѣчи ни о различіи предметовъ, ни о соединеніи представленій. Въ виду всего сказаннаго нужно признать совершенно безсильными всякія попытки объяснить фактъ *единства сознанія* изъ матеріальныхъ процессовъ нервной системы. Съ точки зрѣнія физіологіи каждый нервный актъ, если-бы онъ былъ даже тождественнымъ съ душевнымъ состояніемъ, долженъ-бы имѣть свое собственное сознаніе, не имѣющее никакого отношенія къ сознанію другаго нервнаго акта; поэтому сознаній должно бы быть столько же, сколько при возникновеніи душевныхъ состояній происходитъ различныхъ нервныхъ процессовъ. Если бы даже всѣ, одновременно возникающіе, нервные процессы сливались въ какомъ-нибудь одномъ центральномъ атомѣ, (существованіе котораго въ мозгу не признаетъ однакожь анатомія), то и въ такомъ случаѣ въ центральномъ атомѣ возникали бы лишь свойственныя ему состоянія, но не удерживалась бы при этомъ самостоятельность и отличительныя особенности всѣхъ другихъ процессовъ и было бы совершенно невозможно *сознаніе соотношенія* между ними, потому что ни одинъ нервный атомъ не въ состояніи обозрѣть всего многообразія происходящихъ при этомъ душевныхъ состояній. Только тогда намъ станетъ понятно единство сознанія, когда мы основою сознанія признаемъ духовное начало, не только различающее, но и соотносящее, связующее всѣ, возникающія въ немъ состоянія и, вслѣдствіе этого, сознающее ихъ какъ неразрывные моменты раскрывающагося въ нихъ своего единаго существа.

§ 13. Отличительныя особенности сознанія.

Изъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые служатъ основою сознанія, объясняются и всѣ отличительныя особенности сознанія.

а) Несомнѣнно, что мы въ извѣстный моментъ не сознаемъ всего того, что пережили въ теченіе всей нашей жизни и даже не все сознаемъ изъ того, что мы переживаемъ въ данное время, сравнительно съ числомъ получаемыхъ нами внутреннихъ и внѣшнихъ впечатлѣній. Такая особенность нашего сознанія извѣстна подъ именемъ его *узкости**). Фактъ узкости сознанія объясняется тѣмъ, что душа въ одинъ моментъ времени можетъ отличить только одно свое состояніе отъ другаго, но и эти два состоянія она не охватываетъ одновременно, а только переходитъ, хотя и съ быстротою мысли, отъ одного къ другому, движется между ними туда и сюда. Если же намъ и кажется, что мы иногда можемъ сознавать нѣсколько психическихъ состояній одновременно, то при этомъ, во 1-хъ, упускается изъ вниманія та быстрота, съ какою психическія состоянія слѣдуютъ одни за другими, вслѣдствіе чего послѣдовательная смѣна ихъ принимается за кажущуюся одновременность, а во 2-хъ, многія душевныя состоянія отъ частаго повторенія становятся *автоматическими*, и въ то время, какъ наше сознаніе занято однимъ какимъ-нибудь предметомъ, другія душевныя состоянія возникаютъ безъ всякаго обращенія на нихъ вниманія и сознанія. Такихъ, автоматически возникающихъ, душевныхъ состояній можемъ мы имѣть ежеминутно нѣсколько; но сознаніе не обращается, да и не можетъ обращаться, на всѣ эти состоянія одновременно,—это фактъ общеизвѣстный. Такъ, въ то время, когда наше сознаніе занято какою-нибудь мыслію, мы можемъ проходить по саду и видѣть деревья, людей, слышать ихъ

---

*) Фактъ узкости сознанія психологи объясняли различно. Такъ, Гербартъ думалъ объяснить фактъ узкости сознанія съ своей точки зрѣнія тѣмъ, что всякое представленіе, если оно достаточно сильно, по его мнѣнію, влечетъ за собою сознаніе; а если такъ, то въ извѣстный моментъ мы можемъ сознавать только одно это представленіе. Если же представленіе, стремясь быть сознаннымъ, сталкивается съ другимъ, болѣе сильнымъ представленіемъ, то, не будучи въ состояніи вытѣснить первое, обращается въ область безсознательнаго, сознательнымъ же становится только одно сильное представленіе. Если же представленіе, стремящееся быть сознаннымъ, сильнѣе того, которое находится въ сознаніи, то слабое представленіе оттѣсняется въ область безсознательнаго, а въ сознаніи находится опять одно только сильное представленіе. Вотъ почему, по мнѣнію Гербарта, въ сознаніи должно находиться всегда лишь одно представленіе. Понятно, что такое объясненіе факта узкости сознанія не удовлетворительно, потому что разобщаетъ представленія съ душею и упускаетъ изъ виду дѣятельное участіе души въ ихъ теченіи.

говоръ и т. п. Но всѣ эти явленія возникаютъ предъ нами уже какъ извѣстныя, поэтому мы и *не обращаемъ вниманія на то, что имѣемъ ихъ;* когда же наше вниманіе привлекается какимъ-нибудь, невиданнымъ нами дотолѣ, предметомъ, то сей часъ же прекращается прежняя работа сознанія и наше вниманіе всецѣло обращается на наблюденіе новаго предмета. Такимъ образомъ, фактъ узкости нашего сознанія не можетъ подлежать сомнѣнію: *въ каждый отдѣльный моментъ времени душа можетъ сознавать только одинъ психическій актъ въ его отношеніи къ другому акту.*

б) Вторымъ свойствомъ сознанія необходимо признать различную степень его *ясности* и *силы.* Если сознаніе основывается на различающей дѣятельности души, то оно должно имѣть различныя степени ясности и силы, смотря по тому, тщательно или небрежно совершается самый актъ различенія со стороны субъекта, а также — благопріятны или неблагопріятны условія для различенія со стороны объектовъ. Полная ясность сознанія будетъ въ такомъ случаѣ тогда, когда мы все свое вниманіе устремляемъ на возникающія душевныя состоянія и можемъ отличить послѣднія не только другъ отъ друга, но также отъ нашего Я и отъ внѣшняго міра. Понятно, что различающая дѣятельность не будетъ въ состояніи совершать своихъ отправленій, когда, съ одной стороны, воля не можетъ еще управлять вниманіемъ и самые органы познанія не достигли еще надлежащаго развитія, а съ другой— недостаточенъ объективный матеріалъ, необходимый для дѣятельности различенія. При такихъ условіяхъ въ области душевной жизни является полная безсознательность, какъ это бываетъ, напр. въ первое время по рожденіи младенца. Когда же органы познанія у дитяти начинаютъ развиваться, а притокъ объективныхъ впечатлѣній научаетъ душу, мало по малу, отличать одни ощущенія отъ другихъ, однѣ части тѣла отъ другихъ, когда душа начинаетъ не только ощущать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствовать, что ощущаетъ именно она и, подмѣчая, что одно ощущеніе дѣйствуетъ на нее иначе, чѣмъ другое, начинаетъ пріобрѣтать неясныя знанія объ опредѣленности вещей и обнаруживать себя въ различныхъ настроеніяхъ: тогда уже предполагается существованіе сознанія, но только какъ результата весьма слабой различающей дѣятельности, поэтому—сознанія смутнаго и слабаго. Когда же, благодаря чувственнымъ ощущеніямъ и особенно мускульному чувству, дитя научится отличать одни ощущенія отъ другихъ, когда оно научится относить свои ощущенія къ соотвѣтствующимъ внѣшнимъ предметамъ и, наконецъ, отличать ихъ отъ своего сознающаго Я, тогда и сознаніе его, переходя въ *самосознаніе,* достигаетъ постепенно въ своемъ развитіи до наивысшихъ степеней ясности и силы.

Но и тогда, когда душа достигнетъ полной власти надъ своимъ вниманіемъ и будетъ обладать развитою способностію различенія, сознаніе можетъ имѣть все-таки различныя степени ясности и силы, смотря по тому, благопріятныя или неблагопріятныя условія будутъ даны для дѣятельности различенія въ самыхъ наблюдаемыхъ предметахъ. Такъ, если впечатлѣнія бываютъ слишкомъ слабы, то они совсѣмъ не дойдутъ до души, но сольются съ другими впечатлѣніями въ одно общее ощущеніе; или, если впечатлѣнія будутъ слишкомъ сильны (ударъ, сильный звукъ), то, сильно потрясая и оглушая нервную систему, они не будутъ представлять условій, благопріятныхъ для своего различенія. Не будутъ также ясно сознаны и тѣ впечатлѣнія, которыя, быстро слѣдуя одно за другимъ, смѣшиваются между собою, не выступая и не выдѣляясь въ своей различимости (шумъ морскихъ волнъ, смѣшанный шумъ нѣсколькихъ голосовъ). Затѣмъ ясность и сила сознанія зависятъ еще отъ условій субъективныхъ. Обращая надлежащее вниманіе на возникающее состояніе и различая его какъ отъ другихъ состояній, такъ отъ внѣшняго міра и самой себя, душа вмѣстѣ съ этимъ сознаетъ возникающее состояніе самымъ яснымъ образомъ. Отсюда слѣдуетъ уже тотъ выводъ, что тѣ состоянія, которыя мы хотя и отличаемъ отъ насъ самихъ и отъ внѣшняго міра, но не отличаемъ другъ отъ друга, будутъ стоять на низшей степени сознательности. Таковы тѣ состоянія страстнаго возбужденія, въ которыхъ какой нибудь сильный аффектъ, охватившій душу, не представляетъ благопріятныхъ условій для различенія внутренняго соотношенія нашихъ дѣйствій. Затѣмъ, тѣ состоянія, которыя мы хотя и отличаемъ отъ насъ самихъ, но не отличаемъ другъ отъ друга и отъ внѣшняго міра, могутъ назваться полусознательными, каковы, напр. состоянія опьяненія и сумасшествія. Въ этихъ состояніяхъ многоразличныя душевныя явленія такъ затемняются и спутываются, что люди, находящіеся подъ вліяніемъ ихъ, могутъ сказать только, что съ ними что-то было, но что именно, этого они не сознаютъ. Къ таковымъ же полусознательнымъ состояніямъ должны быть отнесены всѣ факты разнообразныхъ сновидѣній, когда психическія состоянія могутъ различаться только между собою и отъ души, но когда теряется всякое представленіе о связи съ внѣшнимъ міромъ. Наконецъ, къ состоянію, болѣе или менѣе, полной безсознательности приближается душевная жизнь тогда, когда душа совершенно не можетъ отличать своихъ состояній не только отъ самой себя и внѣшняго міра, но и другъ отъ друга. Таково, напр. первоначальное возникновеніе психическихъ состояній. Сюда-же могутъ быть отнесены состоянія обморока и глубокаго сна безъ грезъ. Хотя въ это время едва-ли прекращается душевная дѣятельность, однако состоянія, переживаемыя душею, до

того бываютъ не ясны и сбивчивы, а наше вниманіе находится на такой низкой степени возбужденія, что душевная жизнь приближается къ состоянію полной безсознательности.

§ 14. Самосознаніе. — Сознаніе

Духъ человѣческій не только различаетъ возникающія въ немъ состоянія и въ каждомъ актѣ различенія удерживаетъ свое единство, но, по мѣрѣ развитія сознанія, направляетъ различающую дѣятельность и на само сознающее Я и такимъ образомъ достигаетъ до *самосознанія*. Психическія явленія, въ которыхъ обнаруживается самосознаніе, совершенно не могутъ быть объяснены изъ матеріальныхъ процессовъ, организма: въ нихъ во всей полнотѣ проявляется самосознающее *духовное* начало.

а) Наше Я, какъ единый носитель и средоточное начало (субъектъ) всей душевной жизни, обнаруживаетъ въ самосознаніи способность отвлекаться отъ всѣхъ переживаемыхъ имъ состояній, безъ уничтоженія представленія о себѣ, какъ сознательномъ существѣ,—и направлять свою различающую дѣятельность на само себя, относя къ себѣ, какъ *единому* началу, всякое отдѣльное явленіе, какъ свое дѣйствіе или состояніе. Но если изъ нервныхъ процессовъ не объяснимо единство сознанія, то тѣмъ болѣе не могутъ быть объяснены матеріалистически тѣ отличительныя особенности, которыми характеризуется самосознаніе. Несостоятельно также и то мнѣніе о происхожденіи самосознанія, по которому послѣднее является результатомъ сліянія всѣхъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній: во 1-хъ, всѣ отдѣльныя состоянія уже предполагаютъ самосознаніе, какъ свою основу, потому что если бы душа не отличала, хотя бы смутно, каждое изъ переживаемыхъ ею состояній отъ самой себя, то они не имѣли бы для нея и *предметнаго* характера. Во 2-хъ, сознаніе указываетъ на невозможность такого сліянія, такъ какъ никогда сознательныя состоянія не сливаются одни съ другими.

б) Самосознанію свойственно не только единство въ каждомъ актѣ различенія отъ Я отдѣльныхъ душевныхъ состояній, но еще сознаніе непрерывности или *тождества* нашего Я во все время его существованія. Всякій человѣкъ сознаетъ себя тождественнымъ какъ въ своей умственно-теоретической, такъ и практической жизни. Умственное развитіе и совершенствованіе, или неподвижность и застой—входятъ въ исторію жизни каждаго человѣка. Въ практическомъ же отношеніи въ каждомъ человѣкѣ есть невольное вмѣненіе себѣ совершонныхъ дѣйствій и это вмѣненіе есть необходимый спутникъ человѣческой жизни въ ея нормальномъ развитіи. Хотя бы случилось, что кто-нибудь, проводя

прежде худую жизнь, впослѣдствіи исправился и началъ совершать дѣйствія, совсѣмъ противоположныя прежнимъ; однако новый образъ дѣйствій не уничтожаетъ сознанія виновности, связаннаго съ содѣланными прежде поступками; если человѣкъ велъ нѣкогда худую жизнь, то онъ и сознаетъ себя за нее отвѣтственнымъ, хотя бы въ настоящее время совершенно измѣнился въ нравственномъ отношеніи. Эта непрерывность самосознанія была бы невозможна, если бы въ основаніи его не лежало начало, отличное отъ матеріальныхъ процессовъ организма. Въ человѣческомъ организмѣ происходитъ непрерывный обмѣнъ матеріи; наше же Я всегда сознаетъ себя однимъ и тѣмъ же. Нельзя для изъясненія самосознанія указывать и на прерывность формы организма: форма организма не остается совершенно неизмѣнною; при томъ же форма безъ матеріи есть пустая абстракція и, какъ такая, не можетъ быть признана основаніемъ непрерывности самосознанія.

§ 15. О способностяхъ души. — Facultés de l'âme

Духъ человѣческій есть сила, по своей организаціи предназначенная къ разнообразной дѣятельности. Но, не смотря на разнообразіе, всѣ явленія духовной жизни могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ группамъ, различающимся между собою по своимъ особенностямъ. Для объясненія различныхъ видовъ душевной жизнедѣятельности необходимо признать задатки, коренящіеся въ самой природѣ души и составляющіе основу ея опредѣленной организаціи. Въ силу этихъ задатковъ душа съ самаго начала обнаруживаетъ цѣлесообразные *способы* дѣятельности, вслѣдствіе чего и самые задатки къ опредѣленной жизнедѣятельности называются, обыкновенно, *способностями души*. Если бы душа въ прирожденныхъ ей способностяхъ не имѣла опредѣленной организаціи, то никакія возбужденія извнѣ не вызвали бы столь разнообразной дѣятельности, которую проявляетъ душа человѣческая.

Долгое время душевныя способности признавались силами, производящими всѣ явленія душевной жизни. Такой взглядъ на способности души былъ чрезвычайно распространенъ и имъ пользовались какъ средствомъ для объясненія душевныхъ явленій. Признавая душевныя способности силами, думали происхожденіе психическихъ явленій объяснить точно также, какъ происхожденіе физическихъ явленій объясняется при помощи соотвѣтствующихъ физическихъ силъ. Но такой взглядъ на душевныя способности не можетъ быть признанъ вѣрнымъ, прежде всего, потому, что если мы признаемъ существованіе въ душѣ самостоятельныхъ силъ, то намъ станетъ непонятно ихъ отношеніе къ душѣ. Сама душа въ такомъ случаѣ уже не можетъ быть причиною, производящею свои явленія, а должна быть только зрительницею того, что

производятъ въ ней силы; слѣдовательно, душа, по своей природѣ, должна быть отличною отъ дѣйствующихъ въ ней силъ, а въ такомъ случаѣ существованіе ея, на ряду съ дѣйствующими въ ней силами, является совершенно излишнимъ. Если же признать, что силы составляютъ самую природу души, то въ такомъ случаѣ множество отличныхъ одна отъ другой силъ должно стать въ противорѣчіе съ единствомъ и простотою души. При томъ же существованіе душевныхъ силъ должно быть признано безполезнымъ и для научнаго объясненія явленій душевной жизни. При помощи силъ старались объяснить происхожденіе душевныхъ явленій; думали, напр., что представленія производятся силою представляющею, чувствованія—силою чувствующею и т. п. Но само собою понятно, что подобное объясненіе душевной жизни есть, въ сущности, простая, ничего не объясняющая, тавтологія.

Но если вмѣсто силъ въ душѣ существуютъ только способности, то какъ относятся послѣднія къ единой и простой природѣ души? Душевныя способности не дѣлятъ между собою природу души и не имѣютъ сходства съ корнями, которые, произрастая каждый самъ по себѣ, сходились бы для разнообразныхъ взаимодѣйствій только своими послѣдними развѣтвленіями. Душевныя способности суть опредѣленныя расположенія, дарованія или задатки душевной природы, обнаруживающіяся въ соотвѣтствующихъ влеченіяхъ. Каждое влеченіе, служа выраженіемъ своеобразной душевной организаціи, сопровождается новымъ влеченіемъ, являясь такимъ образомъ основаніемъ и поводомъ къ постепенному обнаруженію того, къ чему духъ человѣческій является способнымъ по своей организаціи. Но природныя дарованія, различаясь одно отъ другаго своими особенностями, составляютъ, однакожь, нѣчто единое и нераздѣльное въ существѣ души, и душа человѣческая не такъ вступаетъ въ свою дѣятельность, чтобъ одна изъ ея способностей пробуждалась въ то время, какъ другія еще остаются въ бездѣятельности; напротивъ, въ обнаруженіи каждой способности душа участвуетъ вся, придавая своей природѣ только одностороннее выраженіе. Слѣдовательно, способности не только не противорѣчатъ простотѣ души, но еще служатъ ея подтвержденіемъ, объясняя при этомъ ту разнообразную психическую жизнедѣятельность, которая проявляется съ полною цѣлесообразностію съ самыхъ первыхъ моментовъ развитія души человѣческой. Научное объясненіе возникновенія и развитія душевной жизни, дѣйствительно, возможно только при признаніи душевныхъ способностей потому, что способности, указывая на природную организацію души, тѣмъ самымъ не только не исключаютъ, а, напротивъ, требуютъ *генетическаго* объясненія психическихъ процессовъ, во взаимоотношеніи послѣднихъ съ внутренними и внѣшними условіями.

Тѣ способности, которыя первоначально существуютъ въ душѣ человѣческой, какъ задатки къ опредѣленнымъ, цѣлесообразнымъ способамъ ея дѣятельности, при наступленіи соотвѣтствующихъ условій начинаютъ дѣйствительно развиваться, сначала безсознательно и невольно, а затѣмъ, по мѣрѣ постиженія душею внѣшняго міра и достиженія господства надъ собственнымъ тѣломъ, съ постепенно возрастающею сознательностію и свободою. Отсюда уже сами собой опредѣляются и тѣ основныя способности, въ которыхъ обнаруживается природа души. При наступленіи извѣстныхъ условій душа или постигаетъ разнообразное содержаніе явленій міра внѣшняго и внутренняго, чувственнаго и сверхчувственнаго, обнаруживая цѣлесообразные способы *умственно-познавательной* дѣятельности,—или стремится внести во внѣшній міръ и въ свою собственную природу различныя измѣненія, обнаруживаясь какъ цѣлесообразно дѣйствующая *воля*. При всѣхъ обнаруженіяхъ своей умственно-теоретической и практической жизнедѣятельности душа оцѣниваетъ переживаемыя ею состоянія, насколько въ послѣднихъ выражается задержка и сносимѣшествованіе ея бытію, проявляя при этомъ *сердце*, или *способность* испытывать пріятныя или непріятныя *чувствованія*. Такимъ образомъ, въ природѣ души уже съ самаго начала ея развитія дана возможность цѣлесообразно дѣйствовать въ направленіи трехъ основныхъ способностей: ума, воли и сердца. Каждая изъ этихъ основныхъ способностей обнаруживается въ извѣстной совокупности частныхъ формъ душевной дѣятельности, составляющихъ результатъ естественнаго развитія основной способности во взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ.

ГЛАВА II.

ОБЪ ОЩУЩЕНІЯХЪ.

§ 16. Понятіе объ ощущеніи.

Самый первоначальный и простой актъ сознанія, съ котораго начинается развитіе познавательной дѣятельности души, есть *ощущеніе*. Ощущеніемъ называется сознательное воззрѣніе души на внѣшнюю или внутреннюю причину, произведшую возбужденіе къ нервной системѣ. Хотя ощущеніе происходитъ въ душѣ, однако условія, служащія поводомъ къ его возникновенію, существуютъ въ нервной системѣ и во внѣшнемъ мірѣ.

§ 17. Происхожденіе ощущеній.

Въ ощущеніи нужно различать, прежде всего, сторону физіологическую, которую составляютъ слѣдующіе моменты: во 1-хъ, *впечатлѣніе* на периферическіе нервы отъ предметовъ, существующихъ внѣ организма, или отъ перемѣнъ, происходящихъ въ самомъ организмѣ. Второй физіологическій моментъ состоитъ въ возбужденіи или *раздраженіи* периферическаго нерва впечатлѣніемъ. Третій моментъ состоитъ въ *перенесеніи возбужденія* нервныхъ волоконъ на *центральныя* части нервной системы, при чемъ слабыя раздраженія или совсѣмъ не доходятъ до головнаго мозга, или доходятъ въ измѣненномъ видѣ, сливаясь съ возбужденіями другихъ нервныхъ волоконъ.

Но ощущеніе есть актъ не физіологическій, а психическій, являющійся результатомъ душевной дѣятельности, которая состоитъ изъ слѣдующихъ моментовъ: во 1-хъ, изъ *возбужденія души* раздраженіемъ головнаго мозга; во 2-хъ, изъ *процесса*, происходящаго *въ душѣ*, вслѣдъ за воспріятіемъ и, наконецъ, въ 3-хъ изъ *воззрѣнія*, или состоянія души, содержащаго свѣдѣніе о причинѣ, послужившей поводомъ къ происхожденію ощущенія.

Въ ощущеніи необходимо различать именно двѣ стороны, такъ какъ физіологическая сторона не есть психическая, и всѣ попытки объяснить происхожденіе ощущенія физіологически, только изъ дѣятельности нервовъ, оказываются совершенно несостоятельными, что признается даже самими физіологами (напр. Вундтомъ*). Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ изслѣдованіе того отношенія, въ которомъ находятся нервные процессы къ ощущенію. По изслѣдованіямъ Дю-Буа Реймонда во всѣхъ частяхъ нервной системы проходятъ электрическіе токи. По изслѣдованіямъ же профессора Фика „всѣ измѣненія въ нервахъ, предшествующія ощущенію, сводятся къ молекулярнымъ движеніямъ электродвигательныхъ частицъ“. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что „возбужденіе нервовъ, какую бы форму оно ни имѣло, постоянно однородно во всѣхъ нервныхъ элементахъ; отсюда исчезаетъ всякая надежда объяснить происхожденіе до безконечности разнообразныхъ ощущеній, когда знаешь, что движенія, непосредственно лежащія въ основѣ, напр. ощущеній звука и свѣта, въ сущности однородны и отличаются только тѣмъ, что являются въ различныхъ областяхъ центральнаго нервнаго органа. Не удивительно, замѣчаетъ по этому поводу Ульрици, что сами физіологи, какъ напр. Людвигъ, вопреки своимъ матеріалистическимъ симпатіямъ, не только допускаютъ невозможность физіологическаго объясненія ощущенія, но даже не прочь признать его за продуктъ, *совершенно независимый отъ раздраженія* нервовъ. Извѣстно, что въ нормальномъ состояніи влечетъ за собою ощущеніе не каждый возбужденный нервъ, а только ограниченное число ихъ; кромѣ того, извѣстно, что можетъ существовать совмѣстное однородное возбужденіе чувствовательныхъ и двигательныхъ нервовъ

*) См. его соч. „душа человѣка и животныхъ“, т. 1, гл. 2; также: „основанія физіологической психологіи“, перев. Кандинскаго, стр. 999—1000.

безъ всякаго ощущенія, слѣдовательно, физіологическое дѣйствіе нервовъ головнаго и вмѣстѣ спиннаго мозга не можетъ быть единственнымъ условіемъ ощущенія. Поэтому Людвигъ признаетъ необходимымъ допустить, что къ нервнымъ процессамъ, возникающимъ въ головномъ мозгу, должно *„прибавиться еще нѣчто, чтобы образовать ощущеніе“*. Такимъ образомъ, по сознанію физіолога, въ ощущеніи мы познаемъ не нервные процессы, происходящіе въ мозгу, а нѣчто совершенно отъ нихъ отличное,—познаемъ совершенно *нематеріальные образы* предметовъ, находящихся по отношенію къ намъ въ извѣстныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ. Но эти, всегда сопровождающія нервное раздраженіе, добавленія *совершенно не могутъ быть поняты, если допустить, что они происходятъ отъ нервнаго возбужденія.* Если прибавить къ сказанному то, что одни и тѣже возбужденія нервовъ въ людяхъ различнаго развитія пробуждаютъ ощущенія различныхъ свойствъ, и даже, что человѣкъ во снѣ, опьяненіи, въ душевныхъ болѣзняхъ и т. п. состояніяхъ, доходитъ безъ соотвѣтственныхъ возбужденій въ нервахъ до самыхъ живыхъ ощущеній (видѣній, галлюцинацій и т. п.), то могло бы почти казаться, что ощущеніе есть *нѣчто, настолько не зависящее отъ нервныхъ* процессовъ, насколько для происхожденія его вовсе не нужно нервнаго возбужденія; нервы же даютъ только одинъ изъ возможныхъ поводовъ къ ощущенію, словомъ — только возбуждаютъ его. Такимъ образомъ, по сознанію самихъ представителей физіологіи нѣтъ никакой возможности объяснить происхожденіе ощущенія изъ одного возбужденія нервовъ потому, что къ этому возбужденію, выражаясь словами Людвига, *должно еще прибавиться нѣчто, чтобы образовалось ощущеніе.* Это-то „нѣчто“ и есть дѣятельность души, въ которой безсознательно, по предустановленнымъ для нея законамъ, по поводу возбужденія однообразной нервной матеріи, возникаютъ самыя разнообразныя ощущенія.

§ 18. Отношеніе между нервнымъ раздраженіемъ и ощущеніемъ.

Отношеніе между нервнымъ раздраженіемъ и ощущеніемъ, извѣстное подъ именемъ закона Вебера и Фехнера, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Отъ силы нервнаго раздраженія зависитъ сила ощущенія. Но не всякое раздраженіе способно вызывать въ душѣ сознанное ощущеніе. Въ этомъ отношеніи для раздраженія существуютъ границы. Если раздраженіе будетъ ниже или выше этихъ границъ, то оно не будетъ сознано. Тѣ крайнія степени, выше или ниже которыхъ раздраженіе не возбуждаетъ въ душѣ сознательныхъ воззрѣній, могутъ быть названы степенями minimum'а и maximum'а раздраженія. Minimum и maximum для различныхъ органовъ чувствъ не одинаковы,—могутъ быть и большими и меньшими.

2) Если душа уже имѣетъ ощущеніе, то съ новымъ увеличеніемъ раздраженія еще болѣе усилится и ощущеніе. Однако и въ этомъ случаѣ величина раздраженія не можетъ быть одинакова для всѣхъ органовъ чувствъ. По отношенію, напр. къ свѣтовымъ ощущеніямъ достаточно прибавить только $^1/_{100}$ часть, чтобы это увеличеніе раздраженія

было сознано. По отношенію же къ звуковымъ ощущеніямъ необходимо увеличить раздраженіе на $^1/_3$ часть и только въ такомъ случаѣ это увеличеніе раздраженія будетъ сознано. Кромѣ того, прибавка раздраженія можетъ быть большею или меньшею, смотря по силѣ уже существующаго ощущенія: чѣмъ сильнѣе ощущеніе, тѣмъ большая необходима прибавка раздраженія, чтобы примѣтно возвысить ощущеніе, и на оборотъ: если слабо существующее ощущеніе, то и не большая прибавка будетъ сознана.

При изслѣдованіи отношенія между нервнымъ раздраженіемъ и ощущеніемъ нужно различать два психологическихъ акта: ощущеніе и сознаніе этого ощущенія. Когда требуется, чтобы раздраженіе было ни выше, ни ниже опредѣленныхъ границъ, то это необходимо для сознанія ощущенія, потому что сознать душа въ состояніи только то, что можетъ различать, но ни слишкомъ сильныхъ, ни слишкомъ слабыхъ раздраженій душа различать не можетъ, поэтому и сознаніе ихъ невозможно. Для ощущенія же въ собственномъ смыслѣ нервное раздраженіе можетъ и не имѣть опредѣленныхъ границъ, потому что какъ бы ни было сильно или слабо раздраженіе, ощущеніе, въ смыслѣ возбужденія души, всегда происходитъ *). Такъ напр. шумъ, производимый пчелинымъ роемъ, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ звуковъ или шумовъ. Эти отдѣльные шумы сами по себѣ слишкомъ слабы, чтобы быть замѣченными (лежатъ за границами, необходимыми для сознанія раздраженія), однако они должны же дѣйствовать не на одни только нервы, но и на душу, такъ какъ иначе они не могли бы дѣйствовать на нее и всѣ въ совокупности. При этомъ очень много бываетъ такихъ раздраженій, которыя при благопріятныхъ условіяхъ сознаются, а при не благопріятныхъ—не сознаются. Напр. стукъ часовъ бываетъ особенно замѣтенъ только ночью, днемъ же мы, по большей части, не сознаемъ его, хотя и днемъ этотъ стукъ точно также долженъ возбуждать наше ухо, какъ и ночью. Наконецъ, отношеніе между раздраженіемъ и сознаніемъ ощущенія измѣняется отъ состоянія души. Упражненіе и привычка много способствуютъ тому, что одинъ замѣчаетъ гораздо слабѣйшее раздраженіе, которое для другаго проходитъ совершенно не замѣченнымъ. Дикарь, напр. узнаетъ слѣдъ непріятеля по травѣ, слышитъ его шумъ издалека. Эта острота чувствъ имѣетъ свое основаніе только въ томъ, что душа усиливаетъ не физіологическую сторону ощущеній, а свою способность къ замѣчанію и различенію. Такимъ образомъ, сознанное ощущеніе является совершенно новымъ фактомъ,

*) Исключая слишкомъ слабыхъ раздраженій нервной системы, которыя совсѣмъ не доходятъ до души, сливаясь съ раздраженіями другихъ нервовъ.

отличнымъ отъ тѣхъ возбужденій души нервными процессами, которыя очень часто остаются безъ всякаго сознанія.

§ 19. Свойства ощущеній.

Въ ощущеніи различаются слѣдующія свойства: *содержаніе, сила и тонъ.*

Содержаніемъ называется качественная опредѣленность ощущенія, соотвѣтствующая природѣ нервнаго раздраженія. Вслѣдствіе особенностей, съ которыми нервы различныхъ органовъ чувствъ отвѣчаютъ на внѣшнія раздраженія, возникаютъ въ душѣ ощущенія *различныя* по содержанію; а вслѣдствіе различныхъ раздраженій въ области одного и того же чувственнаго органа возникаютъ въ душѣ ощущенія *противоположныя* по содержанію. Цвѣтъ и звукъ, вкусъ и запахъ даютъ ощущенія различныя, а отдѣльные тоны, отдѣльные цвѣта между собою даютъ ощущенія противоположныя.

Силою называется количественная опредѣленность ощущенія, соотвѣтствующая величинѣ нервнаго раздраженія. Не измѣняясь въ своемъ качествѣ, ощущеніе проходитъ множество степеней количественныхъ измѣненій, которыя соотвѣтствуютъ только увеличенію раздраженія, не измѣненнаго по своей природѣ. По мѣрѣ увеличивающагося раздраженія, ощущенія одного и того же класса распредѣляются въ ряды непрерывно возрастающей силы, какъ то бываетъ въ ощущеніяхъ тяжести, температуры, свѣта и звуковъ.

Подъ тономъ ощущенія разумѣется пріятность или непріятность его, благодаря которой мы узнаемъ о согласіи или противорѣчіи между ощущеніемъ и условіями нашей жизни. Ощущеніе бываетъ пріятно или непріятно, смотря по тому, споспѣшествуетъ ли оно благосостоянію нашей жизни, или задерживаетъ его.

§ 20. Раздѣленіе ощущеній.

Ощущенія раздѣляются на два главныхъ рода, смотря по устройству чувствовательныхъ нервовъ, въ особенности по способу ихъ распространенія и периферическаго окончанія и, наконецъ, по особенностямъ предметовъ, къ которымъ относится содержаніе ощущеній.

Одни изъ нервовъ не имѣютъ спеціально приспособленнаго аппарата, въ которомъ они оканчивались бы для воспріятія впечатлѣній, но тонкими развѣтвленіями распространяются по окружности тѣла и почти всѣ сосредоточиваются въ спинномъ мозгу. Эти нервы называются *ощущающими.* Они служатъ посредниками общей чувствительности

нашего тѣла и, производя то, что мы отличаемъ его отъ другихъ тѣлъ, приводятъ къ сознанію только наши собственныя тѣлесныя состоянія, хотя бы ощущенія возбуждены были вліяніями внѣшнихъ вещей (какъ то бываетъ при боли отъ удара и при различныхъ климатическихъ и атмосферныхъ дѣйствіяхъ на тѣло).

Содержаніе ощущеній, возбуждаемыхъ въ душѣ различными перемѣнами и состояніями нашего тѣла, отличается большою *темнотою*, такъ какъ въ этихъ ощущеніяхъ, вслѣдствіе равномѣрнаго распространенія раздраженія по всѣмъ областямъ чувствующей поверхности тѣла, равно какъ вслѣдствіе внутренняго взаимодѣйствія органическихъ процессовъ, происходитъ сліяніе многихъ одновременныхъ впечатлѣній въ одно, болѣе или менѣе, темное общее ощущеніе. Притомъ же эти ощущенія сопровождаются такимъ сильнымъ тономъ, который затемняетъ самое ихъ содержаніе. Такъ какъ органомъ этихъ ощущеній служитъ все тѣло, то они и называются ощущеніями *общей чувствительности*.

§ 21. Ощущенія общей чувствительности.

Одни изъ ощущеній общей чувствительности возникаютъ въ душѣ вслѣдствіе раздраженія нервовъ органическими процессами тѣла, а другія—вслѣдствіе процессовъ, происходящихъ въ мускулахъ. Поэтому и самыя ощущенія, вызываемыя раздраженіями внутреннихъ органовъ, называются *органическими*, а вызываемыя чрезъ раздраженіе мускуловъ—*мускульными*.

а) Ощущенія органическія свидѣтельствуютъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ въ органахъ, управляющихъ физіологическими отправленіями нашего тѣла въ здоровомъ и больномъ его состояніи. Таковы, напр. ощущенія, которыми сопровождаются нормальныя и болѣзненныя отправленія: нервной системы (нервное истощеніе и нервныя страданія), дыханія (ощущенія, сопровождающія удушье, кашель), кровообращенія (въ особенности при болѣзненныхъ состояніяхъ сердца), пищеваренія (ощущенія голода и жажды, сытости, тошноты) и т. д.

б) Самыя важныя изъ ощущеній общей чувствительности — это ощущенія мускульныя, для которыхъ англійскіе психологи признаютъ даже шестое чувство—мускульное. Орудіемъ мускульнаго чувства служатъ мускулы и входящіе въ мускулы нервы. Мускулами или мышцами называются пучки мяса, облегающіе кости, а иногда—кожу, и составляющіе въ общей совокупности какъ бы одну массу. Посредствомъ мускульнаго чувства мы узнаемъ, какой сокращается мускулъ и въ какой степени. При этомъ необходимо замѣтить, что одни мускулы

подчиняются волѣ (такъ называемые рубчатые), вслѣдствіе чего называются произвольными. Другіе же мускулы (гладкіе) облегаютъ внутренніе органы, надъ которыми воля не имѣетъ никакой власти. Мускульныя ощущенія, происходящія вслѣдствіе сокращенія произвольныхъ мускуловъ, сопровождаютъ большую часть ощущеній органовъ внѣшнихъ чувствъ (напр. приспособленіе глаза при зрѣніи) и такимъ образомъ имѣютъ весьма важное значеніе при образованіи воззрѣній, относящихся къ чувственному міру. Въ мускульномъ чувствѣ обладаемъ мы самою точною мѣрою движенія, измѣряемъ тяжесть тѣлъ и опредѣляемъ степень напряженія силы при выполненіи тѣлесныхъ движеній. Правильно развитое мускульное чувство служитъ причиною того, что многія тѣлесныя движенія (ручныя работы, гимнастическія упражненія, танцы, игра на музыкальныхъ инструментахъ) выполняются нами легко и свободно. Наконецъ, мускульному чувству обязаны мы сохраненіемъ равновѣсія при хожденіи и другихъ тѣлесныхъ движеніяхъ. Отъ ощущеній, возникающихъ вслѣдствіе возбужденія мускуловъ волею, нужно отличать мускульныя ощущенія непроизвольныя, свидѣтельствующія объ органическомъ состояніи мускуловъ. Таковы ощущенія страданія (отъ порѣза, ушиба) мускуловъ, утомленія, отдохновенія и покоя мускуловъ.

§ 22. Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ отличаются отъ ощущеній общей чувствительности особеннымъ расположеніемъ нервовъ и устройствомъ органовъ чувствъ. Нервы, посредствующіе эти ощущенія, переходятъ своими периферическими концами въ особенные аппараты, предназначенные для принятія специфическихъ раздраженій и, распространяясь по короткой окружности, всѣ оканчиваются въ головномъ мозгу. Поэтому каждый органъ чувствъ, по своему устройству, предназначенъ къ принятію впечатлѣній только опредѣленнаго характера. Изолированное же положеніе чувствовательныхъ нервовъ, равно какъ независимость одного раздраженія отъ другаго, которой благопріятствуетъ самое строеніе чувствовательныхъ нервовъ, дѣлаютъ возможнымъ различеніе одного ощущенія отъ другаго. Тогда какъ ощущенія общей чувствительности являются въ нашемъ сознаніи съ самымъ общимъ содержаніемъ, ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ отличаются содержаніемъ самымъ обширнымъ и многостороннимъ. Вслѣдствіе этого, ощущенія общей чувствительности имѣютъ, главнымъ образомъ, значеніе для нашей тѣлесной жизни, а ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ—для жизни духовной. Но и изъ ощущеній органовъ внѣшнихъ чувствъ не всѣ

чувства имѣютъ одинаковое значеніе для нашей духовной жизни, а только зрѣніе, слухъ и, отчасти, осязаніе, тогда какъ вкусъ и обоняніе служатъ цѣлямъ животной жизни. Зрѣніе и слухъ считаются, поэтому, высшими чувствами, а вкусъ и обоняніе низшими. Осязаніе же занимаетъ средину между чувствами высшими и низшими.

§ 23. Ощущенія зрѣнія.

По своему анатомическому строенію глазъ состоитъ изъ яблока, окруженнаго непрозрачною, плотною *бѣлковою оболочкою*, составляющею для глаза достаточную защиту противъ внѣшнихъ вліяній. Эта оболочка на своемъ переднемъ краю прямо переходитъ въ *роговую оболочку*, также образующую покровъ глаза, только уже прозрачный, чрезъ который проникаетъ свѣтъ. Квнутри отъ бѣлковой оболочки слѣдуетъ, совершенно окрашенная въ черный цвѣтъ, *сосудистая оболочка*, называемая такъ потому, что содержитъ большое количество кровеносныхъ сосудовъ. Черный цвѣтъ этой оболочки зависитъ отъ большаго количества черныхъ пигментныхъ клѣтокъ, выстилающихъ ея внутреннюю поверхность. Сосудистая оболочка непосредственно связана съ *радужной оболочкой*, въ срединѣ которой находится темное отверстіе — *зрачекъ*. Радужная оболочка, также какъ и сосудистая, содержитъ черный пигментъ и, смотря по количеству его, имѣетъ свѣтлую или темную окраску. Чѣмъ сильнѣе пигментировка, тѣмъ темнѣе кажется глазъ; такимъ образомъ происходятъ различные оттѣнки, замѣчаемые въ глазахъ, начиная отъ темно-каряго до свѣтло-голубаго и сѣраго. Квнутри отъ сосудистой оболочки лежитъ оболочка, называемая *сѣтчаткой* (ретиной). Свѣтовые лучи, прежде чѣмъ достигаютъ сѣтчатки, проходятъ слѣдующія прозрачныя среды: а) *хрусталикъ*, способный въ высшей степени преломлять лучи свѣта; б) пространство между роговой оболочкой, радужной оболочкой и хрусталикомъ, наполненное *водянистою влагою*; в) шарообразную полость между хрусталикомъ и сѣтчаткой, наполненную *стекловиднымъ тѣломъ*—прозрачной студенистой массой, окруженной стекловидной оболочкой.—Изъ всѣхъ частей глаза самая важная въ физіологическомъ отношеніи—сѣтчатка, такъ какъ на ней получается изображеніе видимаго предмета. Сѣтчатка образуется изъ нѣсколькихъ слоевъ; самый внутренній изъ нихъ, ближайшій къ поверхности стекловиднаго тѣла, состоитъ изъ нервныхъ волоконъ, на которыя развѣтвляется вступающій въ глазъ зрительный нервъ. Только одно мѣсто на сѣтчаткѣ, именно соотвѣтствующее ея центру и названное вслѣдствіе своей желтой окраски *желтымъ пятномъ*, вовсе не содержитъ нервныхъ волоконъ, которыя только огибаютъ это пятно со всѣхъ сторонъ. Желтое пятно—мѣсто самаго яснаго видѣнія. Наружный слой сѣтчатки состоитъ, большею частію, изъ прозрачныхъ *палочекъ*, расположенныхъ плотно одна возлѣ другой и стоящихъ перпендикулярно къ поверхности сѣтчатки. Мѣстами въ немъ встрѣчаются еще элементы, нижняя часть которыхъ болѣе широка, чѣмъ верхняя; эти элементы называются *колбочками*. Изъ такихъ колбочекъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу, исключительно состоитъ центральная часть желтаго пятна. То мѣсто, гдѣ зрительный нервъ вступаетъ въ глазъ, совершенно нечувствительно къ лучамъ свѣта и потому называется *слѣпымъ пятномъ*. Общее дѣйствіе всѣхъ преломляющихъ средъ глаза (особенно наружной поверхности роговой оболочки и хрусталика) совершенно сходно съ дѣйствіемъ одного двояко-выпуклаго стекла; поэтому со стороны анатомическаго строенія своего глазъ имѣетъ сходство съ камерой—обскурой, только глазъ во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣе камеры—обскуры.

БИБЛ. ПУ... ЛЕНИНА С.С.С.Р.

Глазъ можетъ быть раздражаемъ не только свѣтомъ, но и электрическимъ токомъ, давленіемъ или ударомъ; однако на всѣ эти раздраженія онъ отвѣчаетъ только свѣтовыми ощущеніями, которыя бываютъ трехъ родовъ: ощущенія свѣта, цвѣтовъ и блеска. Внѣшнею причиною свѣтовыхъ ощущеній служитъ эфиръ—матерія чрезвычайно тонкая, невѣсомая и очень упругая. Свѣтящіяся тѣла (напр. солнце) приводятъ окружающія ихъ эфирныя частицы въ движеніе, которое и распространяется отъ одной частицы къ другой на подобіе волнъ. Эти-то волны, дѣйствуя на зрительные нервы, вызываютъ въ душѣ ощущеніе свѣта.

Кромѣ свѣта глазъ испытываетъ еще цвѣтовыя ощущенія. Уже лучъ свѣта даетъ ощущеніе бѣлаго свѣта. Но бѣлый цвѣтъ не есть простой. Если лучъ бѣлаго цвѣта пропустимъ чрезъ призму, то онъ разложится на семь различныхъ цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синій, голубой и фіолетовый. Ощущеніе отсутствія всякихъ свѣтовыхъ ощущеній называется чернымъ цвѣтомъ. Семь перечисленныхъ цвѣтовъ раздѣляются на основные и второстепенные. Физика основными цвѣтами признаетъ: красный, зеленый и фіолетовый, потому что изъ нихъ можно составить лучъ бѣлаго цвѣта. Живописцы же признаютъ основными цвѣтами: красный, желтый и синій, потому что изъ нихъ составляютъ всѣ остальные цвѣта.

Третье зрительное ощущеніе есть ощущеніе блеска. Самымъ яснымъ ощущеніемъ блеска можетъ служить искра въ темнотѣ. Ощущеніе блеска испытываемъ также отъ шелковыхъ матерій, полированнаго дерева и т. п. Въ человѣческомъ организмѣ кожа даетъ ощущеніе блеска и цвѣта, въ особенности же поразительное сочетаніе цвѣта и блеска представляетъ человѣческій глазъ.

§ 24. Значеніе ощущеній зрѣнія для душевнаго образованія.

Между тѣми элементами, изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь, зрительныя ощущенія занимаютъ весьма важное мѣсто. Зрѣніе почти всегда заключаетъ въ себѣ черту произвольности (активности), такъ какъ предметы очень рѣдко падаютъ сами на покоющееся поле нашего зрѣнія, по большей же части мы намѣренно ихъ отыскиваемъ. Съ легко возбудимыми движеніями глаза соединяется, затѣмъ, образованіе самыхъ ясныхъ и раздѣльныхъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ существованіе предметовъ другъ возлѣ друга сообщаетъ воспріятіямъ зрѣнія, свойственную имъ только, ясность и силу различенія. Вслѣдствіе ясности и раздѣльности, а также вслѣдствіе незначительнаго

тона, чувство зрѣнія, вмѣстѣ съ чувствомъ осязанія, и даже преимущественно предъ нимъ, имѣетъ важное значеніе для познанія внѣшняго міра, въ особенности послѣ того, какъ область его расширена телескопомъ и микроскопомъ. Поэтому и естествоиспытатели исключительно пользуются чувствомъ зрѣнія, вмѣсто того, чтобы держаться свидѣтельства всѣхъ другихъ чувствъ: теплота, напр. которая извѣстна намъ чрезъ непосредственное ощущеніе, измѣряется термометромъ; вѣсъ измѣряется не мускульнымъ ощущеніемъ или ощущеніемъ давленія, но вѣсами и т. п. Чувство зрѣнія, такимъ образомъ, является общимъ знаменателемъ, къ которому мы стараемся подвести все, что только узнаемъ при помощи другихъ чувствъ: нормально развитой человѣкъ представляетъ другихъ людей преимущественно со стороны ихъ внѣшней фигуры; сонный и грезящій вращаются также преимущественно въ области зрительныхъ образовъ; синонимомъ внѣшняго міра всегда признавался видимый міръ. Особенная ясность воспріятій зрѣнія служитъ причиною того, что мы совершенство и несовершенство другихъ душевныхъ состояній измѣряемъ чертами, заимствованными изъ области зрѣнія (напр. высокое чувство, низкій характеръ). Вслѣдствіе своей ясности и отчетливости, зрительныя ощущенія помнятся долго и воспроизводятся легче, чѣмъ ощущенія другихъ органовъ (напр. слуха). Наконецъ, весьма важнымъ качествомъ зрѣнія нужно признать то, что это чувство способно къ развитію, вслѣдствіе чего зрѣніе, по справедливости, считается благороднымъ чувствомъ человѣка.

Кромѣ важнаго значенія для умственной жизни, чувство зрѣнія имѣетъ такое же значеніе и для удовлетворенія эстетическихъ потребностей человѣка. Человѣкъ любитъ наслаждаться свѣтомъ, такъ что все невидимое тождественно для насъ съ чѣмъ то таинственнымъ, страшнымъ; темнота для насъ также невыносима, какъ беззвучная тишина. Кромѣ того, гармоническое соединеніе свѣта и тѣней, цвѣтовъ и красокъ служитъ неизсякаемымъ источникомъ художественнаго наслажденія. Наконецъ, глазъ, въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ, даетъ возможность человѣку быть творцомъ различныхъ пластическихъ искусствъ (живописи и ваянія и т. п.).

Вотъ почему лишеніе чувства зрѣнія сопровождается важными недостатками въ духовной жизни. Слѣпые, прежде всего, отличаются пассивностію и склонностію къ смутнымъ, темнымъ представленіямъ. Въ особенности представленія о внѣшнемъ мірѣ у нихъ образуются медленнѣе, а возникши, не могутъ достигнуть такой ясности и отчетливости, какой они достигаютъ у людей, пользующихся чувствомъ зрѣнія. Затѣмъ, созерцаніе красотъ природы можетъ, какъ извѣстно, возбуждать и воспитывать религіозное и эстетическое чувство, слѣпые же

лишены и этого средства для своего образованія. Наконецъ, для слѣпаго недоступна большая часть, такъ называемыхъ, пластическихъ искусствъ, что опять таки отражается печальнымъ образомъ на его развитіи.

§ 25. Ощущенія слуха.

Наружная часть органа слуха, имѣющая сходство съ слуховою трубой, состоитъ изъ *ушной раковины* и наружнаго *слуховаго прохода*, оканчивающагося кнутри *барабанной перепонкой*. Эта послѣдняя приводится въ колебаніе волнами воздуха, ударяющими о натянутую перепонку, которая заставляетъ дрожать *слуховыя косточки*, передающія это колебаніе дальше. Для приспособленія барабанной перепонки къ воспринятію разнообразныхъ звуковъ существуютъ въ ухѣ двѣ маленькихъ *мышцы*, прикрѣпленныя къ слуховымъ косточкамъ: чѣмъ сильнѣе сокращеніе этихъ мышцъ, тѣмъ сильнѣе натягивается барабанная перепонка, вслѣдствіе чего мы яснѣе слышимъ высокіе ноты и слабѣе—низкіе. Собственно физіологическій процессъ, являющійся необходимымъ условіемъ слуховаго ощущенія, начинается тамъ, гдѣ слуховой нервъ распространяется въ *лабиринтъ;* до этого-же пункта весь процессъ состоитъ въ проведеніи чрезъ слуховой проходъ, барабанную перепонку и слуховыя косточки воздушныхъ волнъ къ лабиринту. Лабиринтъ—самая сложная по своему строенію часть слуховаго органа. По обѣ стороны его лежатъ извилистыя образованія: съ одной стороны—*улитка*, съ другой—*полукружные каналы*. Наружный покровъ лабиринта состоитъ изъ кости; равнымъ образомъ и все вообще внутреннее ухо заключено въ плотной массѣ пирамиды височной кости. Вся внутренняя полость лабиринта наполнена *лабиринтной водой*, предназначенной для передачи звуковыхъ волнъ. Чрезъ костную массу въ лабиринтъ проникаетъ слуховой нервъ и своими конечными развѣтвленіями воспринимаетъ звуковыя впечатлѣнія. Другой нервъ, отходящій отъ общаго слуховаго нерва, проникаетъ въ ось улитки и здѣсь распадается на волокна, соединяющіяся съ нѣсколькими образованіями. Концы нервныхъ нитей занимаютъ въ улиткѣ пространство, ограниченное двумя перепонками, натянутыми между костяными стѣнками. *Внутренняя* (нижняя) или *основная* перепонка и *наружная* или верхняя обнимаютъ вмѣстѣ перепончатый улиточный каналъ, которымъ улитка раздѣляется на два отдѣла: наружный или верхній ходъ—*лѣстницу преддверія*, и ходъ внутренній или нижній—*барабанную лѣстницу*. Лѣстница преддверія непосредственно переходитъ въ *преддверіе*. Части, лежащія между преддверіемъ и внутреннею перепонкою и содержащія окончанія слуховаго нерва, вмѣстѣ составляютъ, такъ называемый, *Кортіевъ органъ*. Каждый Кортіевъ органъ состоитъ изъ изогнутыхъ палочекъ, а каждая палочка слагается въ свою очередь изъ внутренней и наружной палочекъ, образующихъ вмѣстѣ *дугу*. На этихъ дугахъ расположены, снабженныя волосками, нервныя клѣтки, соединяющіяся съ волокнами слуховаго нерва.

Касательно физіологическихъ процессовъ, обусловливающихъ происхожденіе слуховыхъ ощущеній, существуютъ только вѣроятныя объясненія. Чувство слуха считается аналитическимъ чувствомъ на томъ основаніи, что мы непосредственно можемъ разлагать нашимъ слухомъ на составныя части массу звуковъ, если она не слишкомъ сложна. Къ такому аналитическому воспріятію слуховыхъ впечатлѣній приспособлены и всѣ образованія въ слуховомъ органѣ. Въ частности, дѣятельность, разлагающая сложные звуки на элементарные, приписывается основной перепонкѣ, которая уменьшаясь въ своемъ поперечникѣ отъ основанія къ вершинѣ канала улитки, является на всемъ протяженіи своемъ неодинаково натянутою, вслѣдствіе чего различныя части ея

функціонируютъ подобно струнамъ различной длины, такъ что болѣе широкія части настроены на низшіе, болѣе узкія—на высшіе тоны. Кортіевы-же органы, какъ полагаютъ нѣкоторые физіологи (Вундтъ), по своему устройству, приспособлены къ заглушенію звуковыхъ колебаній. Такимъ образомъ, физіологическій процессъ, происходящій въ слуховомъ органѣ, состоитъ въ томъ, что волны, образующіяся въ лабиринтной водѣ, распространяясь на всѣ части внутренняго уха, проникаютъ въ улитку и здѣсь приводятъ въ совмѣстное колебаніе различно настроенныя части основной перепонки вмѣстѣ съ Кортіевыми органами. При этомъ слуховой органъ воспринимаетъ всякую, даже и сложную форму раздраженія, прежде всего, въ ея цѣлости. Но вслѣдствіе придаточныхъ образованій, присоединяющихся въ улиткѣ къ собственно концевымъ органамъ нервовъ, наиболѣе развитые слуховые органы становятся до извѣстной степени способными къ анализу качествъ звука (Вундтъ).

Внѣшнею причиною, вызывающею слуховыя ощущенія, служатъ волны воздуха, которыя происходятъ отъ сотрясенія твердыхъ тѣлъ. Эти волны проникаютъ въ ухо и, раздражая переферическіе нервы, вызываютъ въ душѣ слуховыя ощущенія. Между слуховыми ощущеніями нужно различать: ощущеніе *шума* и ощущеніе *звука*. Ощущенія шума вызываются въ душѣ воздушными волнами, слѣдующими неправильно и порывисто одна за другою; тогда какъ равномѣрное и правильное движеніе волнъ воздуха вызываетъ въ душѣ ощущеніе звука. Между звуковыми ощущеніями нужно различать: музыкальные звуки, происходящіе отъ игры на инструментахъ или отъ человѣческаго пѣнія, и звуки, которыя составляютъ членораздѣльную рѣчь человѣка. Рѣчь человѣка состоитъ изъ шума и звука, именно: гласные звуки представляютъ собою звукъ, а согласные—шумъ.

Въ музыкальныхъ звукахъ различаются слѣдующія три стороны: высота звука, его сила и качество. *Высота* звука зависитъ отъ большаго или меньшаго числа колебаній воздуха въ секунду. *Сила* звука зависитъ отъ широты волнъ воздуха. Чѣмъ волны воздуха шире, тѣмъ и звукъ сильнѣе. Если мы ударяемъ въ струну на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ, то колебанія ея бываютъ вначалѣ настолько широки, что мы ихъ видимъ; соотвѣтственно этому и звукъ ея вначалѣ бываетъ самый сильный. Но по той мѣрѣ, какъ съуживается движеніе струны, и самый звукъ ея становится все болѣе и болѣе слабымъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не прекращается. *Качество* звука состоитъ въ тѣхъ особенностяхъ, которыми отличаются звуки одного инструмента отъ звуковъ другаго,—звуки, произносимые однимъ человѣкомъ отъ звуковъ другаго, или звуки, издаваемые голосами различныхъ животныхъ. Всѣ подобные звуки могутъ имѣть одну высоту и силу, различаются же они только по качеству.

§ 26. Значеніе слуховыхъ ощущеній для душевнаго образованія.

Слуховыя ощущенія отличаются, по преимуществу, своимъ духовнымъ характеромъ. По тѣсной связи души съ тѣломъ, всякое душевное состояніе стремится проявить себя наружу. Способовъ обнаруженія душевныхъ состояній очень много; но самымъ удобнѣйшимъ образомъ душевныя состоянія обнаруживаются посредствомъ голоса, звука. Свое, напр. горе человѣкъ выражаетъ посредствомъ плача, радость—посредствомъ пѣнія, смѣха и т. д. Такая тѣсная связь слуховыхъ ощущеній съ существеннѣйшими перемѣнами душевной жизни служитъ основаніемъ и того важнаго значенія, какое слуховыя ощущенія имѣютъ для духовной жизни и духовнаго развитія.

Прежде всего, слуховыя ощущенія способствуютъ образованію представленій о времени. То, что мы слышимъ одновременно, совпадаетъ въ нашемъ сознаніи въ одинъ моментъ, а то, что мы слышимъ въ преемственной послѣдовательности, выступаетъ въ нашемъ сознаніи одно за другимъ въ формѣ времени. Но это образованіе временныхъ формъ требуетъ однакожъ размышленія, потому что преемственныя представленія не бываютъ въ тоже время представленіемъ преемственности, а это показываетъ, что чувство слуха способствуетъ развитію размышленія.

Затѣмъ, слухъ является органомъ словесной рѣчи человѣка. Рѣчь человѣка отличается высокимъ духовнымъ характеромъ. Въ рѣчи мы понимаемъ не только смыслъ словъ, но и самые звуки голоса: его сила, такая или иная высота, особенность произношенія — все это можетъ дать намъ основаніе узнать, хотя приблизительно самый характеръ человѣка и его душевныя качества, выражающіяся въ звукахъ голоса. Отсюда становится понятнымъ изреченіе Сократа, сказанное имъ одному изъ своихъ слушателей: „заговори, чтобы я тебя видѣлъ“. Такимъ образомъ, въ звукахъ отражается душа говорящаго и тогда, когда онъ не намѣренъ знакомить слушателя съ своимъ душевнымъ состояніемъ. Но когда говорящій имѣетъ прямое намѣреніе познакомить другихъ съ своимъ душевнымъ состояніемъ, тогда посредствомъ рѣчи могутъ быть переданы самыя глубочайшія состоянія душевной жизни. Но для того, чтобы понимать это выраженіе душевной жизни, мы должны слышать звуки голоса и членораздѣльную рѣчь человѣка, — слышать же мы можемъ только посредствомъ нашего органа слуха. Вотъ почему, кромѣ своего духовнаго характера, слухъ считается, по преимуществу,

органомъ словесной рѣчи человѣка. Правда есть и нѣкоторые другіе способы, кромѣ рѣчи, понимать душевную жизнь человѣка, напр. извѣстныя тѣлодвиженія и жесты; но всѣ эти способы не представляютъ такого удобства, какое представляетъ рѣчь человѣка. Прежде всего, посредствомъ жестовъ не возможно такое скорое знакомство съ душевными состояніями, какое возможно, благодаря рѣчи. Звуки человѣческаго голоса слѣдуютъ такъ быстро одинъ за другимъ, понятія же, выражаемыя словами, такъ легки для усвоенія, что мы въ самое короткое время можемъ при помощи рѣчи ознакомиться весьма со многимъ; между тѣмъ сообщеніе душевныхъ состояній другимъ посредствомъ жестовъ отличается большею или меньшею медленностію. Затѣмъ, посредствомъ тѣлодвиженій и жестовъ невозможно такое ясное и отчетливое знакомство съ душевною жизнію, какое возможно, благодаря рѣчи: жесты и другія тѣлодвиженія могутъ ознакомить насъ только съ общимъ характеромъ душевнаго состоянія; тончайшіе же оттѣнки душевной жизни не доступны для подобной передачи. Кромѣ того, передача душевныхъ состояній другимъ посредствомъ жестовъ требуетъ истолкованія, истолкованіе же ихъ рѣдко бываетъ точное, по большей же части, жесты бываютъ такъ неопредѣленны и двусмысленны, что представляютъ самое широкое поле для разнообразнѣйшихъ догадокъ, тогда какъ рѣчь человѣка всегда бываетъ, болѣе или менѣе, опредѣленна и ясна. Такимъ образомъ слухъ, какъ органъ словесной рѣчи, является незамѣнимымъ никакими другими способами въ дѣлѣ знакомства съ душевною жизнію.

Далѣе, чувство слуха, вслѣдствіе своего духовнаго характера, имѣетъ весьма важное эстетическое и воспитательное значеніе. Человѣческому сознанію открывается разнообразіе душевныхъ состояній, прежде всего, въ музыкальныхъ звукахъ, такъ какъ въ каждомъ музыкальномъ произведеніи художникъ выражаетъ какое нибудь душевное состояніе (въ обширномъ смыслѣ—идею). Въ особенности же возвышеннымъ духовнымъ характеромъ отличается человѣческое пѣніе, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ выражаются самыя глубокія чувства и самые тончайшіе оттѣнки душевной жизни. Вслѣдствіе своего духовнаго характера, музыкальные звуки и могутъ имѣть такое сильное вліяніе на душевную жизнь человѣка. Музыка сообщаетъ мѣру и порядокъ какъ душевной жизни, такъ и тѣлеснымъ движеніямъ. Извѣстно, что человѣкъ подъ тактъ музыки старается идти и говорить. Строемъ же своимъ музыка вызываетъ въ душѣ человѣка соотвѣтствующее настроеніе. Такъ, благодаря музыкѣ, въ душѣ человѣка можетъ образоваться настроеніе развращающее или облагороживающее, высокое или циничное и т. д. Ея возвышающей силѣ слуховыя ощущенія обязаны такимъ удивительнымъ дѣйствіемъ на дикарей, дѣтей и даже звѣрей. Несомнѣнное вліяніе музыки на человѣческій

духъ признавалось во всѣ времена въ педагогикѣ могущественнымъ средствомъ воспитанія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, а также главнымъ средствомъ къ укрощенію и подавленію страстей. Отчеты о воспитаніи малолѣтнихъ преступниковъ переполнены доказательствами такого могущественнаго вліянія музыки. Музыкальные звуки были для нихъ однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ перевоспитанія. Даже тѣ личности, которыя оказывались неисправимыми, облагороживались и исправлялись подъ вліяніемъ религіознаго пѣнія, которое вызывало въ нихъ соотвѣтствующее настроеніе; это настроеніе, дѣлаясь господствующимъ, преобразовывало ихъ характеръ.

Наконецъ, благодаря слуховымъ ощущеніямъ, мы познаемъ духовный характеръ и во всей видимой природѣ. Если бы въ природѣ не было никакихъ звуковъ, то она дѣйствовала бы на нашъ взоръ, какъ совершенно мертвая сущность. Но въ какой мѣрѣ слово есть языкъ сознательной души человѣка, въ такой же мѣрѣ звукъ есть языкъ безсознательной души всего существующаго. Безчисленные звуки животныхъ, могучіе голоса стихійныхъ силъ—все это говоритъ намъ, что и въ природѣ есть жизнь, которую мы постигаемъ только благодаря нашимъ слуховымъ ощущеніямъ.

§ 27. Осязаніе.

Чувство осязанія имѣетъ своимъ органомъ ощущающіе нервы, оканчивающіеся въ чувствительныхъ сосочкахъ кожи. Многіе, сравнительно, большіе сосочки (на ладоняхъ, подошвахъ и проч.) являются по преимуществу органомъ осязанія. Къ чистымъ осязательнымъ ощущеніямъ принадлежатъ: ощущенія *осязанія* въ собственномъ смыслѣ и ощущенія *температуры*.

1) Ощущенія осязанія въ собственномъ смыслѣ бываютъ двухъ видовъ: а) ощущенія *свойствъ поверхности осязаемыхъ предметовъ*, и б) ощущенія *различія* тѣхъ *мѣстъ кожи*, которыя подвергаются впечатлѣніямъ *). Различіе ощущеній перваго вида зависитъ, прежде всего, отъ различія въ самихъ осязаемыхъ предметахъ. Отсюда различаются ощущенія: твердаго, гладкаго, мягкаго, рыхлаго и т. п. Осязательныя ощущенія втораго вида способствуютъ познанію раздѣльности ощущеній на различныхъ частяхъ тѣла. Если, напр. поставить на ладонь вилку о двухъ зубцахъ, то два конца ея послужатъ поводами къ возникновенію двухъ раздѣльныхъ ощущеній. Не смотря на то, что эти ощущенія не первоначальны, такъ какъ мы постепенно, мало по малу, пріучаемся

*) По Бэну—ощущенія множественности точекъ.

относить ихъ къ периферическимъ концамъ возбужденныхъ нервовъ, тѣмъ не менѣе они въ значительной степени способствуютъ познанію отдѣльныхъ мѣстъ кожи (вслѣдствіе чего и названы Веберомъ мѣстнымъ чувствомъ). Два впечатлѣнія (напр. отъ двухъ кончиковъ циркуля) на кожѣ ощущаются нами какъ впечатлѣнія различныя, если между ними есть опредѣленный промежутокъ. Сюда относятся ощущенія шероховатаго, тупаго, остраго, остроконечнаго и т. п. Такъ какъ большее количество нервныхъ нитей находится въ тѣхъ мѣстахъ кожи, которыя отличаются болѣе острымъ различеніемъ мѣстныхъ впечатлѣній, то различимость осязательныхъ ощущеній основывается на различной возбудимости нервныхъ нитей, находящихся въ извѣстныхъ мѣстахъ кожи. Чувствомъ осязанія можно измѣрять силу давленія (тяжесть) тѣлъ, хотя далеко не съ такою ясностію, какъ при помощи мускульнаго чувства. Съ ощущеніемъ осязанія часто соединяется чувство боли, хотя и не необходимо, потому что способность чувствовать боль можно потерять, сохранивши способность къ осязанію.

2) Ощущенія температуры (горячаго, теплаго, холоднаго) возникаютъ при помощи тѣхъ же нервовъ, которые приводятся въ возбужденіе при ощущеніяхъ давленія и представляютъ, такимъ образомъ, лишь особенный видъ послѣднихъ. Ощущенія температуры находятся въ многоразличной зависимости не только отъ температуры ощущаемаго тѣла, но и отъ постоянной температуры, а также отъ величины поверхности нашей кожи, которая подвергается измѣненію температуры,— отъ особеннаго мѣста кожи, въ которомъ оно происходитъ и отъ быстроты, съ которой совершается это измѣненіе. Съ этими обстоятельствами сообразуется сила и опредѣленность ощущенія температуры. Поэтому мы мало можемъ полагаться на рѣшенія чувства температуры, когда дѣло идетъ о познаніи вещей, такъ какъ нашимъ ощущеніямъ температуры недостаетъ той объективности, которая въ высокой степени принадлежитъ осязательнымъ и мускульнымъ ощущеніямъ.

§ 28. Обоняніе и вкусъ.

Обоняніе и вкусъ принадлежатъ къ низшимъ чувствамъ человѣка, потому что они въ соединеніи только съ высшими чувствами содѣйствуютъ нашему познанію, сами же по себѣ служатъ цѣлямъ болѣе животной, чѣмъ духовной жизни.

Что касается, прежде всего, чувства обонянія, то оно возбуждается пахучими веществами, находящимися въ газообразномъ состояніи. Существуютъ ли нервныя нити, соотвѣтствующія различнымъ обонятельнымъ ощущеніямъ, объ этомъ ничего нельзя сказать положительнаго.

Мы различаемъ множество обонятельныхъ ощущеній, которыя не можемъ ни сравнить одни съ другими, ни подвесть подъ немногіе сродные классы. Эта неопредѣленность обонятельныхъ ощущеній служитъ основаніемъ того, что они легко и почти совершенно нераздѣльно комбинируются съ другими ощущеніями, именно съ ощущеніями вкуса и осязанія. Къ тому же запахи чрезвычайно различны въ субъективномъ отношеніи. Что для одного пахнетъ пріятно, то для другаго нерѣдко противно. Для познанія внѣшняго міра обоняніе не имѣетъ почти никакого значенія. Но за то это чувство имѣетъ большое значеніе для благосостоянія нашего тѣла. Помѣщаясь при входѣ въ дыхательные органы, оно служитъ какъ бы стражемъ послѣднихъ, такъ какъ что пахнетъ непріятно, то, обыкновенно, вредно для слизистой оболочки дыхательнаго аппарата, даже для всего тѣла. Затѣмъ, подкрѣпляя чувство вкуса, оно и для питательныхъ веществъ представляетъ какъ бы пробный камень, по которому опредѣляется ихъ благотворное или вредное вліяніе (Биддеръ).

Еще менѣе изслѣдовано въ наукѣ чувство вкуса. До сихъ поръ еще неизвѣстно: языкъ ли только (корень, края и кончикъ его) и верхняя часть мягкаго нёба, или и другія части полости рта способны къ ощущенію вкуса. Извѣстно только, что вкусовыя ощущенія возбуждаются нѣкоторымъ числомъ жидкостей, гальваническимъ токомъ и такими твердыми тѣлами, которыя растворимы въ слюнѣ. Изъ вкусовыхъ ощущеній совершенно различны ощущенія кислаго, сладкаго, горькаго и соленаго. Между этими основными формами различается безконечное множество переходныхъ промежуточныхъ вкусовъ. Основаніемъ качественнаго различія вкусовыхъ ощущеній служитъ, прежде всего, химическая природа возбуждающихъ жидкостей. Между тѣмъ есть вещества совершенно различныя по химическимъ качествамъ и однако возбуждающія сходныя вкусовыя ощущенія. Къ тому же нѣкоторые предметы въ различныхъ частяхъ языка возбуждаютъ различныя вкусовыя ощущенія. Поэтому предполагаютъ, что для возбужденія различныхъ вкусовыхъ ощущеній существуютъ въ языкѣ различные сосочки. Кромѣ того, различіе вкусовыхъ ощущеній зависитъ отъ состоянія отдѣляющей полости рта, равно какъ отъ ощущающей личности. Наконецъ, вкусовыя ощущенія легко соединяются съ осязательными и обонятельными ощущеніями. Слѣдующіе ряды вкусовыхъ ощущеній представляютъ соединеніе или съ осязательными (вкусы: мучнистый, песочный, жирный, водянистый, острый, ѣдкій, горячій), или съ обонятельными ощущеніями (вкусы: ароматическій, пряный, душистый и т. п.).

§ 29. Локализація ощущеній.

Ощущенія, сами въ себѣ, суть чисто качественныя состоянія души; поэтому въ самихъ ощущеніяхъ нѣтъ никакого указанія на возникновеніе ихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ нашего тѣла и внѣ этого послѣдняго. Кромѣ того, извѣстно, что ощущенія сознаются тогда, когда впечатлѣнія доходятъ до головнаго мозга; между тѣмъ всякое ощущеніе мы сознаемъ не какъ чисто качественное душевное состояніе, а какъ связанное съ извѣстнымъ мѣстомъ нашего тѣла, и сознанное ощущеніе помѣщаемъ не въ мозгу, а относимъ къ тому мѣсту тѣла, въ которомъ получено впечатлѣніе. Это-то распредѣленіе ощущеній по мѣстамъ ихъ возникновенія и называется *локализаціей*. Объясненіе локализаціи ощущеній соединено съ вопросомъ о мѣстопребываніи души и можетъ быть понято только изъ психической дѣятельности, безсознательно, по закону цѣлесообразности, распредѣляющей ощущенія по соотвѣтствующимъ мѣстамъ ихъ возникновенія, что необходимо для сохраненія организма. — Локализировать свои ощущенія душа привыкаетъ постепенно. Сначала (въ раннемъ младенчествѣ) душа не имѣетъ никакого сознанія о тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ получаются впечатлѣнія. Наблюдая надъ дѣтьми, мы легко замѣтимъ, что они первоначально не могутъ, напр. точно указать, въ какомъ мѣстѣ тѣла имъ больно, и на повторяемые вопросы нерѣдко указываютъ различныя мѣста Даже взрослый колеблется и бываетъ неувѣренъ въ опредѣленіи мѣста ощущенія, въ особенности, когда это послѣднее имѣетъ причиною своею тѣ или другія раздраженія во внутреннихъ органахъ, не подлежащихъ внѣшнему чувственному воспріятію. Нерѣдко мы относимъ ощущеніе даже къ такимъ частямъ тѣла, которыя совершенно нечувствительны. Такъ, когда мы дотрогиваемся до бороды, то чувствуемъ ощущеніе въ волосахъ, къ которымъ прикасается; между тѣмъ, слѣдовало-бы чувствовать ощущеніе въ кожѣ, въ которой возникаетъ впечатлѣніе.

Къ представленію собственнаго тѣла мы приходимъ при помощи зрительныхъ и осязательно-мускульныхъ ощущеній. Благодаря тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя дѣйствуютъ на нашъ глазъ, мы видимъ свое тѣло и его органы также, какъ видимъ внѣшніе предметы; осязательныя-же ощущенія помогаютъ намъ доходить до различенія впечатлѣній, производимыхъ въ нашихъ рукахъ и другихъ органахъ движенія нашимъ собственнымъ тѣломъ, отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя вызываются какими нибудь внѣшними предметами. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ одновременно два отдѣльныхъ ощущенія, относящихся къ нашему собственному тѣлу (бываемъ осязающими и предметомъ осязанія), а во второмъ— только одно: ощущеніе осязаемаго члена. Вслѣдствіе этого, мало по ма-

лу, воспріятіе собственнаго тѣла отдѣляется въ нашемъ сознаніи отъ воспріятій, относящихся къ внѣшнимъ предметамъ. При порѣзѣ ножемъ пальца происходятъ троякаго рода ощущенія: зрительныя, осязательныя и ощущенія боли. Такъ-какъ эти ощущенія возникаютъ одновременно, то они первоначально и сливаются другъ съ другомъ. Но при послѣдующемъ возникновеніи ощущенія боли въ томъ-же самомъ пальцѣ, съ этимъ ощущеніемъ тотчасъ-же воспроизводится (репродуцируется) и представленіе больного пальца и такимъ образомъ, благодаря этой связи ощущенія съ воспоминаніемъ о членѣ, существующемъ въ ряду съ другими членами, ощущеніе боли локализируется. Безчисленные процессы подобнаго рода повторяются въ различныхъ мѣстахъ тѣла. Чувство страданія, являющееся слѣдствіемъ болѣзненнаго измѣненія въ какихъ-нибудь членахъ тѣла, отъ движенія послѣднихъ получаетъ большую опредѣленность и силу, тогда какъ движеніе остальныхъ членовъ тѣла можетъ не производить въ этомъ ощущеніи никакой перемѣны, вслѣдствіе чего подобнаго рода ощущенія и локализируются въ соотвѣтствующихъ имъ членахъ тѣла. Мускульныя ощущенія, сопровождающія движенія большей части нашихъ членовъ, также ассоціируются съ пространственными образами этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего, вмѣстѣ съ ощущеніями, возникающими при какомъ-нибудь тѣлесномъ движеніи, можетъ воспроизводиться и представленіе соотвѣтствующаго члена. Послѣ того, какъ между ощущеніемъ и пространственнымъ образомъ извѣстнаго члена установилась ассоціація, ощущеніе можетъ появиться и тогда, когда самый членъ болѣе уже не существуетъ. Такъ лица, у которыхъ отнимаютъ въ операціи оконечность руки или ноги, долго относятъ ощущенія боли къ тому мѣсту, которое отрѣзано.

Пространственные образы, относящіеся ко внутреннимъ органамъ нашего тѣла, не могутъ непосредственно обнаруживаться ни въ зрительныхъ, ни въ осязательныхъ ощущеніяхъ; поэтому ощущенія, происходящія внутри нашего организма, локализируются самымъ несовершеннымъ образомъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ, благодаря опыту, мы привыкаемъ относить болѣзненныя состоянія къ желудку, груди, шеѣ и головѣ. Такъ локализируются наши ощущенія, происходящія во внѣшнихъ и внутреннихъ органахъ тѣла, вслѣдствіе чего наше тѣло пріобрѣтаетъ для насъ особенную близость, въ противоположность безразличнымъ для насъ внѣшнимъ вещамъ.

§ 30. Проэкція ощущеній. Перцепціи. — Perception

Всѣ ощущенія, возникающія при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ, не только распредѣляются по мѣстамъ возникновенія ихъ въ

нашемъ тѣлѣ, но и относятся еще къ тѣмъ внѣшнимъ предметамъ, которые послужили поводомъ къ возникновенію соотвѣтствующихъ имъ ощущеній. Это отнесеніе ощущеній къ соотвѣтствующимъ имъ внѣшнимъ предметамъ называется *проэкціей* ощущеній. Въ проэкціи мы изъ ощущеній и ихъ сочетаній, слѣдовательно, изъ матеріала, даннаго во *внутреннемъ мірѣ* нашего сознанія, построяемъ *внѣшній міръ*. Проэкція не соединяется съ ощущеніями при первоначальномъ возникновеніи ихъ въ душѣ; только благодаря упражненію и цѣлому ряду опытовъ, душа, мало по малу, привыкаетъ относить свои ощущенія къ соотвѣтствующимъ имъ внѣшнимъ предметамъ. Прежде всего развитіе проэкціи обусловливается локализаціей, потому что безъ этой послѣдней всѣ ощущенія сознавались-бы, какъ наши безусловно внутреннія состоянія; локализація-же есть процессъ первоначальнаго объективированія ощущеній, относимыхъ къ различнымъ частямъ нашего тѣла. При этомъ ощущенія зрительныя и осязательно-мускульныя, соединяющіяся со многими локализированными ощущеніями, начинаютъ, мало по малу, отдѣляться отъ этихъ послѣднихъ и относиться къ тѣмъ внѣшнимъ предметамъ, которые находились въ соприкосновеніи съ нашимъ тѣломъ, или находились въ употребленіи у тѣлесныхъ органовъ и членовъ. Такъ извѣстный предметъ познается, какъ находящійся возлѣ нашего тѣла, какъ отдѣленный отъ этого послѣдняго большимъ или меньшимъ разстояніемъ, словомъ: познается, какъ *предметъ внѣшній*.

Несомнѣнно, что въ соединеніи съ зрительными и осязательно-мускульными ощущеніями начинаютъ относиться ко внѣшнимъ предметамъ и ощущенія остальныхъ органовъ чувствъ. Особенно замѣчательна постоянная связь слуховыхъ ощущеній съ ощущеніями зрѣнія. Мы не можемъ слышать никакого звука (шума, звона, стука, говора, пѣнія), не представляя въ тоже время чего-нибудь видимаго, какъ условія или причины звука. Зрительныя ощущенія помогаютъ намъ опредѣлять *направленіе* звука, давая намъ возможность во многихъ случаяхъ видѣть самый источникъ звука. Значительную помощь оказываютъ зрительныя ощущенія также при опредѣленіи *силы* и *отдаленности* звуковъ.

Что касается ощущеній остальныхъ органовъ чувствъ, то проэкція ихъ основывается также на опытѣ и упражненіи. Такъ ощущенія обонянія относятся къ внѣшнимъ предметамъ на основаніи того, постоянно повторяющагося, наблюденія, что эти ощущенія замѣтно усиливаются при приближеніи органа обонянія къ пахучимъ предметамъ. Условія вкусовыхъ ощущеній, на основаніи постоянныхъ опытовъ, полагаются не столько въ полости рта, сколько въ питательныхъ веществахъ, возбуждающихъ вкусовыя ощущенія. При этомъ зрительныя и осязательно-мускульныя ощущенія являются тѣмъ общимъ основаніемъ, на кото-

ромъ совершается первоначальный процессъ отнесенія къ внѣшнимъ предметамъ ощущеній слуха, обонянія и вкуса.

Когда душа начнетъ сознавать переживаемыя ею ощущенія не просто какъ свои субъективныя состоянія, а какъ опредѣленныя качества внѣшнихъ предметовъ, тогда ощущенія становятся *воспріятіями* предметовъ, или *перцепціями*. Зелень, сладость, ароматъ—мы ощущаемъ; зелень древесной листвы, сладость меда, ароматъ розы — мы воспринимаемъ. Въ первомъ случаѣ ощущенія сознаются какъ состоянія нашей души; во второмъ случаѣ они пріурочиваются къ внѣшнимъ предметамъ, какъ состоянія этихъ послѣднихъ. Такъ какъ въ перцепціяхъ мы познаемъ внѣ насъ существующіе предметы, во 1-хъ, имѣющими извѣстныя качества и, во 2-хъ, имѣющими опредѣленную пространственную форму, то необходимо, поэтому, изслѣдовать а) отношеніе содержанія чувственныхъ ощущеній къ внѣшней дѣйствительности природы и б) происхожденіе воспріятій пространства.

§ 31. Отношеніе содержанія чувственныхъ ощущеній къ внѣшней дѣйствительности (объективности) природы.

Выражаютъ ли наши ощущенія дѣйствительныя качества предметовъ природы, или, что тоже, можетъ ли быть полное соотвѣтствіе между качествами нашихъ ощущеній и дѣйствительными качествами вещей? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить отрицательно, т. е. что всѣ наши ощущенія суть субъективныя состоянія, совершенно отличныя отъ тѣхъ процессовъ природы, которые служатъ поводами къ ихъ возникновенію. Физика учитъ, что въ природѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни звуковъ, вообще ничего такого, что дано въ нашихъ ощущеніяхъ,—въ природѣ существуютъ только физическіе и химическіе процессы, которые въ концѣ концовъ сводятся къ одному основному процессу — механическому движенію матеріи. Такъ, внѣшнею причиною звуковыхъ ощущеній служитъ *движеніе воздуха,* возбужденное колеблющимся тѣломъ и состоящее въ простомъ перемѣщеніи матеріальныхъ частицъ воздуха. Внѣшнею же причиною зрительныхъ ощущеній служитъ *движеніе эѳира*—матеріи настолько тонкой, что она проникаетъ во всѣ тѣла не только газообразныя (напр. воздухъ) и жидкія (воду), но и твердыя (напр. стекло). Когда эѳирная волна *проходитъ* сквозь прозрачные предметы и производитъ впечатлѣніе на нашъ зрительный нервъ, тогда раздраженіе нервной матеріи глаза вызываетъ въ нашей душѣ ощущеніе свѣта. Когда эѳирный лучъ *отражается* отъ предметовъ, то служитъ причиною различныхъ цвѣтовыхъ ощущеній, смотря по тому, съ какою скоростію отражается отъ предметовъ. Такъ, когда отъ предметовъ отражается эѳир-

ный лучъ со скоростію отъ 4-хъ до 5-ти билліоновъ колебаній въ секунду, то впечатлѣніе, полученное отъ такого луча, вызываетъ въ насъ ощущеніе краснаго цвѣта; когда же скорость колебаній отраженнаго луча доходитъ до 8-ми билліоновъ въ секунду, то впечатлѣніе отъ такого луча вызываетъ въ насъ ощущеніе фіолетоваго цвѣта. Такимъ образомъ, внѣшнею причиною, вызывающею въ насъ ощущенія разнообразныхъ звуковъ, служитъ перемѣщеніе частицъ воздуха, само по себѣ совершенно *беззвучное;* а внѣшнею причиною ощущеній свѣта и цвѣтовъ служитъ движеніе частицъ эѳира—матеріи совершенно *темной*. Въ ощущеніяхъ звука нѣтъ ничего, что имѣло бы какое-нибудь сходство съ движеніемъ частицъ воздуха; въ ощущеніяхъ свѣта и цвѣтовъ нѣтъ ничего, что представляло бы какое-нибудь соотвѣтствіе съ эѳирными волнами. Такъ, наприм. черное есть для ощущенія нѣчто положительное,—есть такой же цвѣтъ, какъ, напр., красный или бѣлый; въ физическомъ же отношеніи черное есть недостатокъ цвѣта, отсутствіе свѣтовыхъ лучей. Точно также бѣлый цвѣтъ есть для ощущенія нѣчто простое; по своей же объективной природѣ онъ есть слагаемое изъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Пурпуровый цвѣтъ есть такой же самостоятельный цвѣтъ, какъ желтый, синій и другіе. Между тѣмъ въ спектрѣ вовсе нѣтъ пурпура; нужно смѣшать цвѣта красный и фіолетовый, чтобъ получить пурпуровый цвѣтъ. Слѣдовательно, какъ звуки, такъ свѣтъ и цвѣта совершенно не могутъ быть признаны свойствами, функціями или дѣйствіемъ матеріальнаго движенія, происходящаго во внѣшней дѣйствительности (объективности) природы. Это заключеніе должно быть распространено и на ощущенія всѣхъ другихъ внѣшнихъ чувствъ. Извѣстно, что при опредѣленіи тепла и холода главное значеніе имѣетъ субъективное состояніе нашего ощущающаго организма (крови, нервовъ, кожи), при чемъ внѣшнею причиною ощущеній температуры служитъ тоже движеніе эѳира, которымъ вызываются и свѣтовыя ощущенія,—съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ ощущеніяхъ температуры оно дѣйствуетъ на наши осязательные нервы. Внѣшнею причиною вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній служатъ различные химическіе процессы, совершенно отличные, даже до противоположности, отъ тѣхъ ощущеній, которыя ими вызываются.

Но между физическими возбудителями ощущеній и самими ощущеніями находится *физіологическая* область: не преобразуются-ли физическіе процессы въ качественно различныя ощущенія въ этой послѣдней области, области нервныхъ процессовъ? Невозможность перехода нервныхъ процессовъ въ ощущенія была уже доказана выше (см. § 17). Внѣшнія причины, дѣйствуя на органы нашихъ чувствъ, вызываютъ въ послѣднихъ также движеніе частицъ матеріи. Физіологія признаетъ для различнаго рода звуковыхъ впечатлѣній въ слуховомъ органѣ соотвѣтствующія нервныя нити; точно также и въ органѣ зрѣнія различаютъ одни нервы, предназначенные для воспріятія свѣтовыхъ впечатлѣній, а другіе—для воспріятія впечатлѣній цвѣтовыхъ, при чемъ извѣст-

ная группа нервныхъ нитей можетъ возбуждаться движеніемъ эѳира только извѣстной опредѣленной скорости *). Равнымъ образомъ и всѣ другія ощущенія вызываются возбужденіемъ соотвѣтствующихъ имъ периферическихъ нервовъ, хотя далеко еще не выяснено: имѣетъ ли каждый видъ ощущеній извѣстнаго органа чувствъ (напр. вкуса или обонянія) спеціальныхъ проводниковъ въ периферическихъ нервахъ для воспріятія соотвѣтствующихъ впечатлѣній. Возбужденные въ периферическихъ нервахъ, процессы передаются различнымъ частямъ головнаго мозга. Но какъ-бы ни различались нервы различныхъ органовъ чувствъ относительно ихъ способности къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, происходящіе въ нихъ нервные процессы не могутъ быть признаны причиною качественнаго содержанія ощущеній. Процессы, происходящіе во всѣхъ частяхъ нервной системы, однообразны и не имѣютъ никакого сходства съ качественнымъ содержаніемъ ощущеній; въ то время, какъ происходятъ ощущенія, мозгъ не дѣлается краснымъ или зеленымъ, звучнымъ или пахучимъ и т. п. Точно также если бы наши ощущенія были простыми отправленіями нервныхъ процессовъ, то въ нихъ должно бы заключаться хоть какое-нибудь указаніе на послѣдніе; всѣ ощущенія должны бы сознаваться происходящими въ различныхъ частяхъ мозга; весь безконечно разнообразный міръ опыта долженъ бы быть заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ черепа, и то, что мы признаемъ опытомъ, состояло бы лишь въ возбужденіяхъ и перемѣщеніяхъ мельчайшихъ частицъ нервнаго вещества. Между тѣмъ въ ощущеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что периферическіе нервы и соотвѣтственныя части головнаго мозга находятся въ возбужденіи. Во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ возникаетъ міръ, совершенно отличный отъ матеріальныхъ процессовъ. Всѣ, напр. ощущенія цвѣтовъ представляютъ совершенно покоющуюся поверхность, тогда какъ соотвѣтствующіе нервные процессы представляютъ движеніе частицъ матеріи, существующихъ въ раздѣльности одна отъ другой и находящихся лишь во внѣшнемъ между собою отношеніи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ тотъ выводъ, что происхожденіе качественнаго содержанія ощущеній только тогда можетъ быть объяснено, когда мы признаемъ въ душѣ прирожденную ей способность—отвѣчать на различные физическіе и физіологическіе процессы соотвѣтствующими явленіями свѣта, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. п. Отвѣчая на матеріальныя движенія, происходящія во внѣшней природѣ и нервномъ веществѣ, безконечно разнообразными по своему качественному содержанію ощущеніями, душа является *силою творческою,* уже въ самой себѣ, въ своей природѣ, заключающею возможность къ произведенію явленій свѣта, цвѣтовъ и т. п. Матеріальные же процессы служатъ только поводами къ

*) Такою приспособленностію глазныхъ нервовъ для раздраженія лишь извѣстнымъ видомъ внѣшнихъ впечатлѣній объясняютъ, между прочимъ, различные недостатки зрѣнія, напр. дальтонизмъ. Есть люди, которые не могутъ различать нѣкоторыхъ цвѣтовъ. Таковъ былъ знаменитый физикъ Дальтонъ, различавшій только желтый, голубой и фіолетовый цвѣта. Въ цвѣтахъ же искуственно смѣшанныхъ, а не изъ спектра, онъ не различалъ краснаго отъ зеленаго, или же смѣшивалъ оттѣнки перваго то съ зеленымъ, то съ синимъ; розовый цвѣтъ казался ему слабосиреватымъ, а карминно-красный темно-синимъ съ буроватымъ оттѣнкомъ. Съ физіологической точки зрѣнія явленія, подобныя вышеуказанному, объясняются слѣдующимъ образомъ Окончанія зрительныхъ нервовъ у человѣка бываютъ двоякаго рода: палочки и трубочки (колбочки) Посредствомъ палочекъ могутъ быть ощущаемы только различія свѣтлаго и темнаго; посредствомъ же колбочекъ ощущаются только цвѣта и притомъ одна какая нибудь группа волоконъ предназначается для воспріятія впечатлѣній одного какого нибудь цвѣта съ его оттѣнками. Отсутствіемъ или ослабленіемъ волоконъ, предназначенныхъ для воспріятія какого нибудь опредѣленнаго цвѣта, и объясняется неспособность различать извѣстные цвѣта.

возникновенію и развитію того, что въ возможности уже существуетъ въ духовной природѣ человѣка.

§ 32. Происхожденіе пространственныхъ воспріятій.

Касательно происхожденія въ нашемъ духѣ пространственныхъ образовъ, относящихся ко внѣшнему міру, существуютъ различные взгляды. Одни психологи (нативисты) утверждаютъ, что наши ощущенія уже съ самаго начала возникаютъ въ нераздѣльномъ единствѣ съ формами пространства, вслѣдствіе чего эти послѣднія извѣстнымъ образомъ намъ прирождены. Послѣдователи-же эмпирическаго направленія стремятся доказать происхожденіе пространственныхъ образовъ изъ опыта. Хотя то и другое объясненіе происхожденія пространственныхъ воспріятій, взятыя въ отдѣльности, по своей крайности не выдерживаютъ критики; однако каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ долю истины и, соединенныя съ извѣстными ограниченіями, вмѣстѣ, даютъ объясненіе происхожденія пространственныхъ воспріятій вполнѣ удовлетворительное.

Прежде всего, пространственные образы, возникающіе въ нашемъ сознаніи, не могутъ быть названы перенесеніемъ въ душу пространственныхъ образовъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Ибо, не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ душа должна была-бы представлять все въ необыкновенно маломъ размѣрѣ, плоскимъ, двойнымъ и обратнымъ, вслѣдствіе чего чувство зрѣнія вступало-бы въ противорѣчіе съ чувствомъ осязанія,—душа по самой природѣ своей—такое простое существо, что никакой количественно-пространственный образъ не можетъ имѣть въ ней мѣста. Сознаніе нельзя назвать простымъ воспріемникомъ, въ которое могло-бы что нибудь переходить извнѣ безъ всякаго измѣненія; еще менѣе можно представлять сознаніе протяженною средою, въ которой его реакціи по отношенію къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ располагались-бы другъ возлѣ друга въ извѣстномъ порядкѣ: справа или слѣва, вверху или внизу. Каждое воспріятіе есть совершенно простое, чисто интенсивное состояніе. Всѣ психическія состоянія имѣютъ природу качественную, а не количественную; представленіе, напр. громаднаго зданія само не громадно, иначе оно и не помѣстилось-бы въ маломъ пространствѣ головнаго мозга. Въ частности, невозможно представить себѣ, чтобы единственнымъ основаніемъ происхожденія воспріятій пространства былъ образъ предмета на ретинѣ, потому что этотъ образъ долженъ какимъ-бы то ни было путемъ подѣйствовать на нервъ, но это дѣйствіе, при самостоятельной жизни нерва, очевидно, не можетъ состоять лишь въ механическомъ прохожденіи образа чрезъ нервъ къ мозгу. Если же дѣйствіе должно состоять въ возбужденіи какихъ-нибудь осо-

бенныхъ состояній въ частицахъ нерва, то нѣтъ сомнѣнія, что пространственная форма образа должна при этомъ потеряться и въ результатѣ получатся лишь тѣ или другія состоянія нерва и мозга. Такимъ образомъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ, въ тотъ самый моментъ, какъ переходятъ въ душу, безслѣдно теряютъ свою геомерическую форму, возникая въ сознаніи лишь въ формѣ интенсивныхъ, качественно различныхъ состояній. Дѣйствительное-же протяженіе и взаимное отношеніе внѣшнихъ вещей мы познаемъ благодаря тому, что въ насъ, по законамъ нашей психической организаціи, возникаетъ пространство *созерцаемое,* являющееся результатомъ сравнивающей, соотносящей и объединяющей дѣятельности души.

Но, создавая внутренній пространственный міръ, душа дѣйствуетъ не произвольно, а при содѣйствіи и на основаніи извѣстныхъ условій. Такими условіями служатъ тѣ физіологическіе процессы, благодаря которымъ въ нашей душѣ возникаютъ чисто качественные пространственные образы. Физіологическіе процессы, происходящіе въ органѣ зрѣнія, имѣютъ наиболѣе важное значеніе при возникновеніи пространственныхъ образовъ. При своемъ центральномъ окончаніи, чувствовательные нити зрительныхъ нервовъ находятся въ такой связи съ двигательными нервами глазныхъ мускуловъ, что раздраженіе всякой чувствовательной нити зрительнаго нерва сопровождается опредѣленными сокращеніями глазныхъ мускуловъ. Поэтому свѣтовой лучъ, дѣйствующій на извѣстный пунктъ ретины, вызываетъ въ душѣ не только опредѣленное цвѣтовое ощущеніе, но еще сопутствующее этому послѣднему ощущеніе мускульное, качество котораго совершенно независимо отъ особенностей цвѣтоваго ощущенія. Вотъ эти-то сокращенія въ глазныхъ мускулахъ, различающіяся между собою качественными особенностями, и имѣютъ существенное значеніе при происхожденіи пространственныхъ образовъ. Такъ форма и троякое измѣреніе предметовъ узнаются по различному *направленію* глазныхъ мускуловъ; напр. усиліе, необходимое для поворота глазъ внизъ или вверхъ (вертикальное измѣреніе), существенно различается отъ усилія, необходимаго для такого-же движенія въ какую-либо сторону (горизонтальное направленіе). При этомъ имѣетъ значеніе и самая *форма движенія* мускуловъ глаза: круглый предметъ для своего познанія требуетъ извѣстнаго движенія мускуловъ, угловатый другаго и т. д. Для опредѣленія величины предмета необходима извѣстная *степень напряженности* мускуловъ: для большаго предмета требуется большее напряженіе мускуловъ, чѣмъ для малаго. Такимъ образомъ, мускульныя ощущенія различныя для каждаго пункта ретины, ассоціируясь съ извѣстнымъ цвѣтовымъ ощущеніемъ, являются тѣми *мѣстными знаками,* при помощи которыхъ цвѣтовыя ощущенія распре-

дѣляются въ пространствѣ.—Послѣ ощущеній глазныхъ мускуловъ наиболѣе важное значеніе для образованія пространственныхъ воспріятій имѣетъ чувство *осязанія*. Особенную важность это чувство имѣетъ для слѣпорожденныхъ, которые при помощи однихъ осязательныхъ ощущеній узнаютъ, иногда съ чрезвычайною точностію, форму и величину предметовъ. У людей-же съ неповрежденнымъ зрѣніемъ осязаніе является лишь вспомогательнымъ и дополняющимъ орудіемъ при образованіи пространственныхъ воспріятій. Такъ длина и ширина поверхности предметовъ, обыкновенно, узнается при помощи ощущеній глазныхъ мускуловъ съ соотвѣтствующими имъ свѣтовыми ощущеніями; первоначально же измѣреніе предметовъ въ длину и ширину познается изъ совокупности осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній, которыя получаются при проведеніи пальцами по поверхности предметовъ. Особенно-же зрительныя ощущенія дополняются ощущеніями осязательными тогда, когда, при опредѣленіи формы и величины предметовъ, зрѣніе ошибается, — въ подобныхъ случаяхъ необходимымъ средствомъ для провѣрки зрительныхъ впечатлѣній являются впечатлѣнія осязательныя, нерѣдко въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ рукъ, ногъ и всего тѣла. Впрочемъ мускульныя ощущенія послѣдняго рода и сами по себѣ имѣютъ существенное значеніе для опредѣленія разстоянія между предметами, которое первоначально распознается по количеству силы, расходуемой мускулами ногъ и всего тѣла. Ребенокъ, еще не начинавшій ходить, имѣетъ весьма смутное представленіе о разстояніи; онъ, напр. протягиваетъ руки, чтобы схватить различные отдаленные предметы (напр. луну). Когда же онъ начинаетъ ходить, то по степени напряженія мускуловъ ногъ и всего тѣла привыкаетъ опредѣлять величину разстоянія, пройденнаго отъ одного предмета до другаго. Слѣпорожденные измѣряютъ разстояніе между предметами также посредствомъ напряженія мускуловъ, которое бываетъ во время прохожденія извѣстнаго разстоянія. И только по пріобрѣтеніи основныхъ представленій о разстояніи, величина разстоянія можетъ опредѣляться по степени напряженія глазныхъ мускуловъ.—Наконецъ, при образованіи пространственныхъ воспріятій важное значеніе имѣетъ природное устройство самаго органа зрѣнія. Сѣтчатая оболочка глаза представляетъ собою чрезвычайно тонкую мозаику чувствующихъ нервныхъ нитей, изъ которыхъ каждая изолированно проводитъ свое впечатлѣніе къ мозгу. Вслѣдствіе этого, на сѣтчатой оболочкѣ можетъ явиться предъ душею нѣчто подобное пространственному образу. Качественные элементы этого образа мгновенно репродуцируютъ изъ области воспоминанія цѣлый рядъ мускульныхъ ощущеній, которыя, ассоціируясь съ цвѣтовыми ощущеніями, служатъ мѣстными знаками этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего душа получаетъ навыкъ

посредствомъ одного зрѣнія опредѣлять форму, величину и разстояніе предметовъ. Поэтому, когда мы смотримъ на предметъ, подобный видѣнному нами прежде, то пространственные образы отъ созерцаемаго предмета получаемъ уже при помощи возбужденія одной сѣтчатой оболочки глаза; возбужденіе-же глазныхъ мускуловъ и чувство осязанія происходятъ, большею частію, при созерцаніи такихъ предметовъ, которыхъ мы прежде не видали.—Таковы физіологическія условія, при помощи которыхъ возникаютъ наши пространственныя воспріятія. По своимъ качествамъ, эти послѣднія совершенно несоизмѣримы съ тѣми физіологическими процессами, которые служатъ поводами къ ихъ возникновенію; слѣдовательно, пространственные образы не создаются физіологическими процессами и не представляютъ перенесеніе въ сознаніе извѣстныхъ отношеній внѣшней дѣйствительности, но являются результатомъ соотносящей, сравнивающей и объединяющей дѣятельности души. Изъ чувственныхъ ощущеній, при участіи высшихъ психическихъ процессовъ— воспоминанія, воображенія, даже сужденій и умозаключеній, совершенно *творческимъ* образомъ, хотя безсознательно и непроизвольно, душа создаетъ такія своеобразныя отношенія и качественныя особенности, которыя составляютъ ея внутренній, созерцаемый міръ пространственныхъ образовъ.

Для того, чтобы объяснить происхожденіе пространственныхъ воспріятій, необходимо (вмѣстѣ съ Кантомъ) признать основанія для этого прирожденными душѣ, но не въ видѣ готовой формы, которая, подобно пустому сосуду, наполнялась-бы потомъ пространственными образами. Опытъ свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ, удачно оперированныхъ, слѣпорожденныхъ пространственные образы являлись не сразу, въ готовой формѣ, но развивалась постепенно, мало по малу, при томъ всегда съ опредѣленнымъ содержаніемъ (качественными особенностями). Душѣ прирождена лишь способность, по поводу впечатлѣній изъ внѣшняго міра, постепенно доходить до образованія пространственныхъ формъ, соединенныхъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ (качествами). Слѣдовательно, пространственныя воспріятія, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ (качествами), возникаютъ и постепенно развиваются изъ природы души и по законамъ, присущимъ этой послѣдней. Физіологическія-же условія только возбуждаютъ въ душѣ соотвѣтствующіе ея природѣ, чисто качественные, пространственные образы и служатъ тѣми мѣстными знаками, при помощи которыхъ чисто качественныя ощущенія свѣта и цвѣтовъ распредѣляются по опредѣленнымъ направленіямъ и въ точно измѣримомъ пространственномъ разстояніи, въ такой системѣ, которая соотвѣтствуетъ системѣ внѣшнихъ пространственныхъ отношеній. Безъ этихъ знаковъ всѣ ощущенія свѣта и цвѣтовъ могли-бы сливаться въ

одно интенсивное ощущеніе; тогда-какъ при нихъ каждое зрительное ощущеніе, соединяясь съ ощущеніями мускульными и осязательными, такъ сказать, обособляется (дифференцируется) отъ другаго, слѣдующаго за нимъ, ощущенія.

§ 33. Обманы чувствъ.

Обманы чувствъ бываютъ двоякаго рода: *иллюзіи* и *галлюцинаціи*. Иллюзіями (illusio — обманъ) называются такія чувственныя ощущенія, благодаря которымъ мы приписываемъ предмету ложное значеніе и, слѣдовательно, познаемъ его не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. Чаще всего случаются иллюзіи въ области зрительныхъ ощущеній; мы, напр. обманываемся часто относительно величины, фигуры, отдаленности и движенія вещей. Иллюзіи могутъ происходить также и въ области другихъ чувствъ; таково, напр. ложное представленіе о близости или отдаленности звучащаго предмета и др. — Причины иллюзій слѣдующія: а) недостаточная сила впечатлѣнія, напр. издали мы одного человѣка принимаемъ за другаго, приписывая ему, вслѣдствіе недостаточно сильныхъ впечатлѣній, такія качества, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ; б) поспѣшность и торопливость обсужденія возникшаго ощущенія, служащая причиною того, что мы иначе сознаемъ ощущеніе, чѣмъ какъ должны бы сознавать. Строго говоря, чувства насъ и не обманываютъ, не потому, чтобы „они всегда были правильны, а потому, что они не судятъ (Кантъ)". в) Третья причина иллюзій — это наше господствующее настроеніе. Подъ вліяніемъ, напр. страха человѣку всѣ предметы кажутся страшными; преступнику, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, кажется что на него всѣ смотрятъ подозрительно и т. д.

Галлюцинаціями (hallucinari—осмотрѣться, ошибаться) называются такіе обманы чувствъ, въ которыхъ субъективные чувственные образы считаются объективными, или, что тоже, вымыслы фантазіи принимаются за дѣйствительность. Доходя до высшей степени возбужденія, душа, по большей части, становится въ неправильныя отношенія къ внѣшнему міру, освобождается отъ его регулирующихъ вліяній и, вслѣдствіе этого, начинаетъ жить произвольными вымыслами своей фантазіи. Завладѣвая всѣмъ вниманіемъ человѣка и возбуждая центральныя части головнаго мозга также, какъ возбуждаются онѣ внѣшними впечатлѣніями, вымыслы фантазіи являются какъ образы, принадлежащіе ко внѣшнему міру и произшедшіе изъ него; даже тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя, дѣйствительно, принадлежатъ внѣшнему міру, вымыслы фантазіи сообщаютъ свою собственную, субъективную окраску. Такъ возникаютъ галлюцинаціи. Единственною причиною ихъ, слѣдовательно, является силь-

но возбужденная или болѣзненно настроенная фантазія. Поэтому къ галлюцинаціямъ располагаетъ все, что дѣйствуетъ особенно возбуждающимъ образомъ на фантазію. Такое возбужденіе фантазіи можетъ происходить какъ отъ физіологическихъ причинъ, такъ и отъ психическихъ. Къ первому роду причинъ принадлежитъ все то, что необыкновенно возбуждаетъ и раздражаетъ нервную систему, такъ какъ съ послѣднею фантазія находится въ особенно тѣсной связи. Таково сильное истощеніе организма физическими болѣзнями (бывали, напр. галлюцинаціи послѣ холеры); непомѣрное напряженіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія и слуха; нарушеніе обычнаго порядка жизни (таковы, наприм. галлюцинаціи извѣстнаго книгопродавца Николаи, пускавшаго себѣ два раза въ годъ кровь и разъ не сдѣлавшаго одного изъ двухъ кровопусканій) и, наконецъ, возбужденіе нервной системы наркотическими веществами, особенно спиртными напитками, доводящее до бѣлой горячки,—болѣзни, сопровождающейся ужасными галлюцинаціями. Психическою же причиною галлюцинацій бываютъ всѣ тѣ явленія душевной жизни, которыя возбуждаютъ особенно сильно фантазію, отвлекая вниманіе отъ предметовъ и явленій внѣшняго міра; таковы, напр. сильные аффекты, въ особенности продолжительныя и глубокія чувствованія, напр. любовь, продолжительная скорбь и т. п. Галлюцинаціи чаще всего бываютъ въ области зрѣнія и слуха, гораздо рѣже—въ области осязанія и обонянія и никогда — въ области вкуса.

ГЛАВА III.

О ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ. — repraesentationes

§ 34. Понятіе о представленіяхъ. Предметный характеръ представленій.

Когда душа станетъ относить разрозненныя ощущенія всѣхъ или нѣсколькихъ органовъ чувствъ къ какому нибудь опредѣленному предмету, тогда возникаетъ въ ней образъ предмета, называемый сложнымъ воззрѣніемъ или *представленіемъ* въ обширномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, представленіе, по характеру своему, есть, болѣе или менѣе, полный образъ предмета. Въ основѣ всякаго представленія находится совокупность чувственныхъ ощущеній; о тѣхъ же качествахъ предмета, отъ которыхъ мы не получали ощущеній, въ нашей душѣ не можетъ быть и представленій (напр. представленій о цвѣтахъ у слѣпорожденнаго).

Всякое представленіе есть познавательное состояніе, относящееся къ опредѣленному предмету, который мы противопоставляемъ себѣ, какъ нѣчто отъ насъ независи-

мое. Въ этомъ смыслѣ представленіямъ принадлежитъ, по преимуществу, *предметный* характеръ. Но представленія не являются точными копіями соотвѣтствующихъ имъ предметовъ; ихъ нельзя считать тождественными, по своему содержанію, съ дѣйствительными предметами, или предметами самими въ себѣ. Извѣстно, что всѣ ощущенія (цвѣта, звука, запаха и т п.), относимыя нами къ опредѣленному предмету, существующему въ пространствѣ внѣ насъ, не суть свойства самихъ предметовъ: это—психическія состоянія, являющіяся результатомъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ внѣшними предметами, и обратнаго дѣйствія на нихъ (реакціи) ощущающей души. Подобно качественному содержанію нашихъ ощущеній и геометрическія свойства вещей: пространственная форма, извѣстное положеніе и разнообразныя отношенія суть также субъективныя состоянія нашего сознанія. Между тѣмъ этимъ, чисто психическимъ, состояніямъ мы придаемъ объективное значеніе, признавая соотвѣтствующіе имъ предметы, какъ реально существующія внѣ насъ причины, возбуждающія въ насъ совокупность или одновременныхъ, или непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ ощущеній, которыя, соединяясь одно съ другимъ, и составляютъ пространственный образъ внѣшняго для насъ предмета. Въ подобномъ образѣ есть такіе признаки, которые должны принадлежать дѣйствительному предмету, слѣдовательно, объективны; таково — существованіе въ пространствѣ, познаваемое при помощи мускульнаго чувства въ соединеніи съ зрѣніемъ и осязаніемъ; таково-же и существованіе во времени. Равнымъ образомъ и все качественное содержаніе ощущеній (цвѣтъ, звукъ и т. п.), которое для научнаго анализа является субъективнымъ, необходимо указываетъ на *особенныя*, объективныя качества предметовъ, которыми возбуждаются въ нашемъ сознаніи соотвѣтствующія имъ ощущенія. Будь эти послѣднія (какъ полагалъ Кантъ) вполнѣ субъективны, въ такомъ случаѣ весь внѣшній міръ превратился-бы въ призракъ, потому что при полной субъективности содержанія нашихъ ощущеній, всѣ чувственные предметы съ ихъ признаками превратились-бы въ субъективные образы. Такимъ образомъ, благодаря дѣйствію на наши чувства внѣшнихъ предметовъ, въ насъ образуется неопреодолимое убѣжденіе въ томъ, что пространственныя и временныя отношенія вмѣстѣ съ качественными особенностями предметовъ дѣйствительно объективны.

§ 35. Различіе между чувственнымъ ощущеніемъ и представленіемъ.

1. Различіе между чувственнымъ ощущеніемъ и представленіемъ заключается въ томъ, что чувственное ощущеніе есть актъ пассивный, переживая который, душа находится вполнѣ въ зависимости отъ предмета. Душа испытываетъ ощущенія до тѣхъ поръ, пока предметъ дѣйствуетъ на нервную систему, и сознаетъ ощущеніе такимъ, какимъ требуетъ данная дѣйствительность. Напротивъ, представленіе есть актъ, въ которомъ выражается самодѣятельность души, хотя и невсегда. Душа можетъ воспроизводить представленія и послѣ того, какъ предметъ перестаетъ дѣйствовать на наши чувства; кромѣ того, душа можетъ, сочетавая одно представленіе съ другимъ, создавать такіе образы, которымъ ничего не соотвѣтствуетъ въ данной дѣйствительности. Представленія составляютъ поэтому, собственность, которою можетъ распоряжаться душа по своей волѣ, чего никогда не бываетъ по отношенію къ чувственнымъ ощущеніямъ.

2. Чувственное ощущеніе является для души всегда съ извѣстною степенью силы, которая всецѣло зависитъ отъ *силы* нервнаго раздраженія, возбужденнаго дѣйствіемъ предмета. Этихъ степеней силы ощущеній—безконечное множество. Представленіе же не имѣетъ силы,—не есть сила, какъ полагалъ Гербартъ. Напр. представленіе объ оглушительномъ громѣ не сильнѣе представленія о самомъ тихомъ звукѣ. Впрочемъ бываютъ такіе случаи, когда представленія являются какъ бы съ извѣстною степенью силы; но это бываетъ тогда, когда появленіе ихъ въ душѣ сопровождается различными волненіями и чувствованіями; напр. при одномъ представленіи мы радуемся, при другомъ—скорбимъ и т. д. Но въ подобныхъ случаяхъ вліяніе на душу человѣка принадлежитъ не самимъ представленіямъ; это доказывается тѣмъ фактомъ, что если извѣстныя представленія сильно вліяютъ на душу одного человѣка, то никакъ не могутъ вліять также на душу другаго человѣка, совершенно къ нимъ равнодушнаго. Представленія могутъ вліять на нашу душу только тогда, когда возбуждаютъ наши интересы, и вслѣдствіе этого, возбуждаютъ чувствованія то пріятныя, то непріятныя. Вотъ эти-то чувствованія, а вовсе не представленія сами по себѣ и возбуждаютъ нашу душу; душа, слѣдовательно, испытываетъ вліяніе отъ различныхъ интересовъ и сопровождающихъ ихъ чувствованій, а вовсе не отъ представленій самихъ по себѣ.

3. Чувственнымъ ощущеніямъ принадлежитъ, сравнительно съ представленіями, всегда большая степень *живости,* зависящая отъ присутствія преметовъ и ихъ вліянія на наши органы чувствъ. Если же происходитъ обратное отношеніе между чувственными ощущеніями и представленіями, то это зависитъ или отъ случайнаго возбужденія, или отъ болѣзненнаго разстройства фантазіи; но въ томъ и въ другомъ случаѣ происходитъ уже не нормальное теченіе душевной жизни.

4. Наконецъ, ощущенія и представленія различаются между собою по степени *ясности.* Въ чувственныхъ ощущеніяхъ мы познаемъ предметъ всегда, болѣе или менѣе, отрывочно и односторонне, отчего познаніе наше не всегда имѣетъ достаточную степень ясности. Въ представленіяхъ же изъ многихъ чувственныхъ ощущеній мы составляемъ одинъ цѣльный образъ предмета, который еще болѣе уясняется чертами, заимствованными изъ области памяти и фантазіи. Вотъ почему представленіямъ принадлежитъ гораздо большая степень ясности, сравнительно съ чувственными ощущеніями.

§ 36. Образованіе представленій. Воображеніе. – Imagination

Ощущенія, относящіяся къ отдѣльнымъ качествамъ предмета, не сами собой сливаются въ представленіе цѣлаго предмета. Для того. чтобы объяснить образованіе представленій, необходимо признать особый видъ душевной дѣятельности, посредствомъ которой всѣ, одновременно и въ непосредственной послѣдовательности возникающія, ощущенія относятся къ одному опредѣленному предмету и такимъ образомъ соединяются въ одинъ цѣльный образъ или представленіе. Поелику же одни предметы, по большей части, существуютъ совмѣстно съ другими предметами, то душа, при образованіи представленія объ одномъ какомъ нибудь предметѣ, необходимо отвлекаетъ одинъ предметъ отъ другихъ, существующихъ съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ эти обнаруженія объединяющей и отвлекающей дѣятельности при образованіи представленій принадлежатъ *воображенію*. Но дѣятельность воображенія не ограничивается соединеніемъ отдѣльныхъ ощущеній въ одинъ образъ или представленіе предмета; изъ нѣсколькихъ представленій воображеніе создаетъ еще *сложные* образы предмета или даже нѣсколькихъ предметовъ вмѣстѣ, напр. представленіе цѣлаго ландшафта. Наконецъ, дѣятельность воображенія обнаруживается въ созданіи *общихъ* представленій или *схемъ*. Отъ частаго наблюденія какого-нибудь предмета въ душѣ возникаетъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ воззрѣній неопредѣленный общій образъ, въ которомъ исчезаютъ всѣ частности и остаются только однѣ всеобщія и необходимыя черты извѣстнаго предмета, остается одно общее очертаніе его вида. Эти общіе и неопредѣленные образы многихъ однородныхъ предметовъ называются схемами *). Схемы занимаютъ, какъ училъ Кантъ, посредствующую ступень между чувственными воззрѣніями и понятіями. Схемы имѣютъ много общаго съ понятіями, потому что какъ тѣ, такъ и другія отличаются характеромъ всеобщности и необходимости. Отличаются же схемы отъ понятій своимъ чувственно-нагляднымъ характеромъ; кромѣ того, схемы представляютъ образы неопредѣленные, тогда какъ понятія всегда бываютъ опредѣленны и отчетливы. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, схемы очень важны для понятій, такъ-какъ онѣ предуготовляютъ душу къ образованію понятій, а готовымъ понятіямъ сообщаютъ характеръ наглядности.

Кромѣ созданія изъ совокупности наличныхъ чувственныхъ ощущеній цѣлыхъ образовъ или представленій, воображеніе проявляется еще,

*) Такое общее очертаніе предметовъ посредствомъ линій выводятъ, обыкновенно, дѣти, когда только что начинаютъ учиться рисовать. Въ подобномъ очертаніи выражается ничто иное, какъ схема предмета, уже образовавшаяся и существовавшая въ душѣ дитяти.

какъ *детерминирующая* дѣятельность души, въ образованіи представленій о такихъ предметахъ, которые не могутъ быть обняты сразу нашими чувствами, но воспринимаются по частямъ; таковы, напр. представленія величины и фигуры предмета; — или въ образованіи представленій о предметахъ неопредѣленныхъ и неясныхъ, каковы, напр. очертанія далекихъ, покрытыхъ туманомъ, предметовъ, волнъ бушующаго моря и т. п. Дѣятельность воображенія въ подобныхъ случаяхъ состоитъ въ томъ, что, по поводу возникающихъ впечатлѣній, воображеніе вызываетъ въ сознаніе изъ прежде полученныхъ одно или нѣсколько другихъ впечатлѣній, которыми и дополняется совокупность наличныхъ впечатлѣній. Такъ образуются *апперцепціи*, т. е. воспріятія, осложненныя чертами, принадлежащими нашимъ прежнимъ душевнымъ состояніямъ, которыя сообщаютъ нашимъ наличнымъ воспріятіямъ особенный характеръ, дополняя, измѣняя и исправляя ихъ содержаніе. Въ апперцепціяхъ мы, поэтому, всегда представляемъ больше, чѣмъ сколько воспринимаемъ чувственными органами; мы, напр. видимъ одну лицевую сторону дома, а представляемъ себѣ цѣлый домъ.

§ 37. Сохраненіе представленій душею. Память. — Memoria

Образовавшееся въ душѣ представленіе не исчезаетъ, когда предметъ перестаетъ дѣйствовать на внѣшнія чувства, но существуетъ нѣкоторое время и по прекращеніи впечатлѣнія; затѣмъ постепенно слабѣетъ, темнѣетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ изъ сознанія. Однако, и по исчезновеніи изъ сознанія, представленіе не теряется совершенно для души,—сознаніе его, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть снова возобновлено (репродукція представленій). Воспроизведенныя представленія душа можетъ, далѣе, различнымъ образомъ преобразовывать. Эти воспроизведенные умственные образы, которымъ не соотвѣтствуетъ *теперь* никакой предметъ (хотя прежде и соотвѣтствовалъ). равнымъ образомъ — преобразованныя представленія, не относящіяся вообще ни къ какому предмету въ дѣйствительности, называются *представленіями въ собственномъ смыслѣ*.

Для изъясненія относящихся къ этой области психическихъ явленій обыкновенно признается особая способность въ душѣ сохранять ранѣе пережитыя представленія (память) и снова вызывать ихъ въ сознаніе (воспоминаніе). Научныя попытки, болѣе или менѣе, точнымъ образомъ объяснить, что такое память, а также самый способъ храненія представленій, выразились во многихъ разнорѣчащихъ теоріяхъ, изъ которыхъ наибольшую извѣстность пріобрѣли теоріи: матеріалистическая и психо-механическая.

§ 38. Матеріалистическая теорія памяти.

Между памятью и нервной системой находится доказанная связь; на этомъ основаніи представителямъ матеріализма кажется очень легкимъ объяснить память изъ отправленій одного мозга. Въ настоящее время нѣкоторыми физіологами и психологами (напр. Бэномъ) высказывается то мнѣніе, что для возникновенія и сохраненія въ памяти представленій служатъ 700 или 1000 милліоновъ нервныхъ клѣтокъ, составляющихъ кору большаго мозга. Тѣ же нервныя нити, которыя соединяютъ нервныя клѣтки коры большаго мозга одну съ другою, производятъ связь и взаимодѣйствіе представленій. Если мы признаемъ, что для каждаго изъ представленій служитъ не одна, а нѣсколько клѣтокъ, то, при относительно ограниченномъ количествѣ нашихъ представленій, нервныхъ клѣтокъ достаточно не только для сохраненія всѣхъ пережитыхъ состояній, но остается еще большой запасъ не занятыхъ клѣтокъ для представленій, имѣющихъ возникнуть въ будущемъ. Всякое представленіе возникаетъ въ одной или нѣсколькихъ клѣткахъ и затѣмъ остается въ нихъ въ видѣ *слѣда;* отъ частаго же повторенія какого нибудь душевнаго состоянія въ нервной клѣткѣ образуется болѣе сильный слѣдъ, или навыкъ къ этому состоянію. Когда возникаетъ какое нибудь впечатлѣніе, сродное съ тѣми, навыкъ къ которымъ образовался въ нервной клѣткѣ, то отъ вновь возникшаго впечатлѣнія приходятъ въ возбужденное состояніе слѣды сродныхъ раздраженій, бывшихъ въ мозгу прежде, что и составляетъ основаніе воспоминанія. Такова въ общихъ чертахъ матеріалистическая теорія памяти и воспоминанія. Несостоятельность этой теоріи очевидна. Если основою памяти служатъ нервныя клѣтки коры большаго мозга, то каждой клѣткѣ должна быть присуща особая энергія, соотвѣтственно разнообразному содержанію носимыхъ ею представленій. Но въ такомъ случаѣ не объяснимо: откуда берется въ нервныхъ клѣткахъ такая *специфически разнообразная* энергія, когда извѣстно, что нервная система во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно *тождественна* и по анатомическому строенію и по физіологическимъ отправленіямъ? Поэтому нужно признать совершенно несостоятельнымъ то мнѣніе, по которому однородныя нервныя клѣтки признаются носителями и производителями столь безконечно-разнообразныхъ явленій, каковы представленія. Затѣмъ, съ матеріалистической точки зрѣнія остается необъяснимымъ: какимъ образомъ специфическая энергія каждой нервной клѣтки можетъ сохраняться иногда въ теченіе цѣлой жизни личности, не смотря на непрерывно продолжающійся обмѣнъ вещества въ мозгу? При томъ же, такъ какъ многія представленія не воспоминаются въ теченіе долгаго времени, то соотвѣтствующія имъ

нервныя клѣтки отъ недостатка дѣятельности должны бы были атрофироваться и такимъ образомъ воспоминаніе давно не воспроизводимыхъ представленій сдѣлалось бы не возможнымъ. Далѣе, по матеріалистической теоріи необъяснимо происхожденіе новыхъ психическихъ образованій изъ представленій, если они матеріальные слѣды, уже завладѣвшіе мозгомъ и, наконецъ, совершенно необъяснимы никакія другія ассоціаціи между представленіями, кромѣ пространственнаго сосѣдства. Такимъ образомъ, основою памяти мозгъ совершенно не можетъ быть признанъ. Но еще болѣе обнаруживается слабость матеріалистическаго ученія при объясненіи произвольнаго воспоминанія, такъ какъ это послѣднее предполагаетъ такую причину, которая задерживаетъ естественное теченіе представленій; но подобная причина должна быть отлична отъ мозга, потому что не могутъ нервныя клѣтки мозга, какъ и всѣ вообще матеріальныя частицы, сами собою не только измѣнять направленіе своего движенія, но и останавливать послѣднее. Вотъ почему для объясненія процессовъ памяти нужно признать бытіе единаго и тождественнаго духовнаго начала, по отношенію къ которому мозгъ является лишь органомъ, необходимымъ для его обнаруженія. Съ этой точки зрѣнія сами собой объясняются и тѣ факты, что ослабѣніе памяти идетъ параллельно съ ослабѣніемъ нервно-мозговой дѣятельности въ старости, — что вслѣдствіе различныхъ болѣзненныхъ случаевъ происходитъ поврежденіе, даже полная потеря памяти по отношенію къ какой нибудь части ея содержанія (напр. память словъ). Можно даже, съ нѣкоторыми физіологами (напр. Р. Вагнеромъ, Брока) такую зависимость памяти отъ мозга объяснить тѣмъ, что опредѣленныя части мозга служатъ различными органами памяти, но никоимъ образомъ нельзя мыслить о сохраненіи представленій или словъ въ мозгу.

§ 39. Критическая оцѣнка механическихъ теорій памяти.

Физіологическое ученіе о слѣдахъ, какъ основѣ памяти, было усвоено многими германскими психологами, какъ-то: Гербартомъ, Бенеке, Фортляге и другими. Эти психологи признавали представленія по отношенію къ душѣ самостоятельными силами, которымъ принадлежитъ способность къ самодвиженію. Вслѣдствіе этой способности, всякое, вновь появляющееся, представленіе стремится вытѣснить изъ сознанія то представленіе, которое тамъ находится. И если въ сознаніи находится представленіе слабѣе того, которое вновь возникаетъ, то оно и вытѣсняется послѣднимъ изъ сознанія. Но представленія, вытѣсненныя изъ сознанія, не погибаютъ, а только теряютъ часть своей ясности, потемняются, ослабѣваютъ и въ видѣ психическихъ слѣдовъ сохраняются въ

безсознательной области впредь до новаго воспроизведенія въ сознаніи. Эта теорія, названная психо-механическою, является несостоятельною: а) въ ученіи о представленіяхъ, какъ самостоятельныхъ силахъ души; б) въ ученіи о слѣдахъ, какъ формѣ, въ которой сохраняются представленія въ душѣ и, наконецъ, в) въ ученіи о безсознательной области, какъ мѣстѣ храненія представленій.

а) Механическія теоріи (Гербарта, Бенеке и друг.) старались приложить къ объясненію душевныхъ явленій тотъ законъ естествознанія, по которому всякое, разъ возбужденное, движеніе какого нибудь тѣла, предоставленное самому себѣ, продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ остановлено движеніемъ какого нибудь другаго тѣла. Но этотъ законъ естествознанія, вполнѣ приложимый къ физическимъ явленіямъ природы, оказывается не имѣющимъ приложенія къ душевной жизни, потому что тѣло относится къ своимъ движеніямъ иначе, чѣмъ душа къ своимъ представленіямъ. Тѣло относится къ своимъ движеніямъ совершенно безразлично, потому что ничего не терпитъ отъ нихъ; движеніе по отношенію къ тѣлу есть простая перемѣна мѣста. При томъ же всякое тѣло не имѣетъ въ себѣ ни силы, ни повода остановить движеніе. Тѣло приводится въ движеніе и останавливается другимъ тѣломъ. Но душа не относится безразлично къ своимъ представленіямъ; такъ какъ она сама производитъ ихъ и живетъ въ нихъ, то отъ нея же зависитъ и самое существованіе или несуществованіе представленій. О самостоятельности движенія представленій, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Въ частности, въ психо-механическихъ теоріяхъ несостоятельно изъясненіе факта забвенія. По этимъ теоріямъ забываются только слабыя представленія, вытѣсняясь сильными. Между тѣмъ, само по себѣ представленіе не можетъ быть ни сильнымъ, ни слабымъ: только интересъ души сообщаетъ извѣстному представленію большую или меньшую силу. Дѣло въ томъ, что представленія, какъ состоянія нашей души, не безразличны для нея, но становятся или въ согласіе съ ея стремленіями, или противорѣчіе. Отсюда—различный интересъ души къ различнымъ представленіямъ. Иногда представленіе, повидимому, слабое, дѣйствуетъ, однако, на наше вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ представленіе болѣе сильное, такъ какъ съ нимъ соединяется для насъ или большій интересъ, или чувство долга,—фактъ, вовсе не объяснимый съ точки зрѣнія механической теоріи, по которой всегда должно одерживать верхъ, обращать на себя наше вниманіе представленіе сильнѣйшее. Такимъ образомъ, не представленія, какъ представленія, борятся между собой, а тѣ интересы и чувствованія, которыя соединяются съ ними; слѣдовательно, главное значеніе въ забвеніи и воспоминаніи представленій принадлежитъ душѣ. Въ объясненіе взаимнаго помраченія или вытѣсне-

нія представленій механическая теорія указываетъ еще на противоположность ихъ содержанія. Но и это не вѣрно. Представленія, противоположныя по содержанію, не только не вытѣсняются, но даже гораздо легче соединяются, чѣмъ представленія сходныя, такъ что для объясненія подобнаго соединенія представленій признается особый законъ ассоціаціи представленій, именно: законъ противоположности или контраста (см. ниже § 41). Да и все наше сознаніе основывается на большемъ или меньшемъ различіи представленій. И если бы представленія на самомъ дѣлѣ вытѣснялись съ силою, пропорціональною степени ихъ противоположности, то результатомъ этого было бы то, что мы сознавали бы представленія только сходныя; сознавали бы небольшія разницы между представленіями, но уже менѣе ясно, чѣмъ представленія сходныя; представленій же противоположныхъ мы никогда не сознавали бы. Но опытъ говоритъ совершенно другое, т. е. что противоположность содержанія представленій не имѣетъ никакого значенія для вытѣсненія ихъ изъ сознанія. — Эти недостатки механическихъ теорій произошли отъ того, что онѣ упустили изъ виду душу, какъ единственную причину, производящую представленія; въ этихъ теоріяхъ душа является праздной зрительницею смѣны представленій, — даже оказывается и вовсе не нужною, ибо представленія возникаютъ и исчезаютъ, какъ совершенно самостоятельныя силы, безъ всякаго участія души.

б) Психо-механическія теоріи признаютъ сохраненіе представленій въ формѣ слѣдовъ. Но какъ бы мы ни понимали слѣды, во всякомъ случаѣ существованіе ихъ не можетъ быть примирено съ понятіемъ о душѣ, какъ существѣ простомъ, и признаніе ихъ существованія слишкомъ отзывается матеріализмомъ. Кромѣ того, слѣдъ, по самому понятію о немъ, можетъ быть тѣмъ же душевнымъ состояніемъ, которое первоначально переживала душа, только потерявшимъ часть своей силы, живости и ясности. Между тѣмъ опытъ говоритъ, что мы никогда не переживаемъ душевнаго состоянія такимъ, какъ оно первоначально въ насъ существовало при своемъ возникновеніи, а воспоминаемъ лишь одно представленіе о немъ, или сознаніе его. Слѣдовательно, существованіе слѣдовъ, какъ копій прежде бывшихъ въ душѣ состояній, не можетъ быть признано.

в) Что касается, наконецъ, безсознательной области, то существованіе ея въ душѣ необходимо признать, только не въ смыслѣ хранилища слѣдовъ отъ пережитыхъ состояній, а какъ всю природу души, развившуюся во времени. Слѣдовательно, существуетъ безсознательно не совокупность слѣдовъ въ душѣ, а *вся природа души, развившаяся въ пережитыхъ ею состояніяхъ*. Съ этой точки зрѣнія становится понятною и психическая основа памяти. Каждое состояніе, съ сознаніемъ

возникающее въ душѣ, становится моментомъ самой души, т. е. преобразуетъ или видоизмѣняетъ сообразно съ своимъ содержаніемъ природу души. Поэтому всякое, пережитое съ сознаніемъ, состояніе остается существующимъ въ душѣ въ теченіи всей ея жизни, *составляя существенный моментъ ея развившейся природы.* Способность душевной природы существовать въ пережитыхъ состояніяхъ и составляетъ основу памяти. Но такъ какъ душа не есть нѣчто слагаемое изъ пережитыхъ ею состояній, а есть *самобытная сила,* непрерывно раскрывающая свою природу въ состояніяхъ, вновь возникающихъ, то энергія души можетъ выражаться съ особенною полнотою и напряженностію въ этихъ послѣднихъ состояніяхъ, вслѣдствіе чего состоянія, вновь переживаемыя душею, сопровождаются сознаніемъ. Всѣ же пережитыя душею состоянія, насколько по отношенію къ нимъ ослабѣваетъ энергія души, могутъ существовать лишь въ формѣ *безсознательнаго расположенія* душевной природы къ ихъ воспроизведенію. Но безсознательное расположеніе душевной природы къ повторенію пережитыхъ состояній, очевидно, не есть простая совокупность прежнихъ состояній, только ослабѣвшихъ и существующихъ въ видѣ слабыхъ копій или слѣдовъ (въ нашей душѣ, напр. не сохраняются слабые остатки отъ цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. п.). Такимъ образомъ, основою памяти служатъ не слѣды прежнихъ душевныхъ состояній, а вся душевная природа, развившаяся въ пережитыхъ ею состояніяхъ и сохраняющая въ себѣ безсознательное расположеніе къ ихъ новому воспроизведенію.

§ 40. Воспоминаніе.

Воспоминаніе представленій можетъ, прежде всего, состоять въ простомъ возникновеніи пережитыхъ состояній, безъ всякаго сознанія что мы ихъ имѣли прежде, равнымъ образомъ—безъ сознанія мѣста и времени, гдѣ и когда мы ихъ имѣли. Такое воспроизведеніе представленій бываетъ во время разсѣянности, мечтательнаго настроенія и т. п. Когда же воспроизведеніе представленій во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ сопровождается сознаніемъ, то оно называется *воспоминаніемъ* въ особенномъ смыслѣ. Это воспоминаніе представленій можетъ совершаться *невольно.*

Но воспоминаніе можетъ быть, далѣе, *произвольнымъ* или *свободнымъ.* Мы часто по своей волѣ избираемъ тотъ предметъ, который хотимъ вспомнить; мы припоминаемъ намѣренно что нибудь, т. е. стараемся намѣренно воспроизвесть извѣстное представленіе; мы напечатлѣваемъ въ памяти рядъ представленій, тщательно заучиваемъ что нибудь и т. п. Произвольное воспоминаніе называется *припамятованіемъ.* Од-

нако вліяніе воли на воспоминаніе очень ограниченное и непрямое. Мы не можемъ какое угодно изъ пережитыхъ представленій воспроизводить во всякое время; очень часто самое напряженное припамятованіе не приводитъ къ цѣли. При воспоминаніи мы не должны дѣлать опыты произвольно, такъ какъ воспроизведеніе представленій управляется опредѣленными законами, извѣстными подъ именемъ законовъ ассоціаціи идей.

§ 41. Законы воспроизведенія представленій.

Не только прежнія чувственныя воззрѣнія, но и духовныя познавательныя состоянія, равно какъ стремленія и чувствованія, кратко: всѣ внутреннія сознательныя состоянія, при обстоятельствахъ, могутъ вновь воспроизводиться въ сознаніи. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе то, что могутъ воспроизводиться не самыя пережитыя состоянія, а только представленіе или сознаніе ихъ. Для воспроизведенія представленій найдены наблюденіемъ опредѣленныя постоянныя отношенія, извѣстныя подъ именемъ *законовъ ассоціаціи идей.* Вопросъ о законахъ ассоціаціи представленій—довольно давній вопросъ психологіи; но особенная разработка его принадлежитъ послѣднимъ тремъ столѣтіямъ; имъ занимались въ своей философіи: Локкъ, Юмъ и затѣмъ—вся Шотландская школа, въ особенности—Милль и Бэнъ. Въ Германіи много занималась рѣшеніемъ этого вопроса Гербартовская школа, хотя объясняла его съ своей точки зрѣнія.

Ассоціація представленій основывается на природномъ стремленіи души—соединять разнородное въ одно стройное цѣлое. Но соединять одни съ другими душа можетъ лишь такія представленія, между которыми существуетъ какое нибудь сродство; поэтому главный законъ, которымъ управляется ассоціація представленій, есть *законъ сродства.* Этотъ законъ проявляется въ двухъ основныхъ формахъ: а) законѣ *смежности* въ пространствѣ или во времени. По закону смежности въ пространствѣ или *совмѣстности* соединяются одно съ другимъ и вызываются въ сознаніи представленія, относящіяся къ такимъ предметамъ, которые были познаны нами въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, или въ непосредственной преемственности. По этому закону всякое ощущеніе, сознанное въ связи съ нѣсколькими другими ощущеніями, вмѣстѣ съ ними потомъ и воспроизводится, образуя совокупность представленій, соотвѣтствующихъ единичнымъ явленіямъ и качествамъ предметовъ, или даже цѣльнымъ образамъ этихъ послѣднихъ. Представленія же отдѣльныхъ предметовъ и тѣхъ явленій, которыя производятся извѣстными предметами, а также происходятъ нераздѣльно съ

этими послѣдними, образуютъ новыя, болѣе сложныя сочетанія и группы, которыя воспроизводятъ въ нашемъ сознаніи соприкасающіяся съ ними представленія различныхъ мѣстностей съ совершившимися на нихъ событіями, — представленія различныхъ городовъ, странъ, народовъ и т. п. Вотъ почему, вспоминая какой нибудь городъ, мы, въ силу разсматриваемаго закона, воспроизводимъ не только общій видъ города, расположеніе улицъ, замѣчательнѣйшія зданія, нравы и обычаи жителей, достопримѣчательныя историческія событія, произшедшія въ немъ и т. п., но и многія незначительныя особенности, различныя частности, бросившіяся намъ въ глаза, событія и явленія, по отношенію къ которымъ намъ случайно пришлось быть свидѣтелями и многое другое. Всѣ наши знанія географическія (въ обширномъ смыслѣ) имѣютъ основаніемъ своимъ законъ совмѣстности или сосуществованія. Въ силу этого закона соединяются не только ощущенія съ ощущеніями и представленія съ представленіями, но также чувствованія съ представленіями и на-оборотъ, равнымъ образомъ чувствованія съ дѣйствіями и дѣйствія съ представленіями. Вслѣдствіе одновременнаго существованія, всѣ эти психическія состоянія вступаютъ между собою въ ассоціацію, которая отъ неоднократныхъ повтореній становится такой крѣпкой, что достаточно воспроизвести одинъ какой-нибудь членъ этой ассоціаціи, чтобы явились и другіе. Такъ-какъ многіе предметы и явленія могутъ оказываться совмѣстно или одновременно существующими лишь случайно, а между тѣмъ это существованіе ихъ можетъ быть ошибочно признано необходимымъ, то законъ совмѣстности можетъ быть источникомъ многихъ заблужденій, суевѣрій и предразсудковъ.

По закону *послѣдовательности* пережитыя душевныя состоянія воспроизводятся въ такомъ преемственномъ порядкѣ, который, при неоднократномъ возникновеніи ихъ въ сознаніи, повторялся всякій разъ безъ измѣненія, или съ незначительными и несущественными измѣненіями. Этимъ закономъ управляется теченіе нашихъ представленій о такихъ явленіяхъ, которыя возникаютъ въ неизмѣнной, опредѣленной послѣдовательности; таковы, напр. смѣны временъ года, дня и ночи, ростъ и развитіе въ области животнаго и растительнаго царства и т. п. Ассоціація представленій о такихъ явленіяхъ, которыя возникаютъ въ постоянной, безусловно-необходимой послѣдовательности, служитъ основаніемъ закона причинности. По закону послѣдовательности образуется ассоціація не только между представленіями, но и между движеніями, чувствованіями, между представленіями и движеніями, представленіями и чувствованіями и т. п. Примѣры связи движеній по закону послѣдовательности представляютъ обыкновенныя механическія работы, которыя, сдѣлавшись привычными, могутъ быть совершаемы безъ

всякой мысли о нихъ. Наша жизнь и дѣятельность представляютъ много такихъ послѣдовательныхъ ассоціацій, правильное выполненіе которыхъ первоначально требовало полнаго нашего вниманія и которыя потомъ выполняются нами безъ всякаго сознанія, каковы напр. привычки ходить, писать и т. п. Наконецъ, законъ послѣдовательности служитъ основаніемъ многихъ предразсудковъ, когда случайную послѣдовательность явленій принимаютъ за причинную, какъ то бываетъ въ различныхъ примѣтахъ (напр. комета — признакъ войны и т. п.).

б) Вторая форма закона сродства есть законъ *сходства*. По этому закону за однимъ представленіемъ вызываются другія, которыя не соприкасались съ первымъ ни по пространству, ни по времени и, будучи въ какомъ-либо отношеніи сходны съ нимъ, могутъ быть вовсе не сходны съ нимъ въ другихъ отношеніяхъ, Такъ, встрѣченный нами незнакомецъ можетъ вызвать въ насъ чертами своего лица или голосомъ воспоминаніе о нашемъ другѣ, имѣющимъ съ нимъ сходство. Слушая какую-нибудь пѣсню, мы воспоминаемъ о сходной пѣснѣ, которую слышали еще въ дѣтствѣ. а это представленіе вызываетъ другія, связанныя съ нимъ, воспоминанія (напр. представленіе о пѣвцѣ и т. п.). По закону сходства изъ простыхъ представленій образуются сложныя; этотъже законъ служитъ основаніемъ классификаціи предметовъ, разнообразныхъ параллелей, поэтическихъ метафоръ, сравненій, уподобленій и сближеній (одушевленныхъ предметовъ съ одушевленными, неодушевленныхъ—съ неодушевленными, одушевленныхъ—съ неодушевленными и наоборотъ и т. п.). Такъ-какъ сходство между предметами можетъ имѣть различныя степени, начиная отъ сходства въ какой-нибудь одной, случайной чертѣ, до сходства въ большей части, или далѣе во всѣхъ признакахъ, то къ закону сходства могутъ относится такія формы воспроизведенія представленій, въ которыхъ безотчетно выполняются даже логическія формы соединенія понятій. Таковы, напр. представленія рода и вида субстанціи и ея видоизмѣненій и т. п.

Къ закону сходства относится воспроизведеніе представленій о такихъ предметахъ, которые, при сходствѣ въ какомъ нибудь отношеніи, являются во всѣхъ другихъ отношеніяхъ противоположными. Это—*законъ контраста*. При видѣ, напр. поразительно толстаго человѣка мы можемъ вспомнить тонкую, длинную фигуру другаго, знакомаго намъ, человѣка. Обширныя, оживленныя улицы какого-нибудь богатаго города легко пробуждаютъ въ насъ воспоминаніе о нѣмыхъ, узкихъ переулкахъ и бѣдныхъ хижинахъ мѣстечка, въ которомъ мы, можетъ быть. родились, или которое почему-нибудь интересно для насъ; трагическій случай, особенно патетическая сцена какой-нибудь трагедіи нерѣдко

возбуждаетъ въ памяти совершенно противоположное, комическое приключеніе.

§ 42. Психологическое изъясненіе воспоминанія.

Воспоминаніе неразрывно соединено съ сознаніемъ. Сознаніе есть такая дѣятельность души, посредствомъ которой душа познаетъ всѣ, возникающія въ ней, состоянія. При этомъ душа, прежде всего, сознаетъ такія состоянія, которыя вызываются въ ней текущими впечатлѣніями и поводами. Но уже и въ каждомъ актѣ сознанія, имѣющемъ предметомъ своимъ настоящія впечатлѣнія, участвуетъ воспоминаніе. Всѣ, вновь возникающія, представленія душа непроизвольно поставляетъ въ соотношеніе съ представленіями, уже находившимися въ сознаніи, которыя хотя затѣмъ изъ него и исчезаютъ, но не совершенно: относительно ихъ остается въ душѣ общее представленіе, что они *были* содержаніемъ сознанія. Это темное, общее сознаніе, что въ душѣ нашей были представленія, и есть первоначальный фактъ *воспоминанія*. Когда же сознающая душа отвращается отъ настоящихъ состояній или потому, что они прекращаются, или потому, что перестаютъ интересовать ее, тогда она обращается къ состояніямъ прошедшей жизни, вызывая ихъ въ сознаніе и такимъ образомъ является въ собственномъ смыслѣ воспоминаніе ихъ. Въ воспоминаніи прошедшихъ состояній обнаруживается таже дѣятельность сознанія, которая вызывается въ душѣ настоящими впечатлѣніями и поводами. Опытъ свидѣтельствуетъ, что въ воспоминаніи воспроизводятся не прежнія состоянія сами по себѣ, а только *сознаніе* или представленіе ихъ. Первоначальное возникновеніе душевнаго состоянія предполагаетъ участіе внѣшнихъ предметовъ, сопровожденіе возникающаго состоянія различными желаніями, чувствованіями и т. п. Воспоминаемое же душевное состояніе имѣетъ совершенно другой характеръ. Мы, напримѣръ, весьма хорошо помнимъ, что чувствовали прежде ненависть къ человѣку, къ которому теперь относимся съ дружбой и любовью; но это воспоминаніе нисколько не нарушаетъ нашего настоящаго чувствованія: ясное доказательство того, что съ воспоминаніемъ вовсе не возвращается прежнее чувствованіе антипатіи. Затѣмъ, воспоминаніе всегда простирается лишь на то, что было ранѣе содержаніемъ сознанія, при чемъ ясность воспоминаемаго состоянія находится въ прямомъ отношеніи къ ясности его первоначальнаго сознанія, т. е. чѣмъ яснѣе первоначально были сознаваемы какія нибудь состоянія, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе бываетъ и воспоминаніе ихъ, и на оборотъ: если мы первоначально ложно поняли предметъ, то и въ воспоминаніи является ошибка, а не истинное пониманіе. Того

же, что не входило въ наше сознаніе, мы не можемъ и вспомнить. Эта неотдѣлимость воспоминанія отъ сознанія доказываетъ то, что воспоминаніе должно имѣть свою причину въ природѣ сознанія, составляя лишь его необходимое свойство. На самомъ дѣлѣ, какъ бывшее, такъ и настоящее содержаніе душевной жизни сознается *однимъ и тѣмъ* же духовнымъ началомъ и его сознающая дѣятельность совершенно одинаково направляется какъ на только что возникающія душевныя состоянія, такъ и на тѣ, которыя возникли уже прежде. При этомъ сознающая дѣятельность души *никогда* не можетъ остаться безъ всякаго содержанія, вслѣдствіе чего какъ только прекращается возникновеніе въ душѣ представленій, вызываемыхъ настоящими впечатлѣніями, душа начинаетъ сознавать пережитыя состоянія, какъ существенные моменты раскрывшейся въ нихъ своей природы. Такимъ образомъ, основою воспоминанія служитъ *таже самая* энергія души, которая проявляется и въ сознаніи настоящихъ состояній, съ тѣмъ только различіемъ, что поводы къ сознанію настоящихъ состояній даются чувственными впечатлѣніями, а къ сознанію прошедшихъ—расположеніемъ или наклонностію души къ повторенію тѣхъ моментовъ, въ которыхъ развилась ея природа.

§ 43. Условія, опредѣляющія совершенства памяти и воспоминанія.

Такъ какъ память есть расположеніе души къ повторенію пережитыхъ состояній, то совершенства ея зависятъ, главнымъ образомъ, отъ природной энергіи души и отъ тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ обнаруженію душевной энергіи. Такъ, основаніемъ весьма многихъ совершенствъ памяти служатъ прирожденныя особенности, отъ которыхъ зависитъ видоизмѣненіе духовной энергіи каждаго индивидуума въ отдѣльности. Въ этомъ отношеніи память, прежде всего, находится въ связи съ различными прирожденными талантами и дарованіями. Немного бываетъ такихъ многостороннихъ дарованій, которыя соединялись бы съ обширною и многостороннею памятью. По большей же части, благодаря прирожденнымъ особенностямъ, главнымъ же образомъ, благодаря развитію и самодѣятельности, дарованія вмѣстѣ съ памятью принимаютъ одно какое нибудь направленіе (различаютъ напр. память словъ, именъ, чиселъ, мѣстъ и т. д.). Затѣмъ, совершенства памяти зависятъ отъ неодинаковой врожденной и пріобрѣтенной воспріимчивости. Въ особенности важное значеніе для памяти имѣетъ первоначальное воспріятіе представленій въ сознаніи. Одинъ имѣетъ отъ природы способность живо и быстро воспринимать, поэтому онъ легко

воспринимаетъ въ сознаніе многое. Вмѣстѣ съ этимъ онъ можетъ имѣть также сильное вниманіе, благодаря которому можетъ это многое и сохранить въ себѣ вѣрно. Но чаще всего бываетъ такъ, что вниманіе подобнаго человѣка гораздо болѣе быстро, чѣмъ энергично, вслѣдствіе чего человѣкъ не пользуется своимъ вниманіемъ до конца, не производитъ своего наблюденія съ надлежащею тщательностію, отъ того и памяти его, большею частію, недостаетъ *вѣрности*. Другой, напротивъ, усвояетъ наблюдаемое медленно и съ трудомъ, но за то онъ долго останавливается съ сильнымъ вниманіемъ на отдѣльныхъ представленіяхъ и до тонкости проникаетъ въ ихъ связь; отъ того и память его отличается вѣрностію.

Другія условія, отъ которыхъ зависятъ совершенства памяти, сводятся къ условіямъ, опредѣляющимъ совершенства воспоминанія. Условія эти слѣдующія.

Воспоминаніе есть актъ сознанія, имѣющій предметомъ своимъ пережитыя состоянія души. Поэтому тѣ представленія будутъ лучше вспоминаться, съ которыми, при ихъ возникновеніи, соединялась, болѣе или менѣе, высшая степень сознательности. Отсюда необходимо, чтобы извѣстное состояніе, при его возникновеніи было не только сознано, но чтобы мы обратили на это сознаніе вниманіе и узнали, что данное состояніе сознано,—лишь въ такомъ случаѣ возникшее состояніе становится существеннымъ моментомъ самой природы души. Когда же какое нибудь воспріятіе остается *только простымъ* воспріятіемъ и исчезаетъ какъ воспріятіе; когда оно принимается не какъ *представленіе*, не какъ содержаніе сознанія, а только какъ мгновенно являющійся *предметъ* (объектъ); тогда оно не способно и къ воспоминанію, потому что ежедневно мы воспринимаемъ множество такихъ предметовъ, которые вызываютъ лишь мгновенныя ощущенія, исчезающія, затѣмъ, совершенно безслѣдно для нашего воспоминанія. Посему необходимо обращать самое полное *вниманіе* на возникающее представленіе и, въ особенности, на его содержаніе, доводя сознаніе и пониманіе его до возможной степени ясности и отчетливости. Такое отношеніе къ возникающимъ представленіятъ будетъ служить основаніемъ *вѣрности* послѣдующаго воспоминанія, потому что тщательно и ясно усвоенныя представленія будутъ вѣрно и воспомянуты.

Какъ средство, способствующее вѣрности воспоминанія, служитъ, прежде всего, *сила впечатлѣній*, потому что сильное впечатлѣніе сильно возбуждаетъ вниманіе и тѣмъ помогаетъ ясному и отчетливому сознанію возникающаго представленія. На этомъ средствѣ основывается, между прочимъ, и важность, такъ называемаго, наглядного образованія.

Затѣмъ, весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспоминанія имѣетъ то, чтобы однородныя представленія находились *въ связи* между собою и, въ особенности, въ связи съ болѣе важными по своему содержанію представленіями, потому что при воспоминаніи одно представленіе по законамъ ассоціаціи будетъ располагать душу къ повторенію другаго. Въ особенности связь однихъ представленій съ другими важна въ томъ отношеніи, что ею обусловливается большая ясность сознанія, необходимая для полнаго совершенства воспоминанія. Поэтому тѣ состоянія, которыя возникаютъ въ душѣ какъ бы случайно и безъ всякой связи съ другими представленіями, по большей части, скоро забываются, такъ какъ душа, не сознавшая ихъ съ достаточною ясностію, не въ состояніи будетъ, вслѣдствіе этого, вновь вызвать ихъ въ сознаніе или вспомнить.

Далѣе, вѣрности воспоминанія способствуетъ *разнообразіе* представленій, потому что чѣмъ болѣе одно представленіе отличается по своему содержанію отъ другаго, тѣмъ съ большею ясностію и раздѣльностію оно и сознается. И на оборотъ: представленія, не отличающіяся или трудно отличающіяся по своему содержанію одно отъ другаго, мы, по большей части, и сознаемъ весьма смутно, потому что и сознаніе того, что онѣ были у насъ, и особенно воспоминаніе ихъ можетъ быть настолько неясное и неопредѣленное, что является почти невозможнымъ. Причина этого явленія та, что представленіе неопредѣленное, а потому отличимое отъ другихъ съ трудомъ, мы *смѣшиваемъ* съ подобнымъ ему, такъ что намъ становится, наконецъ, невозможнымъ и воспоминаніе подобныхъ представленій. Этимъ объясняется то, что мы особенно часто забываемъ имена, годы (обозначенія времени) и числа вообще.

Кромѣ указанныхъ условій, весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспоминанія имѣетъ тотъ *интересъ*, который возбуждаютъ къ себѣ возникающія въ насъ представленія. Опытъ показываетъ, что мы долго и живо помнимъ, повидимому, слабыя и неопредѣленныя представленія (напр. легкаго шума, который возвѣщаетъ намъ о приближающейся бѣдѣ, или объ избавленіи отъ опаснаго положенія), если только содержаніе ихъ было въ высшей степени для насъ интересно. И наоборотъ: мы легко забываемъ вполнѣ ясныя и точныя представленія, если содержаніе ихъ было для насъ вполнѣ безразлично. Слѣдовательно, совершенство воспоминанія находится въ прямой зависимости отъ нашего интереса къ извѣстнымъ представленіямъ, потому что чѣмъ болѣе интересуетъ насъ какое нибудь представленіе, тѣмъ сильнѣе оно возбуждаетъ наше вниманіе и тѣмъ яснѣе сознается. Отсюда—поразительная прочность, острота и вѣрность памяти земледѣльцевъ, ремесленниковъ,

купповъ и др. относительно именъ, чиселъ и тому подобнаго, относящагося къ ихъ занятіямъ. Отсюда же, наоборотъ, столь поражающая забывчивость тупыхъ, равнодушныхъ, равно какъ разсѣянныхъ, растерявшися людей, изъ которыхъ однихъ ничто не интересуетъ, а другихъ интересуетъ все, что ни попало, и на которыхъ, поэтому, отдѣльный опредѣленный случай производитъ одинаково слабое впечатлѣніе.

Всякое, интересующее насъ, представленіе сопровождается, болѣе или менѣе, сильнымъ чувствованіемъ, и наоборотъ: различныя представленія въ той же самой мѣрѣ возбуждаютъ нашъ интересъ, въ какой онѣ возбуждаютъ наши чувствованія. Поэтому воспоминаемость представленій вообще зависитъ отъ тѣхъ *чувствованій,* которыя ихъ сопровождали или находились съ ними въ соотношеніи. Представленіе, посредствомъ соединеннаго съ нимъ чувствованія, какъ бы закрѣпляется за душею; содержаніе его уже необходимо перестаетъ быть для насъ безразличнымъ предметомъ, но незамѣтно становится въ этомъ чувствованіи и вмѣстѣ съ нимъ моментомъ самой души. Поэтому-то незабвенными остаются для насъ всѣ событія, которыя вызвали въ насъ горячее, продолжительное чувствованіе радости или горя, хотя воспоминаніе и не можетъ оживить самаго чувствованія. Въ столь же живомъ воспоминаніи остаются у насъ всѣ лица, съ которыми соединяло насъ чувство любви, равно какъ и всѣ тѣ, къ кому чувствовали мы ненависть и отвращеніе. Но если все интересующее тѣмъ лучше сознается, чѣмъ болѣе возбуждаетъ душу, то, отождествляя воспоминаніе съ сознаніемъ, можно признать за законъ, что *воспоминаніе бываетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ сильнѣе возбужденіе души извѣстнымъ представленіемъ.* Такимъ образомъ, интересъ къ извѣстному представленію и сопровождающее его чувствованіе служитъ основаніемъ не только *вѣрности,* но и временной *продолжительности* воспоминанія.

Но такъ какъ не всѣ представленія бываютъ для насъ интересны, то необходимымъ условіемъ продолжительности воспоминанія нужно признать еще *частое повтореніе представленій въ сознаніи безъ существеннаго измѣненія ихъ*, какъ то бываетъ, напр. при заучиваніи. При постоянномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же представленій въ той же самой связи они не только получаютъ большую опредѣленность для нашего сознанія, но мы воспринимаемъ ихъ тогда сознательно именно какъ представленія. Здѣсь находитъ себѣ объясненіе *законъ привычки*,—законъ, имѣющій столь важное значеніе въ нашей жизни. Что сначала дѣлалось съ вниманіемъ и часто съ трудомъ, то чрезъ повтореніе становится для насъ столь легкимъ, что выполняется, какъ бы, само собою, безъ всякой мысли о дѣйствіи. Этотъ законъ обнаруживаетъ свою силу въ раз-

личныхъ искусствахъ, въ умѣньи говорить, танцовать, въ ловкости гимнастическихъ упражненій, во многихъ занятіяхъ повседневной жизни, въ репродукціи послѣдовательно заученныхъ стиховъ, молитвъ и т. п.

Наконецъ, одно изъ совершенствъ воспоминанія—*легкость* весьма много зависитъ какъ отъ вышеуказанныхъ психологическихъ условій (въ особенности отъ вниманія), такъ и отъ условій физіологическихъ. Извѣстно, что въ юности и утромъ—въ продолженіи сутокъ воспоминаніе происходитъ особенно легко. Вечеромъ же и въ старческомъ возрастѣ легкость воспоминанія достигаетъ до минимума. „Въ три первые года жизни человѣкъ выучиваетъ болѣе, чѣмъ въ три академическихъ (Жанъ Поль)"—грамматику и лексиконъ роднаго языка и пріобрѣтаетъ необыкновенную массу реальныхъ знаній. Ибо какъ вообще сознаніе, такъ равно и память находятся въ зависимости отъ дѣятельности мозга, при чемъ память, какъ полагаютъ, имѣетъ въ мозгу свой особенный органъ (по Р. Вагнеру—Аммоновъ бугоръ и волокна его корней). Въ особенно сильной зависимости отъ мозга находится, кажется, память словъ. Многочисленные примѣры указываютъ на то, что вслѣдствіе болѣзненныхъ состояній мозга исчезаютъ изъ памяти то всѣ, то нѣкоторыя слова. При этомъ иногда обнаруживается то, что подобные больные, теряя память словъ, могутъ выражать свои мысли письменно или посредствомъ какихъ нибудь знаковъ. Въ двухъ такихъ случаяхъ П. Брока (въ Парижѣ) нашелъ поврежденіе второй и третьей передней извилины лѣваго полушарія мозга и потому считаетъ ихъ за органъ языка. Но какъ именно мозгъ соучаствуетъ въ воспроизведеніи представленій, это также темно, какъ и вообще связь мозга съ сознаніемъ.

Всѣ указанныя условія, опредѣляющія совершенства памяти и воспоминанія, ничего не говорятъ намъ о томъ: какими совершенствами должны обладать память и воспоминаніе, чтобы быть *пригодными для цѣлей духовной жизни?* По природѣ своей память можетъ быть только *механическою*. Когда представленія въ извѣстномъ порядкѣ часто воспроизводятся душею, то они, вслѣдствіе этого, соединяются въ ассоціацію по закону послѣдовательности, въ порядкѣ которой потомъ и воспоминаются. Но ассоціація представленій по закону послѣдовательности, основываясь на частомъ повтореніи ихъ, можетъ вовсе не зависѣть отъ самаго содержанія представленій. Вслѣдствіе частаго повторенія можно запомнить много такого, чего мы вовсе не понимаемъ. Подобная память можетъ быть вѣрною и продолжительною, но не всегда пригодною для жизни, потому что при небольшомъ измѣненіи порядка, въ которомъ запоминались представленія, память, по большей части, отказывается служить. Кромѣ того, и животнымъ необходимо приписать подобное же воспоминаніе, состоящее въ непроизвольной репродукціи представленій,

безъ сознанія мѣста и времени, гдѣ и когда они ихъ имѣли. Для цѣлей жизни человѣка духовно развитаго является необходимымъ такое запоминаніе представленій, которое бы соединялось съ предварительнымъ *пониманіемъ* содержанія ихъ каждаго въ отдѣльности и въ отношеніяхъ другъ къ другу. Въ такомъ случаѣ представленія соединяются не механически, но логически, по внутреннему сходству и однородности въ самомъ содержаніи. Такъ, напр. запоминаются математическія доказательства. Поелику пониманіе есть уже дѣло не памяти, а разсудка, то память здѣсь находится во взаимодѣйствіи съ разсудкомъ и зависитъ отъ него, а потому и называется *разсудочною*. Наконецъ, весьма важно для цѣлей духовной жизни взаимодѣйствіе памяти съ фантазіей, потому что, благодаря остроумію, открывается внутреннее, необходимое отношеніе между такими воспоминаемыми предметами, между которыми на первый взглядъ существуетъ только случайная связь. Эта память называется *остроумною*. Само собою понятно, что только та память будетъ наиболѣе пригодна для цѣлей духовной жизни, которая соединяется съ общимъ духовнымъ развитіемъ и находится во взаимодѣйствіи съ разсудкомъ и фантазіей.

Противоположность памяти составляетъ *забвеніе*. Оно состоитъ въ неспособности воспроизводить тѣ представленія, которыя мы имѣли прежде, и зависитъ отъ невыполненія нѣкоторыхъ или многихъ изъ условій, необходимыхъ для воспоминанія. Однако эта неспособность—лишь относительная и временная, ибо она основывается на отсутствіи или недостаткѣ дѣйствительныхъ вспомогательныхъ средствъ для репродукціи, въ сравненіи съ силою и количествомъ всего того, что препятствуетъ воспоминанію. Если удается эти препятствія какимъ нибудь образомъ устранить, то представленіе воспроизводится. Такимъ образомъ, ни объ одномъ представленіи нельзя сказать, что оно абсолютно забыто, подобно тому, какъ „о золотомъ кольцѣ, брошенномъ въ море, нельзя сказать, что оно абсолютно потеряно“. Во снѣ, гдѣ исчезаютъ всѣ препятствія бодрственной жизни, равнымъ образомъ въ состояніи, такъ называемаго, ясновидѣнія и въ моментъ смерти часто такія „забытыя представленія“ вспоминаются съ поразительною ясностію (спасенные, напр. отъ смерти утопленники разсказывали, что они въ одно мгновеніе вспоминали все, пережитое ими въ теченіе своей жизни съ необыкновенною подробностію).

§ 44. Фантазія.

Дѣятельность воображенія отличается тою особенностію, что въ своихъ образахъ воспроизводитъ дѣйствительность какъ она есть, а не уклоняется отъ нея. Но воображеніе не ограничивается этимъ; его дѣятельность простирается далѣе,—на соединеніе чувственныхъ ощущеній и представленій въ такіе образы, которые уклоняются отъ дѣйствительности или въ частностяхъ, или въ цѣломъ видѣ. Такое воображеніе называется *творческимъ* или *фантазіею*. Хотя фантазія всегда творитъ

что-нибудь новое, однако это творчество не нужно понимать въ томъ смыслѣ, что будто фантазія создаетъ *совершенно новые* образы. Стоитъ только разложить ея произведенія на составные элементы, и мы найдемъ, что, хотя они въ цѣломъ и не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной дѣйствительности, однако по частямъ они все таки взяты изъ нея же. Произведенія фантазіи являются лишь разнообразными преобразованіями нашихъ прежнихъ воззрѣній и представленій и это доказывается тѣмъ, что фантазія не можетъ создать ни одного образа о томъ, для чего недостаетъ внѣшняго чувства (напр. слѣпой не можетъ вообразить цвѣта). Вообще фантазія не можетъ создать ни новаго звука, ни новаго цвѣта, ни новаго чувствованія. Такимъ образомъ, матеріалъ для всѣхъ образовъ фантазіи данъ въ опытѣ и только сообщеніе формы этому матеріалу принадлежитъ фантазіи. Не смотря однако на такое ограниченіе данными элементами дѣйствительности, фантазія проявляется въ высшей степени разнообразно.

Въ творческой дѣятельности фантазіи различаются два основныя направленія. Дѣятельность фантазіи, обнаруживающаяся въ первомъ направленіи, отличается большею или меньшею произвольностію и имѣетъ своею цѣлію въ образахъ и ихъ сочетаніяхъ создать *міръ шутки и забавы*. Человѣческой душѣ свойственно стремленіе, между прочимъ, къ такой дѣятельности, которая не требовала бы серіознаго напряженія ея силъ и имѣла бы значеніе скорѣе отдыха, чѣмъ серьезнаго труда. Такому то стремленію и удовлетворяетъ фантазія, создавая міръ шутки и забавы. Но фантазія не ограничивается лишь этимъ направленіемъ; ея дѣятельность обнаруживается еще подъ вліяніемъ нравственныхъ потребностей духовной природы человѣка и въ такомъ случаѣ создаетъ *міръ идеальнаго творчества*. Въ данномъ случаѣ мы разсмотримъ процессъ и главные пріемы дѣятельности фантазіи, обнаруживающейся въ первомъ направленіи; объ идеальномъ же творчествѣ будетъ рѣчь тогда, когда будутъ изучены другія явленія душевной жизни, составляющія необходимое условіе идеальнаго творчества.

Фантазія, создающая міръ шутки и забавы, проявляетъ свою дѣятельность, прежде всего, въ томъ, что образы неопредѣленные, неполные и неясные точнѣе *опредѣляетъ, дополняетъ и уясняетъ* и, притомъ, такъ, что въ результатѣ получается произведеніе, болѣе или менѣе, уклоняющееся отъ дѣйствительности, которая послужила поводомъ къ его происхожденію. Этой дѣятельности фантазіи обязаны, прежде всего, своимъ происхожденіемъ аналогіи и уподобленія между предметами и явленіями различныхъ областей природы. Фантазія уподобляетъ одушевленный міръ неодушевленному, міръ животныхъ—людямъ и наоборотъ. Какъ дѣятельность восполняющая, фантазія стремится къ начертанію

цѣлостнаго образа, безъ всякихъ пробѣловъ; при этомъ ей нужны лишь немногія точки и линіи, чтобъ начертить такой образъ. Она восполняетъ пробѣлы въ связи какого нибудь повѣствованія, романа, и потому хорошіе романисты обыкновенно нарочно дѣлаютъ пробѣлы въ своихъ произведеніяхъ, чтобы дать пищу воображенію читателей. Она присочиняетъ также къ слышимымъ нами событіямъ побочныя обстоятельства, основанія и причины, цѣли и слѣдствія, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не получитъ удовлетворительнаго цѣлаго. Отсюда объясняется то явленіе, что молва, переходя изъ однихъ устъ въ другія, такъ раскрашиваетъ событіе, что нерѣдко трудно бываетъ отыскать въ разсказѣ правду. Фантазія, наконецъ, создаетъ дѣтскія игры и сообщаетъ имъ главную прелесть, безъ чего онѣ были бы невыносимо скучны.

Въ связи съ этою дѣятельностію фантазіи стоитъ *преувеличивающая* и *преуменьшающая* ея *дѣятельность,* какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ ея смыслѣ. Въ дѣйствительности все имѣетъ опредѣленную мѣру качества и количества, опредѣленныя пространственныя и временныя отношенія; но фантазія въ своей дѣятельности не подчиняется строго этому натуральному и необходимому порядку вещей. Она увеличиваетъ, напримѣръ, объемъ человѣческаго роста до великана, или уменьшаетъ, его до „мальчика съ пальчикъ". Дитя, подъ ея вліяніемъ, хочетъ казаться большимъ, невѣжда—ученымъ, больной—здоровымъ и т. д., при чемъ они, обыкновенно, въ пріятныхъ чертахъ рисуютъ предъ собой картину своего будущаго состоянія.

Но особенно творческій духъ фантазіи проявляется въ *комбинирующей* ея дѣятельности, гдѣ она касается самой связи представленій и ихъ взаимнаго отношенія. Она обнаруживается здѣсь въ произведеніяхъ игривой ассоціаціи, въ юморѣ, остротахъ, каррикатурахъ и т. п., но еще свободнѣе и своеобразнѣе—въ созданіи новыхъ причудливыхъ образовъ, уклоняющихся отъ видимой дѣйствительности. Сюда относятся произведенія дѣтской фантазіи: поющія деревья, говорящія животныя, золотыя яблоки и хрустальные дворцы, превращенные царевичи, драконы и чудовища всякаго рода, а также—символическіе образы древней миѳологіи: сфинксы, центавры и т. п.

Дѣятельность фантазіи только тогда совершается правильно, когда, основываясь на почвѣ опыта, происходитъ подъ руководствомъ разсудка и совѣсти, или подъ вдохновляющимъ вліяніемъ сердца и особенно чувства прекраснаго; въ противномъ-же случаѣ дѣятельность фантазіи разрѣшается безцѣльною смѣною образовъ, переходя въ *фантазированье*, а при крайнемъ развитіи—въ болѣзненно-настроенную *мечтательность*.

§ 45. Взаимодѣйствіе фантазіи съ остальными явленіями душевной жизни и съ тѣлеснымъ организмомъ.

Какъ и всякая психическая способность, фантазія находится во взаимодѣйствіи со всею вообще душевною жизнію и жизнію тѣла: она, съ одной стороны, зависитъ отъ остальныхъ состояній души, а съ другой—воздѣйствуетъ на нихъ.

а) Такъ, многія чувственныя ощущенія, въ особенности нѣкоторые цвѣта (напр. красный и фіолетовый), звуки, запахи, равно какъ величественные виды, ландшафты и т. п. дѣйствуютъ на фантазію возбуждающимъ образомъ, но не непосредственно сами по себѣ, а только посредственно, чрезъ чувствованія и интересы, которые соединяются съ ними. Причина этого та, что возбужденіе фантазіи основывается на возбужденіи души, а это послѣдніе необходимо выражается въ чувствованіяхъ. Поэтому всѣ ощущенія, чтобы дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на фантазію, должны находить душу въ состояніи возможнаго покоя. Если наше вниманіе чѣмъ-нибудь сильно занято, то никакіе очаровательные ландшафты и поразительныя явленія не будутъ дѣйствовать на фантазію возбудительно, потому что не соприкасаются съ интересами души. Этимъ именно объясняется то, почему иногда совершенно противоположныя ощущенія, съ одной стороны, возбуждающія чувствованія, напр. трескъ барабановъ и звукъ военныхъ трубъ, шумъ моря и все вообще поразительное и странное, а съ другой—ощущенія, успокоивающія и умѣряющія раздражимость души, какъ напр. плескъ волнъ, шелестъ деревьевъ, сумерки, лунное сіяніе, тишина и уединеніе дѣйствуютъ на фантазію возбуждающимъ образомъ. Это потому, что одни изъ нихъ возбуждаютъ чувствованія, когда душа находится въ покоѣ, а другія, умѣряя возбудимость души, обращаютъ ее отъ внѣшняго міра къ самой себѣ, къ ея внутренней жизни въ представленіяхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ,—что также составляетъ условіе для возбужденія фантазіи. Этимъ-же объясняется и то, почему въ старческомъ возрастѣ фантазія хотя дѣйствуетъ вообще слабѣе и медленнѣе, тѣмъ не менѣе въ кругу интересующихъ предметовъ остается неослабно дѣятельной. Если, такимъ образомъ, чувствованія и интересы, сопровождающіе ощущенія, возбуждаютъ дѣятельность фантазіи, то чисто духовныя состоянія всякаго рода, чистыя чувствованія, аффекты и страсти (радость, любовь, надежда, страхъ и т. п.), за исключеніемъ только ужаса, тѣмъ болѣе сильно дѣйствуютъ на фантазію. Особенно-же замѣтнымъ является вліяніе на фантазію, такъ называемыхъ, симпатическихъ чувствованій. Въ любимомъ лицѣ фантазія все выставляетъ въ лучшемъ свѣтѣ, неправильность чертъ скрадываетъ, смягчаетъ недостатки и пороки, а достоинства преувеличиваетъ. Напротивъ, въ ненавистномъ лицѣ она все представляетъ въ превратномъ видѣ: ненавистнымъ, противнымъ, недостаточнымъ. Одна и таже истина производитъ на насъ совершенно иное впечатлѣніе, смотря по тому, знаменитымъ или обыкновеннымъ человѣкомъ она высказывается.

в) Съ своей стороны и фантазія не менѣе дѣйствуетъ на другія психическія состоянія. Такъ, что касается, прежде всего, чувственныхъ ощущеній, то уже выше указывалось на синтезирующую или объединяющую дѣятельность фантазіи въ этой области. Нерѣдко фантазія измѣняетъ и самыя особенности ощущеній; напр. намъ непріятно бываетъ ѣсть кушанье, если мы воображаемъ, что оно не чисто приготовлено. Наше мышленіе фантазія побуждаетъ къ достиженію возможно законченнаго знанія тамъ, гдѣ есть пробѣлы, разности и т. д. Еще болѣе сильно и замѣтно фантазія дѣйствуетъ на жизнь сердца. Именно, она посредствомъ представленій и ихъ разнообразныхъ сочетаній возбуждаетъ чувствованія, усиливаетъ данныя на лицо и доводитъ ихъ иногда до степени аффекта; она увеличиваетъ горе и радость и такимъ образомъ

придаетъ имъ ложную оцѣнку. Примыкая къ веселому или мрачному настроенію души, она, въ первомъ случаѣ, своими свѣтлыми мечтами освѣжаетъ и поддерживаетъ все наше духовное и тѣлесное существо; во второмъ—своими мрачными образами убиваетъ въ душѣ всякую энергію, производитъ чувство скуки и заставляетъ искать удовольствія въ тѣлесныхъ раздраженіяхъ. Какъ способность идеальнаго творчества, фантазія создаетъ міръ искусства съ его разнообразными идеалами, при чемъ вліяетъ и на волю, такъ какъ эта послѣдняя дѣйствуетъ, по преимуществу, въ направленіи созданнаго идеала.

Наконецъ, фантазія находится во взаимодѣйствіи и съ тѣлеснымъ организмомъ. Именно, находясь въ зависимости, какъ и сознаніе вообще, отъ нервной системы, фантазія, естественно, испытываетъ вліяніе отъ всего того, что такъ или иначе вліяетъ на эту систему, напр. отъ климатическихъ перемѣнъ, отъ нервныхъ болѣзней, различныхъ нервныхъ возбужденій отъ спиртныхъ напитковъ и всякихъ вообще наркотическихъ веществъ: табаку, кофе, опіума и т. п. Не меньшее вліяніе обнаруживаетъ, съ своей стороны, и фантазія на тѣлесную жизнь. Опытъ, прежде всего, показываетъ, что своими живыми и ясными представленіями фантазія можетъ приводить въ движеніе какъ чувствовательные, такъ и двигательные нервы и, слѣдовательно, можетъ порождать какъ ощущенія, такъ и движенія. Такъ, живое представленіе лакомаго кушанья, дѣйствительно, производитъ ощущеніе вкуса, сопровождающееся выдѣленіемъ слюны; представленіе чего-нибудь отвратительнаго производитъ чувство отвращенія даже до рвоты. Подобнымъ же образомъ фантазія дѣйствуетъ и на двигательные нервы, и въ доказательство указываютъ на опытъ одного французскаго физика, состоявшій въ томъ, что если взять въ руку маятникъ и вообразить, что онъ движется, то и на самомъ дѣлѣ онъ придетъ въ колебаніе *). Далѣе, фантазія обнаруживаетъ на наше тѣло еще большее вліяніе: сильное представленіе боли способно произвесть дѣйствительную боль, и на оборотъ: представленіе здоровья можетъ быть хорошимъ средствомъ для исцѣленія отъ дѣйствительной боли. Извѣстно, напр. что обращеніе съ сумасшедшими и нервно-больными, смотрѣніе на эпидемическія судороги, пляску св. Витта, эпилепсію и даже простое подражаніе такимъ состояніямъ бываетъ заразительно, такъ какъ посредствомъ фантазіи они могутъ переходить и на тѣло зрителя. Ипохондрикъ, напр. не воображаетъ только, но и дѣйствительно испытываетъ въ себѣ воображаемыя болѣзни. Одинъ чрезъ мѣру пылкій и впечатлительный ученикъ нѣкоего Боэргава послѣдовательно подвергался всѣмъ тѣмъ болѣзнямъ, которыя живо и наглядно изображалъ передъ нимъ его учитель; лица, укушенныя собакой, которую они ошибочно считаютъ бѣшеной, могутъ получить дѣйствительную водобоязнь. Подобно сему фантазія можетъ оказывать и спасительное дѣйствіе, чаще всего, при исцѣленіи нервныхъ болѣзней, такими средствами, которыя сами по себѣ совершенно не дѣйствительны. Сюда относятся также и различныя исцѣленія, такъ называемыми, симпатическими средствами.

§ 46. Значеніе представленій въ духовной жизни.

Представленіе есть умственный образъ, который, разъ возникши въ душѣ, и по исчезновеніи изъ сознанія, можетъ быть снова вызываемъ при благопріятныхъ условіяхъ въ сознаніе. Такимъ образомъ, представленія составляютъ неотъемлемую собственность, которою душа мо-

*) Весьма много интереснѣйшихъ примѣровъ, подтверждающихъ высказанную мысль, находятся въ соч. Карпентера: „Основанія физіологіи ума“, т. I, стр. 140—142.

жетъ пользоваться по своей волѣ. Это свойство—сохраняемость для души—дѣлаетъ представленія весьма важными для духовной жизни. Безъ возможности вызывать снова въ сознаніе бывшія представленія душа могла бы жить только возникающими ощущеніями и, слѣдовательно, должна была бы каждый разъ начинать духовную дѣятельность снова. Представленія же, усвоенныя духовною жизнію отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества, служатъ постояннымъ запасомъ знаній, увеличивая который, человѣкъ или все человѣчество будутъ увеличивать и прогрессивное развитіе духовной жизни какъ личной, такъ и исторической. Представленія *служатъ матеріаломъ* для всѣхъ областей духовной жизни: какъ для теоретически-научной, такъ и художественной, а также для успѣшнаго развитія практической жизни.

Но представленія важны именно какъ матеріалъ, необходимый для душевнаго образованія подъ руководствомъ мышленія. Оставшись же безъ надлежащей обработки, представленія могутъ быть не только безполезны, но даже и вредны для цѣлей душевной жизни. Представленія образуются слишкомъ безотчетно, какъ бы механически, и не приводятъ ни къ стройному возсозданію жизни въ образахъ, ни къ опредѣленнымъ построеніямъ при помощи сужденій и умозаключеній; во вторыхъ, въ силу крайней безотчетности, теченіе представленій легко можетъ перейти въ произвольную игру образами и ихъ сцѣпленіями, совершенно отрывающую насъ отъ дѣйствительности и отъ требованій законосообразной умственной дѣятельности. Такія именно послѣдствія и бываютъ у людей, изъ за увлеченія представленіями забывающихъ и простыя требованія положительнаго здравомыслія, и не выработавшихъ въ себѣ никакого навыка къ серьезному умственному труду (Гогоцкій).

ГЛАВА IV.

ОБЛАСТЬ МЫШЛЕНІЯ.

§ 47. Понятіе о мышленіи.

Когда представленія оказываются однородными по самому своему содержанію, то соединяются одни съ другими необходимымъ, внутреннимъ, логическимъ образомъ; результатомъ же ихъ соединенія бываетъ образованіе новыхъ духовныхъ представленій, называемыхъ понятіями. Понятіе есть представленіе, имѣющее характеръ всеобщности и необходимости, т. е. относящееся не къ одному какому нибудь исключительно предмету, а ко многимъ дѣйствительнымъ или возможнымъ предметамъ, при чемъ и всѣмъ предметамъ, мыслимымъ посредствомъ понятія,

принадлежитъ постоянно и неизмѣнно его необходимое содержаніе, когда бы и гдѣ эти предметы ни существовали. Духовная дѣятельность, посредствомъ которой образуются необходимыя и всеобщія представленія или понятія, называется *мышленіемъ*, а самая способность мыслить— *разсудкомъ*. — l'entendement.

§ 48. Задача и отношеніе мышленія къ общей психической дѣятельности.

Мышленіе является высшею формою познавательной дѣятельности; поэтому въ немъ совмѣщаются и возводятся къ высшему совершенству два низшіе вида познавательной дѣятельности: чувственное ощущеніе и представленіе. Мышленіе, совмѣщая въ себѣ ихъ черты, проникаетъ ихъ своею дѣятельностію и сообщаетъ имъ тотъ характеръ, котораго они сами по себѣ не имѣютъ. Такъ, что касается чувственныхъ ощущеній, то онѣ отличаются характеромъ частнымъ и случайнымъ; въ чувственныхъ ощущеніяхъ мы познаемъ предметъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствуетъ на наши чувства; но какъ скоро предметъ перестаетъ дѣйствовать на наши чувства, мы уже не можемъ познавать его, и если бы у человѣка не было воображенія и, въ особенности, памяти, то съ прекращеніемъ ощущенія прекращалось бы всякое познаніе. Въ отношеніи къ представленіямъ мы находимъ уже нѣкоторую самостоятельность души; но эта самостоятельность имѣетъ въ себѣ еще много случайнаго и произвольнаго; поэтому представленіе занимаетъ какъ бы средину между ощущеніемъ и мышленіемъ. Душа наша, по мѣрѣ развитія этихъ двухъ низшихъ видовъ познавательной дѣятельности, начинаетъ обнаруживать свою познавательную дѣятельность въ высшей формѣ—въ *мышленіи*. Мышленіе, при помощи ощущеній, также познаетъ міръ объективный; но ощущенія подъ руководствомъ мышленія являются не безцѣльнымъ созерцаніемъ, а методическимъ наблюденіемъ. Подобно представленіямъ, мышленіе носитъ въ себѣ цѣлый внутренній міръ, какъ образъ внѣшняго міра; но въ представленіяхъ качества предметовъ могутъ быть случайными, тогда какъ мышленіе совмѣщаетъ въ понятіи одни всеобщіе и необходимые признаки предмета. Изъ совокупности понятій мышленіе создаетъ цѣльное, связное, разумное міровоззрѣніе и такимъ образомъ вноситъ въ область нашихъ представленій порядокъ, ясность, внутреннюю связь и единство.

Чтобы опредѣлить отношеніе мышленія къ волѣ, мы должны представить себѣ жизнь тѣхъ людей, у которыхъ не начиналась еще дѣятельность мышленія (у дѣтей, дикарей). Подобные люди проводятъ жизнь, отличающуюся характеромъ *непосредственности*, слѣпо повинуясь сво-

имъ влеченіямъ или страстямъ, которыя прямо, безъ всякой задержки переходятъ въ дѣятельность. Поступки подобныхъ людей не свободны, а произвольны и случайны. Объ обязанностяхъ къ себѣ и другимъ у такихъ людей нѣтъ знанія, такъ какъ понятія объ обязанностяхъ вырабатываются, главнымъ образомъ, при посредствѣ мышленія. Правда, первоначально о своихъ обязанностяхъ человѣкъ узнаетъ подъ вліяніемъ голоса совѣсти; но этотъ послѣдній получаетъ ясность и опредѣленность только при пособіи рефлективнаго мышленія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ мышленія дѣятельность человѣка получаетъ характеръ *посредственный*, т. е. всякое влеченіе и желаніе, прежде чѣмъ переходить въ дѣятельность, обсуждаются мышленіемъ, которое является, слѣдовательно, посредствующимъ звѣномъ между желаніемъ и поступкомъ. Слѣдовательно, мышленіе указываетъ то направленіе, въ которомъ должна дѣйствовать воля, а также тѣ основанія, по которымъ долженъ быть совершенъ тотъ или другой поступокъ.

Что касается, наконецъ, отношенія мышленія къ сердцу, то человѣкъ, остававшійся исключительно подъ вліяніемъ однихъ пріятныхъ или непріятныхъ сердечныхъ волненій, сдѣлался бы крайне эгоистиченъ. Притомъ же, если порывы сердца ничѣмъ не сдерживаются и не умѣряются, то, вслѣдствіе этого, развивается крайняя чувствительность сердца, которая можетъ доходить до болѣзненности. Подъ вліяніемъ же правильно развитаго мышленія человѣкъ сознаетъ различную законность и нравственную дозволенность чувствованій и, вслѣдствіе этого, развитію однихъ чувствованій содѣйствуетъ, а другія чувствованія задерживаетъ или даже подавляетъ въ ихъ обнаруженіи и развитіи. Такимъ образомъ, мышленіе умѣряетъ порывы сердца и сообщаетъ имъ правильное направленіе; слѣдовательно, и въ область сердца мышленіе вноситъ такой же порядокъ, какой оно сообщаетъ остальнымъ областямъ душевной жизни.

§ 49. Виды мыслительной дѣятельности. Понятіе.

Дѣятельность мыслящаго духа обнаруживается въ созданіи всеобщихъ и необходимыхъ представленій о вещахъ или *понятій;* затѣмъ, въ утвержденіи или отрицаніи чего либо по отношенію къ понятіямъ, т. е. въ *сужденіяхъ* и, наконецъ, въ выводѣ изъ одного или нѣсколькихъ сужденій необходимыхъ слѣдствій или *умозаключеній*. Мышленіе, обнаруживающееся во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, называется *логическимъ* или *рефлективнымъ*, поелику представляетъ, какъ бы *отраженіе* мыслительной дѣятельности на тѣ непосредственныя, безотчетныя познавательныя состоянія, которыми являются ощущенія и представленія.

Духовная дѣятельность, обнаруживающаяся въ образованіи понятій, состоитъ въ томъ, что когда мы наблюдаемъ рядъ сходныхъ предметовъ и *сравниваемъ* ихъ другъ съ другомъ, то, не обращая вниманія на тѣ стороны, которыми одинъ изъ предметовъ отличается отъ другихъ, мы удерживаемъ въ сознаніи только то, что есть между ними общаго. Это общее мы *отвлекаемъ* отъ предметовъ, *соединяемъ* въ одно цѣлое и такимъ образомъ составляемъ понятіе. Главное значеніе при образованіи понятій имѣютъ процессы: сравненія, отвлеченія или абстракціи и соединенія отвлеченнаго въ одно цѣлое. Для того же, чтобъ эти процессы совершались возможно правильнѣе, рефлективное мышленіе направляетъ на нихъ свою дѣятельность и разлагаетъ ихъ на составные элементы, относя къ соотвѣтствующимъ предметамъ или признакамъ предмета; сравниваетъ одинъ предметъ съ другими, сходными и несходными предметами, отвлекаетъ несходное и соединяетъ сходное, съ цѣлію чрезъ это *различеніе* и *сравненіе, изслѣдованіе* и *повѣрку, отвлеченіе* и *соединеніе* выработать понятіе, возможно соотвѣтствующее предмету. При этомъ основаніемъ понятія служитъ не внѣшнее, а главнымъ образомъ *внутреннее* сходство предметовъ. Рефлектирующій духъ сравниваетъ между собою такіе предметы, которые сходны не по внѣшнимъ только явленіямъ, а по участію въ одной и той же сущности. Такъ рефлектирующій духъ доходитъ до убѣжденія, что выработанныя имъ понятія дѣйствительно *всеобщи*.

Понятія раздѣляются на многіе виды, смотря по различнымъ степенямъ выразившейся въ нихъ отвлекающей и обобщающей дѣятельности мышленія. Впрочемъ всѣ понятія можно раздѣлить на *единичныя*, относящіяся къ одному предмету, и *общія*, относящіяся ко многимъ предметамъ. Съ психологической стороны тѣ и другія понятія могутъ имѣть различныя степени совершенства, зависящія, прежде всего, отъ *объема* того круга *воззрѣній и представленій*, во взаимодѣйствіи съ которыми они образуются, а также отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ образуется тотъ или другой кругъ представленій. Напримѣръ, житель столицы, видящій вокругъ себя дворцы и другія великолѣпныя зданія, составитъ понятіе о „домѣ“ совсѣмъ другое, чѣмъ житель деревни, глазамъ котораго представляются, большею частію, однѣ бѣдныя хижины. Затѣмъ, совершенство каждаго понятія зависитъ отъ совокупности другихъ понятій, изъ которыхъ оно при помощи абстракціи образуется и сущность которыхъ оно выражаетъ. Сумма этихъ понятій, которыя могутъ быть частію единичными, а частію общими, составляетъ *объемъ* извѣстнаго *понятія*. Такъ объемъ понятія „человѣкъ“ можетъ составляться изъ совокупности понятій о всѣхъ единичныхъ людяхъ, или человѣческихъ племенахъ.

Всеобщность понятій также имѣетъ различныя степени. Исключая изъ сложнаго понятія одинъ за другимъ его признаки, можно постепенно дойдти до наивысшаго, т. е. всеобщаго понятія. Понятія: Сократъ, человѣкъ, органическое существо, существо—образуютъ рядъ понятій, все болѣе и болѣе возвышающихся въ своей всеобщности. Тѣ наивысшія всеобщія понятія, далѣе которыхъ не можетъ простираться отвлекающая дѣятельность мышленія, называются обыкновенно *категоріями*. Категоріи имѣютъ для мышленія руководящее (нормативное) значеніе, такъ какъ къ нимъ сводятся всѣ прочія понятія, какія только вырабатываются мышленіемъ; слѣдовательно, категоріи указываютъ, какъ бы, точки зрѣнія, которыя явно или смутно руководятъ дѣятельностію мышленія *).

§ 50. Сужденіе и умозаключеніе.

Стремясь къ образованію возможно полнаго и опредѣленнаго понятія о предметѣ какъ со стороны его содержанія, такъ и со стороны объема, мыслящій духъ нашъ соединяетъ между собою тѣ понятія, изъ которыхъ одно является необходимымъ для опредѣленія другаго. Актъ соединенія одного или нѣсколькихъ понятій съ цѣлію утвержденія чего-либо о предметѣ, или отрицанія того, что не принадлежитъ предмету, называется *сужденіемъ*. Такимъ образомъ, сужденіе есть актъ признанія и утвержденія, или непризнанія и отрицанія между понятіями связи, опредѣляемой ихъ содержаніемъ и объемомъ. Судящій духъ утверждаетъ существованіе представляемаго и созерцаемаго, или мыслимаго предмета (сужденіе существованія); онъ приписываетъ предмету извѣстные признаки, которые при помощи анализа находитъ въ немъ и проч. Наоборотъ: судящій духъ отрицаетъ отъ предмета все различное отъ него, или несовмѣстимое съ нимъ. Въ порядкѣ психологическаго образованія логическихъ процессовъ сужденія предшествуютъ образованію понятій, такъ что самые процессы сравненія, отвлеченія и обобщенія наблюдаемаго состоятъ въ послѣдовательныхъ актахъ сужденія, т. е. утвержденія чего-либо о предметахъ, или отрицанія отъ нихъ. Произшедшія-же понятія входятъ, какъ необходимые элементы, въ сужденія, при помощи которыхъ или образуются новыя понятія, или исправляются понятія уже образовавшіяся. При образованіи

*) Сколько нужно признать основныхъ категорій и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ объективной дѣйствительности—это должно составлять предметъ изслѣдованія логики и метафизики. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изслѣдованія, касающіяся этой области, такъ разнорѣчивы, что едва-ли можно указать двухъ изслѣдователей, которые приходили бы къ сходнымъ результатамъ.

сужденій нашъ духъ поступаетъ не произвольно, но руководится опредѣленными, присущими его природѣ, законами: тождества, противорѣчія и достаточнаго основанія. Въ силу этихъ законовъ, мыслящій духъ можетъ и долженъ утверждать объ извѣстномъ предметѣ или понятіи, по достаточнымъ основаніямъ, только тождественное съ нимъ (вполнѣ или отчасти) и отрицать все, ему противорѣчащее. Есть такія сужденія, правильность которыхъ мыслящій духъ постигаетъ тотчасъ, какъ только познаетъ правильность и необходимость составляющихъ ихъ понятій (сужденія аналитическія и, особенно, синтетическія a priori). Всеобщность и необходимость подобнаго рода сужденій объясняется тѣмъ, что въ нихъ во всей полнотѣ обнаруживаются законы, присущіе человѣческому духу и управляющіе его мыслительною дѣятельностію.

Изъ всякаго сужденія, при помощи простаго анализа его содержанія и измѣненія его формы, можетъ быть выведено новое, однородное съ нимъ, сужденіе. Такое выведеніе одного сужденія изъ другаго называется *умозаключеніемъ*. Умозаключенія въ самой простѣйшей своей формѣ называются *непосредственными*. Сначала непосредственныя умозаключенія дѣлаются отъ частнаго къ частному; если, напр. дитя, только что еще начинающее ходить, упало и ушиблось о какой-нибудь твердый предметъ, то оно становится на будущее время осторожнѣе, естественно заключая при этомъ, что и вновь при паденіи можетъ также ушибиться. Но по мѣрѣ накопленія опытовъ и образованія общихъ представленій и понятій всякій новый случай подводится уже подъ общее представленіе или понятіе и такимъ образомъ дѣлается умозаключеніе отъ общаго къ частному.

Если мыслящій духъ нашъ не познаетъ непосредственно: соединены ли два понятія въ одномъ утвердительномъ или отрицательномъ сужденіи, то онъ поставляетъ ихъ въ связь съ такимъ третьимъ понятіемъ, *посредствомъ* котораго объяснилось бы основаніе и причина, или способъ соединенія двухъ понятій въ сужденіи. Выведеніе одного сужденія изъ двухъ или нѣсколькихъ другихъ сужденій называется умозаключеніемъ *посредственнымъ*. Процессъ посредственныхъ умозаключеній въ области *отвлеченнаго* мышленія состоитъ въ томъ, что мы заключаемъ отъ общаго къ частному, приписывая (на основаніи закона тождества) отдѣльнымъ видамъ то, что принадлежитъ всему роду. Въ области *эмпирическаго* мышленія процессъ посредственныхъ умозаключеній служитъ, прежде всего, основаніемъ *индукціи*. Наблюдая во многихъ предметахъ и явленіяхъ существованіе извѣстныхъ свойствъ, мы заключаемъ, что такія же свойства должны принадлежать и *всѣмъ* остальнымъ предметамъ того же рода. Возводя подобныя умозаключенія въ общіе законы, мыслящій духъ нашъ основывается на признаніи

неизмѣннаго отношенія (связи) причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія. Такъ какъ индукція приписываетъ общему понятію или роду такіе признаки и свойства, которыя принадлежатъ многимъ видамъ, то она можетъ быть полною и не полною, смотря по тому: были ли наблюдаемы всѣ виды извѣстнаго рода или не всѣ, и притомъ—многіе или не многіе. Поэтому важнѣйшій недостатокъ индукціи состоитъ въ ложномъ обобщеніи, которое основывается или на смѣшеніи не полной индукціи съ полною, или на ошибочномъ предположеніи дѣйствительнаго причиннаго отношенія между субъектомъ и предикатомъ тамъ, гдѣ подобнаго отношенія не существуетъ. Безчисленные примѣры ложной индукціи представляетъ суевѣріе отдѣльныхъ лицъ, обществъ, и даже цѣлыхъ народовъ; представляетъ многіе примѣры подобной индукціи и исторія науки. Другой видъ умозаключенія въ области эмпирическаго мышленія представляетъ *аналогія*. Наблюдая сходство, въ извѣстныхъ намъ признакахъ, нѣсколькихъ предметовъ, принадлежащихъ къ одному роду, мыслящій духъ нашъ (основываясь на законѣ тождества) заключаетъ о сходствѣ этихъ предметовъ и въ остальныхъ, неизвѣстныхъ намъ, признакахъ. Расширяя область наблюденія, умозаключеніе по аналогіи имѣетъ тѣмъ большую истинность, чѣмъ существеннѣе сходство между вещами и чѣмъ большее количество существенныхъ признаковъ намъ извѣстно. Но главнымъ образомъ аналогія имѣетъ значеніе какъ показатель того направленія, которое должно принять мышленіе при индуктивномъ изслѣдованіи явленій *).

ГЛАВА V.

РАЗУМЪ И ПРОЦЕССЪ ИДЕАЛЬНАГО ТВОРЧЕСТВА.

§ 51. Понятіе о разумѣ и идеяхъ. – Кассиг – Гёсс

Мышленіе, переработывая въ понятія, сужденія, и умозаключенія матеріалъ, данный въ чувственныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, имѣетъ дѣло лишь съ бытіемъ условнымъ, конечнымъ, ограниченнымъ. Но изслѣдованіемъ одного условнаго бытія не ограничивается познавательная дѣятельность нашего духа. Хотя мышленіе и изучаетъ предметы по отношеніямъ субстанціи и ея видоизмѣненій, причины и дѣйствія, цѣли и средствъ и т. п.; однако каждая субстанція, всякая при-

*) Мы ограничиваемся изложеніемъ самыхъ краткихъ свѣдѣній о понятіи, сужденіи и умозаключеніи, въ тѣхъ видахъ, что указанныя формы мышленія спеціально изучаются въ логикѣ; задача же психологіи состоитъ, главнымъ образомъ, въ изслѣдованіи процесса ихъ происхожденія.

чина и цѣль имѣютъ для мышленія только относительное, условное значеніе: что въ одномъ случаѣ составляетъ причину какого-нибудь дѣйствія, или цѣль какого нибудь средства, то въ другомъ случаѣ само бываетъ дѣйствіемъ или средствомъ. Между тѣмъ, уже самое познаніе всѣхъ явленій въ отношеніи причины и дѣйствія, цѣли и средствъ и т. д. показываетъ, что нашей мыслящей природѣ свойственна идея причины вообще, субстанціи и цѣли вообще, т. е. такой субстанціи, причины и цѣли, которыя ужь не могли-бы быть дѣйствіемъ, видоизмѣненіемъ и средствомъ чего-либо другаго. Не находя во внѣшнемъ мірѣ безусловнаго завершенія своего познанія, духъ человѣческій въ себѣ самомъ находитъ источникъ для познанія бытія безусловнаго. Духъ нашъ обращается къ самому себѣ и изъ глубины своего существа получаетъ впечатлѣнія, относящіяся къ міру безусловному. Такъ-какъ это послѣднее бытіе, по самой сущности своей не представляетъ такой возможности для познанія, какую представляетъ бытіе конечное, т. е. недоступно для познанія въ своихъ элементарныхъ явленіяхъ и свойствахъ, то духъ человѣческій познаетъ бытіе безусловное въ его *цѣломъ*, слѣдовательно, основная форма этого познанія есть *созерцаніе*. Когда духъ человѣческій стремясь къ безусловному завершенію всѣхъ отношеній между вещами, начинаетъ созерцать безусловное, тогда познавательная дѣятельность его возвышается до степени *разума* (по терминологіи древнихъ intellectus). Такимъ образомъ, разумъ есть такое высшее обнаруженіе познавательной дѣятельности, которое состоитъ въ созерцаніи безусловнаго, безконечнаго, что выше всего ограниченнаго и одного-же должно быть причиною, основаніемъ и цѣлію всего ограниченнаго, и безъ чего, собственно говоря, не можетъ быть даже и мыслимо конечное бытіе.

Источникомъ, изъ котораго духъ нашъ получаетъ впечатлѣнія, относящіяся къ міру безусловному, служатъ *идеи*. Основаніе идей не можетъ заключаться ни въ чувственныхъ ощущеніяхъ, ни въ разсудочной дѣятельности. Чувственныя ощущенія всегда знакомятъ насъ лишь съ міромъ случайнымъ и условнымъ; при томъ-же душевная дѣятельность, проявляющаяся въ чувственныхъ ощущеніяхъ, не только не въ состояніи произвести ничего идеальнаго, но даже недостаточна и для того, чтобы сообщить подлежащему матеріалу необходимыя формы, напр. причины и цѣли и т. п. Не могутъ быть идеи и произведеніемъ разсудочной дѣятельности, потому что эта дѣятельность ограничивается лишь переработкою того матеріала, который дается во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ, слѣдовательно, является только посредствующей между представленіями и идеями и раскрывающей эти послѣднія въ формѣ понятій съ цѣлію раціональнаго познанія. Основаніе идей коре-

нится въ самомъ существѣ духа человѣческаго, вслѣдствіе чего идеи и признаются *прирожденными*. Долгое время идеи обнаруживаются какъ темныя влеченія или стремленія духовной природы человѣка къ безусловному, побуждающія духъ къ познавательной дѣятельности и указывающія направленія для этой послѣдней. Но потомъ, благодаря взаимодѣйствію съ чувственными ощущеніями и особенно фантазіей, смутныя влеченія воплощаются въ образы и духъ человѣческій, мало по малу, возвышается до созерцанія безусловнаго. При дальнѣйшемъ развитіи психической жизни, благодаря абстрагирующей и рефлектирующей дѣятельности мышленія, путемъ аналогій и отрицанія, при помощи наблюденія данныхъ въ опытѣ предметовъ и явленій и умозаключеній объ ихъ ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ причинахъ, духъ человѣческій доходитъ до образованія логическихъ понятій, относящихся къ міру безконечному, каковыя понятія называются также *идеями*.

Примѣчаніе.—Ученіе о разумѣ и происхожденіи идей служило предметомъ долговременныхъ и притомъ весьма разнорѣчивыхъ философскихъ споровъ. Въ первый разъ высокое, хотя и не совсѣмъ ясное, понятіе о разумѣ и идеяхъ встрѣчается у *Платона*. Этотъ философъ считалъ идеи сущностію вещей и причиною совершенства послѣднихъ, а по отношенію къ духу человѣческому—источникомъ познанія. Души человѣческія до своего рожденія въ тѣлѣ, по Платону, существуютъ въ мірѣ идей, гдѣ и пріобрѣтаютъ объ идеальномъ мірѣ самое совершенное знаніе. И хотя, по соединеніи съ тѣломъ, знаніе объ идеальномъ мірѣ въ человѣческомъ духѣ потемняется, однако не исчезаетъ совершенно: въ духѣ остается способность при созерцаніи красоты и цѣлесообразности видимаго міра вспоминать то знаніе, которое было пріобрѣтено душою до своего существованія въ тѣлѣ. Способность созерцать идеи о сверхчувственномъ при помощи воспоминанія и есть разумъ. Этимъ ученіемъ Платона признавалось, что первоисточникъ идей заключается въ мірѣ сверхчувственномъ. Послѣ Платова, до самыхъ среднихъ вѣковъ, не произошло никакого существеннаго измѣненія въ ученіи о разумѣ и идеяхъ. Въ средніе же вѣка ученіе Платона объ идеяхъ послужило поводомъ къ долгимъ спорамъ между схоластиками, именно: между номиналистами и реалистами. Номиналисты учили, что идеи суть наши субъективныя понятія; по ученію же реалистовъ идеи имѣютъ объективное существованіе, какъ идеи разума Божественнаго, проявляющіяся въ цѣлесообразности міра и разумности человѣческаго духа. Этотъ споръ, однако же, въ значительной степени разъяснилъ: въ какомъ смыслѣ должно принимать объективность идей. Въ новыя времена разработка ученія объ идеяхъ начинается со времени *Декарта* (1596—1650). Въ то время весьма многіе мыслители понимали слово идеи въ самомъ общемъ значеніи, т. е. въ смыслѣ представленій. Декартъ же изъ области представленій выдѣлилъ въ собственномъ смыслѣ идеи, содержаніе которыхъ относится къ области сверхчувственнаго, при чемъ училъ, что послѣдняго рода идеи прирождены человѣческому духу, какъ понятія, причиною происхожденія которыхъ Декартъ считалъ Божество. Противъ Декарта возражалъ *Локкъ*, который, вмѣстѣ съ *Кондильякомъ*, объяснялъ происхожденіе всѣхъ идей изъ опыта. Споръ о такъ называемой врожденности идей продолжался до временъ *Канта*. Кантъ рѣшилъ этотъ споръ тѣмъ, что призналъ врожденность (апріорность) идей; но въ тоже время отрицалъ значеніе ихъ, какъ источниковъ познанія, потому что матеріалъ для познанія заимствуется изъ внѣшняго и внутренняго опыта, тогда такъ какъ содержаніе идей не можетъ быть сведено къ опыту.

Кантъ призналъ за идеями только регулятивное значеніе, въ силу котораго онѣ побуждаютъ духъ къ безконечному совершенствованію и достиженію законченности въ знаніи. Но самое высокое значеніе имѣетъ идея въ системѣ *Гегеля*. По ученію этого философа все существующее служитъ выраженіемъ и осуществленіемъ одной абсолютной идеи, которая во всей полнотѣ открывается въ человѣческомъ духѣ и такимъ образомъ служитъ источникомъ нашего познанія; а самая способность познавать откровеніе въ человѣческомъ духѣ абсолютной идеи есть разумъ. — Послѣ Гегеля ученіе о разумѣ и идеяхъ не подвинулось впередъ, потому что одни мыслители возвращаются снова ко взглядамъ Локка (матеріалисты и позитивисты), а другіе—ко взглядамъ Канта и даже Платона.

§ 52. Виды идей.

Какія идеи служатъ основаніемъ и источникомъ разумной дѣятельности нашего духа? Безпристрастное самонаблюденіе свидѣтельствуетъ, что основная идея нашего разума есть идея *Безконечнаго*. Уже по самой природѣ свой духъ человѣческій стремится къ своему Первообразу. Во всѣхъ потребностяхъ природы человѣческой проявляется основное влеченіе къ достиженію счастія; но темное предчувствіе, что здѣсь, въ этомъ мірѣ, не можетъ быть истиннаго счастія, наполняетъ духъ человѣческій неуспокоивающимся стремленіемъ къ исканію вѣчнаго Блага. Такъ возникаетъ въ человѣкѣ неясная, но, тѣмъ не менѣе, глубокая потребность *жизни* въ Безконечномъ, которая побуждаетъ духъ нашъ стремиться отъ конечнаго и переходящаго къ вѣчному и безусловному первооснованію всѣхъ вещей и, наконецъ, возвышаетъ его (т. е. духъ нашъ) до *созерцанія* Божества. Когда духъ человѣческій достигаетъ до созерцанія вѣчнаго и Божественнаго, то вмѣстѣ съ этимъ и идея Безконечнаго принимаетъ форму *религіозной* идеи. Правильно развитая религіозная идея служитъ выраженіемъ потребности человѣческаго духа—предать себя и свои дѣйствія Божеству и только въ Немъ одномъ полагать свое высшее блаженство.

Какимъ образомъ возникаетъ въ духѣ человѣческомъ идея Безконечнаго? Представители эмпирическаго направленія и современные позитивисты говорятъ, что эта идея возникаетъ изъ опыта, именно тогда, когда нашъ духъ отрицаетъ границы конечнаго и это отрицаніе продолжаетъ въ безпредѣльность. Такъ, напримѣръ образуются: въ астрономіи—понятіе о безпредѣльности вселенной, въ математикѣ—понятіе о безконечныхъ величинахъ. Такъ, говорятъ, и признаніе бытія Существа Безконечнаго явилось, какъ результатъ наблюденія надъ условными силами природы, по отношенію къ которымъ Безконечное Существо признавалось какъ ихъ безусловная первопричина и первооснованіе. Что такимъ путемъ можетъ возникнуть въ духѣ человѣческомъ *представленіе* или *понятіе* о Безконечномъ, это несомнѣнно. Но представители эмпирическаго направленія, обыкновенно, при этомъ не объясняютъ: *что* побуждаетъ духъ человѣческій къ безконечному отрицанію границъ конечнаго? Такою побудительною причиною должно признать не иное что, какъ прирожденное человѣческому духу *влеченіе* къ Безконечному. Когда мы, всматриваясь въ водоворотъ явленій, отрицаемъ его мысленно, иными сло-

вами: не можемъ на немъ успокоиться, не признаемъ бытіемъ истиннымъ, непреходящимъ и приходимъ къ мысли о бытіи другомъ, безконечномъ и вѣчномъ, то это совсѣмъ не значитъ, что идея Безконечнаго происходитъ и осуществляется въ насъ только вслѣдствіе отрицанія органиченнаго бытія; потому что самое отрицаніе въ мысли и томленіе въ чувствѣ были бы невозможны, если бы мы не были уже проникнуты присущимъ намъ влеченіемъ къ Безконечному. Если бы нашему духу не было прирождено это влеченіе, то какъ бы далеко ни уносилась наша мысль, она доходила бы только до понятія о большемъ и большемъ, высшемъ и совершеннѣйшемъ, но никогда не дошла бы до идеи Безконечнаго. Эта идея возникаетъ въ духѣ человѣческомъ по требованію и подъ руководствомъ уже присущаго его природѣ влеченія къ Безконечному. Внѣшніе предметы и явленія природы не могли бы сообщить человѣческому духу этого влеченія, потому что первобытный человѣкъ, какъ и всякое вообще дитя, считаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они ему *являлись*, т. е. солнце—свѣтящимся кругомъ, звѣзды—свѣтящимися точками и т. п. И никакое созерцаніе природы не могло бы привести къ признанію въ предметахъ и явленіяхъ безконечныхъ существъ, если бы наблюденіемъ не руководило уже пробудившееся въ человѣческомъ духѣ влеченіе къ Безконечному и не искало для себя соотвѣтствующаго названія и выраженія. Такимъ образомъ, идея Безконечнаго служитъ выраженіемъ кореннаго влеченія, не отдѣлимаго отъ самого существа человѣческаго духа.

Идея Безконечнаго сообщаетъ особенный характеръ всей духовной природѣ человѣка. Духъ человѣческій представляетъ въ своей организаціи *отображеніе* свойствъ Духа Безконечнаго, вслѣдствіе чего способностямъ его присущи такія влеченія, благодаря которымъ онъ можетъ въ своей дѣятельности возвышаться до *уподобленія* Духу Безконечному. Такъ, въ своей умственно-познавательной дѣятельности духъ человѣческій руководится присущимъ ему *влеченіемъ къ истинѣ*, которое служитъ причиною никогда не удовлетворяющейся любознательности отдѣльнаго человѣка и безконечнаго научнаго прогресса всего человѣчества. Для духа человѣческаго, побуждаемаго влеченіемъ къ истинѣ, составляетъ необходимую потребность—достигнуть достовѣрнаго знанія не только объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ явленій, но и о всемъ мірѣ, какъ цѣломъ, постигнуть его основную сущность и опредѣлить конечное назначеніе вещей. Такъ возникаетъ *идея космологическая*, служащая основаніемъ знанія философскаго и научнаго во всѣхъ его видахъ. Затѣмъ, извѣстно, что какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и все человѣчество, при познаніи постоянно впадаютъ въ ошибки и заблужденія. Что-жь побуждаетъ человѣка стремиться къ достиженію истины, когда безчисленныя заблужденія должны бы заставлять его отказаться отъ этого стремленія? Ничто иное, какъ присущая его духу *идея истины*. Эта идея, находя для себя незыблемую опору въ идеѣ Безконечнаго Существа, не могшаго создать человѣка для заблужденій, представляетъ для человѣческаго духа основаніе той увѣренности, что, при правильномъ употребленіи познавательной дѣятельности, онъ будетъ постоянно приближаться къ обладанію истиной.—Что идея истины прирождена духу человѣческому, а не возникаетъ изъ опыта, благодаря вліянію чувственныхъ ощущеній, это должно

быть признано несомнѣннымъ. Если бы духу человѣческому не была прирождена идея истины, то ничто не заставило бы его выходить изъ того тѣснаго круга чувственныхъ ощущеній, которыя имѣютъ ближайшимъ назначеніемъ своимъ — удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей, какъ и не выходятъ изъ этой области чувственныхъ ощущеній животныя.

Въ практической дѣятельности обнаруживается потребность человѣческаго духа—развивать и непрестанно совершенствовать свою природу. Стремясь достигнуть возможной чистоты и совершенства въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, относящихся къ развитію себя самаго, духъ человѣческій обнаруживаетъ при этомъ естественное стремленіе—достигать господства надъ потребностями своего тѣла, а чрезъ тѣло и надъ внѣшнею физическою природою, совершенствуя и преобразуя какъ ту, такъ и другую область по цѣлямъ своей (духовной) жизни. Такъ возникаютъ различныя формы *нравственности личной*. Но, какъ ограниченное существо, человѣкъ самыми потребностями своей природы предназначается къ жизни въ обществѣ другихъ людей. Образованіе различныхъ формъ общественной жизни происходитъ, благодаря естественному влеченію каждаго человѣка—признавать и въ другихъ такую же духовную природу, какъ и въ себѣ, и съ такими же правами на развитіе. Вслѣдствіе этого, каждый человѣкъ считаетъ естественнымъ не только ограничивать свои потребности въ пользу другихъ людей, но и принимать такое участіе въ жизненныхъ судьбахъ другаго лица, какое мы признаемъ наилучшимъ по отношенію съ самимъ себѣ и такимъ образомъ создаются условія общежитія, содѣйствующія всестороннему развитію духовно-тѣлесныхъ потребностей каждаго члена общества и служащія выраженіемъ той естественной потребности человѣческаго духа, по которой каждому воздается то, что уже нравственно принадлежитъ ему, при чемъ необходимо возстановляются права однихъ, нарушенныя другими. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживаются естественныя влеченія человѣческаго духа къ *праву* и *справедливости*, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ различныя формы нравственности *общественной*, соціальной. Какъ въ стремленіи къ личному нравственному усовершенствованію, такъ и въ стремленіи къ праву и справедливости по отношенію къ другимъ, обнаруживается идея *добра* или осуществленія всеобщаго *блага*. Если бы человѣческому духу не была прирождена эта идея, то невозможно было бы объяснить ни первоначальнаго происхожденія, ни, тѣмъ болѣе, прогрессивнаго развитія различныхъ формъ человѣческой нравственности. Во внѣшней физической природѣ нѣтъ ничего самаго по себѣ ни нравственно добраго, ни нравственно худаго; равнымъ образомъ, ничего не сказали бы намъ ни наши, ни чужія дѣйствія о томъ: добры они, или злы; и если бы чело-

вѣкъ въ самой природѣ своего духа не носилъ влеченія и способности къ нравственному развитію, то нравственность не возникла бы ни чрезъ воспитаніе, ни чрезъ внѣшній опытъ, какъ ни возникаетъ она при тѣхъ же самыхъ условіяхъ у животныхъ.

Назначеніе человѣческаго духа состоитъ въ постоянномъ осуществленіи стремленій къ истинѣ и добру и въ безконечномъ совершенствованіи своей природы въ направленіи этихъ стремленій. Но человѣческому духу прирождена еще потребность къ наивозможно совершенному обнаруженію своей природы во внѣшней, чувственной формѣ. Когда совершенство духовной природы выражается въ столь же совершенной чувственной формѣ, то такое *единство духовнаго совершенства съ совершенствомъ внѣшней чувственной формы называется красотою.* Въ собственномъ смыслѣ прекраснымъ можетъ быть только совершенство человѣческаго духа, насколько оно въ столь же совершенной внѣшней формѣ является предметомъ для чувственнаго созерцанія. Это созерцаніе служитъ, затѣмъ, нормою, при помощи которой мы различаемъ встрѣчающихся намъ людей другъ отъ друга въ отношеніи ихъ красоты и такимъ образомъ достигаемъ сознательнаго представленія человѣческой красоты, а потомъ это представленіе о прекрасномъ переносимъ уже и на всѣ тѣ предметы, которыми человѣкъ распоряжается и пользуется. Наконецъ, и во внѣшней физической природѣ человѣкъ лишь тогда усматриваетъ красоту, когда съумѣетъ найти въ ней сродное себѣ и своему собственному существу, когда, вслѣдствіе этого, почувствуетъ влеченіе къ ней, пойметъ и по-своему истолкуетъ ее. Само собою понятно, что извѣстное явленіе производитъ на насъ впечатлѣніе прекраснаго не потому, что дѣйствуетъ на наши чувства и вызываетъ пріятное ощущеніе, а потому, что духъ нашъ *уразумѣваетъ* въ красотѣ то идеальное совершенство, къ которому онъ *долженъ* стремиться по своей природѣ. Открывая въ совершенной чувственной формѣ сущность духа, красота потому и возбуждаетъ въ насъ неотразимое чувство удовольствія, что влеченіе къ прекрасному уже прирождено нашему духу и, лишь вслѣдствіе этого, красота возбуждаетъ къ себѣ нерѣдко всю любовь человѣка, открываетъ наше сердце для всего добраго и истиннаго и тѣмъ споспѣшествуетъ достиженію наивысшаго духовнаго совершенства.

Таковы идеи, прирожденныя нашему духу и служащія источникомъ его разумнаго созерцанія. Для духовной дѣятельности и духовнаго развитія человѣка эти идеи имѣютъ величайшее значеніе. Въ *теоретическомъ* отношеніи, открывая разуму область безусловнаго, идеи служатъ источникомъ познанія высшаго духовно-нравственнаго порядка бытія и жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ идеи побуждаютъ нашъ духъ къ безконечному

умственному развитію и сообщаютъ безусловное завершеніе нашему познанію. Въ *практическомъ* отношеніи идеи безконечнаго, истины, добра и красоты являются *нормами*, управляющими духомъ человѣческимъ въ его жизненномъ развитіи и указывающими на то, какимъ человѣкъ *долженъ* сдѣлаться по требованію выражающейся въ нихъ высочайшей разумности. Слѣдовательно, эти идеи требуютъ отъ человѣка непрестаннаго совершенствованія, съ цѣлію осуществить природное назначеніе его духа. Въ этомъ смыслѣ, прирожденныя нашему духу, идеи безконечнаго, истины, добра и красоты обыкновенно признаются основаніемъ *идеальной* или нравственной стороны жизнедѣятельности человѣка.

§ 53. Познаніе.

Познаніемъ называется такая дѣятельность мышленія, которая въ понятіи старается постигнуть сущность предмета, а въ связи или системѣ понятій реальную связь предметовъ и явленій между собою. Цѣлью познанія служитъ достиженіе истины. Всякій актъ познанія предполагаетъ дѣятельность мышленія и матеріалъ, обработываемый мышленіемъ. Безъ матеріала, доставляемаго изъ внѣшняго и внутренняго опыта, познаніе было бы пусто и безсодержательно, а безъ дѣятельности мышленія было бы невозможно познаніе истинное, потому что только мышленіе обработываетъ опытный матеріалъ въ систему знанія и сообщаетъ ему твердыя, разумныя основанія. Познаніе можетъ проявляться въ различныхъ формахъ, смотря по тому, насколько мышленіе въ результатахъ своей дѣятельности соотвѣтствуетъ дѣйствительности и какія представляются основанія для нашего убѣжденія въ достовѣрности извѣстныхъ истинъ.

Если мышленіе такъ овладѣваетъ подлежащимъ ему опытнымъ матеріаломъ, что возводитъ его въ систему понятій, представляющихъ въ своемъ содержаніи соотвѣтствіе съ дѣйствительностію, то такое познаніе называется *знаніемъ*. Отличительный признакъ знанія заключается въ его всеобщности и необходимости, или, что тоже, въ полной объективности. Наши убѣжденія въ достовѣрности знанія могутъ быть двоякаго рода, смотря по тѣмъ основаніямъ, на которыхъ онѣ утверждаются. Всякій актъ знанія, прежде всего, во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ предполагаетъ соотвѣтствующую дѣйствительность, признаніе которой является для насъ, какъ нѣчто принудительное. Причина подобной вынудительности, очевидно, не можетъ заключаться въ насъ самихъ, а потому мы, вслѣдствіе логическаго закона причинности, признаемъ ее внѣ насъ, невольно заключаемъ, что внѣ насъ существуютъ предметы и что есть реальное, объективное бытіе. Основаніемъ для убѣжденія въ досто-

вѣрности знанія служитъ въ данномъ случаѣ *непосредственная очевидность* предметовъ и явленій опыта. Когда же матеріаломъ, даннымъ въ чувственныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, овладѣваетъ мышленіе и преобразуетъ его въ систему понятій, сужденій и умозаключеній, тогда убѣжденіе въ достовѣрности знанія будетъ утверждаться на тѣхъ основаніяхъ, которыя выработываются мышленіемъ. Такимъ раціональнымъ основаніемъ нашего убѣжденія въ достовѣрности знанія служитъ соотвѣтствіе мыслительной дѣятельности съ законами, руководящими и управляющими различающею дѣятельностію нашего духа въ абстракціи и рефлексіи, въ сознаніи и самосознаніи. До высшей степени достовѣрности наше знаніе достигаетъ тогда, когда мы, вынуждаемые тѣми основаніями, которыя выработываются нашимъ мышленіемъ, *должны* бываемъ думать, что *реальное бытіе совпадаетъ* съ нашимъ *познаніемъ* о немъ. Проистекающая отсюда логическая *вынудительность* и служитъ основаніемъ нашего убѣжденія въ истинности знанія.

Когда достовѣрность какихъ нибудь истинъ признается непосредственно, т. е. не на основаніи чувственнаго наблюденія или умозаключеній, тогда познаніе называется *вѣрою*. Область вѣры чрезвычайно обширна. Вѣрою усвояютъ многое не только отдѣльныя лица въ области своего субъективнаго познанія, но даже и науки въ области объективнаго изслѣдованія. Вѣрою, прежде всего, усвояются многія истины, относящіяся къ міру конечному. Въ этомъ случаѣ вѣра можетъ основываться на какихъ-нибудь особенностяхъ познающаго лица, напр. на его безсиліи достигнуть достовѣрнаго знанія собственными средствами. Подобная вѣра называется *частною*. Но большею частію принимаются на вѣру истины или по довѣрію къ научному авторитету и внутреннимъ достоинствамъ лицъ, сообщающихъ намъ эти истины, или потому, что извѣстныя истины признаются достовѣрными исторіею науки. Такого рода вѣра называется *историческою*. Наконецъ, многое въ области познанія бываетъ предметомъ вѣры вслѣдствіе несовершенной разработки самыхъ наукъ въ извѣстное время, тогда какъ по отношенію къ другимъ лицамъ, или при дальнѣйшемъ развитіи самой науки тѣже самыя истины могутъ составить предметъ точнаго знанія. Слѣдовательно, вѣра, имѣющая предметомъ своимъ истины, относящіяся къ міру условному, должна быть названа вѣрою относительною, т. е. при извѣстныхъ обстоятельствахъ она становится знаніемъ, или снизходитъ до степени субъективнаго мнѣнія. Основаніемъ для убѣжденія въ достовѣрности истинъ, относящихся къ міру условному и усвояемыхъ вѣрою, служитъ: вѣроятный характеръ самыхъ истинъ, не противорѣчащихъ дѣйствительности, ученый или добросовѣстный авторитетъ лицъ, сообщающихъ намъ извѣстную истину и, наконецъ, возможность провѣрить и разъяснить вѣ-

роятную истину посредствомъ опыта и наблюденія, или раціональной критики.

Но въ собственномъ смыслѣ вѣрою усвояются истины, относящіяся къ міру безусловному. Духъ нашъ, какъ существо сверхчувственное, въ самой природѣ своей заключаетъ потребность къ познанію міра безусловнаго; между тѣмъ міръ этотъ, по самой безконечности и сверхчувственности своей, не можетъ быть предметомъ наблюденія и законченнаго знанія. Отсюда духъ нашъ, вынуждаемый самою организаціей своей природы, признаетъ объективность міра сверхчувственнаго непосредственно, т. е. вѣрою. И эта то всеобщая потребность вѣры въ истины сверхчувственныя: въ бытіе верховной Причины міра—среди условныхъ явленій, въ безконечную жизнь нашего духа—среди памятниковъ смерти и тлѣнія, въ міроправящій Промыслъ—среди золъ и страданій, составляетъ отличительный характеръ ея отъ всякой другой вѣры, касающейся предметовъ міра условнаго. Что же служитъ основаніемъ нашего убѣжденія въ истинности вѣры, имѣющей предметомъ своимъ бытіе безусловное? Вѣра въ бытіе безусловное имѣетъ дѣло не съ конечными явленіями, а также не съ сочетаніями и обобщеніями ихъ, но съ кореннымъ основаніемъ этихъ явленій, верховною ихъ Причиною, съ существомъ и конечнымъ назначеніемъ человѣка. Поэтому, для сообщенія достовѣрности вѣрѣ недостаточно рефлективнаго мышленія, ибо оно занимается лишь переработкою отвлеченій (абстракцій) изъ міра конечныхъ явленій. Только въ самомъ существѣ человѣческаго духа и его расположеніи къ бытію безусловному можетъ быть первое и послѣднее основаніе достовѣрности вѣры, потому что только во внутренней жизни духа и его разумѣ можно найти неумолкающее требованіе и не заглушимое стремленіе къ бытію безусловному, сообщить познаніе о которомъ не въ состояніи намъ міръ условныхъ явленій. И дѣйствительно, жизнь представляетъ многочисленные примѣры того, какъ одно глубокое расположеніе нравственной природы человѣка къ бытію безусловному доводило духъ человѣческій до высоты истиннаго Боговѣдѣнія, какъ вѣра просвѣщала людей, совершенно простыхъ по уму, не получившихъ никакого научнаго развитія, просвѣщала до такой степени, что дѣлала ихъ въ собственномъ смыслѣ *прозорливцами*.... Но если рефлективное мышленіе недостаточно для сообщенія достовѣрности вѣрѣ въ бытіе безусловное, которая въ послѣднихъ основаніяхъ своихъ коренится въ нравственной природѣ человѣка, то отсюда не слѣдуетъ того, чтобы мышленіе вовсе не имѣло значенія для вѣры въ безусловное. Тому человѣческому духу, въ нравственной природѣ котораго образовалось расположеніе къ бытію безусловному, мышленіе помогаетъ разъяснять эту вѣру, сообщать ей разумныя основанія и поставлять ее въ согласіе съ результатами научныхъ изслѣдованій, относящихся къ

міру условному, вслѣдствіе чего возвышаетъ ее до степени вѣры *научной*. На такомъ отношеніи мышленія къ вѣрѣ въ бытіе безусловное и основывается существованіе всѣхъ наукъ богословскихъ.

Такимъ образомъ, какъ знаніе, такъ и вѣра могутъ имѣть научное содержаніе и достоинство тогда, когда основанія извѣстной истины представляютъ большую убѣдительность сравнительно съ основаніями противоположными. Если же основанія въ пользу какой-нибудь истины настолько ослабляются основаніями противоположными, что никакое утвержденіе съ несомнѣнностію невозможно, а между тѣмъ почему-либо требуется то или другое опредѣленное рѣшеніе, то хотя изслѣдованіе предмета и могло бы быть чисто объективнымъ, однако въ данномъ случаѣ рѣшеніе является настолько субъективнымъ, что не можетъ изъявлять притязанія ни на какое объективное значеніе и, мало по малу, снизходитъ до простаго *мнѣнія* или личнаго взгляда. Такимъ образомъ, знаніе и научная вѣра тѣмъ болѣе теряютъ въ своей объективности и научности, снизходя до степени субъективнаго мнѣнія, чѣмъ болѣе исчезаетъ перевѣсъ ихъ основаній надъ другими основаніями, противоположными.

Выходя изъ такого понятія о мнѣніи, мы получаемъ возможность оцѣнить достоинство многихъ изслѣдованій, которыя, хотя выдаются за научныя, на самомъ же дѣлѣ имѣютъ достоинство субъективнаго мнѣнія или вѣры; таковы, напр. матеріалистическія ученія о произвольномъ самозарожденіи, о происхожденіи душевныхъ явленій изъ нервныхъ процессовъ и т. п. Область субъективнаго мнѣнія простирается, прежде всего, на всѣ тѣ виды познанія, въ которыхъ основанія, почему мы не можемъ достигнуть какого нибудь объективнаго рѣшенія, заключаются въ постепенности развитія и ограниченности знанія. Затѣмъ, къ области мнѣнія принадлежатъ всѣ тѣ случаи, когда въ пониманіе предмета, въ обсужденіе отношеній, во взвѣшиваніе различныхъ основаній примѣшивается субъективность познающаго лица съ его симпатіями и антипатіями, съ предразсудками, интересами и такимъ образомъ искажаетъ результатъ изслѣдованія. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мы и сами нерѣдко замѣчаемъ недостовѣрность познанія, когда сознаемъ, что взглядъ, нами составленный, болѣе или менѣе. односторонепъ, невѣренъ, неточенъ, вслѣдствіе чего мы и причисляемъ его къ субъективному мнѣнію. Случаи подобнаго рода встрѣчаются ежедневно въ практической жизни. которая вынуждаетъ насъ къ дѣйствію и, вопреки недостаточному познанію, — составлять взглядъ о вещахъ и жизненныхъ отношеніяхъ, или требуетъ нашего опредѣленнаго сужденія, предоставляя времени оправдать его. И многіе люди имѣютъ о большей части вещей лишь субъективныя мнѣнія, будучи не въ состояніи возвыситься надъ этими послѣдними, поелику ихъ познанія почерпаются лишь изъ практической жизни. Такъ называемое общественное мнѣніе—этотъ продуктъ практической жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ большая часть истинъ, такъ называемаго, здраваго человѣческаго смысла—суть ничто иное, какъ общее мнѣніе, въ которомъ безконечно разнообразныя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ о вещахъ совпадаютъ, какъ радіусы, въ одномъ центрѣ.

§ 54. Психологическія причины заблужденій. Совершенства и недостатки мышленія.

Познанія наши могутъ быть истинными и ложными. Психологическія причины заблужденій заключаются въ нашемъ мышленіи, волѣ и сердцѣ. Само мышленіе служитъ причиною заблужденій тогда, когда оно получило неправильное образованіе, которое сообщаетъ мышленію неправильное направленіе и навыкъ, служа основаніемъ ложныхъ и одностороннихъ методовъ, вслѣдствіе чего и результаты дѣятельности мышленія являются односторонними, или совершенно ложными. — Воля бываетъ причиною заблужденій тогда, когда при познаніи предмета побуждаетъ мышленіе сдѣлать выводъ прежде, чѣмъ произведено надлежащее изслѣдованіе, вслѣдствіе чего мышленіе впадаетъ въ заблужденія и ошибки. Эта поспѣшность изслѣдованія, зависящая всегда отъ воли, ведетъ къ легкомыслію, а на высшей степени развитія переходитъ въ лѣность, когда всякій умственный трудъ кажется обременительнымъ. Наконецъ, послѣдняя причина заблужденій заключается въ нашемъ сердцѣ. Человѣкъ рѣдко приступаетъ къ изслѣдованію съ совершеннымъ безпристрастіемъ; по большой же части его изслѣдованіе съ самаго перваго момента начинаетъ руководиться совокупностью уже опредѣленныхъ симпатій и антипатій, которыя побуждаютъ познающее лицо считать не вѣрнымъ то, что не согласно съ ними и наоборотъ: считать истиннымъ то, что съ ними согласно. Причина заблужденій, заключающаяся въ сердцѣ, чрезвычайно сильна. Бываетъ, что даже великіе умы подпадаютъ ея вліянію и обнаруживаютъ пристрастность, пропорціональную степени своихъ дарованій.

Совершенство мыслящей дѣятельности, прежде всего, проявляется въ *остроуміи*—способности находить сходство и сближать между собою различные предметы такъ, какъ бы между ними была существенная связь. Остроуміе всецѣло основывается на фантазіи, которая овладѣваетъ мышленіемъ и сообщаетъ свой характеръ его дѣятельности. Совершенство мыслительной дѣятельности, проявляющейся въ образованіи понятій, называется *проницательностію*. Проницательное мышленіе не только не упускаетъ ни одного существеннаго признака предмета, но еще въ общеизвѣстномъ предметѣ усматриваетъ новые признаки, различаетъ такія черты, которыя для обыкновеннаго наблюденія остались бы не замѣченными. Совершенство мыслительной дѣятельности, обнаруживающейся въ образованіи сужденій и умозаключеній, называется *глубокомысліемъ*. Глубокимъ мышленіе называется тогда, когда оно старается найти самыя отдаленнѣйшія, послѣднія основанія и слѣдствія вещей, когда оно стремится изслѣдовать въ явленіяхъ ихъ сущность, причину и цѣль.

Недостатки мышленія могутъ состоять, прежде всего, въ различныхъ степеняхъ его природной слабости (тупости, поверхностности и легкомыслія), разнообразно видоизмѣняемой отупляющимъ дѣйствіемъ различныхъ жизненныхъ условій и недостаточнымъ воспитаніемъ. Ко второй категоріи недостатковъ мышленія принадлежатъ: въ различныхъ степеняхъ бездарность и, наконецъ, слабоуміе.

§ 55. Понятіе объ идеальномъ творчествѣ и виды творчества.

Когда фантазія обнаруживается подъ вліяніемъ разума съ его идеями, тогда она, имѣя своею цѣлію созданіе идеаловъ разнаго рода, становится дѣятельностію *идеализирующею*. Дѣятельность фантазіи въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы для извѣстной идеи пріискать внѣшнее выраженіе, или форму, ей соотвѣтствующую. Эта-то дѣятельность фантазіи и служитъ основаніемъ идеальнаго творчества. Въ идеальномъ творчествѣ участвуютъ всѣ виды душевной дѣятельности; но главное значеніе въ этомъ творчествѣ имѣютъ: а) разумъ съ его идеями, въ направленіи которыхъ и дѣйствуетъ фантазія, и б) мышленіе, направляющее дѣятельность фантазіи по логическимъ законамъ и сообщающее многимъ изъ ея произведеній тотъ характеръ глубины и духовности, котораго онѣ сами по себѣ не имѣли бы. Идеальное творчество можетъ имѣть *теоретическій характеръ*, когда создаетъ такіе образы или цѣлыя сочетанія образовъ, которыя уклоняются отъ дѣйствительности и представляютъ ее не такою, какова она есть, а такою, какова она должна быть по разумно-нравственнымъ требованіямъ человѣческаго духа. Но можетъ идеальное творчество принимать и *практическій характеръ*, когда оно, подъ руководствомъ создаваемыхъ образцовъ совершенства (идеаловъ), преобразуетъ существующую дѣйствительность, или создаетъ дѣйствительность совершенно новую и, при томъ, такую, которая представляла бы воплощеніе образца совершенства въ своемъ родѣ. Такимъ образомъ, идеальное творчество простирается на всѣ области духовной жизни и обнаруживается какъ творчество религіозное, умственное, нравственное и эстетическое.

Творчество въ области религіи обнаруживается, прежде всего, въ томъ, что подъ вліяніемъ прирожденнаго влеченія къ безконечному, фантазія создаетъ о немъ представленія, какъ о безконечной силѣ или существѣ, и надѣляетъ его столь же безконечными свойствами. При этомъ (въ натуральныхъ религіяхъ) фантазія творитъ, обыкновенно, большее или меньшее, число подчиненныхъ божествъ и населяетъ ими особый, сверхчувственный міръ. Въ тоже время, фантазія, представляя божества живыми и дѣйствующими, создаетъ цѣлыя сказанія о событіяхъ ихъ

жизни и ихъ отношеніяхъ къ міру и людямъ. И такъ какъ наблюдающій духъ человѣка вначалѣ всецѣло бываетъ сосредоточенъ на внѣшней природѣ, то въ ней же находитъ фантазія и образы Божества въ ея предметахъ и явленіяхъ, откуда возникаетъ почитаніе свѣтилъ небесныхъ, животныхъ и т. д. Когда же человѣкъ начиналъ познавать самаго себя и находилъ, что та форма жизни, которую онъ переживаетъ, гораздо выше и совершеннѣе тѣхъ жизненныхъ формъ, которыя обнаруживаются во внѣшней природѣ; то и для Божества фантазія начинала заимствовать образы изъ жизни человѣческаго духа. Таковъ путь, который, обыкновенно, проходитъ фантазія при созданіи *миѳологій* во всѣхъ естественныхъ религіяхъ. Возникновеніе религіознаго міросозерцанія необходимо влечетъ за собою созданіе религіознаго *культа* съ его молитвами, обрядами, символическими дѣйствіями и т. п. Какой степени можетъ достигать въ этомъ направленіи творчество, объ этомъ свидѣтельствуетъ большая часть религій древняго міра, въ особенности — религіи грековъ и римлянъ.

Умственное творчество начинается съ созданія изъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній такихъ общихъ типическихъ образовъ, схемъ, родовыхъ и видовыхъ понятій, въ которыхъ бы воплощалась идея рода или вида извѣстныхъ существъ природы. Затѣмъ, умственное творчество обнаруживается въ совокупности такихъ созданій абстрактнаго и рефлективнаго мышленія, посредствомъ которыхъ духъ человѣческій старается постигнуть однообразіе въ послѣдовательности явленій и выразить это въ опредѣленныхъ *законахъ*, при чемъ эти законы или являются результатомъ продолжительнаго мыслительнаго процесса, или постигаются посредствомъ какъ бы внезапнаго озаренія: такъ, напр. Ньютонъ открылъ законъ тяготѣнія. Наконецъ, творческій духъ человѣческій старается объяснить какъ происхожденіе, такъ и самую природу (сущность) или нѣкоторыхъ міровыхъ явленій, принадлежащихъ къ извѣстному роду и составляющихъ предметъ одной какой нибудь науки, или всѣхъ міровыхъ явленій, понимаемыхъ какъ одно цѣлое. Продуктомъ такой дѣятельности духа является созданіе различныхъ *теорій* и *философскихъ системъ*. Когда же эти объясненія бываютъ, болѣе или менѣе, сомнительными, то создаются гипотезы. Во всѣхъ этихъ видахъ творчество обнаруживается въ созданіи понятій и ихъ различныхъ сочетаній, выражающихъ сокровенную для внѣшнихъ чувствъ природу вещей и ихъ отношенія между собою, при чемъ отыскивается единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ. Самымъ же наглядным образомъ умственное творчество обнаруживается въ возсозданіи событій, происходившихъ во времена давно минувшія (напр.

въ исторіи и естествознаніи), при чемъ на основаніи самыхъ скудныхъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ изслѣдователь создаетъ картину всей прошедшей жизни человѣчества самыхъ отдаленныхъ эпохъ (какъ это въ исторіи), или на основаніи нѣкоторыхъ изъ настоящихъ явленій природы объясняетъ образованіе и развитіе цѣлыхъ міровъ (какъ въ геологіи), или на основаніи нѣкоторыхъ незначительныхъ остатковъ воспроизводитъ жизнь и природу различныхъ областей животнаго и растительнаго царства (такъ Кювье на основаніи одной кости возсоздалъ цѣлый организмъ ископаемаго животнаго). Во всѣхъ этихъ видахъ умственное творчество составляетъ основаніе прогрессивнаго развитія всѣхъ наукъ.

Творчество нравственно-практическое состоитъ въ созданіи такихъ образцовъ нравственнаго совершенства, осуществляя которые въ своей дѣятельности, человѣкъ выработываетъ формы нравственной жизни все болѣе и болѣе совершенныя. Такъ возникаютъ различныя правила нравственности для личной жизни человѣка, подъ руководствомъ которыхъ человѣкъ подавляетъ низшія чувственныя влеченія, препятствующія духовному развитію, и достигаетъ такихъ степеней духовнаго совершенства (добродѣтели, святости), которыя представляютъ большее или меньшее торжество и господство духа надъ всѣмъ, задерживающимъ его развитіе. Затѣмъ, такъ какъ всѣ люди проводятъ жизнь съ подобными себѣ, общественную, то творческій духъ человѣчества создаетъ такія формы общественной жизни, при которыхъ возможно бы было достиженіе наивысшаго духовнаго совершенства; вслѣдствіе этого возникаютъ различныя формы государственной жизни съ ея законами и властями, различными учрежденіями и сословіями, и затѣмъ—различные, непрерывно возникающіе, проэкты улучшенія соціальной жизни. Далѣе, къ нравственно-практическому творчеству принадлежатъ всѣ виды психическаго образованія людей, достигаемаго искусственными методами воспитанія, обученія и самообразованія. Наконецъ, творческой дѣятельности человѣческаго духа обязаны своимъ происхожденіемъ различные нравы и обычаи общественной жизни. Насколько велико въ указанныхъ областяхъ обнаруженіе творчества, это видно изъ того, что окружающая человѣка физическая природа съ своими созданіями не только не представляетъ ничего подобнаго нравственно общественной жизни человѣчества, но еще оказываетъ на нее противодѣйствующее вліяніе. Вслѣдствіе этого возникаетъ новый видъ творчества—творчество *техническое*. При помощи произведеній этого творчества человѣкъ старается расиространить свое господство надъ природой и сдѣлать ее орудіемъ для достиженія цѣлей своей жизни въ желѣзныхъ дорогахъ и

телеграфахъ, фабрикахъ и заводахъ, различныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ орудіяхъ и т. п.

Наконецъ, духъ человѣческій проявляетъ свою творческую дѣятельность въ томъ, что разнообразныя явленія душевной жизни своей личной и общественной (въ обширномъ смыслѣ—идею) стремится выразить въ чувственно-наглядной формѣ. Такъ возникаетъ **творчество эстетическое**. Первоначальный видъ этого творчества состоитъ въ замѣнѣ дѣйствительности простыми *знаками* (символами) послѣдней. Таковыми знаками служатъ первоначально внѣшніе предметы и явленія, а также искусственныя изображенія тѣхъ и другихъ, напоминающія выражаемую ими идею по ассоціаціямъ сходства и смежности. Соединеніе идеи съ чувственною формою въ разсматриваемомъ творчествѣ, обыкновенно, бываетъ чисто внѣшнее, такъ что тотъ и другой элементъ, по соединеніи, сохраняютъ свою самостоятельность и продолжаютъ существовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Такое воплощеніе идеи въ чувственной формѣ называется *символикой*. Символическое творчество имѣетъ весьма важное значеніе для духовной жизни; въ символахъ поставляются въ связь и гармоническое единство самыя разнообразныя и, повидимому, несоединимыя области вселенной и психической жизни человѣческой (міры видимый и невидимый, духовный и физическій, идеальный и реальный), вслѣдствіе чего расширяется міровоззрѣніе человѣка; при помощи предметовъ и явленій одного порядка усвояются предметы и явленія другихъ порядковъ и такимъ образомъ дѣлаются доступными для разумѣнія; символическое творчество сообщаетъ исихическому развитію многосторонность, наглядность, или даже живость, изобразительность и красоту. — Поелику идея для символическаго творчества можетъ заимствоваться изъ всѣхъ областей духовной жизни, то и символика можетъ быть религіозною, нравственною, житейско-бытовою и юридическою, умственною и т. п. Самое обширное примѣненіе символическаго творчества представляетъ область религіи, въ которой сверхчувственныя существа, ихъ разнообразныя дѣйствія и отношенія міру чувственному при помощи видимыхъ знаковъ и дѣйствій приближаются къ человѣческому чувству и пониманію. Въ нравственно общественной жизни есть цѣлыя области явленій, состоящія почти изъ одной символики; таковы, напр. символы, соединяющіеся съ *обычаями* встрѣчи, гостепріимства, договоровъ, завѣщаній и т. п.,—символы, сопровождающіе *обряды* при рожденіи, бракѣ, погребеніи и т. п., — символы, сопровождающіе разнообразныя *игры*, а также—гаданія, заклинанія, нашептыванія и т. п. И нѣтъ такого явленія въ достаточно развитой общественной жизни, которое не носило-бы на себѣ хотя нѣкоторыхъ слѣдовъ символизма. Есть символы

которые имѣютъ значеніе только для одного лица, другіе—для цѣлаго народа, но только въ извѣстное время его исторической жизни; наконецъ, третьяго рода символы предназначаются извѣстными лицами или народами для всѣхъ послѣдующихъ временъ исторической жизни человѣчества. — Область символовъ, имѣющихъ какое-нибудь сходство съ выражаемою ими идеею, съ теченіемъ времени умножается цѣлой совокупностью знаковъ, принимаемыхъ для кратчайшаго выраженія многоразличныхъ видовъ умственно-теоретической и практической жизнедѣятельности человѣка, но уже не имѣющихъ никакого сходства съ выражаемою ими идеею. Таковы, напр. знаки для выраженія математическихъ и естественно-научныхъ формулъ, знаки, употребляемые въ различныхъ областяхъ техническаго производства и т. п.

Въ разсмотрѣнныхъ доселѣ видахъ символики человѣкъ избираетъ для выраженія своихъ душевныхъ состояній внѣшніе предметы и явленія. Но душевныя состоянія могутъ выражаться человѣкомъ во внѣ или его собственными тѣлодвиженіями, или нечленораздѣльными звуками голоса, которые и должны быть признаны вторымъ видомъ символики. Символика душевныхъ состояній при помощи тѣлодвиженій и нечленораздѣльныхъ звуковъ называется *мимикой*.

Мимика тѣлодвиженій происходитъ тогда, когда мы свои внутреннія состоянія, въ особенности чувства и стремленія, обнаруживаемъ посредствомъ извѣстнаго выраженія въ лицѣ и тѣлодвиженіи. Такой нѣмой языкъ бываетъ часто очень понятенъ. Одного взгляда, одного движенія часто бываетъ достаточно, чтобы понять самымъ яснымъ образомъ какое нибудь внутреннее состояніе.

Мимика звуковая выражаетъ внутреннія состоянія посредствомъ звуковъ, но такихъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ внутреннимъ состояніямъ и возникаютъ по большей части непроизвольно, вслѣдствіе рефлективныхъ движеній. Сюда принадлежатъ естественные звуки, напр. вздохъ, вой, стонъ, визгъ, крикъ, рыканье и многіе другіе. Эта звуковая мимика есть первый языкъ дитяти, посредствомъ котораго онъ обнаруживаетъ свои потребности, свои радости и печали.

Мимика, собственно говоря, есть языкъ животныхъ. Многія животныя, одаренныя чувствами, имѣютъ такіе органы голоса, которые по своимъ совершенствамъ приближаются къ человѣческимъ органамъ рѣчи: въ этомъ отношеніи ближе всего къ человѣку стоятъ не четвероногія, какъ нужно бы думать, но птицы, вслѣдствіе правильнаго устройства ихъ горла (попугай, сорока, дятелъ, скворецъ). Но, не смотря на это, животныя не имѣютъ языка въ собственномъ смыслѣ, не имѣютъ рѣчи, какъ человѣкъ. Ихъ звуки суть ни что иное, какъ выраже-

ніе чувственныхъ возбужденій: самосохраненія, скорби, радости, половаго влеченія и т. п. Такіе естественные звуки являются у животныхъ совершенно инстинктивно и непроизвольно, животныя ихъ ни изучаютъ, ни видоизмѣняютъ, ни забываютъ. Нѣкоторыя птицы, конечно, могутъ подражать человѣческому голосу, но безъ всякаго смысла и пониманія; четвероногія же животныя не могутъ сдѣлать и этого: обезьяна подражаетъ человѣку во всемъ, но никогда не можетъ подражать ему въ его рѣчи. Такъ какъ животное имѣетъ чувственныя воззрѣнія и можетъ сохранять ихъ, то какъ будто бы представляется возможнымъ, что и животное можетъ выражать свои представленія въ звукѣ и такимъ образомъ можетъ образовать нѣчто вродѣ языка. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Животное слышитъ зовъ человѣка, но само въ его рѣчи принимаетъ участіе или посредствомъ мимики, или посредствомъ движенія членовъ, или посредствомъ непроизвольныхъ естественныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, языкъ въ собственномъ смыслѣ, выражающій понятіе въ членораздѣльныхъ звукахъ, составляетъ исключительную принадлежность одного только человѣка.

§ 56. Происхожденіе языка.

Относительно происхожденія языка пріобрѣли наибольшую извѣстность двѣ теоріи. По одной теоріи люди, въ видахъ взаимнаго общенія, намѣренно изобрѣли языкъ, сознательно условившись означать извѣстныя вещи опредѣленными словами (Гердеръ). Но указанная теорія не объясняетъ происхожденія языка, потому что уговоръ обозначать извѣстные предметы опредѣленными словами не только предполагаетъ существованіе общепонятнаго языка, но предполагаетъ знакомство съ самою сущностью рѣчи, потому что въ противномъ случаѣ было бы не мыслимо изобрѣтеніе словъ.

Другая теорія причиною происхожденія языка считаетъ Бога, Который человѣку, не умѣвшему говорить, сообщилъ его въ готовой формѣ. Относительно этой теоріи должно сказать, что всѣ слова являются выраженіемъ понятій, которыя должны быть выработаны самодѣятельно, ибо мысль дается намъ только тогда, когда мы сами ее выработаемъ: такова ея сущность. Но если бы Богъ надѣлилъ первыхъ людей языкомъ въ готовой формѣ, то Онъ долженъ бы былъ вмѣстѣ съ этимъ и одарить ихъ знаніемъ міра въ готовомъ видѣ, а этимъ стѣснена бы была свобода человѣка и уничтожена его самодѣятельность. Поэтому необходимо высказать то положеніе, что, при сотвореніи первыхъ людей, Богъ надѣлилъ ихъ только способностію къ языку; осуществить же эту

способность было представлено самому человѣку *). Отсюда возникаетъ для психологіи задача—воспроизвести процессъ какъ первоначальнаго возникновенія, такъ и послѣдующаго развитія языка.

Прежде всего, языкъ своимъ происхожденіемъ весьма много обязанъ особенному устройству голосовыхъ органовъ человѣка. Голосовой органъ представляетъ собою самый совершенный двигательный аппаратъ, приспособленный къ членораздѣльной воспріимчивости возбужденій отъ процессовъ, происходящихъ въ душѣ человѣка. Въ органахъ рѣчи такъ тѣсно соприкасаются нервы чувствовательные и двигательные, что всякое, достаточно сильное, душевное состояніе дѣйствуетъ на двигательные нервы и, производя сокращеніе въ голосовыхъ мускулахъ, разрѣшается, вслѣдствіе этого, въ звукъ. Такъ первоначально возникаетъ языкъ непроизвольно, какъ рефлективное движеніе, вызванное силой внѣшнихъ впечатлѣній.

Но языкъ не могъ быть произведеніемъ одной только способности человѣка произносить членораздѣльные звуки, способности, которой не совсѣмъ лишены и нѣкоторыя животныя. Результатомъ этой способности могла быть только музыкальная игра голоса, воспользовавшаяся для своей цѣли членораздѣльными звуками, но не было бы словъ въ собственномъ смыслѣ, какъ нѣтъ ихъ у животныхъ. Слова же впервые возникаютъ только тогда, когда въ духѣ человѣка образуются понятія о вещахъ и побуждаютъ его дать имъ имя. Какъ только началась духовная жизнь человѣка и онъ сталъ получать внѣшнія впечатлѣнія, изъ которыхъ начали образовываться въ его духѣ разнообразныя представленія и понятія, онъ обнаруживалъ стремленіе удержать тѣ и другія, силился дать имъ опредѣленную форму, чувственный, наглядный видъ, вслѣдствіе чего возбуждалась дѣятельность фантазіи, которая невольно воплощала образовавшіяся въ душѣ представленія въ опредѣленныхъ звукахъ. При этомъ фантазія въ сочетаніи звуковъ въ слова старалась выразить самыя свойства вещей, вслѣдствіе чего всѣ первоначальныя слова отличались картинностію и изобразительностію. Лучше всего въ звукахъ выражались, какъ само собою понятно, впечатлѣнія, получаемыя ухомъ; таковы напр. слова: *стукъ, храпъ, громъ*, или *му* и *мя*, которыми дѣти называютъ корову и барана. Одновременно съ этимъ выражаются въ словахъ и зрительныя ощущенія; такъ

*) Этотъ выводъ подтверждается и Св. писаніемъ. Первое слово, съ которымъ Богъ обратился къ Адаму (Быт. II, 16 и 17) еще до сотворенія Евы, Адамъ понимаетъ безъ всякаго объясненія, о которомъ нѣтъ и рѣчи въ Св. писаніи, и когда Адамъ, точно также прежде еще сотворенія Евы (Быт. II, 20), даетъ имена всѣмъ животнымъ, то изъ этого мы ясно видимъ, что ему уже присуща была способность образованія языка (Эбрардъ, апологетика, с. 74, СПБ. 1877).

корнемъ *ста* всѣ индоевропейскіе народы означаютъ нѣчто стоячее, корнемъ *плу* или *флу* нѣчто пловучее, текучее. Но эти первоначальныя слова были не простымъ подражаніемъ природѣ, а воплощеніемъ въ звукахъ созерцанія, образовавшагося въ духѣ по его собственнымъ законамъ. При этомъ неизбѣжно долженъ былъ совершаться и элементарный процессъ абстракціи, такъ какъ наблюдаемый предметъ представлялъ такое множество качествъ, воплотить которыя въ словѣ не было возможности, и человѣкъ долженъ былъ отвлекать одни качества отъ другихъ для того, чтобы назвать ихъ соотвѣтственнымъ словомъ. Кромѣ того, въ образованіи языка съ самаго начала принимало участіе чувство красоты, которое побуждало фантазію неблагозвучныя сочетанія звуковъ обходить и видоизмѣнять, слишкомъ отдаленные другъ отъ друга звуки связывать переходами, вмѣсто монотоннаго повторенія одной и той же гласной брать другую. Это время первоначальнаго возникновенія языка отличается величайшимъ совершенствомъ и богатствомъ словесныхъ формъ, такъ какъ теоретическая и художественная дѣятельность духа имѣла единственною цѣлью представить въ языкѣ познаніе сущности вещей, вслѣдствіе чего вся сила юношеской фантазіи потратилась только на выработку языка. Но отъ этого періода существованія языка не осталось никакихъ памятниковъ, поэтому наука и не можетъ сказать, каковъ былъ этотъ первоначальный языкъ человѣчества. Одно только можно сказать съ несомнѣнностію, что изъ этого языка развились всѣ существующіе въ настоящее время языки. Прослѣдить это развитіе существующихъ въ настоящее время языковъ и составляетъ вторую задачу психологіи.

Первоначально всѣ люди составляли одно общество, населявшее верхнюю Азію и говорившее однимъ языкомъ. Это положеніе доказывается тѣмъ фактомъ, что еслибы человѣчество въ самомъ началѣ состояло изъ различныхъ породъ, не имѣвшихъ между собою никакого единства, то разнообразіе языковъ совпадало бы съ разнообразіемъ этихъ породъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, разность языковъ не сходится съ нынѣшнею разностію человѣческихъ племенъ; бываютъ, напр. различные языки у народовъ одного племени; такъ, всѣ антропологи согласны въ томъ, что индогерманскіе, семитическіе, кавказскіе и баскій народы принадлежатъ къ одному и тому же племени, а всѣ лингвисты твердо убѣждены въ томъ, что индоевропейскіе, семитическіе, кавказскіе и баскій языки не сходны между собою. Бываетъ и наоборотъ, т. е. встрѣчаются сродные языки у народовъ различнаго племени, что нужно сказать относительно туранскихъ языковъ, которыми говорятъ народы Азіи, Африки и Америки. Такимъ образомъ, первоначальное единство человѣческаго рода несомнѣнно. Но потомъ люди

разсѣялись по всей землѣ. Причиною разсѣянія людей библія признаетъ Бога, Который наказалъ людей за ихъ гордость, смѣшавши языки ихъ такъ, что одинъ не понималъ рѣчи другаго (Быт. XI. 1—8). Слѣдствіемъ этого наказанія была порча первобытнаго языка. Съ этого момента и начинается развитіе всѣхъ языковъ, существовавшихъ прежде и существующихъ до настоящаго времени.

Современныя изслѣдованія по языкознанію свидѣтельствуютъ, что первоначальная рѣчь (по смѣшеніи) состояла изъ односложныхъ словъ, представлявшихъ соединеніе короткихъ гласныхъ и согласныхъ; каждое слово обозначало предметъ со стороны его чувственныхъ свойствъ или дѣйствій, но только въ общей формѣ, т. е. въ формѣ понятій. Ибо если изслѣдовать имя какого нибудь предмета до его первоначальныхъ основаній, то окажется, что это имя указываетъ не на отдѣльный предметъ, но только на признакъ, общій многимъ подобнымъ предметамъ. Предметъ разлагался на свои чувственные признаки, болѣе бросающіеся въ глаза. Сколько признаковъ различало сознаніе, столько и названій создавалъ для предмета языкъ. Для выраженія отношеній между предметами, вмѣсто употребляемыхъ въ настоящее время окончаній, приставокъ и предлоговъ, также употреблялись отдѣльныя слова. На этой ступени развитія языкъ не знаетъ никакой разницы между существительнымъ, глаголомъ, прилагательнымъ и т. п., но каждое слово безъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ измѣненій можетъ быть тѣмъ и другимъ и третьимъ, смотря по мѣсту, какое оно занимаетъ въ предложеніи. Языки, находящіеся на этой первоначальной ступени развитія называются *радикальными* (отъ radix корень), такъ какъ всѣ односложныя слова этого языка суть ничто иное, какъ корни. Въ настоящее время на этой первоначальной ступени развитія находится языкъ китайскій и сродные съ нимъ языки: аннамскій, бирманскій, сіамскій и другіе нижне-индійскіе.

На второй ступени развитія языка корни, служащіе для выраженія отношеній, входятъ въ болѣе близкое соединеніе съ главнымъ корнемъ, получаютъ видъ приставленныхъ къ нему суффиксовъ, при чемъ болѣе или менѣе сокращаются и подвергаются звуковымъ измѣненіямъ, но главнаго корня не измѣняютъ ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ и не составляютъ съ нимъ одного нераздѣльнаго цѣлаго. Языки, находящіеся на этой ступени развитія, называются *аглютинирующими* *). Въ настоящее время къ этой категоріи относятся: большая часть туземм-

*) Отъ glutinum клей, потому что здѣсь второстепенные корни какъ бы приклеиваются къ главнымъ, составляя съ ними такимъ образомъ одно слово.

ныхъ языковъ Африки, Америки и Австраліи, туранскіе *) языки въ Азіи, какъ то: татарскіе, монгольскіе, урало-алтайскіе и тюркскіе съ ихъ производными, и въ Европѣ—басскій, финскій и венгерскій. Давно уже было замѣчено, что всѣ агглютинирующіе языки крайне бѣдны коренными словами и однакожь тѣми не многими элементами, которые имѣютъ, способны выражать все, потому что если для названія предметовъ и ихъ отношеній соединять ихъ отдѣльные признаки, то можно одними и тѣми же элементами выражать различныя вещи, приводя элементы постоянно въ новыя комбинаціи. Американецъ, называющій лошадь животнымъ съ ношею на спинѣ, или дубъ—деревомъ съ пальцеобразными листьями, этимъ избавляетъ себя отъ необходимости употреблять особыя слова для означенія лошади и дуба. Отсюда и та поэтическая форма рѣчи, которая такъ поражаетъ насъ въ американцѣ. Каждая рѣчь, которая, вмѣсто того, чтобы выразить понятіе словомъ, обрисовываетъ первое отдѣльными представленіями, уже сама по себѣ является поэтическою.

На третьей ступени развитія языка представленія начинаютъ переработываться мышленіемъ и приводиться въ порядокъ; сродные признаки различныхъ представленій соединяются и преобразуются въ общія понятія. Самостоятельныя слова, употреблявшіяся на предыдущихъ ступеняхъ развитія языка для означенія отношеній между предметами, начинаютъ теперь стираться, сглаживаться и, въ концѣ концовъ, превращатся въ прибавочныя слоги, называемые *флексіями*, которыя сливаются въ одно слово съ главнымъ корнемъ такъ, что, по отдѣленіи отъ него, не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Во время третьяго періода развитія языка, корни и флексіи, главныя и второстепенныя слова такъ измѣняются мышленіемъ, что, сливаясь вмѣстѣ, совершенно теряютъ свою прежнюю чувственную живость, такъ что слово становится только условнымъ знакомъ, символомъ понятія, который удерживается въ нашемъ сознаніи, благодаря только памяти. На этой ступени развитія находятся въ настоящее время языки семитическіе и индогерманскіе или арійскіе.

Таковы ступени, которыя проходитъ языкъ въ своемъ развитіи. Каждый флексивный языкъ былъ прежде агглютинирующимъ, и каждый агглютинирующій—радикальнымъ. На такой порядокъ развитія указываетъ состояніе многихъ языковъ настоящаго времени. Такъ, въ новомъ китайскомъ языкѣ нѣкоторые корни совершенно обратились въ оконча-

*) Названіе это произошло отъ Тура, баснословной личности, которую персидскій эпосъ считаетъ родоначальникомъ той части человѣчества, которая говоритъ на названномъ языкѣ.

нія. Во многихъ агглютинирующихъ языкахъ замѣтны первые слѣды словодвиженія и иногда звуковымъ измѣненіямъ подвергается даже главный корень. И наоборотъ, всѣ флективные языки, лишившись флексій, имѣющихъ значеніе, возвращаются къ предшествовавшему состоянію агглютинирующихъ и даже радикальныхъ языковъ. Многіе изъ такихъ языковъ почти совсѣмъ теряютъ разнообразіе склоненій именъ и спряженій глаголовъ и вынуждаются замѣнять эти грамматическія формы отдѣльными частицами: предлогами, членами и т. п. Вмѣсто того, чтобы совокупить знаменательные корни и знаки отношеній по возможности въ одно слово, въ языкѣ начинаетъ преобладать стремленіе—дать этимъ знакамъ отношеній, по возможности, отдѣльное положеніе; вмѣсто прежняго синтеза многихъ элементовъ въ одну форму, господствуетъ анализъ одной формы на множество отдѣльныхъ словъ, вслѣдствіе чего всѣ словесныя выраженія даже наружно приближаются къ формѣ языковъ радикальныхъ. Такимъ характеромъ отличаются нынѣшнія германскія и романскія нарѣчія, особенно же языки англійскій и сѣвероамериканскій.

§ 57. Происхожденіе письменности.

Творческій духъ человѣка, желая сообщить свои мысли другимъ, выражаетъ ихъ въ словѣ; желая же сохранить для себя и другихъ свои мысли, воплощенныя въ словѣ, онъ выражаетъ ихъ въ письменныхъ знакахъ. Первое письмо было *картинное* или *образное*, состоявшее изъ рисунковъ, при помощи которыхъ человѣкъ старался выразить свои мысли, событія и т. п. Съ такимъ характеромъ представляютъ намъ письменность памятники Египта, Ассиріи и Мексики, гдѣ разныя событія человѣческой жизни изображаются при помощи картинъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность напомнить о событіи или прочесть его, а вовсе не въ томъ, чтобы удовлетворить потребности эстетическаго созерцанія.

Когда же духъ человѣческій началъ развиваться, то сталъ выработывать такія представленія, изъ которыхъ каждое обнимаетъ множество однородныхъ предметовъ. Поелику же для такихъ представленій или понятій нельзя было найти соотвѣтствующихъ предметовъ въ дѣйствительности, то для изображенія ихъ стали употреблять предметы, принадлежащіе къ какому нибудь опредѣленному виду; напр. у Египтянъ соколъ означалъ всякую вообще птицу, пальма—всякое дерево. Такое письмо, выражающее понятія въ чувственныхъ образахъ, называется идеографическимъ.

Въ это же время въ духѣ человѣческомъ, естественно, возникали понятіи о его собственной (духовной) жизни и вообще о мірѣ сверхчувственномъ. Желая сохранить эти понятія, человѣкъ изображалъ ихъ чувственными предметами, имѣвшими съ этими понятіями по своимъ качествамъ какое нибудь сходство. Такъ напр., чтобы изобразить вѣрность, рисовали собаку; для изображенія силы рисовали льва, кругъ рисовали для изображенія вѣчности, два связанныя сердца для изображенія дружбы и т. п. Такое письмо называется *символическимъ*.

Выучившись изображать внѣшними знаками событія, относящіяся какъ къ видимой дѣйствительности, такъ и къ области мыслимаго міра, люди посредствомъ искуснаго соединенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ рисунковъ могли выразить даже цѣлый разсказъ о какомъ нибудь событіи. Подобныя надписи дѣлались на скалахъ и каменныхъ плитахъ,

на деревьяхъ и древесной корѣ. Желая сохранить въ памяти потомства важныя событія и дѣянія славныхъ героевъ, люди начали ставить памятники и испещрять ихъ подобными письменами. Многіе изъ такихъ памятниковъ сохранились до нашихъ временъ.

Съ теченіемъ времени картинное письмо оказалось недостаточнымъ, потому что всего нельзя было изобразить рисунками. Кромѣ того, ради краткости, стали скоро рисовать только одни главныя части, не касаясь другихъ, вслѣдствіе чего значеніе многихъ рисунковъ приходилось угадывать, да и то съ трудомъ, такъ какъ многіе рисунки обратились въ знаки, смыслъ которыхъ приходилось запоминать. Вотъ эта-то, все болѣе и болѣе увеличивающаяся неопредѣленность знаковъ и послужила причиною выработки другаго, болѣе опредѣленнаго и совершеннаго способа письма.

У многихъ народовъ жрецы давно уже употребляли для памяти свои особые, только имъ понятные, знаки. Такъ въ древней Персіи, въ Вавилонѣ и Ассиріи существовали особыя клинообразныя и гвоздеобразныя письмена, которыя умѣли разбирать долгое время одни только жрецы. Очень можетъ быть, что жрецы, изобрѣтая особеные письменные знаки, обратили, наконецъ, вниманіе на то, что человѣческая рѣчь состоитъ изъ звуковъ, повторяющихся въ различномъ порядкѣ и различныхъ сочетаніяхъ и это навело ихъ на мысль воспользоваться для своихъ письменъ тоже рисунками, но придавая имъ уже другое значеніе. Прежде рисунки изображали извѣстные предметы и понятія, теперь же каждый рисунокъ сталъ изображать только звукъ, которымъ *начиналось названіе нарисованнаго предмета*. Такъ напр. рисунокъ льва не представлялъ уже болѣе собою самого льва или силу, а только звукъ Л. Такіе письменные знаки называются *гіероглифами*. Такимъ образомъ, въ гіероглифахъ выразились первыя попытки изобразить знаками отдѣльные звуки человѣческой рѣчи. Гіероглифныя письмена достигли своего наибольшаго развитія у египтянъ, древніе памятники которыхъ испещрены сохранившимися еще и въ настоящее время этими письменами. Несомнѣнно также, что началомъ египетскихъ гіероглифовъ послужило тоже картинное письмо, и что египтяне не сразу перешли къ гіероглифамъ; объ этомъ можно заключать по нѣкоторымъ сохранившимся на памятникахъ надписямъ, гдѣ картинное изображеніе иногда смѣшивается съ гіероглифами. Подобно тому, какъ индѣйцы не заботились объ изящномъ исполненіи своихъ картинныхъ письменъ, такъ и египтяне, въ своихъ гіероглифахъ, старались только ясно, понятно, возможно проще и скорѣе изобразить свою мысль. Поэтому, весьма естественно, что гіероглифическіе знаки постепенно упрощались и, наконецъ, до того измѣнились, что въ позднѣйшихъ изъ нихъ уже трудно отыскать даже отдаленное сходство съ первоначальными звуковыми гіероглифными знаками. Очень можетъ быть, что древніе финикіяне, жившіе на восточномъ берегу средиземнаго моря, много способствовали къ упрощенію этихъ знаковъ. Какъ народъ торговый, посѣщавшій всѣ извѣстныя въ то время страны, финикіяне могли заимствовать у разныхъ народовъ, между прочимъ, и ихъ письмена, и нѣсколько видоизмѣнить ихъ, замѣнивъ неточные гіероглифы опредѣленными, неизмѣнными буквами. Но какъ и кто-бы ни заимствовалъ письменные знаки, несомнѣнно, что египетскіе гіероглифы послужили основаніемъ для всѣхъ Европейскихъ азбукъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть даже возможность еще и теперь указать, какъ гіероглифные знаки постепенно перешли въ буквы. Такъ мало по малу возникло письмо *звуковое*.

§ 58. Творчество художественное.

Основаніе художественнаго, какъ и всякаго другаго, творчества, заключается въ стремленіи человѣка къ безконечному совершенству, вслѣдствіе чего человѣкъ, выражая свое недовольство окружающей его

дѣйствительностію, создаетъ образцы болѣе совершенной жизни какъ внѣшней, физической природы, такъ и самаго человѣчества. Такъ являются идеалы для всѣхъ видовъ творчества: для творчества умственнаго, религіознаго, нравственнаго и художественнаго. Созданные такимъ образомъ идеалы художественное творчество старается воплотить въ чувственно-наглядной формѣ, съ цѣлію дать матеріалъ для эстетическаго *наслажденія;* этимъ художественное творчество и отличается отъ другихъ видовъ творчества. Продуктомъ художественнаго творчества является *искусство.* Художественное творчество предполагаетъ соблюденіе трехъ условій. Во первыхъ, необходимо содержаніе, предметомъ котораго можетъ быть все, совершающееся въ природѣ и человѣческой жизни, но только въ такомъ случаѣ, когда извѣстныя явленія удовлетворяютъ высшимъ потребностямъ человѣческаго духа, или соотвѣтствуютъ идеаламъ, относящимся къ ходу явленій природы и человѣческой жизни; поелику же въ дѣйствительности невозможно найти полное осуществленіе созданнаго человѣческимъ духомъ идеала, то фантазія художника выбираетъ изъ дѣйствительности частныя черты и соединяетъ ихъ въ одномъ художественномъ произведеніи, въ которомъ, слѣдовательно, дѣйствительность представляется такою, какою она должна быть по высшимъ разумнымъ требованіямъ человѣческаго духа. (Оцѣнка съ этой точки зрѣнія реальнаго направленія въ искусствѣ).

Вторымъ условіемъ художественнаго творчества служитъ внѣшняя форма, заключающаяся въ матеріалѣ, дѣйствующемъ на высшія внѣшнія чувства человѣка (въ краскахъ и цвѣтахъ, въ звукахъ и т. п.) При этомъ необходимо, чтобы чувственная форма, дѣйствующая на зрѣніе, представляла симметрію въ расположеніи частей съ цѣлымъ; а чувственная форма, дѣйствующая на слухъ, представляла бы ритмическое сочетаніе звуковъ. Кромѣ того, необходимо, чтобы форма соотвѣтствовала выражаемой ею идеѣ и была свободна отъ всякихъ утилитарныхъ цѣлей, заключая цѣль въ самой себѣ, въ удовлетвореніи влеченію къ прекрасному. Наконецъ, третье условіе художественныхъ произведеній заключается въ томъ вліяніи, какое они должны оказывать на духъ человѣка. Искусство должно доставлять высшее нравственное наслажденіе человѣческому духу, успокоивать его возвышать надъ обыденною дѣйствительностію и указывать тѣ высшія задачи жизни, которыя служили бы выраженіемъ разумно-нравственныхъ идеаловъ.

То духовное состояніе, которое предваряетъ и сопровождаетъ процессъ художественнаго творчества, составляя его важнѣйшее условіе, называется *вдохновеніемъ.* Древніе считали вдохновеніемъ такое состояніе, въ которомъ приходитъ внушеніе человѣку какихъ нибудь истинъ свыше, отъ боговъ. Какъ психологическій процессъ, вдохновеніе пред-

ставляетъ, болѣе или менѣе, высшую степень напряженія всѣхъ душевныхъ способностей, въ особенности: *фантазіи*, создающей изъ опытно—даннаго матеріала художественные образы, *памяти*, доставляющей матеріалъ для творчества, *мышленія*, направляющаго творчество по логическимъ законамъ и нормамъ, и *сердца*, одушевленнаго любовію къ прекрасному и высокому. Иногда вдохновеніе является внезапно; но большей же части бываетъ лишь результатомъ долговременнаго предшествующаго наблюденія и размышленія.

Совершенства духовной дѣятельности, проявляющейся въ творчествѣ, называются *талантомъ* и *геніемъ*. Талантъ есть выдающееся духовное дарованіе—создавать что нибудь въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Такъ различаютъ таланты: художественный (поэтическій, музыкальный), научный (математическій, философскій лингвистическій) и практическій (административный, хозяйственно-экономическій и т. п.) Талантъ бываетъ весьма часто прирожденъ, поэтому обнаруживается въ раннемъ дѣтствѣ, часто позднѣе и иногда совершенно неожиданно; но въ большей части случаевъ таланты пріобрѣтаются путемъ разумной самодѣятельности. Геній есть духовное дарованіе, обнаруживающееся въ оригинальной творческой дѣятельности. Талантъ, какъ обыкновенно говорятъ, только счастливо подражаетъ, геній же творитъ всегда новое. И если талантъ можетъ быть пріобрѣтеннымъ, то геній всегда бываетъ врожденною способностію. Геній есть счастливое сочетаніе совершенствъ различныхъ душевныхъ способностей: въ геніѣ дѣйствуетъ, прежде всего, глубокомысліе—способность проникать въ сущность, основанія и слѣдствія вещей, затѣмъ—живая фантазія, тонкій вкусъ, сильная энергія воли и т. п. Вообще, способности, дѣствующія въ геніѣ, различны и, при томъ, еще различно видоизмѣняются, смотря по направленію генія. Геній также, какъ и талантъ, всегда дѣйствуетъ въ какой нибудь опредѣленной области. Такъ и геніи бываютъ: научные, художественные, практическіе. Универсальныхъ геніевъ также мало, какъ и универсальныхъ талантовъ. Если исторія и указываетъ такихъ универсальныхъ геніевъ (напр. Лейбница), то только въ сродныхъ областяхъ, напр. различныхъ областяхъ науки или искусства.

ГЛАВА VI.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

§ 59. Влеченіе и стремленіе.

Всякое живое существо имѣетъ такую природную организацію, въ которой, вслѣдствіе ея ограниченности, возникаютъ различныя *потреб-*

ности, побуждающія живое существо къ дѣятельности, необходимой для его собственнаго сохраненія, развитія и совершенствованія. Такое возбужденіе живаго существа къ дѣятельности называется *влеченіемъ*. Какъ дѣйствуетъ потребность, вызывая влеченіе, и *какъ*, въ свою очередь, влеченіе приводитъ въ дѣятельность организмъ, это неизъяснимо: одно только несомнѣнно, что влеченія возникаютъ первоначально не вслѣдствіе вліянія на организмъ чувственныхъ ощущеній, но *сами собою*, изъ потребностей самой организаціи живаго существа; и такъ какъ основанія влеченій даны въ природѣ живыхъ существъ и неразрывно связаны съ жизнію послѣднихъ, то, вслѣдствіе этого, влеченія могутъ быть названы *прирожденными* и *жизненными*. Впослѣдствіи же чувственныя ощущенія и другія внѣшнія вліянія могутъ имѣть значеніе преимущественно для видоизмѣненія существующихъ влеченій. Въ началѣ влеченіе состоитъ только въ простомъ *возбужденіи* живаго существа къ дѣятельности. Но когда какая нибудь потребность возникаетъ съ особенною силою и побуждаетъ живое существо къ дѣятельности болѣе энергично и рѣшительно, тогда внутреннее возбужденіе является уже не простымъ влеченіемъ, а влеченіемъ съ опредѣленнымъ *направленіемъ* и къ опредѣленной *цѣли*. Влеченіе, получившее опредѣленное направленіе и опредѣленную цѣль, называется *стремленіемъ*. Влеченія вмѣстѣ съ стремленіями составляютъ самое первоначальное обнаруженіе практической дѣятельности всѣхъ живыхъ существъ. Такъ какъ всякое стремленіе вызывается потребностями, необходимыми для сохраненія и развитія живаго существа, то, вслѣдствіе этого, всякое стремленіе есть, въ сущности, стремленіе къ *самосохраненію* и совпадаетъ съ тѣмъ общимъ влеченіемъ къ обнаруженію дѣятельности, которое присуще всѣмъ силамъ и способностямъ живаго существа. И дѣйствительно, всякое живое существо не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяетъ возбужденныхъ потребностей и не создаетъ своими собственными усиліями такихъ условій своего существованія, которыя соотвѣтствуютъ потребностямъ его организаціи. Все, что соотвѣтствуетъ потребности къ сохраненію и развитію живаго существа, называется *благомъ*, а противоположное—*зломъ*. Какъ у всѣхъ вообще живыхъ существъ, такъ и у человѣка, всѣ влеченія направляются къ достиженію блага и избѣжанію зла. Поэтому всякое влеченіе можетъ быть названо влеченіемъ къ *счастію*.

§ 60. Инстинктъ.

Влеченія различаются по особенностямъ самой организаціи живыхъ существъ. У животныхъ всѣ влеченія возбуждаются потребностями исключительно ихъ тѣлесной организаціи; даже тѣ влеченія, результатомъ ко-

торыхъ бываетъ возникновеніе психическихъ состояній, своею конечною цѣлію имѣютъ лишь удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей. При этомъ многія изъ влеченій, управляющихъ душевною жизнію животныхъ, остаются совершенно несознаваемыми. Такія влеченія называются, обыкновенно, *инстинктами*. Инстинкты, слѣдовательно, суть ни что иное, какъ темныя влеченія животной природы, въ которыхъ совершенно нельзя признать присутствія сознательности, или разсужденія о будущихъ послѣдствіяхъ; инстинктамъ животное подчиняется непреодолимо, безъ всякаго разсужденія и выбора. Перелетныя птицы, напр., хотя бы взяты были изъ гнѣзда молодыми и предохраняемы были отъ холода и голода, все-таки становятся безпокойны ко времени перелета и точно также толпятся стаями въ запертомъ мѣстѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это на свободѣ. Бобръ, какъ только былъ выпущенъ изъ клѣтки, началъ изъ матеріала, которымъ снабжали его, дѣлать въ углу комнаты плотину, какъ бы онъ жилъ на водѣ. Какъ темныя, но, тѣмъ не менѣе, непреодолимо сильныя влеченія, инстинкты совершенно не могутъ быть изъяснены ни изъ вліянія на организмъ животнаго чувственныхъ ощущеній, ни изъ подражанія молодаго животнаго своимъ родителямъ, ни вообще изъ сторонняго пріученія. Всѣ вообще инстинкты, не смотря на свою безсознательность, возбуждаютъ всегда въ организмѣ животнаго тѣ именно движенія, которыя необходимы для достиженія опредѣленной цѣли—удовлетворенія возбужденной потребности. Эта *цѣлесообразность* принадлежитъ инстинктамъ тогда, когда ни о разсужденіи, ни о какихъ бы то ни было опытахъ животнаго не можетъ быть и рѣчи. Едва только успѣютъ обсохнуть всѣ части молодой пчелы, едва только крылья ея получатъ способность шевелиться, какъ она уже владѣетъ умѣньемъ того, что будетъ дѣлать въ продолженіи всей своей жизни. Паукъ еще не видѣлъ, а тѣмъ болѣе не ѣлъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя должны служить ему пищею, а между тѣмъ уже усердно разставляетъ имъ свои сѣти и ткетъ паутину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникновеніе инстинктовъ изъ опыта является физически не возможнымъ; гусеница, напр. появляется на свѣтъ тогда, когда родителей ея уже нѣтъ въ живыхъ и, не смотря на это, она устроиваетъ себѣ точно такой же коконъ, какой устроивали ея родители; черепаха, появившаяся на свѣтъ на морскомъ берегу, направляется къ морю и безошибочно находитъ его. Нельзя объяснить происхожденіе инстинктовъ и вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній на организмъ животнаго въ продолженіе цѣлаго ряда преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ поколѣній (Спенсеръ). Многіе инстинкты отличаются такою строго, математически разсчитанною, *правильностію* (напр. строительный инстинктъ пчелы) и *сложностію,* которыя рѣшительно не могутъ быть объяснены изъ случайной встрѣчи внѣшнихъ

вліяніи съ случайно возникавшими потребностями животнаго. Кромѣ того, большая часть инстинктовъ отличается замѣчательными *однообразіемъ* и *устойчивостію*, которыя предполагаютъ изначала уже *опредѣленную* организацію животнаго, подъ условіемъ которой они и могли оставаться однообразными и устойчивыми. Наконецъ, многіе инстинкты отличаются такою *непреодолимостію*, которая идетъ совершенно въ разрѣзъ со всякимъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. На основаніи всего сказаннаго инстинкты необходимо признать *первоначальными* или *прирожденными* влеченіями, въ которыхъ обнаруживаются особенности организаціи той породы, представителемъ которой служитъ извѣстное животное. Хотя всѣ инстинкты принадлежатъ тѣлесной организаціи животныхъ, однако они возбуждаютъ и душу, потому что инстинктивныя дѣйствія сопровождаются иногда сообразительностію и приспособляемостію ко внѣшнимъ обстоятельствамъ, не противорѣчащимъ потребностямъ животнаго.

§ 61. Влеченія природы человѣческой.

У человѣка также, какъ и у животныхъ, обнаруживаются влеченія, возбуждаемыя потребностями тѣлесной организаціи; многія изъ влеченій, особенно въ первое время жизни (напр. въ раннемъ младенчествѣ), и у человѣка имѣютъ несомнѣнно инстинктивный характеръ. Но тогда-какъ животное рѣдко или даже никогда не выходитъ изъ круга инстинктивныхъ влеченій; человѣкъ, возвысившійся до самосознанія, руководится въ своихъ влеченіяхъ, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, размышленіемъ. Тогда-какъ у животныхъ влеченія выражаютъ лишь потребности ихъ тѣлесной организаціи; у человѣка въ его влеченіяхъ открывается, кромѣ тѣлесныхъ потребностей, еще цѣлая область *духовной* жизни. Въ чувственныхъ и духовныхъ влеченіяхъ своей природы человѣкъ является или существомъ самостоятельнымъ, или зависимымъ, и притомъ зависимымъ или отъ другихъ людей, какъ личность соціальная, или отъ Бога, какъ существо религіозное. Отсюда и жизненныя влеченія природы человѣческой раздѣляются на индивидуальныя, соціальныя и религіозныя.

1. Всѣ *индивидуальныя* влеченія имѣютъ своею цѣлію сохраненіе и развитіе личнаго существованія, слѣдовательно, представляютъ лишь различныя видоизмѣненія одного основнаго влеченія къ *самосохраненію*. Удовлетворяя этому влеченію, человѣкъ сохраняетъ свой тѣлесный организмъ, заботится о его питаніи, укрѣпляетъ его движеніемъ и покоемъ, правильною дѣятельностію своихъ силъ, изыскиваетъ средства для самозащиты и устраненія всѣхъ вредныхъ и опасныхъ вліяній, угрожающихъ жизни и здоровью. Но, сохраняя свою относительную самостоятель-

ность, влеченія тѣлеснаго организма, по мѣрѣ развитія психической жизни, подчиняются въ своемъ обнаруженіи потребностямъ этой послѣдней. Изъ психическихъ влеченій слѣдующія влеченія служатъ основаніемъ индивидуальнаго человѣческаго существованія: а) природное влеченіе къ пріобрѣтенію *знанія*. Это влеченіе при первоначальномъ развитіи душевной жизни направляется на всѣ возможные предметы знанія (инстинктивное любопытство у дѣтей), а потомъ, съ развитіемъ сознательности, это влеченіе переходитъ въ любознательность, побуждая мыслящій духъ къ познанію такихъ предметовъ, которые или имѣютъ значеніе и цѣнность сами по себѣ, или соотвѣтствуютъ индивидуальнымъ склонностямъ (къ особымъ отраслямъ знанія, искусствамъ, мастерствамъ и т. п.); б) влеченіе къ *нравственно-доброму*, выражающееся въ естественной стыдливости и совѣстливости дѣтей, въ инстинктивномъ стремленіи ко всему честному и правдивому и отвращеніи отъ всего нравственно-дурнаго; в) влеченіе къ *прекрасному*, проявляющееся въ инстинктивномъ стремленіи, къ порядочности и приличію и въ отвращеніи отъ всего неприличнаго и безобразнаго; въ идеальныхъ образахъ фантазіи это влеченіе побуждаетъ духъ человѣческій выходить изъ ограниченнаго круга дѣйствительности въ область совершеннѣйшаго бытія. Наконецъ, г) душѣ присуще влеченіе къ *свободѣ*, т. е. къ безпрепятственному обнаруженію своихъ способностей, къ отсутствію стѣсненія и задержки въ мышленіи и дѣятельности.

2. *Соціальныя* влеченія, вытекающія изъ потребности жизни въ сообществѣ другихъ людей, являются слѣдствіемъ влеченія къ самосохраненію. Ибо безъ содѣйствія другихъ людей невозможно сохраненіе и развитіе ограниченнаго чувственно-духовнаго существа. Вслѣдствіе этого каждый человѣкъ имѣетъ естественное влеченіе къ другимъ людямъ, которое обнаруживается въ слѣдующихъ формахъ: а) въ инстинктивной *подражательности* дѣтей всему, что видятъ въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ взрослыхъ. Эта подражательность служитъ, между прочимъ, основаніемъ *игръ*, въ которыхъ дѣти воспроизводятъ усвояемое ими путемъ подражательности взрослымъ. б) Соціальное влеченіе, соотвѣтствующее инстинкту самосохраненія и въ этомъ послѣднемъ коренящееся, есть влеченіе, къ сохраненію рода, или *половое влеченіе*. Однако это послѣднее не есть, какъ у животныхъ, чисто чувственное влеченіе: въ силу любви и уваженія человѣка къ человѣку оно возвышается до степени нравственнаго влеченія и, служа основою постояннаго жизненнаго союза двухъ личностей, является началомъ *семейства*. Это же послѣднее служитъ основою *родственнаго* влеченія другъ къ другу членовъ одного рода, племени, одной народности. в) Стремленіе человѣка къ человѣку и къ общенію съ подобными себѣ служитъ выраженіемъ присущаго человѣку влеченія

къ *общественности*. Общительность, состраданіе, благожеланіе, дружба— суть обнаруженія этого влеченія.

3. Наконецъ въ душѣ человѣческой обитаетъ влеченіе къ *безконечному*, выражающееся въ неудовлетворенности всѣмъ земнымъ, временнымъ, конечнымъ и въ стремленіи къ небесному, непреходящему, вѣчному, Божественному.

§ 62. Желаніе.

Когда стремленіе, достигши достаточной степени напряженности, отличается душею отъ другихъ ея состояній и, вслѣдствіе этого, дѣлается сознательнымъ, то оно становится *желаніемъ*. Отличительная особенность желанія состоитъ въ томъ, что оно соединяется съ представленіемъ (хотя и не всегда опредѣленымъ) соотвѣтствующаго предмета или, что тоже, желаніе есть стремленіе, которое направляется на *познанное* благо, т. е. на удовлетвореніе потребности такимъ предметомъ, который уже *извѣстенъ* душѣ, какъ пригодный для этой цѣли. Такъ, напр. голодный стремится къ удовлетворенію голода и жажды, а желаетъ пищи и питья; больной стремится къ выздоровленію отъ болѣзни, но желаетъ помощи врача. Желаніе, такимъ образомъ, всегда предполагаетъ уже познаніе (воззрѣніе, представленіе) предмета, тогда какъ влеченіе есть лишь темный, безсознательный позывъ души къ дѣятельности въ извѣстномъ направленіи. Завися отъ представленій, желанія зависятъ еще и отъ чувствованій. Влеченіе существуетъ безъ чувствованій, служа для послѣднихъ основою. Въ желаніяхъ же душа стремится къ достиженію такого предмета, который уже доставлялъ ей пріятныя состоянія, или давалъ возможность выходить изъ состояній непріятныхъ.

Желанія и отвращенія бываютъ также многоразличны, какъ многоразличны потребности и предметы, которые имъ соотвѣтствуютъ или противорѣчатъ. Такимъ образомъ, соотвѣтственно влеченіямъ, и желанія бываютъ чувственныя и духовныя, также—умственныя, нравственныя, эстетическія и религіозныя. (Желанія, напр. пищи и питья, отдыха, опредѣленныхъ знаній и искусствъ, обращенія съ опред. лицами и т. п.).

Желанія проявляются, далѣе, съ различною силою. Эта сила зависитъ: а) отъ силы самой потребности. Но такъ какъ одинъ человѣкъ, вслѣдствіе природныхъ и пріобрѣтенныхъ влеченій, въ извѣстномъ направленіи имѣетъ больше потребностей, нежели другой, то одинъ и тотъ же предметъ у одного возбуждаетъ болѣе сильныя желанія, чѣмъ у другаго. Скудное кушанье, напр., котораго желаетъ бѣднякъ, въ богачѣ не возбуждаетъ никакого желанія.

б) Отъ ясности представленія. Каждое желаніе, какъ сказано, предполагаетъ представленіе извѣстнаго блага (или зла). Чѣмъ яснѣе и раздѣльнѣе представляется извѣстное благо, тѣмъ рѣшительнѣй стремится къ нему душа. Но то несправедливо, чтобъ душа представляла желаемое непремѣнно достижимымъ. Желаніе необходимо возбуждается лишь представленіемъ какого нибудь блага или зла и прекращается тогда, когда представленіе блага превращается въ представленіе зла. Такъ, плѣнникъ, желаетъ свободы даже и тогда, когда къ достиженію ея у него отнята всякая надежда.

в) Отъ силы чувствованія. Представленіе блага возбуждаетъ чувствованіе и при томъ въ такой силѣ, насколько представляемое благо обѣщаетъ удовлетвореніе потребности. Но чѣмъ сильнѣе это чувствованіе, тѣмъ большимъ становится интересъ души и тѣмъ болѣе она стремится къ благу, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе желаніе. Интересъ души бываетъ еще больше, если ожидаемое наполовину извѣстно, а наполовину—неизвѣстно. Фантазія разукрашиваетъ тогда это ожидаемое благо или зло и такимъ образомъ усиливаетъ желаніе. Въ добавокъ также и мысль о томъ, согласно ли наше представленіе съ дѣйствительностію, придаетъ желанію возрастающую силу (напр. возрастающее желаніе путешественника созерцать какую нибудь опредѣленную прекрасную мѣстность, не смотря на то, что по дорогѣ попадаются не менѣе прекрасные виды; точно также—желаніе узнать знаменитаго человѣка, о которомъ многое уже слышали).

г) Отъ препятствій и трудностей, которыя мѣшаютъ достиженію блага. Если представляемое благо кажется незначительнымъ, а препятствія слишкомъ велики, тогда, конечно, желаніе не усиливается, вслѣдствіе именно препятствій. Въ противномъ же случаѣ препятствія вызываютъ дѣятельную силу, а напряженіе силы доставляетъ даже удовольствіе, особенно, если оно увѣнчивается успѣхомъ.

д) Отъ частаго или рѣдкаго удовлетворенія желанія. Законъ всѣхъ живыхъ силъ, въ противоположность закону косности мертвыхъ тѣлъ природы,—тотъ, что отъ повтореннаго обнаруженія въ дѣятельности онѣ развиваются, получаютъ большую крѣпость и дѣйствуютъ тѣмъ легче, чѣмъ чаще бываютъ въ напряженномъ состояніи. Что сначала бываетъ труднымъ, то отъ повторенія скоро становится легкимъ и даже обращается въ трудно оставляемую привычку. Потребность, въ началѣ слабая, возрастаетъ вмѣстѣ съ возобновленнымъ удовлетвореніемъ и вызываетъ еще болѣе сильное желаніе. Конечно, привлекательность удовольствія отъ постояннаго повторенія, повидимому, уменьшается, а слѣдовательно, и чувствованіе, которое предшествуетъ желанію, становитси слабымъ. Но за то привычка дѣлаетъ для насъ занятіе люби-

мымъ, потребность—необходимою. Такимъ образомъ, желаніе, вслѣдствіе постоянно возобновляющагося удовлетворенія, дѣлается закоренѣлымъ, сильнымъ стремленіемъ—склонностью и страстью.

§ 63. Склонность.

Склонностію называется влеченіе, окрѣпшее и пріобрѣтшее особенную силу въ какомъ нибудь одномъ направленіи. Одно естественное влеченіе къ сохраненію и развитію тѣлесно—душевной природы принимаетъ у отдѣльныхъ личностей множество частныхъ направленій, соотвѣтственно ихъ различнымъ потребностямъ. При этомъ направленія, принимаемыя влеченіями, могутъ быть уже прирождены каждому человѣку въ различной степени, вслѣдствіе чего у одного человѣка влеченія развиваются въ извѣстномъ направленіи, вслѣдствіе прирожденныхъ задатковъ, съ большею силою, чѣмъ у другаго. Это—склонности *прирожденныя*, которыя суть ни что иное, какъ особенные задатки для влеченій въ области не только тѣлесной, но и духовной жизни. Смотря по различію душевныхъ способностей, составляющихъ основаніе различныхъ индивидуальностей, возникаютъ различныя склонности и образуютъ основаніе прирожденныхъ талантовъ. Къ этому нужно присоединить еще прирожденныя тѣлесныя особенности, которыя располагаютъ къ чувственнымъ склонностямъ. Въ этомъ отношеніи нужно особенно упомянуть о тѣхъ склонностяхъ, и нерасположеніяхъ, которыя называются *идіосинкразіями*. Таковы склонности, а еще чаще нерасположенія къ какой нибудь пищѣ, извѣстнымъ цвѣтамъ, звукамъ, запахамъ и т. п. Онѣ имѣютъ свою причину въ своеобразной впечатлительности организмзма и могутъ быть или продолжительными, или кратковременными.

Кромѣ прирожденныхъ, есть еще склонности *пріобрѣтенныя* или нажитыя, благодаря самодѣятельности и постороннимъ вліяніямъ. Если стремленіе постоянно удовлетворяется извѣстнымъ предметомъ или нѣсколькими предметами, то возникаетъ желаніе сильное и продолжительное, къ которому мы все болѣе и болѣе привыкаемъ: это и есть склонность. Возникновенію склонностей способствуютъ также: воспитаніе, нравы и обычаи, примѣръ и т. п. Часто склонность возникаетъ подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ отношеній къ предметамъ; такъ интересъ къ какому нибудь занятію подъ вліяніемъ частаго повторенія обращается въ склонность. Когда склонность, вслѣдствіе прирожденныхъ расположеній или долгой привычки, пріобрѣтаетъ особенную силу, то она переходитъ въ страсть.

§ 64. Страсть.

Страсть есть желаніе, достигшее высшей степени напряженности, которое, сдѣлавшись продолжительнымъ, подчиняетъ себѣ всю душу человѣка и неодолимо увлекаетъ ее къ какому—нибудь опредѣленному роду предметовъ или отталкиваетъ отъ нихъ. Не всякое сильное желаніе должно быть осуждаемо, какъ страсть; отъ предмета желанія и отношенія его къ свободной волѣ зависитъ: заслуживаетъ ли оно одобренія или порицанія. Если предметъ желанія одобряется разумомъ и свобода отъ возрастающей силы желанія не терпитъ никакого стѣсненія, то это желаніе *не есть страсть и не можетъ быть осуждаемо.* Таковы напр. желанія, имѣющія цѣлью: изслѣдованіе и познаніе истины, осуществленіе нравственнаго добра, стремленіе къ прекрасному и т. п.—желанія, не только не стѣсняющія, но, напротивъ, возвышающія свободу человѣка. Страстью же становится желаніе тогда, когда достигаетъ высшей степени силы въ ущербъ свободѣ воли; или, что тоже, страсть есть самовольное господство желанія надъ разумомъ и свободной волей и въ этомъ смыслѣ *всякая* страсть должна быть безусловно осуждаема. Всякая страсть есть безпорядочное состояніе, нарушающее правильное соотношеніе душевныхъ силъ, и такъ какъ здравое состояніе души условливается гармоніей психическихъ отправленій, то, слѣдовательно, страсть есть *болѣзнь* (на что указываетъ и самое названіе ея: *страсть*, passion, Leidenschaft).

Извращенность душевной жизни человѣка, находящагося подъ вліяніемъ страсти, очевидна изъ того, что человѣкъ 1) теряетъ способность къ правильной умственно-познавательной дѣятельности. Безпристрастная оцѣнка внѣшнихъ предметовъ и человѣческихъ отношеній для страсти не существуетъ; она познаетъ вещи только съ той стороны, которая имѣетъ значеніе для ея удовлетворенія. Такъ, скупой смотритъ на міръ лишь съ точки зрѣнія наживы и что не относится къ достиженію этой цѣли, то или ничего для него не значитъ, или имѣетъ для него ничтожное значеніе. Поэтому-то предметъ страсти оказывается, по большей части, недостойнымъ того, чтобъ быть средоточіемъ всѣхъ помысловъ и дѣйствій человѣка; даже тамъ, гдѣ этотъ предметъ самъ по себѣ благороденъ, какъ напр. отечество, народность, свобода,— все таки отношенія къ нему человѣка, находящагося подъ вліяніемъ страсти, бываютъ слишкомъ односторонни и преувеличены, сравнительно съ отношеніями людей, душевно здоровыхъ. Слѣпая для всего, что могло бы дать желанію иное направленіе, она, по большей части, не въ состояніи бываетъ сознать тѣхъ вредныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ и тѣхъ постыдныхъ дѣйствій, которыми сопровождается.

Глухая для основаній, въ собственномъ смыслѣ разумныхъ, имѣющихъ общечеловѣческое значеніе, страсть бываетъ, однакожъ, очень находчива въ изысканіи основаній кажущихся, но такихъ, которыя могутъ служить къ ея опорѣ или извиненію; она даже обнаруживаетъ рѣдкую ловкость въ изобрѣтеніи подобныхъ основаній (какъ напр. въ пьянствѣ, скупости и т. п.). Вотъ почему страсть бываетъ очень проницательна лишь въ отысканіи предметовъ, которые обѣщаютъ ей удовлетвореніе, а также въ придумываніи средствъ и путей, чтобъ достигнуть своей цѣли и преодолѣть препятствія, но никогда страсть не бываетъ въ состояніи подвергнуть справедливой оцѣнкѣ достоинство самой *цѣли;* не знаетъ она никакого выбора и по отношенію къ средствамъ (цѣль освящаетъ средства).

2) Такую же извращенность вноситъ страсть и въ другія области душевной жизни, т. е. въ область воли и сердца. Управляя всей душевной жизнью человѣка, страсть дѣлается тѣмъ могущественнѣй, чѣмъ дольше господствуетъ; всѣ силы души она беретъ въ свое служеніе и употребляетъ на то, чтобы доставить себѣ все новыя и новыя наслажденія, которыми, однакожъ, никогда не удовлетворяется. При этомъ душа человѣка закрывается для всего, что не имѣетъ прямаго отношенія къ удовлетворенію страсти; человѣкъ совершенно утрачиваетъ ту дѣтскую простоту, которая на всѣхъ путяхъ жизни открываетъ источникъ чистыхъ радостей: страсть слѣпа къ красотамъ природы, глуха къ гармоніи звуковъ, равнодушна къ произведеніямъ искусства. Страстный игрокъ интересуется лишь зеленымъ столомъ, скупецъ—наживою безполезныхъ сокровищъ и т. п.

Страсти различаются соотвѣтственно тѣмъ направленіямъ влеченій, въ области которыхъ онѣ развиваются. Какъ всѣ влеченія имѣютъ цѣлію самосохраненіе чувственно-духовной природы человѣка въ его личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, такъ и всѣ страсти имѣютъ характеръ *себялюбія* (эгоизма). Именно, съ одной стороны, есть страсти, которыя развиваются изъ личныхъ (индивидуальныхъ) влеченій,—это страсти, по преимуществу, эгоистическія (страсть къ пищѣ и питью—сластолюбіе, объяденіе, пьянство,—корыстолюбіе и скупость, страсть къ удовольствіямъ, различнымъ играмъ и т. п.); съ другой стороны, есть такія страсти, которыя коренятся въ соціальныхъ влеченіяхъ (страстная любовь въ различныхъ формахъ, какъ напр. сладострастіе, ревность, страстная любовь къ роднымъ, друзьямъ и т. п., точно также страстная ненависть: вражда, мщеніе, зависть, злорѣчіе и проч., далѣе: своеволіе, деспотизмъ, гордость, честолюбіе, славолюбіе и другія).

§ 65. Происхожденіе страстей и борьба съ ними.

Большинство страстей возникаетъ вслѣдствіе неумѣреннаго и продолжительнаго удовлетворенія желаній, потому что съ каждымъ удовлетвореніемъ желаніе усиливается и пріобрѣтаетъ, наконецъ, господство надъ всею душевною жизнію. Но также и совершенное неудовлетвореніе какого нибудь желанія, въ особенности у людей съ меланхолическимъ темпераментомъ, можетъ сообщить такую напряженность желанію, вслѣдствіе которой послѣднее становится страстью. Затѣмъ, на происхожденіе и развитіе страстей имѣетъ большое вліяніе воспитаніе. Если умственное и нравственное воспитаніе недостаточно, то изъ чувственныхъ влеченій развиваются сильныя страсти въ грубой формѣ. Въ особенности способствуетъ возникновенію страстей воспитаніе извращенное, подъ вліяніемъ котораго происходятъ, напр. страсти: къ танцамъ, театру, картежной игрѣ, модѣ и другія. Далѣе, на возникновеніе страстей заразительно дѣйствуетъ примѣръ и ежедневный опытъ и, наконецъ, страсти находятся во взаимномъ отношеніи между собою, вслѣдствіе чего одна страсть вызываетъ подобныя ей (напр. страстная любовь производитъ ревность, корыстолюбіе—страсть къ азартнымъ играмъ и т. п.).

Страсть, какъ ненормальное господство желанія надъ разумомъ и волей, безъ сомнѣнія, должна быть осуждена. Правда, въ мірѣ можетъ иногда произойти великое отъ страстей, такъ какъ Провидѣніе обращаетъ заблужденіе одного на пользу другихъ людей и даже всего человѣчества; но требовать, вслѣдствіе этого, чтобы страсти управляли всѣми дѣйствіями человѣка (по ученію Гельвеція), значило бы предоставлять человѣка водительству слишкомъ слѣпой и опасной силы. Поэтому разумъ требуетъ отъ человѣка—предохранять себя отъ страстей, возникающія же страсти подавлять, а возникшія—постепенно ослаблять. Предохраненіе отъ страстей должно составлять главную задачу нравственнаго воспитанія человѣка. Раннее пріученіе къ твердой нравственной дисциплинѣ посредствомъ повиновенія приказаніямъ родителей и наставниковъ, а также законамъ и установленіямъ общества, пріученіе къ перенесенію всевозможныхъ трудностей и лишеній, умѣренность и воздержиость, уклоненіе отъ различныхъ удовольствій, а главнымъ образомъ—воспитаніе характера, руководящагося возвышенными нравственными идеалами,—таковы средства, которыя не дадутъ человѣку легко подпасть подъ иго страсти. Для подавленія возникающихъ страстей важное значеніе имѣетъ то, чтобы посредствомъ безпристрастнаго самоиспытанія научиться узнавать слабости и пороки своей природы и зарождающейся склонности, особенно чувственной, отказывать въ удовлетвореніи. Далѣе, тамъ, гдѣ склонность возникаетъ вслѣдствіе развитія природныхъ расположеній или возрастаетъ отъ неоднократнаго неумѣреннаго удовлетворенія ея, нужно стараться не обращать вниманіе на предметы этой склонности и посредствомъ занятій другими, нравственно-дозволенными вещами, болѣе и болѣе отвращать интересъ духа отъ страстнаго влеченія. Наконецъ, необходимо для подавленія страстей воздерживаться и отъ позволительныхъ удовольствій, а также стараться уразумѣть всю постыдность и вредъ страсти; въ особенности же необходимо стараться о томъ, чтобы посредствомъ размышленія о религіозно-нравственныхъ основаніяхъ жизни утвердить господство разума и воли надъ низшими чувственно-эгоистическими склонностями нашей природы.

§ 66. Воля.

Одни изъ возникающихъ въ душѣ человѣка стремленій и желаній переходятъ тотъ часъ-же въ поступокъ, коль скоро представляется

предметъ, обѣщающій удовлетвореніе возбужденной потребности; тогда какъ другія стремленія и желанія переходятъ въ дѣятельность только послѣ рѣшимости, являющейся результатомъ выбора и размышленія. На самомъ дѣлѣ, если у человѣка (по крайней мѣрѣ развитаго) возникаетъ желаніе, то дѣятельность, имѣющая цѣлью удовлетвореніе желанія, не всегда, какъ у животнаго, проявляется тотъ часъ-же и непосредственно, но человѣкъ *опредѣляетъ* себя къ дѣятельности, т. е. какъ разумное существо, человѣкъ стремится понять: какое достоинство имѣютъ отдѣльныя блага для удовлетворенія его тѣлесно-духовныхъ потребностей и достижимо ли для него извѣстное благо или нѣтъ? Съ этою цѣлію человѣкъ соображаетъ: заслуживаетъ ли извѣстный предметъ препочтенія предъ другими, а также—достижимъ ли онъ, или нѣтъ? Сообразно съ результатами этого обсужденія человѣкъ, наконецъ, рѣшается вступить въ дѣятельность, или оставляетъ задуманное намѣреніе безъ исполненія. Это самоопредѣленіе къ дѣятельности называется *хотѣніемъ*, а самая способность хотѣнія по собственному самоопредѣленію и выбору называется *волею*.

Волю, какъ особую способность человѣческаго духа, необходимо отличать какъ отъ желаній, такъ и отъ мышленія. Правда, желанія, возбуждаемыя представленіемъ извѣстнаго блага, служатъ поводомъ къ размышленію и рѣшимости; но безъ воли не было бы и размышленія, потому что всякое желаніе (какъ у животныхъ) переходило бы въ дѣйствіе, а гдѣ встрѣчалось бы два противоположныхъ желанія, тамъ сильнѣйшее желаніе всегда одерживало бы верхъ надъ слабѣйшимъ. Но та сила, которая послѣ соображенія обусловливаетъ наступленіе рѣшимости и, затѣмъ, рѣшимость приводитъ въ дѣйствіе, идетъ весьма часто противъ нашихъ желаній, препятствуя имъ и ограничивая ихъ, а потому и не можетъ быть тождественною съ ними. Точно также нельзя свести волю и къ знанію, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые утверждали, что непроизвольное желаніе становится произвольнымъ или волею тогда, когда знаніе говоритъ намъ о достижимости желанія: у насъ очень часто не проявляется никакого хотѣнія, не смотря на то, что мы бываемъ убѣждены въ достиженіи желаемаго. Только тогда возникаетъ впервые хотѣніе, когда мы рѣшаемся сами, невынужденно. Хотѣніе предполагаетъ, поэтому, особенную способность нашего духа—волю, т. е. способность самоопредѣленія. Иначе говоря: *волею* становится самъ духъ нашъ, находящійся въ дѣятельномъ состояніи, насколько онъ, *отвлекаясь* отъ внѣшнихъ побужденій и внутреннихъ безотчетныхъ влеченій, *оцѣниваетъ* тѣ и другія по требованію разума и нравственнаго закона и, сообразно съ этою оцѣнкою, *рѣшается* на извѣстный поступокъ.

§ 67. Свобода воли.

Если воля есть способность опредѣляться только собою, безъ всякаго принужденія, то, слѣдовательно, духъ нашъ владѣетъ *возможностію* при одинаковыхъ обстоятельствахъ поступать многоразличнымъ образомъ и въ этомъ смыслѣ онъ есть существо *свободное*. Свобода воли есть, такимъ образомъ, *независимость* ея *отъ* всякаго *принужденія* какъ со стороны внѣшнихъ причинъ (coactio), такъ и со стороны причинъ внутреннихъ (necessitas naturalis), заключающихся въ самой природѣ человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ духъ нашъ владѣетъ *свободою выбора*—совершать или не совершать извѣстный поступокъ, и если совершать, то какому изъ существующихъ побужденій слѣдовать *). Вслѣдствіе этого, всякій человѣкъ сознаетъ себя существомъ свободнымъ, такъ что *сознаніе свободы* служитъ самымъ неопровержимымъ фактомъ, непосредственно убѣждающимъ каждаго въ томъ, что онъ есть существо свободное.

Однако свобода выбора каждаго человѣка не безусловна, но имѣетъ свои *границы*. Эти границы опредѣляются зависимостью воли, съ одной стороны, отъ знанія, а съ другой—отъ влеченій и чувствованій.

а) Зависимость воли отъ знанія обнаруживается въ томъ, что мышленіе должно представлять предметы для выбора воли: поэтому и самый выборъ воли можетъ простираться лишь на то, что признаетъ благомъ или зломъ мышленіе. И такъ какъ мы стремимся къ достиженію блага или счастію необходимо, то въ этомъ отношеніи не можетъ обнаруживаться никакой свободы. Правда, относительно высочайшаго блага возможны (въ этой жизни) различные взгляды; но разъ составивши взглядъ (хотя бы и ложный) на высочайшее благо, мы уже необходимо стремимся къ достиженію его (т. е. блага) въ своей жизни. Только по отношенію къ частнымъ и условнымъ благамъ, признаваемымъ средствами для достиженія высочайшаго блага, возможно обнаруженіе свободы. Можетъ быть также предметомъ хотѣнія и что нибудь непріятное, если только оно признается средствомъ для достиженія высочайшаго блага. Такимъ образомъ, мышленіе оцѣниваетъ для воли достоинство тѣхъ (относительныхъ) благъ, достиженіе которыхъ должно составлять цѣль человѣческой дѣятельности. Но при этомъ оцѣнка благъ со стороны знанія имѣетъ для воли значеніе, болѣе или менѣе, сильныхъ *побудительныхъ*, но не вы-

---

*) *Возможность выбора* по собственной рѣшимости, а не по принужденію, признаютъ за волею даже лица, отрицающія свободу. См. статью Сѣченова „ученіе о несвободѣ воли“, 1 кн. Вѣстн. Евр. за 1881 годъ (с. 81), — статью, которая (къ слову сказать), противъ желанія ея автора, является апологіею ученія о свободѣ человѣческой воли, что и замѣчено уже представителями свѣтской литературы (см. журн. „Новое Обозрѣніе“ за 1881 г. кн. 2, с. 194 и слѣд.).

нудительно опредѣляющихъ, причинъ. Кромѣ того, предметомъ свободы становится не все, что мы признаемъ относительнымъ благомъ, но только то, что представляется намъ достижимымъ. Рѣшеніе же относительно достижимости предмета желанія опять таки принадлежитъ мышленію. При этомъ мышленіе можетъ, конечно, обманываться относительно нашей способности къ дѣятельности и побуждать волю къ невыполнимымъ рѣшеніямъ; но никогда воля не рѣшается на то, что мышленіе признаетъ недостижимымъ для нашихъ силъ.

б) Что касается *влеченій*, то въ своихъ многоразличныхъ проявленіяхъ они также, какъ и воля, имѣютъ цѣлію—достиженіе блага и избѣжаніе зла. Различные предметы, познаваемые душею, обѣщая удовлетвореніе ея потребностямъ, служатъ причиною многоразличныхъ сознательныхъ стремленій и желаній. Эти желанія, принимающія различную степень силы и возрастающія иногда до страсти, какъ-бы осаждаютъ волю и стремятся достигнуть ея согласія. И такъ какъ желанія различнымъ образомъ соединяются и сталкиваются между собою, то воля нерѣдко увлекается въ ту, или въ другую сторону. Кромѣ того, многія стремленія возбуждаютъ въ сердцѣ *чувствованія* и аффекты, которые соединяются нерѣдко съ желаніями, чтобы тѣмъ сильнѣе воздѣйствовать на волю. Но чувствованія и желанія, какъ бы сильны ни были, лишь *вызываютъ*, но не вынуждаютъ къ дѣятельности волю; они суть лишь мотивы, но не причины, производящія рѣшенія воли.

§ 68. Процессъ и главные моменты дѣятельности воли.

Воля проявляется или во внѣшнемъ дѣйствіи, или направляется на внутреннюю, душевную жизнь человѣка. Въ томъ и другомъ случаѣ, прежде всего, обнаруживается *энергія* самой воли. У однихъ энергія воли бываетъ сильною, рѣшительною и, въ тоже время, продолжительною; у другихъ, напротивъ, воля пробуждается къ дѣятельности слабо и обнаруживаетъ такую же слабую энергію во время самой дѣятельности; наконецъ, у иныхъ хотя воля и приходитъ въ сильное напряженіе, однако это напряженіе часто слабѣетъ, не достигая цѣли. Затѣмъ, воля всегда соединяется съ болѣе или менѣе высшею степенью *сознательности* (самосознанія), вслѣдствіе которой воля можетъ *отвлекаться* отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ побужденій и дѣлать изъ нихъ *выборъ* по сознанію ихъ достоинства. Благодаря этимъ особенностямъ, *воля по отношенію ко внѣшнимъ дѣйствіямъ* обнаруживается всегда какъ сила, *управляющая* желаніями и *задерживающая* переходъ ихъ въ дѣйствія. Эта задерживающая сила выражается въ томъ, что, какъ только явится какое нибудь желаніе, воля побуждаетъ мышленіе точно

опредѣлить, въ чемъ состоитъ предметъ этого желанія: такъ вырабатывается для дѣятельности опредѣленная *цѣль*. Затѣмъ, при правильныхъ дѣйствіяхъ, воля, обыкновенно, побуждаетъ мышленіе обсуждать: *достижима*, или нѣтъ, избранная цѣль, а также—согласна ли она съ нравственнымъ закономъ, или противорѣчитъ ему? Наконецъ, и послѣ этого воля не допускаетъ еще переходить желаніямъ въ дѣйствія, но побуждаетъ мышленіе опредѣлить: какія средства необходимы для достиженія избранной цѣли? А такъ какъ на лицо у насъ бываетъ весьма часто нѣсколько средствъ, при помощи которыхъ можетъ быть достигнута одна какая нибудь цѣль, то, побуждаемое волею, мышленіе начинаетъ вновь обсуждать: какое средство избрать для достиженія предположенной цѣли? Результатомъ этого обсужденія бываетъ или то, что душа окончательно *рѣшается* начать дѣятельность, или то, что она рѣшается подавить желаніе, удалить его изъ сознанія, обративъ вниманіе свое на другіе предметы. Но обнаруженіе воли не оканчивается и тогда, когда душа начнетъ дѣятельность. Во время дѣятельности мы можемъ встрѣтить или удачу, или неудачу. Душа съ волею слабою въ послѣднемъ случаѣ часто изнемогаетъ и отказывается отъ достиженія своихъ цѣлей; напротивъ, душа съ волею сильною приходитъ отъ этихъ препятствій въ напряженное состояніе; эти препятствія возбуждаютъ энергію воли, благодаря которой человѣкъ или погибаетъ въ борьбѣ съ препятствіями, или доводитъ дѣло до конца, не смотря ни на какія препятствія. Только тогда, когда достигается предположенная цѣль, оканчивается и обнаруженіе воли.

По отношенію *ко внутреннимъ душевнымъ процессамъ* дѣятельность воли проявляется въ слѣдующемъ. 1) Извѣстно, что душа сознаетъ не только тѣ впечатлѣнія, которыя возникаютъ отъ естественной смѣны происходящихъ вокругъ нея явленій, но и сама намѣчаетъ тѣ явленія, которыя должны быть ею познаны, направляя и сосредоточивая свою дѣятельность только на наблюденіи этихъ явленій; по отношенію же ко всѣмъ другимъ впечатлѣніямъ является силою, задерживающею появленіе ихъ въ сознаніи. Въ этомъ и состоитъ, такъ называемое, *произвольное* (активное) *вниманіе*. Затѣмъ, во 2-хъ, сила воли обнаруживается въ образованіи ясныхъ представленій, когда на лицо находятся только представленія смутныя и отрывочныя; воля вызываетъ въ сознаніи совокупность такихъ представленій, которыя необходимы для уясненія извѣстнаго предмета, побуждаетъ воображеніе и фантазію къ преобразованію и видоизмѣненію существующихъ представленій, или даже къ образованію новыхъ представленій и цѣлыхъ сочетаній ихъ. Кромѣ того, дѣятельность воли проявляется въ намѣренномъ воспроизведеніи представленій, когда духъ нашъ, чтобы припом-

нить какое нибудь опредѣленное представленіе, останавливаетъ естественное теченіе представленій и направляетъ свою дѣятельность на воспроизведеніе той ассоціаціи, членомъ которой состояло искомое представленіе. Это послѣднее обнаруженіе воли служитъ основаніемъ, такъ называемаго, *произвольнаго воспоминанія.* Наконецъ, въ 3-хъ, всѣ акты мышленія требуютъ, какъ необходимаго условія, дѣятельности воли, потому что способность самоопредѣленія есть необходимое свойство не только воли, но и мышленія. Дѣятельность мышленія, проникнутая единствомъ плана, была бы невозможна, если бы духъ нашъ не имѣлъ воли—возвышаться надъ каждымъ изъ моментовъ своего содержанія и производить надъ ними контроль и критику. Такимъ образомъ, основнымъ свойствомъ мышленія является такая же способность къ самоопредѣленію, какая составляетъ и основу воли. Слѣдовательно, воля даетъ возможность (силу) нашему духу сообщать своей жизни такое направленіе, какое требуется разумомъ, постигающимъ конечное назначеніе природы человѣка.

§ 69. Идея общей цѣли практической дѣятельности.

Духъ человѣческій не сразу достигаетъ въ своей дѣятельности того совершества, къ какому онъ предназначенъ по своей природѣ. Напротивъ, онъ постепенно развивается и на различныхъ ступеняхъ своего развитія выработываетъ такія правила, которыя опредѣляютъ постоянный характеръ и общую цѣль его дѣятельности. Совокупность всѣхъ подобныхъ правилъ сводится къ немногимъ основнымъ правиламъ, которыя называются *принципами.* А то основаніе, на которомъ утверждаются принципы, составляетъ общую *идею* практической дѣятельности. Достоинство основныхъ правилъ или принциповъ дѣятельности зависитъ отъ того, насколько въ образованіи ихъ участвовало мышленіе и безпристрастное изученіе природы и назначеніе человѣческаго духа, а также самое упражненіе воли въ разумной дѣятельности. Большое вліяніе на достоинство принциповъ оказываютъ естественныя условія развитія человѣческой дѣятельности, какъ-то: возрастъ, воспитаніе, среда, міровоззрѣніе и духъ времени и т. п.

Сначала человѣкъ въ своей дѣятельности находится подъ руководствомъ чувственно-эгоистическихъ влеченій своей природы, слѣдуя только пріятному и избѣгая непріятнаго; поэтому и основнымъ началомъ дѣятельности является для него *идея удовольствія.* Свобода на этой ступени развитія воли проявляется какъ *произволъ,* заставляющій человѣка для удовлетворенія частныхъ и нерѣдко случайныхъ потребностей жертвовать одними влеченіями и слѣдовать другимъ, обѣщающимъ болѣе удовольствія.

Скоро, однакожь, человѣкъ убѣждается, что пріятное нерѣдко бываетъ вреднымъ, тогда какъ непріятное—полезнымъ, т. е. онъ разсуждаетъ уже о достоинствѣ различныхъ актовъ воли въ ихъ отношеніи къ цѣлямъ. Такъ образуются правила *благоразумія*, которыми руководятся люди размышляющіе. Но и на этой ступени развитія воля обнаруживается какъ произволъ, избирающій подъ вліяніемъ *идеи полезности* только то, что обѣщаетъ частную выгоду.

Какъ на первой, такъ и на второй ступени развитія воли человѣкъ поставляетъ цѣлію—удовлетвореніе своихъ потребностей въ интересахъ удовольствія или пользы и въ установленіи, сообразно съ этою цѣлью, соотвѣтствующихъ отношеній къ предметамъ, т. е. въ извлеченіи изъ предметовъ, или при помощи ихъ, пользы и удовольствія. Но развитіе самой воли при этомъ оставляется безъ вниманія; она является не *цѣлью для себя*, а лишь средствомъ для достиженія чуждыхъ для нея цѣлей. Между тѣмъ, если человѣку данъ разумъ, то не для того, чтобы устроять свое матеріальное благосостояніе, или доставлять себѣ наивозможно большую сумму удовольствій, потому что къ этой цѣли вѣрнѣе приводилъ бы слѣпой инстинктъ,—а для того, чтобы образовывать волю, не какъ средство въ какомъ либо иномъ отношеніи, но *въ себѣ самой* добрую волю. Добра же воля не чрезъ то, что она доставляетъ, но только *чрезъ хотѣніе*, т. е. добра сама въ себѣ и, разсматриваемая для себя, должна быть цѣнима несравненно выше, чѣмъ все то, чего можно достигнуть чрезъ нее въ пользу какой либо склонности. „Если вслѣдствіе какой нибудь особенной немилости судьбы, или скуднаго надѣла суровой природы, этой волѣ недостаетъ въ способности достигнуть своей цѣли,—если при всемъ своемъ усиліи ничего ею не достигается и остается только одна добрая воля, то она все-таки блистаетъ подобно драгоцѣнному камню, какъ нѣчто такое, что въ себѣ самомъ содержитъ свое достоинство (Кантъ)“. Такъ человѣкъ мало по малу приходитъ къ тому убѣжденію, что въ его природѣ есть *требованія*, безконечно превышающія стремленія къ удовольствію и пользѣ,—требованія, выступающія съ притязаніемъ на безконечное, никакими извиненіями и возраженіями не колеблемое, значеніе и съ осуществленіемъ или неосуществленіемъ которыхъ стоитъ и падаетъ нравственное достоинство человѣка. Эти требованія исходятъ изъ *нравственнаго закона*, велѣнія котораго служатъ основаніемъ наивысшаго принципа человѣческой дѣятельности—*нравственнаго долга*. Цѣлію человѣческой дѣятельности на этой ступени развитія ставится то, чтобы каждый актъ воли, какъ бы онъ малъ и незначителенъ ни былъ, служилъ выраженіемъ разумности и осуществленіемъ нравственнаго закона и только подъ руководствомъ *идеи долга* воля становится въ собственномъ смы-

слѣ свободною, т. е. возвышающеюся и господствующею надъ низшими чувственно-эгоистическими влеченіями во имя высшихъ разумно-нравственныхъ потребностей духа и сообщающею всей жизнедѣятельности нравственно-идеальное направленіе.

§ 70. Совѣсть.

Законъ, сообщающій волѣ нравственную организацію, называется *совѣстью*. Какъ нравственный законъ, совѣсть обнаруживается, прежде всего, въ *законодательствѣ* для воли. Когда въ человѣческомъ духѣ возникаетъ влеченіе къ совершенію какого нибудь поступка, то оно сознается (нерѣдко чувствуется) въ согласіи съ его нравственной природой, или въ противорѣчіи; въ томъ и другомъ случаѣ совѣсть обнаруживается какъ *чувство* или *сознаніе долга*, повелѣвающее или запрещающее совершеніе поступка. Во всѣхъ случаяхъ, когда духъ нашъ приступаетъ къ дѣятельности, направленной ли на самаго себя, на тѣло ли, въ которомъ онъ обитаетъ, или на другихъ людей и природу внѣшнюю, законодательный голосъ совѣсти въ своемъ: „*должно*“ и „*недолжно*“ гласитъ намъ: „*поступай такъ, чтобы въ твоей дѣятельности не унижалась, а возвышалась твоя духовная природа*“.

Послѣ обязательства, совѣсть обыкновенно свидѣтельствуетъ предъ сознаніемъ о томъ: выполнила ли воля свою обязанность. Именно: свидѣтельство совѣсти невольно вызываетъ въ душѣ психологическій актъ сравненія совершоннаго поступка и поступка долженствовавшаго быть совершоннымъ, или, что тоже, вызываетъ актъ сравненія между „*есть*“ и „*должно*“. Изъ этого акта наша душа несомнѣнно убѣждается: выполнила воля нравственное обязательство, или нѣтъ. Въ этомъ и состоитъ *судъ совѣсти* надъ совершоннымъ поступкомъ, при чемъ самый поступокъ *вмѣняется* человѣку или въ заслугу, или въ осужденіе.

Вслѣдъ за оправдывающимъ или обвиняющимъ судомъ совѣсти начинается, обыкновенно, третій актъ ея, состоящій въ *мздовоздаяніи*. Когда человѣкъ совершаетъ поступокъ, согласный съ требованіемъ нравственнаго закона, то въ душѣ его возникаетъ сознаніе исполненнаго долга, сопровождающееся чувствомъ внутренняго мира и духовной радости; въ противномъ же случаѣ въ душѣ человѣка возникаетъ чувство недовольства самимъ собою, внутреннее безпокойство, которое болѣзненнымъ образомъ отражается на всемъ его существѣ и нерѣдко доводитъ его до такого отчаянія, что онъ скорѣе рѣшается на самоубійство, чѣмъ на продолженіе подобной жизни. (Судьба Іуды предателя).

Какимъ образомъ объяснить происхожденіе совѣсти? Съ матеріалистической точки зрѣнія происхожденіе совѣсти совершенно объяснить нельзя, потому что нервное движеніе, какъ и всякій матеріальный процессъ, представляетъ собою только то, что *есть*, но въ немъ совершенно не дано основанія для сознанія или даже смутнаго чувства того *долженствующаго быть*, которымъ всегда сопровождается могущественный голосъ совѣсти. Равнымъ образомъ нельзя считать совѣсть результатомъ низшихъ видовъ душевной дѣятельности (напр. ощущеній или чувственно-эгоистическихъ влеченій): совѣсть настолько отлична отъ всѣхъ остальныхъ проявленій душевной жизни, что постоянно идетъ въ разладъ съ ними, или даетъ имъ такое направленіе, какого они сами по себѣ не имѣли бы. И если бы человѣческій духъ съ самаго начала не представлялъ собою нравственно-организованное существо, то совѣсть въ немъ никогда не возникла бы, какъ не возникаетъ она у животныхъ. Будучи независимою отъ личнаго произвола и являясь въ своихъ велѣніяхъ безусловно обязательною для человѣка, совѣсть свидѣтельствуетъ о томъ, что нравственная организація человѣческаго духа первоначально установлена не самимъ человѣкомъ, и не всѣмъ человѣчествомъ, въ продолженіи цѣлаго ряда преемственно слѣдовавшихъ поколѣній, а Силою Безусловною—объективнымъ Источникомъ добра и нравственнаго законодательства. (Отсюда становится понятнымъ глубокій психологическій смыслъ изрѣченія русской народной мудрости: „*голосъ совѣсти—голосъ Божій*“).

Такимъ образомъ совѣсть есть естественный нравственный законъ, основанія котораго коренятся въ самой организаціи человѣческаго духа. Поелику же сущность духа у всѣхъ людей одинакова, то совѣсть должна быть признана закономъ нравственности *всеобщимъ*. Всеобщность нравственнаго закона доказывается несомнѣннымъ существованіемъ у всѣхъ народовъ понятій о добрѣ и злѣ. Но совѣсть, какъ законъ нравственный, требуетъ для своего обнаруженія совершенной свободы; совершенство же свободы не дается готовымъ, а является постепенно развивающимся; поэтому и совѣсть первоначально существуетъ въ природѣ нашего духа въ формѣ *зародыша* или нравственнаго задатка, который для своего развитія требуетъ внѣшнихъ возбужденій и нашей собственной самодѣятельности. Въ противномъ же случаѣ нравственный законъ являлся бы внѣшнимъ, принудительнымъ закономъ и, вслѣдствіе этого, пересталъ бы быть закономъ нравственнымъ, потому что уничтожалъ бы свободу рѣшенія. Кромѣ того, характеръ и направленіе нравственнаго закона весьма много зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ, преданій и вообще направленія, свойственнаго различнымъ періодамъ исторической жизни народовъ. Существенное вліяніе на развитіе совѣсти имѣетъ также характеръ религіозныхъ воззрѣній. Только тогда совѣсть судитъ вполнѣ правильно, когда мы пріобрѣтаемъ истинныя знанія о Богѣ и Его отношеніяхъ къ намъ, а также и о нашихъ обязанностяхъ къ Нему. Вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ объясняется тотъ фактъ, что понятія о добрѣ и злѣ какъ у цѣлыхъ народовъ, такъ и у отдѣльныхъ личностей, различны. Такъ какъ развитіе совѣсти зависитъ отъ общаго развитія и самодѣятельности человѣческаго духа,

то всѣ различія въ показаніяхъ совѣсти можно свести или къ нравственной *неразвитости*, или къ нравственной *испорченности*. Первоначальная форма обнаруженія совѣсти есть чувство долга, чувство чрезвычайно нѣжное и слабое, и только тогда, когда при послѣдующемъ возникновеніи этого чувства на него обращается различающая дѣятельность души, оно пріобрѣтаетъ все большую и большую степень сознательности. Впослѣдствіи же чувство долга служитъ для мышленія источникомъ, доставляющимъ необходимый матеріалъ при составленіи понятій, относящихся къ нравственной области. Поэтому тѣ лица, или даже цѣлые народы, умственная дѣятельность которыхъ еще не начинала развиваться, или обнаруживаетъ крайнюю слабость въ своемъ развитіи, естественно владѣютъ самыми бѣдными и, нерѣдко, превратными понятіями о добрѣ и злѣ, каковы, напр. дѣти и дикіе народы. Вообще отъ нашего сознанія требуется, чтобы оно безпристрастно и тщательно отличало голосъ совѣсти отъ остальнаго своего содержанія. Гдѣ этотъ актъ сознанія совершается бѣгло и поверхностно, тамъ и требованія совѣсти неизбѣжно являются неясными и неопредѣленными.

Нравственная испорченность человѣка происходитъ отъ ложнаго направленія въ развитіи ума и, особенно, дѣятельности воли. Если низшія, чувственно-эгоистическія влеченія достигаютъ значительной степени силы, а голосъ совѣсти запрещаетъ ту дѣятельность, къ которой они побуждаютъ человѣка, то въ духѣ происходитъ борьба съ самимъ собою, борьба, въ которой, благодаря намѣреннымъ усиліямъ, голосъ совѣсти можетъ быть заглушенъ и подавленъ; мышленіе же, вслѣдствіе требованія порочной воли—подыскать извиняющія обстоятельства для своей дѣятельности, выработываетъ для жизни ложныя руководящія правила. Совѣсть такихъ людей можно назвать *ложною* или *порочною*. До высшей же степени нравственная испорченность достигаетъ тогда, когда человѣкъ безнравственымъ образомъ жизни намѣренно заглушаетъ свидѣтельство своей совѣсти и доводитъ ея дѣятельность до полнаго усыпленія. Но до совершеннаго уничтоженія своей совѣсти человѣкъ никогда дойти не можетъ. Нерѣдко совѣсть послѣ долговременнаго усыпленія, пробуждается съ необыкновенною силою у самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ и побуждаетъ ихъ къ коренному исправленію жизни.

§ 71. Возраженія противъ свободы воли и ихъ критическая оцѣнка.

Не смотря на то, что дѣйствительность существованія свободы свидѣтельствуется собственнымъ сознаніемъ каждаго человѣка и всѣмъ ходомъ нравственной жизнедѣятельности человѣчества, фактъ существо-

ванія свободы подвергался и подвергается, однакожь, многимъ сомнѣніямъ и возраженіямъ. Ученіе, отрицающее существованіе въ человѣкѣ свободной воли, называется *детерминизмомъ*. По смыслу этого ученія, каждый актъ воли *необходимо опредѣляется* какими нибудь основаніями; поэтому человѣку только кажется, что онъ поступаетъ свободно, а на самомъ дѣлѣ онъ дѣйствуетъ по необходимости. Смотря по тому, въ какой области полагаются причины, необходимо опредѣляющія человѣческую волю: въ матеріальныхъ-ли явленіяхъ внѣшней природы, или Божествѣ и психической природѣ самаго человѣка, или признается совокупное вліяніе на человѣческую волю всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ,— и самый детерминизмъ бываетъ: натуралистическимъ, религіознымъ, пантеистическимъ и психологическимъ. Кромѣ того, въ послѣднее время нерѣдко стали высказываться возраженія противъ свободы воли, основанныя на выводахъ статистики.

Представители *натуралистическаго* или *физическаго* детерминизма признаютъ основою всѣхъ явленій матеріальныя частицы или атомы, производящіе все во всемъ по своимъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ; поэтому и человѣкъ въ своемъ бытіи и дѣйствіяхъ есть лишь продуктъ матеріальныхъ процессовъ, управляемыхъ физическимъ закономъ причинности. Всякое явленіе, по этому закону, бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ предшествующаго явленія, какъ своей причины; поэтому и всѣ дѣйствія человѣка, какъ результатъ неизмѣнныхъ физическихъ причинъ, должны быть признаны дѣйствіями не свободными, а необходимыми. — Но это возраженіе противъ свободы несправедливо ограничиваетъ примѣненіе къ человѣческимъ дѣйствіямъ закона причинности областью лишь однихъ матеріальныхъ явленій. При такомъ воззрѣніи на человѣческую дѣятельность оставляется безъ всякаго вниманія нравственная организація самаго духа, какъ *причины* такихъ явленій, которыя не встрѣчаются во внѣшней физической природѣ. Всѣ явленія внѣшней природы и чувственныя возбужденія нашего организма служатъ поводомъ къ возникновенію въ насъ лишь *условнаго* хотѣнія, но никогда не бываютъ они источникомъ тѣхъ *безусловныхъ велѣній долга*, которыя управляютъ ходомъ нашей нравственной жизнедѣятельности. Источникомъ велѣній долга служитъ самъ духъ, который, подъ вліяніемъ требованій разума и голоса совѣсти, является причинностью, не только самостоятельною и независимою отъ внѣшнихъ физическихъ причинъ, но и господствующею надъ послѣдними и дающею имъ то направленіе, которое соотвѣтствуетъ его собственнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ человѣческій духъ, какъ существо разумно-нравственное, обнаруживается въ такихъ явленіяхъ, которыя совершаются по законамъ, отличнымъ отъ законовъ физико-механическихъ явленій природы и въ этомъ

смыслѣ дѣйствуетъ по отношенію къ послѣднимъ съ полною *самопроизвольностію* или *свободою*. Отсюда становится понятнымъ отношеніе закона причинности къ духовной жизни человѣка. Законъ причинности требуетъ только, чтобы не было дѣйствія безъ причины; но наступитъ ли при появленіи внѣшней причины дѣйствіе, и если наступитъ, то будетъ ли имѣть тотъ или другой характеръ, это будетъ зависѣть уже отъ человѣческаго духа, который побужденіямъ, представляемымъ для дѣятельности воли внѣшними причинами, противопоставляетъ еще основанія, вытекающія изъ его собственной природы (моральныя, религіозныя, логическія), подъ вліяніемъ которыхъ люди на одну и ту же внѣшнюю причину отвѣчаютъ самыми разнообразными дѣйствіями, полагая внѣшнимъ вліяніямъ мѣру и цѣль, запрещеніе или допущеніе. Слѣдовательно, человѣкъ, въ силу своей духовной организаціи, по отношенію къ внѣшней физической причинности является существомъ самостоятельнымъ, на которое законъ причинности не дѣйствуетъ неодолимо, не вынуждаетъ, а только *вызываетъ* къ дѣйствію; дѣйствовать же, и дѣйствовать такъ или иначе—зависитъ отъ свободной воли человѣка. Доказательствомъ сказаннаго служатъ всѣ отношенія человѣка къ внѣшней физической природѣ. Если бы законъ внѣшней физической причинности вліялъ на волю непреодолимо, то человѣкъ вполнѣ подчинялся бы естественному ходу явленій природы. Между тѣмъ, духъ человѣческій, когда природа не удовлетворяетъ его потребностямъ, старается овладѣть ея силами и создаетъ себѣ собственный порядокъ по идеямъ, къ которымъ онъ приспособляетъ явленія внѣшней природы и такимъ образомъ преобразуетъ природу согласно съ своими цѣлями. Онъ не уничтожаетъ, а только *направляетъ* и *видоизмѣняетъ* въ отдѣльныхъ случаяхъ, сообразно съ своими цѣлями, дѣятельность общихъ силъ природы, совершающуюся по закону причинности. Въ этомъ и состоитъ *культура* природы, которая всегда будетъ свидѣтельствовать о самостоятельности и свободѣ человѣческаго духа, подчиняющаго внѣшнія физическія явленія своей разумно-нравственной волѣ и преобразующаго ихъ естественный ходъ въ искусственный. Такимъ образомъ, свобода человѣческаго духа по отношенію къ внѣшней физической причинности состоитъ не въ дѣятельности безъ всякихъ причинъ, а въ *возможности* дѣйствовать по законамъ своей собственной, разумно-нравственной организаціи.

Затѣмъ, возраженія противъ свободы идутъ изъ области *религіи*. Основаніемъ этихъ возраженій служитъ, главнымъ образомъ, ученіе о предвѣдѣніи Божіемъ. Говорятъ, что Богъ есть Существо всевѣдущее, знающее какъ настоящіе, такъ и будущіе человѣческіе поступки,—поэтому всѣ будущія дѣйствія каждаго человѣка являются въ умѣ Божіемъ уже совершившимися; а если такъ, то человѣкъ является существомъ

всецѣло несвободнымъ, такъ какъ дѣйствія его являются заранѣе *предопредѣленными*. Такое ученіе о фатумѣ, судьбѣ, рокѣ существовало въ классическомъ мірѣ и у восточныхъ народовъ, а въ настоящее время такого взгляда держатся магометане и изъ послѣдователей христіанской религіи—кальвинисты.

По поводу этого возраженія противъ свободы человѣческой воли необходимо сказать то, что въ немъ смѣшивается предопредѣленіе съ предвѣдѣніемъ Божіимъ, которое вовсе не уничтожаетъ человѣческой свободы. Что Богъ, дѣйствительно, знаетъ всѣ будущія явленія не только необходимыя, но и свободныя, это несомнѣнно. Но для того, чтобы понять: какимъ образомъ Богъ можетъ знать всѣ будущія свободныя дѣйствія людей, необходимо принять во вниманіе конечность и ограниченность, кромѣ Бога, всѣхъ свободныхъ существъ. Дѣйствія послѣднихъ могутъ быть лишь условно свободными. Каково будетъ рѣшеніе воли, это зависитъ не единственно и исключительно отъ хотѣнія рѣшающагося лица, но также отъ индивидуальныхъ особенностей и внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ хотя и не необходимое, но, тѣмъ не менѣе, содѣйствующее вліяніе на исходъ рѣшенія воли. Если Богъ отъ вѣчности восхотѣлъ, чтобы въ мірѣ существовали не необходимо дѣйствующія, но также и свободныя существа, то Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно совершеннымъ образомъ предвидѣлъ мѣру и степень какъ обнаруженія личной свободы, такъ и вліянія содѣйствующихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, условій; Онъ самымъ точнѣйшимъ образомъ позналъ: какъ люди будутъ употреблять свою свободу, а также—и тѣ обстоятельства, при которыхъ они будутъ рѣшаться. Поэтому Богъ предвидѣлъ также съ достовѣрностію и исходъ рѣшеній воли, безъ всякаго стѣсненія, а тѣмъ болѣе — уничтоженія свободы въ *выборѣ* и *рѣшимости*. Предвѣдѣніе Божіе въ настоящемъ случаѣ можно сравнить съ предвѣдѣніемъ человѣка: какъ мы, узнавши напередъ, какимъ нибудь образомъ, что нашъ ближній рѣшился совершить что нибудь, не можемъ еще этимъ принудить его къ избранному дѣлу; такъ точно не принуждаетъ насъ къ извѣстнымъ поступкамъ и Богъ своимъ предвѣдѣніемъ: Онъ предвидитъ ихъ, какъ дѣйствія наши свободныя, а не какъ необходимыя. Такимъ образомъ, не наши поступки зависятъ отъ предвѣдѣнія Божія, а наоборотъ: потому то Богъ ихъ и видитъ, или предвидитъ, что безконечно совершеннымъ образомъ знаетъ законы нашей свободы и условія ея обнаруженія. Богъ предвидитъ не одни наши дѣйствія, но вмѣстѣ и ихъ причину — нашу свободу, — предвидитъ то, что мы совершаемъ эти дѣйствія *по своей волѣ*, что, если захотимъ, то вмѣсто ихъ мы совершимъ другія дѣйствія, которыя Онъ также предвидитъ и, слѣдователь-

но, если рѣшимся предпочесть одни дѣйствія другимъ, то выборъ нашъ будетъ зависѣть совершенно отъ нашего произвола *).

Много общаго съ детермивизмомъ ватуралистическимъ и религіознымъ имѣетъ *детерминизмъ пантеистическій*. Типичнымъ представителемъ пантеистическаго детерминизма можно признать Спинозу. По его ученію, существуетъ только Божество или одва безковечная субстанція, дѣйствующая по необходимому закону причинности. Эта субставція обнаруживается во всемъ существующемъ, вслѣдствіе чего всѣ существа, не исключая и человѣка, сами по себѣ лишаются всякой самостоятельности и свободы. Человѣкъ, по ученію Спивозы, также не свободенъ, какъ не свободна морская волна, вздымаемая вѣтромъ, или магнитная стрѣлка, тяготѣющая къ сѣверу.—Но такое отрицаніе въ человѣкѣ свободы ве выдерживаетъ критики. Сами пантеисты, изучавшіе духовную жизнь человѣка, признаютъ въ ней влеченія высшія и низшія; при чемъ задачею жизни считаютъ то, чтобы подавлять низшія влеченія и руководиться высшими. Но подобной задачи для жизни ставить нельзя, не призвавъ въ человѣкѣ свободвой воли, потому что борьба съ низшими влечевіями предполагаетъ самостоятельность человѣческаго духа, а возможность предпочитать одни влечевія другимъ и дѣлать между ними выборъ была бы немыслима безъ его свободы. Такимъ образомъ, несомнѣнное существованіе нравственнаго долга, требующаго борьбы съ низшими влеченіями и подавлевія ихъ для того, чтобы осуществлять высшія цѣли духовной жизни, такъ неопровержимо свидѣтельствуетъ противъ пантеистическаго детерминизма о человѣческой свободѣ, что Кантъ не задумался только однимъ фактомъ существованія нравственваго долга доказывать свободу человѣческой воли. Указывая на необходимость борьбы съ низшими влечевіями, онъ говорилъ: *„ты можешь, ибо ты долженъ“*, — выражая въ этихъ словахъ самое твердое убѣжденіе въ дѣйствительности свободы, благодаря которой человѣкъ только и можетъ стремиться къ осуществленію нравственнаго долга въ борьбѣ съ низшими влеченіями.

Очень часто поводы къ возраженіямъ противъ свободы находятъ въ душевной жизни и даже въ самой организаціи человѣческаго духа. Таковъ *детерминизмъ психологическій*. Одни изъ представителей психологическаго детерминизма выходятъ изъ понятія о томъ причинномъ отношеніи, въ которомъ акты воли находятся къ остальнымъ душевнымъ явленіямъ, и ставятъ первые въ такую зависимость отъ послѣднихъ состояній, что при этомъ являются совершенно невозможными свободные поступки. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческая воля хотя и дѣлаетъ выборъ, но при этомъ слѣдуетъ или *сильнѣйшимъ* мотивамъ, или избираетъ такіе, которые кажутся болѣе *разумными;* слѣдовательно, не выбирать эти мотивы воля не можетъ. Если же человѣкъ и избираетъ для своей дѣятельности другіе мотивы, то лишь потому, что въ данномъ случаѣ они являются сильнѣйшими. Слѣдовательно, избраніе мотивовъ и дѣятельность по нимъ совершенно необходимы и нисколько не свободны (Лейбницъ, Гербартъ, Шопенгауеръ и др.). Въ отвѣтъ на это возраженіе мы должны сказать, что хотя человѣкъ и дѣйствуетъ по мотивамъ; однако въ эти послѣдніе личность его не переходитъ всецѣло,

*) August. de civit. Dei, lib. V, c. 9. et cet.

безъ остатка,—напротивъ, мы всегда сознаемъ въ себѣ, отличную отъ мотива, силу воли, и только тогда, когда эта послѣдняя присоединяется къ мотиву, совершается дѣйствіе. Затѣмъ, психологическій детерминизмъ ошибочно смотритъ на мотивы, какъ на нѣчто *готовое,* сформировавшееся и, притомъ, *внѣшнее* по отношенію къ дѣйствующей личности. Между тѣмъ, если мы прослѣдимъ тотъ процессъ, результатомъ котораго являются мотивы, то убѣдимся, что они не навязываются намъ и нашему сознанію извнѣ, какъ вынудительныя причины, но появленію ихъ предшествуетъ, нерѣдко долгое, размышленіе, рядъ колебаній,—предшествуютъ, однимъ словомъ, такіе процессы, въ которыхъ собственно и проявляется свобода воли, такъ что самая сила мотивовъ сводится къ степени того значенія, какое, въ моментъ своего размышленія, признаетъ за ними наше самосознающее Я. Но если мотивы являются результатомъ свободной воли, то человѣкъ *долженъ* и выполнять ихъ, потому что противоположный образъ дѣйствованія свидѣтельствовалъ-бы о ненормальности душевной жизни. Далѣе, въ мотивахъ рѣшающимъ моментомъ бываетъ не одно размышленіе, но и чувствованія, какіе-нибудь интересы, а въ такомъ случаѣ мы должны признать въ себѣ власть надъ своими мотивами, такъ какъ, безъ сомнѣнія, своими чувствами, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, мы можемъ управлять, т. е. измѣнять, задерживать или даже подавлять ихъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, въ нашихъ дѣйствіяхъ господствуетъ причинность; но поелику наши дѣйствія основывается не на внѣшнемъ или внутреннемъ механизмѣ привычки, то при обдуманныхъ поступкахъ эта причинность создается всякій разъ дѣйствующимъ лицомъ, слѣдовательно, есть *причинность свободная.* Вообще, если-бы мотивы не были результатомъ свободной воли, то при выполненіи ихъ мы испытывали-бы чувство принужденія, насилія; между тѣмъ какъ при совершеніи дѣйствія нашъ духъ никогда не покидаетъ то сознаніе, что мы поступаемъ свободно. Наконецъ, возраженіе противъ свободы воли со стороны психологическаго детерминизма опровергается фактомъ раскаянія, которое возникаетъ тогда, когда мы сознаемъ, что недостаточно основательно разсудили, не предусмотрѣли всѣхъ возможныхъ послѣдствій, короче—что *мы могли бы рѣшиться и поступить иначе.* Правда, бываютъ мотивы, дѣйствующіе на нашу волю, повидимому, непреодолимо (аффекты и страсти), подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ, дѣйствительно, можетъ поступать несвободно; однако и въ такихъ состояніяхъ, въ особенности, по совершеніи ихъ, человѣка никогда не покидаетъ то сознаніе, что онъ могъ-бы поступить иначе. На такомъ сознаніи основывается выработка жизненнаго опыта вообще и самообладанія — въ частности. Кромѣ того, когда человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ страсти, сознаетъ ненормальность ея, то

вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ и возможность бороться съ нею, въ каковой борьбѣ заключается самое надежнѣйшее средство для побѣжденія страстей. Такимъ образомъ, даже тѣ мотивы, которые дѣйствуютъ на нашу волю, повидимому, непреодолимо, не уничтожаютъ въ человѣкѣ сознанія возможности поступать иначе.

Другіе утверждаютъ, что человѣческія дѣйствія опредѣляются не такимъ или инымъ ходомъ душевныхъ состояній, но самой организаціей человѣческой природы, составляя лишь необходимый результатъ этой организаціи. Природная же организація не зависитъ отъ самаго человѣка, составляя продуктъ „родителей и кормилицы, воздуха, пищи" и т. п. Слѣдовательно, о свободѣ человѣка не можетъ быть и рѣчи.— Но это мнѣніе забываетъ о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что всѣмъ людямъ свойственно стремленіе къ достиженію наивысшаго духовнаго совершенства, при чемъ личности отъ природы ограниченныя стараются путемъ непрестанныхъ усилій возвыситься надъ своею ограниченностію и нерѣдко, дѣйствительно, достигаютъ значительнаго умственнаго развитія и плодотворныхъ результатовъ въ практической дѣятельности. Благодаря упорному труду и непрестаннымъ усиліямъ, всякій человѣкъ можетъ пріобрѣсти такія духовныя свойства, которыя составятъ его *„вторую природу"*. Такимъ образомъ, природные задатки духовной организаціи человѣка не составляютъ чего либо неопреодолимаго; благодаря воспитанію, а главное — благодаря разумной самодѣятельности, одни изъ прирожденныхъ задатковъ могутъ быть ослаблены на столько, что перестанутъ заявлять о себѣ, и въ тоже время, въ природѣ человѣка возникнутъ *новыя* свойства, какъ результатъ собственной дѣятельности разумно-свободнаго духа. Такъ, между прочимъ, пріобрѣтается большая часть талантовъ *) и то нравственное содержаніе (habitus), которое служитъ выраженіемъ дѣйствительнаго осуществленія въ жизни нравственнаго закона.

Наконецъ, въ послѣднее время многіе, возражающіе противъ свободы воли, основанія для своихъ возраженій заимствуютъ изъ области *статистики*. Каждый годъ съ неизмѣнною правильностію, говорятъ возражающіе противъ свободы воли, повторяется одинаковое количество событій, которыя признаются результатомъ свободной воли человѣка, напр. браковъ, преступленій, самоубійствъ и т. п., что, по мнѣнію возражающихъ, свидѣтельствуетъ, будто бы, о томъ, что дѣйствія человѣка суть результатъ необходимо дѣйствующихъ причинъ, слѣдовательно, это — дѣйствія необходимыя, а вовсе не свободныя. — По поводу этого возраженія должно замѣтить, что статистическія данныя, прежде всего,

---

*) См. примѣры въ сочиненіи Смайльса „самодѣятельность", СПБ. 1868 г., гл. III.

не настолько тверды, чтобы на основаніи ихъ можно было отрицать существованіе человѣческой свободы *). Впрочемъ, если бы выводы статистики достигли математической точности, то они не могли бы служить основаніемъ для того вывода, по которому съ правильностію въ дѣйствіяхъ не совмѣстимо понятіе свободы. Человѣческая свобода не есть абсолютный произволъ; въ своемъ обнаруженіи она подчиняется опредѣленнымъ законамъ духовной жизни и ограничивается внѣшними условіями (государственными учрежденіями и законами, климатомъ и средствами къ жизни, обычаями и примѣрами и т. п.), которыя, однакожь, не вынуждаютъ, а только располагаютъ и вызываютъ волю къ дѣятельности. Не удивительно, поэтому, что, при одинаковой свободѣ воли, у одного и того же количества людей каждаго поколѣнія, при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, происходитъ, естественно, одно и тоже количество рѣшеній воли съ одинаковымъ характеромъ. Пока остаются неизмѣнными внѣшнія условія и обстоятельства, дотолѣ и человѣческія дѣйствія, совершающіяся подъ вліяніемъ ихъ, повторяются съ одинаковою правильностію. Когда же измѣняются внѣшнія условія, то принимаетъ иной характеръ и правильность человѣческихъ дѣйствій. Но при какихъ бы внѣшнихъ обстоятельствахъ ни дѣйствовалъ человѣкъ, онъ всегда сознаетъ, что поступаетъ невынужденно, что онъ можетъ поступить и иначе, чѣмъ какъ поступилъ; онъ сознаетъ, наконецъ, безусловныя велѣнія нравственнаго долга, побуждающія его не только не подчиняться внѣшнимъ обстоятельствамъ, но идти въ своей дѣятельности часто вопреки имъ и создавать силою своей самодѣятельности такія внѣшнія обстоятельства, подобныхъ которымъ не представляетъ наличная дѣйствительность. Такимъ образомъ, для отрицанія въ человѣкѣ свободной воли выводы статистики не представляютъ ничего благопріятствующаго; они доказываютъ лишь то, что возможность обнаруженія человѣческой свободы не безпредѣльна, но имѣетъ извѣстныя границы.

§ 72. Характеръ.

Постоянный и опредѣленный образъ мышленія и дѣятельности называется *характеромъ*. Если бы человѣкъ не былъ свободенъ, то онъ не имѣлъ бы возможности всегда и опредѣленно дѣйствовать, потому что былъ бы увлекаемъ или теченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или влеченіями своей чувственности. Характеръ же предполагаетъ въ человѣкѣ устойчивость, или способность дѣйствовать по собственному вы-

*) Неопровержимыя доказательства вышеприведенной мысли находятся въ соч. Ульрици: „нравственная природа человѣка“, стр. 70—72.

бору и рѣшимости, словомъ: предполагаетъ такія качества, въ которыхъ выражается свобода воли. Такимъ образомъ, свобода человѣческаго духа служитъ существеннымъ основаніемъ для образованія характера.

Въ характерѣ различаются двѣ стороны: *прирожденная* и *пріобрѣтенная*. Первая сторона характера состоитъ въ тѣхъ органическихъ и психическихъ задаткахъ, передаваемыхъ природѣ человѣка путемъ наслѣдственности, отъ которыхъ зависитъ различная степень умственныхъ дарованій, неодинаковая степень энергіи воли и различная возбудительность сердца. На характеръ вліяютъ также: разности пола, племени и, въ особенности, разности въ темпераментахъ, вслѣдствіе которыхъ очень часто и самые характеры называютъ быстрыми и рѣшительными, или медленными и нерѣшительными, постоянными или измѣнчивыми и т. п. Характеръ, основывающійся на однихъ только природныхъ особенностяхъ, называется *естественнымъ*. Человѣкъ съ такимъ характеромъ въ своей дѣятельности слѣпо повинуется естественнымъ влеченіямъ и наклонностямъ, непроизвольнымъ движеніямъ сердца, или какой нибудь внезапно возникшей мысли, а доведенный до крайней степени напряженности, такой характеръ руководится страстями въ самыхъ грубыхъ формахъ. Такой характеръ бываетъ возможенъ только въ чисто естественномъ состояніи человѣчества, или въ состояніи варварства и дикости.

Но человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что по своей природѣ предназначенъ къ безконечному духовному совершенствованію; поэтому и характеръ его, благодаря воспитанію и разумной самодѣятельности, можетъ постепенно развиваться и все болѣе и болѣе совершенствоваться. Это совершенствованіе характера можетъ простираться на всѣ способности духа: умъ, сердце и волю. Прежде всего, при помощи разсудочной дѣятельности человѣкъ выработываетъ постепенно такія правила, которыя должны руководить имъ въ жизни. Чѣмъ вѣрнѣе эти правила будутъ указывать наши нравственныя обязанности, тѣмъ и поступки наши будутъ нравственно совершеннѣе. Эти правила, обыкновенно, называются жизненными *убѣжденіями*. Но одного этого условія для полнаго образованія характера недостаточно, потому что не всякое, даже самое совершенное, знаніе нравственныхъ обязанностей сопровождается дѣйствительнымъ ихъ исполненіемъ или добродѣтельною жизнію. Опытъ показываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что возможно существованіе великаго ума вмѣстѣ съ весьма низкой нравственностію (характеръ Бэкона) и что высокая нравственность встрѣчается иногда въ соединеніи съ недалекимъ умомъ. Причина этого явленія та, что убѣжденіе въ одной логической формѣ понятія нельзя назвать полнымъ, такъ какъ для дѣйствительнаго проведенія понятій о нравственныхъ обязанностяхъ въ жизнь необходимо еще, чтобы эти

понятія были оцѣнены сердцемъ какъ высшее жизненное благо, чтобы человѣкъ не только позналъ свое нравственное назначеніе, но и полюбилъ его, чтобы вслѣдствіе постояннаго проведенія въ жизнь выработаннаго мышленіемъ убѣжденія образовалась потребность сердца въ той жизнедѣятельности, которая признается нравственною по понятіямъ разсудка. Въ такомъ случаѣ человѣкъ въ выполненіи своего нравственнаго назначенія будетъ находить полное духовное удовлетвореніе, которое не можетъ быть замѣнено ничѣмъ инымъ, и такимъ образомъ человѣкъ постепенно будетъ создавать то моральное *настроеніе*, которое, охватывая всѣ способности духа, послужитъ основаніемъ *наклонности* воли къ выполненію одного только нравственнаго закона въ жизни. Такимъ образомъ, необходимо признать въ каждомъ полномъ убѣжденіи, кромѣ логической стороны, еще сторону сердечную, и только благодаря этой послѣдней сторонѣ, благодаря сердцу, осуществляются въ жизни убѣжденія, выработанныя умомъ.—Что касается развитія въ характерѣ энергіи воли, то оно обусловливается, въ большей части случаевъ, прирожденными особенностями человѣка и, преимущественно, темпераментами. Поэтому совершенствованіе ея происходитъ гораздо труднѣе, сравнительно съ умомъ и сердцемъ. Однако правильное развитіе ума и сердца можетъ сопровождаться благотворными послѣдствіями и для воли: волѣ, отъ природы слабой и вялой, основательное умственное развитіе можетъ сообщить крѣпость и самоувѣренность, а правильное развитіе сердца будетъ сообщать, въ мотивахъ, тотъ энтузіазмъ, который и слабую волю побуждаетъ предпринимать нерѣдко неимовѣрные труды и лишенія. Волѣ, не въ мѣру порывистой и рѣшительной, можетъ быть сообщена сдержанность и осторожность и т. п. Въ особенности большое вліяніе на энергію воли оказываетъ развитіе сердца: одна и таже энергія воли можетъ проявляться въ характерѣ строгомъ и жестокомъ, или мягкомъ и добросердечномъ. Если сильная энергія воли соединяется съ правильно развитымъ умомъ и гуманнымъ сердцемъ, то такой характеръ называется *цѣльнымъ*. Разумность, честность и доброта, въ соединеніи съ твердостію воли сообщаютъ человѣку непреодолимую силу, которая проявляется и въ положительной полезной дѣятельности, и въ энергическомъ сопротивленіи злу, и въ крѣпкой устойчивости при всякихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ (Смайльсъ).

Человѣкъ, познавшій нравственное назначеніе своей природы и стремящійся къ образованію нравственно-совершеннаго характера въ области ума, сердца и воли, постоянно начинаетъ создавать образцы того духовнаго совершенства, котораго онъ долженъ достигнуть въ жизни. Такіе образцы совершенства называются нравственными *идеалами*.

Нравственные идеалы даютъ основаніе для оцѣнки наличной, настоящей нравственной жизни и, въ тоже время, указываютъ тѣ цѣли, которыя человѣкъ долженъ достигнуть въ своемъ будущемъ нравственномъ развитіи, вслѣдствіе чего должны быть признаны необходимымъ условіемъ для развитія нравственнаго характера. Нравственные идеалы не являются у человѣка готовыми, а выработываются постепенно, въ продолженіи всей его жизни. Поэтому, смотря по тщательности изученія нашей нравственной природы, идеалы въ различные возрасты и періоды жизни каждаго человѣка различаются по своему совершенству. Однако въ продолженіи всей своей жизни человѣкъ можетъ только приближаться къ выработкѣ полнаго нравственнаго идеала, создать же вполнѣ совершенный идеалъ, въ силу ограниченности своего духа, никогда не можетъ. На характерѣ нравственныхъ идеаловъ отдѣльныхъ личностей весьма много отражается общее міровоззрѣніе извѣстнаго времени, подъ вліяніемъ котораго содержаніе идеаловъ бываетъ богаче или бѣднѣе, выше въ нравственномъ отношеніи или ниже, хотя разумный духъ человѣка нерѣдко возвышается надъ своимъ временемъ, создавая такіе образцы нравственности, которые оцѣниваются по достоинству только впослѣдствіи и кладутся въ основу жизни, какъ личной, такъ и общественной, нерѣдко спустя долгое время. Но какого бы совершенства ни достигалъ духъ человѣческій въ созданіи образцовъ нравственности, все таки историческая жизнь человѣчества, предоставленная самой себѣ, никогда не выработала такого нравственнаго идеала, который былъ бы совершеннымъ, да и выработать никогда не можетъ, по причинѣ ограниченности человѣческой природы. Только христіанство возвѣстило міру самый совершенный идеалъ нравственности, идеалъ, по истинѣ, всеобъемлющій (Матѳ. V. 48).

ГЛАВА VII.

СЕРДЦЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ.

§ 73. Понятіе о чувствованіяхъ. Происхожденіе чувствованій.

Сердцемъ называется душевная способность, въ которой объединяется особый классъ психическихъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ чувствованій. Чувствованіями же называются тѣ качественно-различныя, пріятныя или непріятныя, состоянія, которыми сопровождаются акты какъ умственно-познавательной, такъ и практической дѣятельности души. Безпристрастное психологическое изслѣдованіе всегда признавало

самостоятельность чувствованій сравнительно съ умственно-познавательными актами души съ одной стороны, и стремленіями—съ другой.

а) Къ умственно-познавательнымъ актамъ пытались свести чувствованія главнымъ образомъ Гербартъ и представители его школы. „Чувствованія, говоритъ одинъ изъ послѣдователей Гербарта—Вайтцъ, порождаются самымъ ходомъ представленій и выражаютъ собою характеръ этого хода. Представленіямъ принадлежитъ содержаніе, а въ чувствованіяхъ выражается только форма взаимныхъ отношеній одного представленія къ другимъ и напряженность ихъ взаимнаго гнета". Слѣдовательно, чувствованія не имѣютъ по отношенію къ представленіямъ никакой самостоятельности. Но такой взглядъ не вѣренъ. Правда, чувствованія имѣютъ тѣсную связь съ представленіями (разумѣя подъ послѣдними въ обширномъ смыслѣ всѣ вообще познавательныя состояія); но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ того, что тѣ и другія душевныя состоянія тождественны. Какимъ образомъ душа, понимаемая только какъ представляющее, познающее существо, можетъ ее только представлять себѣ задержки и ускоренія въ ходѣ своихъ представленій, но и принимать ихъ, такъ сказать, къ сердцу, или чувствовать, какъ пріятныя и непріятныя состоянія,—этого совершенно нельзя объяснить изъ природы представленій. Всѣ наши представленія объективны, т. е. относятся къ объектамъ, которые мы познаемъ совершенно равнодушно, безъ страданія и радости, и если бы мы были только представляющими существами, то, конечно, всегда познавали бы равнодушно и никакія соотношенія представленій не вызывали бы въ насъ ни радости, ни скорби. Напротивъ, чувствованія вполнѣ субъективны; они относятся къ нашему собственному субъекту и проявляются какъ его возбужденіе, почему никогда и не бываютъ безразличными для насъ. Такимъ образомъ не знаніе, не представленіе, но именно возбужденіе, пріятная или непріятная настроенность, познаваемая или ощущаемая нами внутреннимъ образомъ, составляетъ особенность чувствованія, а эту то особенность и нельзя понять изъ представленія.

б) Нельзя чувствованій выводить и изъ актовъ воли. Несомнѣнно, что они весьма тѣсно соединяются съ актами воли, ибо чувствованіями удовольствія и неудовольствія вызываются желанія и возбуждается воля, и наоборотъ—они слѣдуютъ за желаніями и рѣшеніями воли. Но отсюда не слѣдуетъ, что ихъ можно свести къ стремленіямъ. Отличіе ихъ отъ стремленій достаточно ясно открывается во 1-хъ) изъ того, что стремленія заключаютъ въ себѣ направленіе извнутри ко внѣ—къ объекту, чувствованія же чисто имманентныя, внутреннія состоянія, не имѣющія такого направленія и 2) изъ того, что стремленіе относится къ чему нибудь будущему, къ достиженію того, чего нѣтъ еще, а чувствованія—къ настоящему, данному состоянію. Чувствованія являются показателями того внутренняго видоизмѣненія, которое произошло въ душѣ вслѣдствіе стремленій, уже обнаружившихся въ дѣятельности. Такимъ образомъ, обѣ разсмотрѣнныя теоріи происхожденія чувствованій оказываются несостоятельными.

Для того, чтобы объяснить происхожденіе чувствованій, нужно признать въ основѣ души такую способность, благодаря которой душа можетъ пріятно или непріятно аффектироваться, или, правильнѣе, чувствовать переживаемыя ею состоянія такими, которыя соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ существу и условіямъ ея жизни. На самомъ дѣлѣ, человѣческая душа, съ цѣлью сохранить, развить и усовершенствовать свою собственную природу, проявляетъ непрерывную дѣятельность. Отсюда всѣ возбужденія, производимыя въ душѣ внѣшними и внутрен-

ними причинами, становятся не безразличными для нея, но непремѣнно или споспѣшествуютъ ея развитію, или идутъ наперекоръ, задерживаютъ ходъ ея жизни; поэтому душа неизбѣжно ощущаетъ и сознаетъ ту цѣну, какую имѣютъ возбужденныя въ ней состоянія и на одни изъ нихъ отвѣчаетъ пріятными чувствованіями, а на другія—непріятными. Такимъ образомъ, чувствованія являются результатомъ *оцѣнивающей*, тогда какъ познавательныя состоянія являются результатомъ (въ обширномъ смыслѣ) *различающей* дѣятельности души.

Примѣч. Нѣкоторые полагаютъ, что пріятныя и непріятныя чувствованія вызываются предметами, вслѣдствіе чего самые предметы считаютъ то пріятными, то непріятными. Но это не вѣрно, потому что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть пріятнымъ и непріятнымъ, смотря по человѣку и его душевному состоянію. Слѣдовательно, предметы сами по себѣ ни пріятны, ни не пріятны; пріятность же и непріятность ихъ зависитъ отъ свойствъ и характера человѣческаго духа.

§ 74. Отличительныя свойства чувствованій.

Объяснивши происхожденіе чувствованій, мы можемъ отсюда объяснить и всѣ свойства ихъ. Во 1-хъ, такъ какъ основаніемъ для происхожденія чувствованій служатъ интересы, которыми живетъ душа въ данное время, то, вслѣдствіе этого, чувствованія отличаются своимъ качественнымъ *разнообразіемъ*, потому что насколько бываютъ различны человѣческіе интересы, настолько бываютъ разнообразны и качественныя особенности чувствованій, и такъ какъ у каждаго человѣка въ отдѣльности интересы постоянно измѣняются, то, вслѣдствіе этого, измѣняется и самый характеръ его чувствованій.

2) Такъ какъ чувствованія сопровождаютъ всѣ остальныя явленія душевной жизни, то отсюда объясняется вторая черта чувствованій—ихъ чрезвычайная *множественность* сравнительно съ остальными видами душевной жизни. Душевная жизнь человѣка можетъ происходить въ какомъ нибудь одномъ направленіи и отличаться бѣдностію своего содержанія; чувствованія же при этомъ развиваются не только въ одинаковой степени сравнительно съ остальнымъ обнаруженіемъ душевной жизни, но еще въ гораздо большей, такъ что жизнь сердца всегда развивается съ большею силою на счетъ развитія остальныхъ душевныхъ способностей.

3) Несомнѣнный фактъ, что всѣ чувствованія, какъ пріятныя, такъ и непріятныя, проявляются съ неодинаковой *силой*. Они могутъ быть самыхъ различныхъ степеней силы, начиная отъ самаго легкаго, едва замѣтнаго, возбужденія и кончая самымъ сильнымъ аффектомъ. Сила чувствованій зависитъ отъ согласія или противорѣчія возникающихъ въ душѣ состояній съ ея интересами. Чѣмъ большее благо или зло можетъ

доставить намъ предметъ возбужденнаго въ душѣ состоянія, тѣмъ сильнѣе бываетъ возникающее въ душѣ чувствованіе. На силу чувствованій вліяетъ также необычайность и новизна. Все новое, необыкновенное и рѣдкое, насколько оно представляется какъ моментъ, ускоряющій ходъ внутренней жизни, въ высшей степени возбуждаетъ душу и даетъ чувствованіямъ свѣжесть и живость. Напротивъ, отъ частаго повторенія чувствованія, впечатлительность души мало по малу притупляется: радость и горе теряютъ свою живость и силу. Впрочемъ, повторяющіяся чувствованія могутъ сохранять свою живость, но только въ томъ случаѣ, если они постоянно получаютъ новую силу отъ родственныхъ представленій. Далѣе, сила чувствованія обусловливается еще контрастомъ, который оно образуетъ съ непосредственно предшествующимъ состояніемъ. Поэтому, все нечаянное и неожиданное производитъ болѣе сильное впечатлѣніе на душу, нежели предвидѣнное и ожидаемое. Даже тѣ чувствованія, которыя болѣе и не новы, и не необыкновенны, появляясь вдругъ, неожиданно, выигрываютъ въ живости и силѣ. Равнымъ образомъ радостное событіе дѣйствуетъ сильнѣе, когда находитъ душу въ печальномъ состояніи, и наоборотъ.

Внутренней силѣ чувствованій соотвѣтствуетъ вообще ихъ *продолжительность*. Подъ внутреннею силою нужно понимать степень проникновенія чувствованія въ существо души. Чѣмъ глубже какое нибудь чувствованіе проникаетъ въ существо души, тѣмъ крѣпче и продолжительнѣй оно сохраняется. Во всякомъ случаѣ, глубоко или не глубоко душа проникается чувствованіемъ, фактъ его продолжительности никакъ нельзя объяснить изъ внѣшняго бурнаго его наступленія. Неожиданно наступающіе и потрясающіе душу аффекты проходятъ скоро, душа утомляется отъ сильнаго возбужденія и потому скоро приходитъ въ успокоеніе. Напротивъ, тѣ чувствованія, которыя возникаютъ спокойно, и постепенно, все глубже и глубже проникаютъ въ душу, удерживаются въ ней съ великою настойчивостію. Таковы внутреннія чувствованія любви, дружбы и т. п. Далѣе, относительно продолжительности чувствованій нужно замѣтить, что они совершенно не исчезаютъ изъ души и тогда, когда прекращается ихъ сознаніе. Чувствованіе нужно строго различать отъ сознанія или замѣчанія его. Конечно, у человѣка съ пробудившимся самосознаніемъ оно никогда не проходитъ въ душѣ совершенно незамѣченнымъ, ибо иначе его и нельзя было бы опредѣлять, какъ знаніе даннаго состоянія жизни, какъ пріятное или непріятное возбужденіе; но, съ другой стороны, оно и не сознается постоянно, во все его продолженіе, а только временно. Такъ, указанныя нами чувства любви, дружбы, выражаютъ постоянное влеченіе души, но въ сознаніи появляются только по временамъ. Отсюда слѣдуетъ, что дѣйстви-

тельная продолжительность чувствованій недоступна точному наблюденію.

§ 75. Взаимное соотношеніе чувствованій съ прочими явленіями сознанія: а) съ ощущеніями, в) памятью и фантазіей г), мышленіемъ и д) волей.

Чувствованія составляютъ средоточный пунктъ всей внутренней душевной жизни. Всѣ состоянія, испытываемыя душею, необходимо вызываютъ пріятныя или непріятныя чувствованія. Съ другой стороны и чувствованія, болѣе или менѣе, вліяютъ на всѣ остальныя психическія состоянія. Это взаимное отношеніе чувствованій къ остальнымъ психическимъ состояніямъ мы и должны показать, начиная съ низшей формы душевной жизни—съ *ощущеній*.

Несомнѣнный фактъ, что ощущенія вызываютъ чувствованія и, прежде всего, вызываютъ непосредственно: каждое впечатлѣніе, которое испытываетъ душа отъ внѣшнихъ предметовъ, сопровождается то пріятнымъ, то непріятнымъ чувствованіемъ и это нужно сказать объ ощущеніяхъ каждаго органа чувствъ. Такъ, каждый цвѣтъ сопровождается пріятнымъ или непріятнымъ чувствованіемъ. Чистая лазурь неба производитъ на душу успокоивающее, смягчающее впечатлѣніе; бѣлый цвѣтъ развеселяетъ, оживляетъ; напротивъ, черный, подобно недостатку свѣта, подавляетъ, стѣсняетъ и наводитъ тоску. Подобное бываетъ и съ ощущеніями слуха, т. е. съ тонами и ихъ разнообразными тембрами. Высокіе тоны дѣйствуютъ на насъ подобно яркимъ цвѣтамъ, низкіе—подобно темнымъ: поэтому рядъ восходящихъ тоновъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, а рядъ нисходящихъ—успокоивающимъ. Такія же психическія дѣйствія соединяются съ разнообразными ощущеніями вкуса и обонянія. Ощущеніе сладости и благоуханія, смотря по тому, сильно оно или слабо, дѣйствуетъ то возбуждающимъ, то успокоивающимъ образомъ; рѣзкіе, проницательные запахи имѣютъ сродство со вкусомъ ѣдкаго и горькаго: и тѣ и другіе причиняютъ возбужденность и безпокойство. Впрочемъ всѣ эти и подобныя воздѣйствія и вліянія различныхъ чувственныхъ ощущеній, вслѣдствіе преобладанія въ нашемъ сознаніи интереса къ извѣстнымъ представленіямъ и стремленіямъ, далеко не всегда сопровождаются соотвѣтственными чувствованіями, но лишь тогда, когда застаютъ душу въ состояніи покоя или же умѣреннаго движенія. Видъ бѣлаго, наприм. цвѣта дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ только тогда, когда мы находимся въ спокойномъ, болѣе грустномъ, чѣмъ веселомъ настроеніи духа; точно также черный цвѣтъ производитъ мрачное, подавляющее впечатлѣніе только тогда, когда мы

находимся въ веселомъ, оживленномъ, возбужденномъ состояніи. Тоже самое нужно сказать и относительно различныхъ вліяній звуковъ, тоновъ, запаховъ и пр. Съ другой стороны, и чувствованія воздѣйствуютъ на ощущенія. Они возбуждаютъ вниманіе души къ предметамъ, располагающимъ къ соотвѣтственному чувствованію, слѣдовательно, способствуютъ представленію и воспроизведенію этихъ предметовъ, и это воспроизведеніе подъ вліяніемъ чувствованій иногда бываетъ такъ сильно и живо, что отсутствующіе интересные предметы становятся какъ бы предъ глазами. Такъ убійца, мучимый угрызеніями совѣсти, до того живо представляетъ себѣ образъ несчастной своей жертвы, что видитъ его предъ собой, видитъ на своихъ рукахъ капли его крови, ощущаетъ его прикосновеніе и т. п. Наоборотъ, чувствованія затрудняютъ тѣ ощущенія, которыя имъ чужды или противоположны.

Чувствованія находятся, далѣе, въ тѣсной связи съ *памятью* и особенно съ *фантазіей*. Такъ, воспоминаніе о прежнемъ чувствованіи, т. е. воспроизведенное представленіе его, а также и производящихъ его обстоятельствъ—радостныхъ или печальныхъ—можетъ поставить душу въ подобное же настроеніе, какое она испытывала прежде. И наоборотъ, чувствованія могутъ или способствовать, или задерживать воспоминаніе. Чѣмъ больше интересъ какого нибудь представленія, чѣмъ сильнѣе соединяющееся съ нимъ пріятное или неиріятное чувствованіе, тѣмъ крѣпче это представленіе напечатлѣвается въ нашей памяти и тѣмъ легче и вѣрнѣе оно воспроизводится. Лица, факты, мѣстности, съ которыми связывается чувствованіе удовольствія или неудовольствія, сохраняются въ нашей памяти гораздо глубже и продолжительнѣй, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы равнодушны и наоборотъ: чувствованія препятствуютъ воспоминанію тѣхъ представленій, которыя не стоятъ съ ними ни въ какомъ отношеніи.—Что же касается фантазіи, то она имѣетъ возбуждающее вліяніе на жизнь чувствованій. Восполняя и ограничивая, расширяя и уменьшая представленія, а также комбинируя различныя представленія въ новыя, она пробуждаетъ различныя чувствованія, усиливаетъ и смягчаетъ данныя на лицо. Не меньше бываетъ и обратное вліяніе, т. е. вліяніе чувствованій на фантазію. По мѣрѣ того, какъ возбуждается душа, обнаруживаетъ свою дѣятельность и фантазія, конечно въ области господствующаго чувствованія. Такъ любовь, подъ вліяніемъ фантазіи, идеализируетъ свой предметъ: отца, мать, друга, смягчаетъ недостатки и преувеличиваетъ достоинства, особенно, если любимаго предмета нѣтъ на лицо; такимъ же образомъ обнаруживается, подъ вліяніемъ фантазіи, и ненависть, нерасположеніе, только, конечно, въ обратномъ направленіи. Фантазія очаровываетъ счастливыя минуты жизни, а тяжелыя—еще болѣе омрачаетъ. Горесть о потерянномъ

счастіи, раскаяніе въ содѣланныхъ грѣхахъ, пробуждающаяся совѣсть преступника, подъ тѣмъ же вліяніемъ часто обнаруживаютъ дѣйствіе, потрясающее тѣлесную и духовную жизнь; на чуждыя же чувствованія фантазія возбуждается слабо и иногда вовсе задерживается въ своемъ свободномъ, игривомъ проявленіи.

Менѣе близкимъ и замѣтнымъ является *отношеніе чувствованій къ мышленію.* Между ними признаютъ даже положительный антагонизмъ, высказывая его въ извѣстномъ положеніи: „гдѣ много разсудка, тамъ мало чувства“ и наоборотъ. Конечно, нельзя не признать различія между мышленіемъ и чувствованіями, между разсудкомъ и сердцемъ, но это различіе, однако, вовсе не стоитъ въ такой рѣзкой противоположности, какъ хотятъ это представить: скорѣе мы можемъ утверждать, на основаніи фактическихъ соображеній, что правильно развитое мышленіе и глубокое чувствованіе удобно мирятся между собой въ одной и той же душѣ, если не одновременно, то, по крайней мѣрѣ, въ послѣдовательности времени. Такъ, прежде всего, мышленіе и въ своей собственной дѣятельности сопровождается чувствованіями. Спокойное, одинокое мышленіе, его вопросы и рѣшенія также могутъ воодушевлять и обезпокоивать человѣка, и при томъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ мелкіе интересы дня. Но, съ другой стороны, и чувствованія вліяютъ на мышленіе: пріятныя чувствованія производятъ на всю вообще душевную жизнь возвышающее, освѣжающее дѣйствіе, которое тотъ часъ же переходитъ и на мышленіе; затѣмъ, въ частности, каждое пріятное чувствованіе, слѣдующее за успѣхомъ изслѣдованія, за счастливымъ рѣшеніемъ вопроса и проблеммъ, равно какъ и непріятное, соединенное съ сознаніемъ ошибки, невѣдѣнія или сомнѣнія въ какомъ нибудь дѣлѣ, побуждаетъ мышленіе къ новому и усиленному изслѣдованію. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что чувствованія, особенно низшія, въ своемъ отношеніи къ мышленію имѣютъ и темную сторону. Именно, если они сильно овладѣваютъ сердцемъ, то мышленію недостаетъ необходимаго спокойствія въ изслѣдованіи. Кромѣ того, чувствованія нерѣдко вводятъ разсудокъ въ заблужденіе: они какъ бы окрашиваютъ предметъ, который, поэтому, познается иногда въ ихъ интересѣ; такъ сильная любовь, напр. дѣлаетъ по отношенію къ любимому предмету. Поэтому, чувствованія, въ видахъ правильнаго развитія, должны управляться и очищаться мышленіемъ и только подъ этимъ условіемъ они благодѣтельно вліяютъ на мышленіе.

Наконецъ, чувствованія имѣютъ отношеніе и къ *волѣ.* Они служатъ мотивами для рѣшеній воли и для поступковъ, при томъ такими мотивами, которые нерѣдко имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ разсчеты разсудка. Особенно это нужно сказать относительно нравствен-

ныхъ чувствованій, которыя предшествуютъ и слѣдуютъ за нравственными поступками. Съ другой стороны, и воля, болѣе или менѣе, господствуя надъ всею внутреннею психическою жизнію, имѣетъ вліяніе также и на чувствованія, только это вліяніе не непосредственное, а посредственное. Теченіе чувствованій происходитъ въ нашемъ сердцѣ по законамъ нѣкоторой естественной необходимости, независимымъ отъ воли, подобно тому, какъ совершаются въ нашемъ тѣлѣ растительныя отправленія. Если же воля можетъ управлять чувствованіями, можетъ, съ одной стороны, вызывать и усиливать ихъ, какъ ей угодно, а съ другой—ослаблять и подавлять ихъ, то возможность такого вліянія обусловливается, собственно, связію чувствованій съ мышленіемъ, надъ которымъ воля имѣетъ полную власть, а черезъ него, слѣдовательно, и надъ чувствованіями. Усиливая или ослабляя наше вниманіе по отношенію къ ощущеніямъ, отъ которыхъ происходятъ многія чувствованія, вызывая представленія, съ которыми ассоціируются извѣстныя чувствованія, воля, такимъ образомъ, посредственно воздѣйствуетъ и на жизнь чувствованій, сообщаетъ ей то или иное направленіе и вообще очищаетъ, облагораживаетъ ее. Таково, въ общемъ, взаимное соотношеніе чувствованій съ остальными психическими состояніями.

Но человѣкъ не есть только духовное существо, а также и тѣлесное, при чемъ обѣ стороны его существа находятся между собой въ близкомъ взаимодѣйствіи. Естественно, въ силу этого общаго взаимодѣйствія души и тѣла, и чувствованія, въ частности, вступаютъ въ тѣсное соотношеніе съ органическою жизнію нашего тѣла и, прежде всего, органическая жизнь тѣла вліяетъ на душу чувствующую. Тѣлесное здоровье наполняетъ душу удовольствіемъ; оно уменьшаетъ и смягчаетъ горе. Болѣзни, напротивъ, подавляютъ веселыя чувствованія и располагаютъ къ невеселому настроенію, при чемъ, смотря по различію болѣзней, эти чувствованія также имѣютъ свои особенности. Обратно и чувствованія, съ своей стороны, воздѣйствуютъ на тѣлесный организмъ. Именно, чувствованія, выражающія веселое, возвышенное настроеніе духа, возвышаютъ и расширяютъ органическую жизнь; напротивъ, тѣ чувствованія, въ которыхъ выражается печаль и уныніе, дѣйствуютъ на организмъ стѣсняющимъ и подавляющимъ образомъ.

§ 76. Природная чувствительность сердца и видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ.

Какъ душевныя, такъ и тѣлесныя состоянія, воздѣйствуя на душу, производятъ въ ней разныя возбужденія—пріятныя или непріятныя. Воспріимчивость нашей души, или, точнѣе, нашего сердца къ этимъ

внутреннимъ возбужденіямъ называется *сердечною чувствительностію* (или впечатлительностію).

Разсматривая проявленія сердечной чувствительности у различныхъ людей и въ одномъ и томъ же человѣкѣ въ различное время, мы находимъ, что она, какъ и всякая вообще способность нашего духа, имѣетъ различныя степени силы и слабости. По большей части, мы можемъ свести чувствительность къ слѣдующимъ четыремъ формамъ. Чувствительность бываетъ: а) легкая и удобораздражительная и вмѣстѣ съ тѣмъ поверхностная и слабая; б) трудно возбуждаемая, но сильная и глубокая; в) вмѣстѣ и раздражительная и глубокая и г) наконецъ, не раздражительная и слабая. Эта разность чувствительности сердца у различныхъ людей можетъ происходить отъ многихъ причинъ и, прежде всего, а) отъ различныхъ природныхъ особенностей тѣла и души. Насколько различные виды сердечной чувствительности представляются въ непосредственной и необходимой зависимости отъ природы, они обыкновенно называются *темпераментами*, которыхъ по числу главныхъ видовъ чувствительности, издавна насчитывали четыре: *сангвиническій, меланхолическій, холерическій и флегматическій;* б) отъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ особенностей человѣческаго существа по *поламъ* и *возрастамъ*, такъ какъ съ этими особенностями всегда соединяется большая или меньшая разность въ чувствительности. Кто не знаетъ, напр., что женщины гораздо чувствительнѣе мужчинъ? Что мужчину едва трогаетъ, то женщину можетъ привести въ слезы. Равнымъ образомъ дитя и юноша чувствительнѣе взрослаго и старика. Быстрая смѣна чувствованій въ дѣтствѣ, возвышенныя сердечныя настроенія юноши—факты общеизвѣстные. г) Далѣе, чувствительность зависитъ отъ того развитія и направленія, какое получаетъ въ человѣкѣ жизнь его сердца: низшія чувствованія удовольствія, наполняющія сердце, тѣлесныя наслажденія, по большей части, ослабляютъ чувствительность, и чѣмъ больше и чаще кто испытываетъ ихъ, тѣмъ меньше становится воспріимчивымъ къ нимъ и наоборотъ, чѣмъ меньше и рѣже кто испытываетъ ихъ, тѣмъ болѣе сохраняетъ въ себѣ чувствительность. Сюда же относятся всѣ, такъ называемыя, *сердечныя волненія* или аффекты: чрезъ мѣру раздражая и напрягая нашу чувствительность, они сопровождаются большимъ или меньшимъ ослабленіемъ ея, и потому кто въ жизни своей испыталъ много сильныхъ потрясеній, тотъ становится холоднымъ, мало чувствительнымъ. Наоборотъ, высшія чувствованія, чувствованія духовнаго происхожденія, если повторяются часто, не только не ослабляютъ нашей воспріимчивости къ нимъ, но еще болѣе усиливаютъ и развиваютъ ее. Сюда относятся также и всѣ вообще *тихія* и *умѣренныя* чувствованія, какого бы происхожденія они ни были: тѣлеснаго или

духовнаго. Такимъ образомъ, на характеръ чувствительности весьма много вліяетъ то, какія чувствованія по большей части волнуютъ сердце человѣка, какія онъ чаще и больше испытываетъ въ своей жизни, т. е. чувствованія усиливающія или ослабляющія сердечную чувствительность. Наконецъ, г) на развитіе и образованіе сердечной чувствительности оказываетъ сильное вліяніе умственно-познавательная дѣятельность. Такъ какъ эта психическая дѣятельность имѣетъ различныя степени развитія и въ самомъ развитіи принимаетъ различныя направленія, то отъ извѣстнаго характера мышленія зависитъ такой или иной характеръ сердечной чувствительности. И наблюденія, дѣйствительно, показываютъ, что если бываетъ сильно развитіе умственно-познавательной дѣятельности въ одну сторону, напр. если въ ней сильно развитіе воображенія, то оно всегда, болѣе или менѣе, развиваетъ и возвышаетъ чувствительность сердца; напротивъ, если преобладаетъ развитіе другой стороны, напримѣръ разсудка, способности аналитическаго мышленія, то это сопровождается значительнымъ ослабленіемъ чувствительности. Впрочемъ, говоря это, мы далеки отъ той мысли, что развитіе въ человѣкѣ мыслительной способности стоитъ въ обратномъ отношеніи къ развитію въ немъ чувствительности сердца. Преобладающее развитіе мыслительности можетъ подавлять и дѣйствительно подавляетъ воспріимчивость сердца только къ нѣкоторымъ чувствованіямъ удовольствія: или къ такимъ, которыя имѣютъ чисто чувственный характеръ, каковы напр. тѣлесныя наслажденія, или къ такимъ, которыя сами по себѣ мелки и ничтожны, каковы напр. удовольствія забавы; между тѣмъ къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія высшаго, духовнаго происхожденія, каковы чувствованія: добра, истины и красоты, чувствительность сердца только еще болѣе усиливается посредствомъ мышленія, ибо оно помогаетъ большему углубленію въ нихъ. Кромѣ того, ослабляющее вліяніе мышленія на сердечную чувствительность нужно относить къ односторонности и ложности умственнаго развитія, вредно дѣйствующей не только на чувствительность, но и на всѣ способности вообще; при истинномъ же и правильномъ направленіи, мышленіе всегда благотворно вліяетъ на образованіе сердца.

§ 77. Формальныя чувствованія.

Чувствованія раздѣляются на формальныя и предметныя. Формальными называются такія чувствованія, которыя не имѣютъ своего содержанія и опредѣленности, получая извѣстныя особенности отъ смѣны вызывающихъ ихъ представленій. Смотря по тому, каково содержаніе и отношеніе представленій къ душѣ, т. е. являются ли они какъ благо

или какъ зло, и чувствованія, возникающія отсюда, бываютъ различны по своему содержанію и характеру. Такимъ образомъ, въ формальныхъ чувствованіяхъ извѣстному содержанію представленій сообщается опредѣленная форма, являющаяся вслѣдствіе оцѣнки того значенія, какое имѣютъ представленія для господствующихъ интересовъ нашей жизни.

Наиболѣе общее чувствованіе, сопровождающее нашу обычную жизнедѣятельность, есть чувство *удовольствія*. Чувствованіями удовольствія или неудовольствія сопровождаются всѣ *органическія ощущенія*, возникающія при удовлетвореніи или неудовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей,—*ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ* и всѣ ощущенія и представленія, сопровождающія процессъ нашей обычной дѣятельности. Когда происходитъ дѣятельность посильная и сопровождающаяся успѣхомъ, тогда въ насъ возникаетъ чувство удовольствія. Наслажденіе, доставляемое этимъ чувствомъ, есть высокое и лучшее чувствованіе, которое является всякій разъ при всецѣломъ занятіи трудомъ и бываетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ сильнѣе и полезнѣе самый трудъ. Оно составляетъ ту высокую награду труда, которая заключается въ самомъ трудѣ, въ самомъ процессѣ дѣятельности; но эта дѣятельность бываетъ пріятна только тогда, когда не превышаетъ силъ человѣка. Въ противномъ случаѣ является непріятное чувство *утомленія*. Наконецъ, чувствованія удовольствія и неудовольствія сопровождаютъ теченіе нашихъ представленій и входятъ, какъ существенные элементы, во всѣ остальныя чувствованія.

Кромѣ общихъ чувствованій удовольствія и неудовольствія, сопровождающихъ всю нашу жизнедѣятельность, въ нашей душѣ возникаютъ еще чувствованія, вызываемыя исключительно смѣною возникающихъ въ ней *представленій* и отношеніемъ послѣднихъ къ ея потребностямъ и интересамъ. Такъ, когда при ежедневной, ровной дѣятельности нашихъ силъ, встрѣчается предметъ, не вызывающій въ насъ прежнихъ, уже извѣстныхъ и знакомыхъ намъ, представленій, напр. предметъ, видимый въ первый разъ, тогда все вниманіе наше всецѣло сосредоточивается на новомъ предметѣ или явленіи. Возбужденіе нашего вниманія новыми предметами и явленіями сопровождается особымъ чувствованіемъ, именно—чувствомъ *новости*. Чувство новости само по себѣ—чувство пріятное. Предметъ этого чувства возвышаетъ энергію душевной дѣятельности и даетъ ей пищу. Вслѣдствіе этого, чувство новости оказываетъ самое сильное противодѣйствіе скукѣ. Оно заставляетъ странствовать праздныхъ людей и тратить деньги на ненужныя вещи. Оно даетъ пищу для часто мѣняющихся модъ, даетъ высокую цѣну новостямъ, сплетнямъ и проч. Для незанятаго ничѣмъ человѣка есть настоятельная потребность новости, и когда нѣтъ для него дѣй-

ствительно новаго предмета, то онъ сообщаетъ прежнимъ представленіямъ и понятіямъ новыя формы.

Представленія, вызываемыя новостію, нерѣдко порождаютъ иное чувство. Такъ, когда новый предметъ не подходитъ подъ тѣ представленія, какія мы составили о немъ, то въ насъ происходитъ новое чувство—*удивленіе*. Дѣятельность нашей мысли какъ бы приходитъ въ затрудненіе. Душа не знаетъ, что ей дѣлать съ новымъ, превосходящимъ ея ожиданія, предметомъ. Хотя такая остановка душевной дѣятельности сама по себѣ и не можетъ быть пріятною, однако удивленіе есть пріятное чувство, потому что обѣщаетъ пищу дѣятельности мысли. Если же обѣщаніе это не сбывается и предметъ, удивившій насъ, оказывается ничтожнымъ, пошлымъ, мелкимъ, то въ насъ возникаетъ непріятное чувство, соотвѣтствующее, по своей напряженности, силѣ предшествовавшаго ему удивленія. Чувство удивленія можетъ породить *любопытство* и тѣмъ возбудить новую дѣятельность мысли; но оно же способно остановить вовсе эту дѣятельность у людей слабосильныхъ или мало развитыхъ и заставить ихъ волноваться фактами, не стоющими этого. Вотъ почему для людей, мало развитыхъ, чувствованія удивленія и любопытства служатъ лишь средствами убить время.

При отсутствіи душевной дѣятельности или продолжительной неподвижности организма, происходитъ непріятное чувствованіе, имѣющее свое особое характеристическое выраженіе въ зѣвотѣ, медленности движеній и т. п. На высшей ступени это непріятное чувство извѣстно подъ именемъ *скуки*. Такимъ образомъ, скука происходитъ отъ недостатка интереса въ тѣхъ представленіяхъ, которыя сопровождаютъ нашу обычную, ежедневную жизнь. Въ этомъ случаѣ не заинтересованной душѣ ничего не остается, какъ только мыслить о томъ времени, которое идетъ слишкомъ медленно, ибо въ душѣ неудовлетворяется потребность къ дѣятельности. Извѣстно, что время есть форма нашей собственной дѣятельности, постоянная смѣна дѣйствій нашей мысли и нашего организма. Быстро идетъ наша дѣятельность, безостановочно слѣдуетъ представленіе за представленіемъ, быстро идетъ и время; пріостановись она—останавливается и время, и если бы можно было вообразить совершенное прекращеніе дѣятельности мысли при нашемъ полномъ сознаніи, то одна минута показалась бы намъ вѣчностію. Отсюда понятенъ будетъ смыслъ всѣхъ средствъ, прогоняющихъ скуку. Основаніе ихъ должно быть одно: исканіе дѣятельности ради самой дѣятельности.

Когда мы представляемъ будущее событіе, исполненіе котораго для насъ, болѣе или менѣе, вѣроятно, тогда въ нашей душѣ возникаетъ чувство *ожиданія*. Однако не всякое представленіе, предваряющее будущее появленіе какого бы то ни было событія, производитъ чувство

ожиданія, какъ думаютъ нѣкоторые психологи (напр. Наловскій согласно съ психологическими принципами Гербарта), но представленіе только такого событія, наступленіе котораго насъ интересуетъ по какой нибудь причинѣ. Если намъ все равно, наступитъ или не наступитъ извѣстное событіе, напр. предъувѣдомленное посѣщеніе какого нибудь лица, совершенно безразличнаго для насъ, то мы хотя и можемъ предчувствовать наступленіе событія, т. е. предвосхищать его въ своемъ представленіи, но настоящаго чувства ожиданія въ насъ не будетъ. А для того, чтобы интересующее насъ событіе дѣйствительно могло быть для насъ таковымъ,—мы уже напередъ, по опыту, должны знать о благопріятномъ отношеніи его къ нашей жизни.

Чувство ожиданія можетъ быть пріятнымъ и непріятнымъ. Когда ожидаемое событіе обѣщаетъ споспѣшествованіе, ускореніе нашей жизни, и чрезъ это пріятно возбуждаетъ душу, то ожиданіе становится *надеждою, упованіемъ;* въ противномъ случаѣ—*боязнью, опасеніемъ.* Надежда одно изъ пріятнѣйшихъ чувствованій: она ободряетъ человѣка и возвышаетъ его самочувство. Важное значеніе въ этомъ чувствованіи имѣетъ фантазія: она изображаетъ предметъ надежды яркими и привлекательными красками, такъ что дѣйствительность весьма часто не въ состояніи дать того, что обѣщаетъ фантазія. Чѣмъ вѣроятнѣе благопріятный исходъ, тѣмъ больше надежда получаетъ характеръ увѣренности и твердости. Исполненіе ожидаемаго событія доставляетъ дѣйствительное удовлетвореніе, неисполненіе — чувство обманутой надежды, — *разочарованіе.* Когда же событіе угрожаетъ задержкою нашей жизни, то въ душѣ возникаетъ тяжелое, непріятное чувствованіе *страха.* При этомъ чѣмъ вѣроятнѣе неблагопріятный исходъ, тѣмъ болѣе страхъ усиливается и приближается къ *унынію.* Если же событіе, котораго боялись, не исполняется, слѣдовательно, страхъ оказывается не основательнымъ, то онъ разрѣшается въ чувствованіе удовольствія, *облегченія, успокоенія.* Это состояніе можно назвать пріятнымъ чувствованіемъ обманутаго страха.

Съ чувствованіемъ надежды весьма легко связывается чувствованіе *нетерпѣнія,* возникающее именно тогда, когда ожидаемое событіе особенно интересуетъ насъ и заставляетъ долго ждать себя; напротивъ, съ чувствованіемъ страха или опасенія оно соединяется рѣдко, развѣ только тогда, когда страхъ со временемъ такъ усиливается, что его постоянная тяжесть оказывается хуже угрожающаго вреда, и потому возбуждаетъ сильное желаніе освободиться отъ него наступленіемъ самаго событія. По своему характеру или тону чувство нетерпѣнія всегда есть чувство неудовольствія, такъ какъ оно есть вмѣстѣ чувствованіе напряженія и безпокойства.

Если ожиданіе имѣетъ въ виду не одинъ исходъ, а нѣсколько возможныхъ исходовъ, то возникаетъ чувство *сомнѣнія*. Будетъ ли сомнѣніе теоретическимъ или практическимъ, т. е. будетъ ли оно относиться къ вопросу о томъ: истинна или ложна какая нибудь мысль, или къ вопросу о томъ: слѣдуетъ ли совершить какое нибудь дѣло или нѣтъ, оно всегда есть такое душевное состояніе, основаніемъ котораго служитъ представленіе различія между нашимъ субъективнымъ образомъ мыслей и объективнымъ ходомъ явленій природы и дѣйствіями другихъ людей. Чьи мысли вполнѣ соотвѣтствуютъ объективной дѣйствительности, чьи ожиданія всегда сбывались, надежды никогда не обманывались, чьи желанія никогда не оказывались тщетными: тотъ не можетъ и сомнѣваться. Началомъ сомнѣнія, слѣдовательно, всегда служитъ тотъ жизненный опытъ, что наши ожиданія, надежды и желанія не всегда исполняются. Вотъ почему юноша, не извѣдавшій жизненнаго опыта, не знаетъ и сомнѣнія. Отсюда, весьма большое вліяніе на возникновеніе сомнѣнія и особенно на его усиленіе имѣютъ личный характеръ человѣка и его жизненный опытъ. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ по своему характеру, чѣмъ больше онъ надѣется на свои силы и, затѣмъ, чѣмъ меньше онъ встрѣчалъ неудачъ, неисполненія надеждъ, разочарованій, тѣмъ менѣе онъ сомнѣвается; въ противномъ случаѣ сомнѣніе возникаетъ чаще и при большемъ числѣ обстоятельствъ. Значительную силу чувство сомнѣнія получаетъ тогда, когда съ нимъ соединяются наши жизненные интересы, когда намъ предстоитъ, напр. серьезная дѣятельность, или выработка и обоснованіе жизненныхъ убѣжденій. И чѣмъ дороже для насъ какой нибудь интересъ, чѣмъ болѣе чувство ожиданія приближается къ нетерпѣнію, тѣмъ бываетъ сильнѣе чувство сомнѣнія. И если извѣстный интересъ такъ великъ, что съ нимъ соединяется благо или зло всей нашей жизни, а между тѣмъ сомнѣніе не обѣщаетъ никакого разрѣшенія, или разрѣшеніе въ отдаленномъ будущемъ и для насъ неблагопріятное: то сомнѣніе переходитъ тогда въ *отчаяніе*, чувство безпокойства — въ *невыносимость* положенія, при чемъ въ подобномъ состояніи заключаются сильнѣйшіе импульсы для нашей воли и дѣятельности.

Чувствованіе, противоположное ожиданію, есть *изумленіе*, возникающее при наступленіи такого событія, котораго мы вовсе не ожидали и для объясненія котораго не можемъ сразу найти основаній, а нерѣдко и послѣ наступленія его. Смотря по отношенію изумляющаго насъ событія къ нашей душѣ, т. е. смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли оно, по своей сущности, нашимъ интересамъ, стремленіямъ, представленіямъ, или же идетъ наперекоръ имъ,—изумленіе можетъ быть, болѣе или менѣе, радостнымъ, пріятнымъ для насъ чувствованіемъ, или же болѣз-

неннымъ, безпокойнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно можетъ усилиться до такой степени, что потрясаетъ все существо человѣка и нерѣдко сопровождается обморокомъ, болѣзнію и т. д., т. е. оно становится аффектомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

§ 78. Предметныя чувствованія.

Предметными называются такія чувствованія, которыя сами по себѣ, безъ отношенія къ другимъ психическимъ состояніямъ, имѣютъ нѣкоторое содержаніе и опредѣленность. Сюда принадлежатъ чувствованія: интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя, религіозныя, самочувствованіе и сочувствіе.

Интеллектуальными называются такія чувствованія, которыя сопровождаютъ и заключаютъ наше познаніе истинное и вѣроятное, равно какъ состоянія сомнѣнія и заблужденія. Познаніе истины, счастливое рѣшеніе какой нибудь проблемы вызываетъ въ насъ чувство удовольствія, тогда какъ открытіе заблужденія и лжи возбуждаетъ противоположное чувствованіе. Если наше изслѣдованіе запутывается въ сомнѣніи, мы чувствуемъ себя неудовлетворенными, тогда какъ разрѣшеніе сомнѣнія, хотя бы только вѣроятное, доставляетъ намъ удовольствіе.

Но въ собственномъ смыслѣ чувствованіемъ истины называется то, которое предшествуетъ ясному познанію, заключая въ себѣ непосредственное знаніе того, что какое нибудь содержаніе (изложеніе, представленіе, разсказъ и т. п.) истинны, вѣроятны или ложны, прежде чѣмъ разсудокъ уяснитъ основанія этого. Это чувство есть, такимъ образомъ, какъ бы предупрежденіе познанія, своего рода естественный инстинктъ, побуждающій къ составленію такихъ сужденій, для которыхъ основанія или недостаточны, или не совсѣмъ еще ясны. Исключительно этимъ чувствомъ весьма часто руководятся люди, мало способные къ мышленію (напр. женщины) и нерѣдко угадываютъ истину лучше, чѣмъ люди съ острымъ разсудкомъ.

Для изъясненія этого чувствованія необходимо признать, что нашъ духъ лишь потому чувствуетъ удовольствіе отъ истины и неудовольствіе отъ заблужденія, что первое соотвѣтствуетъ, а послѣднее противорѣчитъ его существу, которому прирождено влеченіе къ истинѣ, сопровождаемое соотвѣтствующимъ чувствомъ. Основная цѣль жизни нашего духа заключается въ томъ, чтобы возможно совершеннѣе развиваться; а для этого, прежде всего, необходимо правильное познаніе всего, относящагося къ достиженію этой цѣли. Вотъ почему всякій обманъ дѣйствуетъ на насъ непріятно. Но такъ какъ мышленіе, не всегда дальновидное въ этомъ отношеніи, часто ошибается, то духъ нашъ, въ прирож-

денномъ чувствѣ истины имѣетъ руководителя къ открытію истины, идущаго мышленію на помощь. Чувство истины у отдѣльныхъ людей, по наклонностямъ и развитію ихъ, имѣетъ различныя степени чистоты и совершенства. Впослѣдствіи оно переносится и на тѣ знанія, которыя служатъ средствами для достиженія вообще наивозможно высшаго духовнаго совершенства.

Эстетическими называются, главнымъ образомъ, пріятныя чувствованія прекраснаго и возвышеннаго, а также непріятныя чувствованія безобразнаго и низкаго, возникающія въ насъ при созерцаніи идеи, воплощенной въ соотвѣтствующей ей внѣшней формѣ. Красотою называется то, что возбуждаетъ наше удовольствіе само по себѣ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній и разсчетовъ. Если же красота имѣетъ характеръ духовно или нравственно возвышающій, то возбуждаетъ чувство высокаго. Въ противоположность этому, мы называемъ безобразнымъ то, что само по себѣ возбуждаетъ наше неудовольствіе; если же безобразіе соединяется, кромѣ того, съ униженіемъ духовнаго или нравственнаго совершенства, то возбуждаетъ въ насъ чувство низкаго. При помощи двухъ высшихъ чувствъ (зрѣнія и слуха), а также при помощи фантазіи и мышленія душа представляетъ объекты съ такими качествами, которыя возбуждаютъ въ ней эстетическое чувство. Какія качества долженъ имѣть предметъ, въ особенности, какую форму и фигуру слѣдуетъ принимать въ соображеніе, чтобы въ насъ могло возникать чувство прекраснаго или безобразнаго, изслѣдованіе этого составляетъ задачу не психологіи, а эстетики. Вообще же производитъ впечатлѣніе прекраснаго то, что, согласуясь гармонически, обнаруживаетъ единство въ разнообразіи, симметрію и пропорцію въ частяхъ, рифмъ—въ послѣдовательности, гармонію внутренняго и внѣшняго, духовнаго и чувственнаго. Все это производитъ удовольствіе, поелику согласуется съ основною чертою нашего жизненнаго стремленія, которая состоитъ въ гармоническомъ развитіи нашего чувственно-духовнаго существа, и преимущественно въ гармоническомъ совершенствованіи нашихъ духовныхъ силъ. Духъ, какъ формирующее начало, долженъ образовать свое тѣло и свободно господствовать надъ нимъ. Вотъ почему всюду, гдѣ встрѣчается подобное образующее вліяніе и господство духа, мы ощущаемъ удовольствіе. „Красота, говоритъ Шиллеръ, нравится намъ формою, въ которой выражается разумность“. Поэтому все дисгармоническое, заключающее само себѣ противорѣчіе, обнаруживающее внутренній разладъ, производитъ чувство безобразнаго (напр. амфибіи безобразны, потому что являются противоположными всѣмъ существамъ по своему несовершенству и неопредѣленности; точно также и обезьяны возбуждаютъ чувство отвращенія, потому что представляютъ каррикатурное сходство

съ человѣкомъ). Такъ какъ эстетическія чувствованія возбуждаются основнымъ влеченіемъ нашей духовной природы, а не случайными и посторонними интересами, то они имѣютъ несомнѣнное объективное и общеобязательное значеніе. Объ этой общеобязательности свидѣтельствуетъ эстетическое сужденіе, основывающееся на чувствѣ прекраснаго, вслѣдствіе чего становится, далѣе, возможнымъ существованіе цѣлой науки—эстетики. Тѣмъ не менѣе, однакожь, чувство красоты (благодаря вліянію возраста, пола, воспитанія, религіи, направленія и т. п.) можетъ выражаться въ чрезвычайно различныхъ степеняхъ чистоты и совершенства. Этимъ объясняется и различіе (духовныхъ) вкусовъ у людей, свидѣтельствующее о совершенномъ или несовершенномъ образованіи чувства красоты и соединеннаго съ этимъ послѣднимъ сужденія о прекрасномъ.

Нравственными чувствованіями называются такія, которыя сопровождаютъ нашу нравственную дѣятельность. Нашъ духъ есть нравственно-организованное существо, обладающее въ своей совѣсти прирожденными чувствами долга и права, выражающими ея вѣчныя и непреложныя требованія. Поэтому достигать непрерывнаго совершенствованія въ согласіи съ требованіями совѣсти составляетъ основное стремленіе нашего духа. И если мы выполняемъ нашъ нравственный долгъ и уважаемъ права другихъ, то въ насъ возникаетъ чувство *самоуваженія*, въ противномъ случаѣ—*недовольство* собой и даже *презрѣніе* къ самимъ себѣ. Кромѣ того, совѣсть или награждаетъ сладкимъ чувствомъ внутренняго мира и радости за совершеніе нравственно-добрыхъ дѣйствій, или наказываетъ горькимъ чувствомъ раскаянія по совершеніи злыхъ поступковъ. Удовольствіе отъ нравственно добраго и неудовольствіе отъ нравственно злаго мы испытываемъ не отъ однихъ нашихъ собственныхъ дѣйствій, хотя бы и выражавшихъ наши отношенія къ другимъ людямъ, но и отъ дѣйствій совершенно чужихъ, согласующихся, или противорѣчащихъ требованіямъ совѣсти. Всякое нравственно-доброе дѣло радуетъ насъ, тогда какъ всякое нарушеніе права и посмѣяніе добродѣтели наполняетъ наше сердце негодованіемъ въ такой степени, въ какой самое дѣйствіе имѣетъ нравственное значеніе и въ какой мы сами нравственно развиты. Стражемъ нашей нравственности служитъ *стыдливость*,—то чувство, выражающееся въ краскѣ лица, чувство смущенія и замѣшательства, которое возникаетъ, когда мы, по совершеніи проступка, несогласнаго съ нравственнымъ закономъ, бываемъ въ сообществѣ другихъ людей, въ особенности, когда обнаруживается (или мы предполагаемъ только, что обнаруживается) содѣланное нарушеніе требованій совѣсти. Съ особенною силою это чувствованіе проявляется въ области цѣломудрія и правдивости.

Религіозными называются такія чувствованія, которыя имѣютъ предметомъ своимъ Бога, находящагося въ такомъ или иномъ отношеніи къ нашей нравственно духовной жизни.

Какое же изъ религіозныхъ чувствъ должно признать самымъ основнымъ и первоначальнымъ? Нѣкоторые говорятъ, что религія возникаетъ изъ страха предъ грозными явленіями природы, поэтому страхъ и есть основное религіозное чувство. Но немного нужно психическаго наблюденія, чтобы убѣдиться въ невозможности признать страхъ предъ грозными явленіями природы основнымъ религіознымъ чувствомъ.

Страхъ есть болѣзненное чувство, возникающее при представленіи угрожающей опасности и сопровождающееся стремленіемъ или удалить отъ себя угрожающій предметъ, или, если это не удается, самому удалиться отъ него. Религіозное же чувство выражаетъ: а) родственную связь двухъ существъ: безконечно великаго—Божества и безконечно малаго—человѣка; б) сознаніе человѣкомъ своего ничтожества предъ величіемъ Божіимъ и в) въ тоже время стремленіе войти въ единеніе съ Божествомъ и *уподобиться* Ему, короче: религіозное чувство сопровождаетъ влеченіе сотвореннаго духа къ своему Творцу — Духу Безконечному. Такимъ образомъ, не страхъ, а *благоговѣніе* должно признать основнымъ религіознымъ чувствомъ, изъ котораго выводятся всѣ остальныя чувствованія и къ которому относятся они, какъ виды къ своему роду.

Религіозное чувство, главнымъ образомъ, проявляется въ двухъ формахъ. На первыхъ порахъ оно выражается въ неудовлетворенности и недовольствѣ всѣмъ преходящимъ, тлѣннымъ, конечнымъ и въ неясномъ предчувствіи бытія непреходящаго, безконечнаго, вѣчнаго. Эта форма религіознаго чувства принадлежитъ къ самой сущности человѣческаго духа, которому прирождено религіозное влеченіе,—какое то неопредѣленное исканіе истиннаго, вѣчнаго и безконечнаго блага, которымъ только и можетъ быть удовлетворено наше стремленіе къ счастію.

Если религіозное чувствованіе въ этой первой формѣ не сообщаетъ намъ никакихъ представленій о существѣ Божіемъ, то религіозное чувствованіе во второй формѣ всегда имѣетъ въ виду, болѣе или менѣе, опредѣленныя свойства Божества. Такъ религіозное чувство проявляется въ *благоговѣніи* и *смиреніи*, проистекающихъ изъ представленія безконечнаго всемогущества и величія Божія; затѣмъ, въ чувствахъ *любви* и *преданности* къ Богу, возникающихъ изъ представленія о его благости и промышленіи о насъ; далѣе, въ чувствѣ *благодарности* къ Богу за его безчисленныя къ намъ благодѣянія; это чувство проявляется, съ одной стороны, въ *молитвенномъ настроеніи*, а съ другой стороны—

въ *настроеніи благочестивой жизни*. Таковы формы, въ которыхъ проявляется религіозное чувство.

Прирожденное религіозное чувство можетъ являться въ истинныхъ или ложныхъ формахъ, смотря по тому, будетъ ли оно правильно развито, или нѣтъ. Здѣсь нужно принять во вниманіе, главнымъ образомъ, два условія. Прежде всего, достоинство религіознаго чувства зависитъ отъ истинности и совершенства нашихъ познаній о Богѣ и религіозной вѣры. Суевѣрію будетъ соотвѣтствовать и ложное чувство, весьма часто переходящее въ *фанатизмъ*. Затѣмъ, истинность или ложность религіознаго чувства будетъ зависѣть отъ душевныхъ склонностей. Преобладаніе чувства и фантазіи предрасполагаетъ къ *религіозной мечтательности*. Чрезмѣрное пользованіе чувственными удовольствіями, разочарованіе и чувство безпомощности нерѣдко приводятъ къ *суевѣрному мистицизму*.

§ 79 Самочувствованіе.

Въ обширномъ значеніи всѣ чувствованія можно назвать самочувствомъ, такъ какъ всѣ они суть ничто иное, какъ самовозбужденія души; но въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ самочувство есть пріятное волненіе, возникающее вслѣдствіе сознанія собственной силы, достоинства и значенія въ сравненіи съ другими людьми. Самочувствованіе, прежде всего, проявляется какъ чувство собственной силы и достоинства по отношенію къ другимъ людямъ. Эта форма самочувства развивается постепенно. На низшей ступени развитія (въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастахъ), въ состояніи дикости, человѣкъ испытываетъ пріятное чувство отъ обнаруженія силы физической, при чемъ нерѣдко доставляетъ чувство удовольствія и то, когда обнаруженіе собственной силы сопровождается страданіями другихъ, уступающихъ силѣ. Такъ, напр. дѣти любятъ мучить животныхъ и господствовать въ играхъ надъ товарищами; необразованные и грубые люди любятъ драки, кулачные бои, охоту на звѣрей и т. п. Съ началомъ же духовнаго развитія, грубая потребность уничтоженія, преобладающая у дѣтей и дикихъ народовъ, переходитъ въ потребность къ образованности и искусствамъ; вслѣдствіе этого человѣкъ все болѣе и болѣе начинаетъ испытывать удовольствіе отъ обнаруженія силы духовной и чѣмъ обширнѣе бываетъ кругъ дѣятельности и полнѣе обнаруженіе духовной природы, тѣмъ высшее испытываетъ человѣкъ удовольствіе. Грубое желаніе господствовать переходитъ въ немъ въ послушаніе предъ закономъ, вслѣдствіе чего впервые становится возможнымъ достиженіе истинной свободы. Тѣ совершенства своей духовной природы, которыя открываются въ нравственной жизнедѣятель-

ности и всестороннее развитіе которыхъ является для сознанія какъ безусловный долгъ, поставляющій для жизни высшія разумно-нравственныя задачи, человѣкъ начинаетъ любить сильною любовію, извѣстною подъ именемъ *самолюбія*. Самолюбіе, если оно не переходитъ въ эгоизмъ (не знающее никакого различія въ средствахъ себялюбіе) есть благородное нравственное чувство, предохраняющее человѣка отъ нравственнаго униженія. Когда же и другіе начинаютъ оцѣнивать достоинства за личностью человѣка, то онъ испытываетъ пріятное чувство *чести*, которое на высшей ступени становится *славой*. Честь и слава въ сущности одно и тоже, — различіе между ними въ степени и состоитъ въ томъ, что честь обыкновенно ограничивается извѣстною мѣстностью и временемъ; слава же проходитъ чрезъ времена, страны и народы: слава— безсмертна. Сознаніе нашихъ духовныхъ преимуществъ и достигнутаго при помощи ихъ вещественнаго пріобрѣтенія служитъ по отношенію къ другимъ людямъ источникомъ пріятнаго чувства *права*. Чувствованія, противоположныя разсмотрѣннымъ, суть: чувствованія безсилія, безчестія и т. п.

Самочувство нерѣдко омрачается тягостнымъ чувствомъ — *страха предъ смертью*. Никакая мысль не стѣсняетъ такъ нашего самочувства, какъ то, что должно нѣкогда наступить такое состояніе, въ которомъ прекратится бытіе нашего Я. Могущественнымъ предохраненіемъ отъ подобнаго чувства должна служить непоколебимая религіозная вѣра въ безсмертіе человѣческаго духа.

§ 80. Чувствованія симпатическія.

Симпатическими называются такія чувствованія, въ которыхъ мы живемъ жизнію другаго лица; его горе, равно какъ и радость, дѣлаемъ своими и дѣйствуемъ на пользу другаго лица такъ, какъ бы дѣйствовали ради себя. Самая главная и основная форма всѣхъ симпатическихъ чувствованій есть *сочувствіе*. Смотря по тому, возбуждается ли наша душа радостію или печалію другихъ людей, и самое сочувствіе проявляется въ двухъ формахъ: или въ *сорадованіи*, или въ *состраданіи*. Уже въ силу организаціи нашей природы, чувствованія каждаго человѣка непроизвольно обнаруживаются для другихъ людей въ мимическихъ движеніяхъ и чрезъ то вызываютъ по отношенію къ себѣ сочувствіе. Благодаря внѣшнему выраженію чужихъ чувствъ, а также вслѣдствіе дѣятельности нашей собственной фантазіи, въ насъ возникаетъ представленіе о такомъ состояніи, какое переживаютъ другіе, и представленіе чужаго состоянія, дѣйствуя на наше сердце, заставляетъ насъ „радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими“. Но при этомъ нужно замѣтить, что сорадованіе встрѣ-

чается рѣже, чѣмъ состраданіе. Сорадованіе потому именно рѣдко возникаетъ, что по отношенію къ чужому счастію мы иногда не можемъ воздержаться отъ зависти, — между тѣмъ какъ для возникновенія состраданія такого препятствія быть не можетъ. Поэтому въ человѣкѣ, нравственно не огрубѣвшемъ, состраданіе возбуждается очень легко и, по большей части, непроизвольно, между тѣмъ какъ сорадованіе весьма часто задерживается нашимъ эгоизмомъ. Вотъ почему сорадованіе несравненно выше и благороднѣй въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ состраданіе. Нѣчто сходное, аналогичное съ состраданіемъ мы находимъ и у неразумныхъ животныхъ; но въ собственномъ смыслѣ сочувствіе принадлежитъ только человѣку, достигшему самосознанія. На самомъ дѣлѣ, въ сочувствіи человѣкъ переживаетъ свои собственныя состоянія, чужія же чувствованія являются только поводомъ къ тому, чтобы воспроизвести въ себѣ сходное чувствованіе. Поэтому сочувствіе не явится, если нами не будетъ сознано *различіе между собственною и чужою личностію*, при чемъ всегда предполагается сознаніе, что мы рѣшаемся дѣйствовать для уменьшенія страданія и продолженія счастія другихъ, иногда даже противъ своей воли. У различныхъ лицъ сочувствіе проявляется неодинаково; индивидуальныя особенности сочувствія зависятъ какъ отъ склонностей чувствующаго, такъ и отъ отношеній его къ другому лицу. Поэтому сочувствіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сострадательнѣе человѣкъ и чѣмъ болѣе развита въ немъ жизнь сердца. Еще болѣе способенъ къ сочувствію тотъ человѣкъ, который самъ пережилъ состоянія радости и особенно—горя и который, поэтому, легко входитъ въ счастливое или несчастное положеніе другихъ людей. Мы не можемъ симпатизировать тому, чего не испытали сами; дитя, напр. не можетъ входить въ радости и печали взрослаго человѣка. Натура холодная не пойметъ страданій нѣжнаго сердца. Само собою понятно, что сочувствіе наше бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стоитъ къ намъ извѣстная личность и чѣмъ она для насъ дороже; ненависть же дѣлаетъ многихъ неспособными къ сочувствію, вызывая въ сердцѣ зависть и зложелательство—при представленіи счастія и злорадованіе—при представленіи о несчастіи тѣхъ лицъ, съ которыми находятся во враждебномъ отношеніи. Но нужно замѣтить, что близкія отношенія лицъ не имѣютъ для сочувствія необходимаго значенія и всѣ отрицательныя формы, въ которыхъ выражаются наши отношенія къ другимъ людямъ подъ вліяніемъ равнодушія, зависти или ненависти, свидѣтельствуютъ о большемъ или меньшемъ огрубѣніи нашего нравственнаго чувства. Если человѣкъ имѣетъ правильно развитое сердце, руководимое сознаніемъ нравственнаго долга, то онъ бываетъ сострадателенъ даже къ врагамъ своимъ.

Сочувствіе служитъ естественнымъ основаніемъ для *благожеланія*

и такъ называемыхъ *нѣжныхъ чувствованій*. На первой ступени развитія эти чувствованія проявляются въ видѣ *симпатіи*—безотчетной склонности къ извѣстной личности, и если пользующаяся нашимъ сочувствіемъ личность проявляетъ высокія духовныя, умственныя и нравственныя, качества, то первоначальная симпатія осложняется новымъ чувствомъ—*уваженіемъ*. При дальнѣйшемъ развитіи, симпатія, по большей части, переходитъ въ *любовь*, какъ скоро возникаетъ и установляется такая сердечная близость между лицами, при которой радость и горе, счастіе и несчастіе одного человѣка дѣлаются собственнымъ состояніемъ другаго. Смотря по различію потребностей и отношеній людей другъ къ другу возникаютъ и различные виды любви.

а) Общеизвѣстная и самая сильная форма любви есть, такъ называемая, *половая любовь*. Эта любовь есть чувство въ высшей степени сложное: въ ней участвуютъ прежде всего, органическія потребности, затѣмъ—потребности духовныя: это—наслажденіе красотою, уваженіе къ нравственнымъ качествамъ характера, силѣ воли и ума. Любовь, также какъ и всякое другое чувство, имѣетъ различныя степени совершенства: на самой низшей ступени находится грубо-чувственная любовь дикихъ народовъ, въ которой, кажется, кромѣ органической половой потребности нѣтъ ничего. На самой высшей ступени находится возвышенная, одухотворенная любовь цивилизованнаго человѣка, предъ разумно-нравственными интересами которой умолкаютъ всякіе инстинкты чувственной природы.

б) Половая любовь составляетъ естественную основу семейства. Въ семьѣ являются новыя и различныя формы любви: *любовь супруговъ, родителей, дѣтей, любовь братьевъ и сестеръ и любовь родственниковъ*. Но любовь не ограничивается только семьею: она простирается на *племя, націю и отечество*.

Въ любви нѣжное чувствованіе или влеченіе одного лица къ другому составляетъ преобладающій элементъ. Но бываетъ, что въ отношеніяхъ между лицами получаетъ преобладающее развитіе сочувствіе; тогда изъ него развивается новое чувствованіе *дружбы*. Любовь, по большей части, развивается изъ безотчетнаго влеченія; въ дружбѣ же одно лицо привязывается къ другому потому, что находитъ въ немъ добрыя стороны: здѣсь, слѣд., привязанность одного лица къ другому развивается изъ сознательной оцѣнки тѣхъ качествъ, которыя возбуждаютъ къ себѣ сочувствіе. Преобладаніе нѣжнаго чувства можетъ сообщать любви, болѣе или менѣе, эгоистичный характеръ; преобладаніе же сочувствія въ дружбѣ сопровождается необходимо самоотреченіемъ одного лица въ пользу другаго. Поэтому дружба на высшей степени развитія бываетъ даже сильнѣе любви, сближаетъ людей самымъ тѣс-

нымъ образомъ и дѣлаетъ союзъ ихъ самымъ прочнымъ и неразрывнымъ. По большей части и самая любовь, при своемъ естественномъ развитіи, въ концѣ концовъ, переходитъ въ дружбу.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи симпатическихъ чувствованій. По ученію утилитаризма всѣ симпатическія чувствованія вытекаютъ изъ болѣе или менѣе тонкаго, сознательнаго и безсознательнаго, разсчета: въ нихъ мы стремимся или къ удовлетворенію собственной потребности къ наслажденію, или имѣемъ въ виду получить въ будущемъ отъ другихъ то, что даемъ имъ въ настоящее время. Поэтому симпатическія чувствованія имѣютъ не прирожденную основу въ человѣческомъ сердцѣ (точнѣе въ нравственной природѣ чаловѣка), а возникаютъ и развиваются постепенно, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ человѣка. Но такое мнѣніе не выдерживаетъ критики. Мы должны различать чувствованія въ собственномъ смыслѣ симпатическія (состраданіе, сорадованіе) и нѣжныя. Если нѣкоторыя изъ нѣжныхъ чувствованій (напр. половая любовь) отличаются эгоистическимъ характеромъ, то нельзя того-же сказать о другихъ нѣжныхъ чувствованіяхъ, напр. чувствѣ материнской любви, соединяющейся съ полнѣйшимъ самоотреченіемъ. Это чувствованіе возникаетъ изъ основныхъ потребностей нравственной природы человѣка и является въ формѣ нравственнаго долга. Тоже самое нужно сказать вообще о сочувствіи. Мы нерѣдко чувствуемъ жалость къ такимъ существамъ, отъ которыхъ не можемъ разсчитывать получить что либо, каковы, напр. наши враги, преступники, вредныя животныя; нерѣдко размѣръ нашихъ собственныхъ потерь и затратъ при сочувствіи другимъ бываетъ настолько значителенъ, что мы не можемъ разсчитывать на покрытіе его въ будущемъ услугами другихъ; наконецъ, люди жертвуютъ для другихъ своею, ничѣмъ не вознаградимою, драгоцѣнностію— жизнію. Кромѣ того, симпатическія чувствованія обнаруживаются въ жизни человѣческой такъ рано, что о разсчетѣ, эгоистическихъ соображеніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Вотъ почему симпатическія чувствованія считаютъ прирожденными такіе строгіе представители естествознанія, какъ Дарвинъ. „Я наблюдалъ, говоритъ онъ, своего перваго ребенка, который не могъ ничего перенять отъ общества съ другими дѣтьми, и убѣдился, что онъ понималъ улыбку, отвѣчалъ на нее тѣмъ-же, выражая такимъ образомъ свое удовольствіе въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда еще онъ ничему не могъ выучиться путемъ опыта. На пятомъ мѣсяцѣ этотъ ребенокъ началъ распознавать сострадательный тонъ голоса. Когда ему было полгода съ нѣсколькими днями, его нянька притворилась плачущей, и его лицо приняло немедленно печальное выраженіе, съ сильно опущенными углами рта. Ребенокъ этотъ едва-ли видѣлъ другихъ дѣтей въ слезахъ и никогда не видѣлъ плачущихъ взрослыхъ, и я сомнѣваюсь, чтобы въ столь раннемъ возрастѣ онъ былъ способенъ разсуждать объ этомъ предметѣ. Мнѣ кажется, поэтому, что *врожденное чувство* должно сказать ему, что притворный плачъ няньки выражалъ горе и этотъ плачъ, въ силу инстинкта сочувствія, возбудилъ и въ немъ печаль („о выраженіи ощущеній“,—с. 304—305). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что симпатическія чувствованія твердо коренятся въ нашей нравственной природѣ, а не являются результатомъ разсчетовъ и корыстныхъ соображеній.

§ 81. Настроенія.

Всѣ внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія, всѣ представленія и ихъ сочетанія и т. д., какъ бы незначительны и слабы ни были ихъ возбужденія производимыя на душу, сопровождаются однако пріятными или непріятными чувствованіями, какъ выраженіями ихъ благопріятнаго или неблагопрі-

ятнаго отношенія къ внутренней жизнедѣятельности души. Сердечныя чувствованія, происходящія отъ воздѣйствія на душу внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній, не всегда исчезаютъ изъ нашей души съ прекращеніемъ производящихъ ихъ причинъ, но сохраняются въ ней и послѣ, въ состояніи безсознательномъ. Многія изъ нихъ, взятыя въ отдѣльности, иногда бываютъ такъ слабы, что остаются незамѣтными, несознаваемыми даже въ тотъ моментъ, когда дѣйствуютъ производящія ихъ причины; но поелику они, какъ простыя только выраженія цѣнности производимыхъ на душу возбужденій, бываютъ лишь пріятными или непріятными чувствованіями, слѣдовательно, аналогичны между собой,—то они легко могутъ суммироваться между собой, и въ такомъ видѣ, въ своей совокупности, производятъ въ душѣ одно общее состояніе, которое бываетъ уже достаточно сильнымъ для того, чтобы войти въ сознаніе и быть отличеннымъ отъ другихъ его явленій. Это общее состояніе, возникающее въ нашемъ сердцѣ изъ совокупности многихъ скрытыхъ и несознаваемыхъ въ отдѣльности чувствованій, и составляетъ то, что называется *настроеніемъ*. Какъ сложныя состоянія, не сопровождающіяся сознаніемъ своихъ составныхъ элементовъ, настроенія, естественно, могутъ быть различаемы, главнымъ образомъ, только по тону, т. е. какъ настроенія пріятныя и непріятныя. Но когда настроенія возникаютъ изъ продолжительнаго повторенія однородныхъ чувствованій, какъ общій итогъ изъ частаго повторенія поводовъ къ ихъ возникновенію; то въ такомъ случаѣ они различаются и по своему содержанію, соотвѣтственно качествамъ тѣхъ чувствованій, изъ которыхъ слагаются; напр. религіозныя или нравственныя чувствованія могутъ служить основаніемъ настроенія „возвышеннаго“ и т. п. Извѣстное настроеніе, при продолжительномъ дѣйствіи своихъ причинъ, можетъ сдѣлаться постоянною, общею формою всей жизни нашего сердца и будетъ какъ бы окрашивать въ свой цвѣтъ общій потокъ жизни,—смѣну различныхъ душевныхъ состояній. Такъ, если преобладающее настроеніе имѣетъ пріятный или веселый характеръ, то всѣ отдѣльныя чувствованія съ тѣмъ же характеромъ—теряютъ часть своей горечи; если же, напротивъ, оно имѣетъ характеръ невеселый, грустный, то пріятныя чувствованія теряютъ часть своей пріятности, а непріятныя еще болѣе усиливаются въ томъ же направленіи *) Состояніе чистой совѣсти,

*) Тоже бываетъ и съ другими состояніями, напр. представленіями, являющимися въ сознаніи. Они въ значительной степени окрашиваются господствующимъ настроеніемъ сердца; даже на самое появленіе ихъ въ сознаніи, болѣе или менѣе, вліяетъ настроеніе. Въ человѣкѣ мрачнаго настроенія и представленія имѣютъ, по большей части, мрачный характеръ, и потому настроеніе сердца идетъ, обыкновенно, рука объ руку съ соотвѣтствующимъ ему „образомъ мыслей“, или созерцаніемъ.

какъ источника всякой радости, возвышаетъ наслажденіе, состояніе-же при сознаніи своей виновности ослабляетъ радость и т. д. Что касается самыхъ причинъ разности въ сердечныхъ настроеніяхъ и степеней ихъ силы и продолжительности, то мы должны указать, съ одной стороны, на природное, зависящее часто отъ жизненныхъ особенностей, предрасположеніе къ извѣстнымъ чувствованіямъ, а съ другой—на характеръ и сумму тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, которыя, дѣйствуя на душу, производятъ въ ней пріятныя или непріятныя чувствованія. Сюда относятся: воспитаніе, среда, обстоятельства общественной жизни, образъ мыслей и практической дѣятельности,—словомъ, все то, что, болѣе или менѣе, сильно вліяетъ на жизнь нашего сердца.

Въ частности, различныя настроенія могутъ происходить, прежде всего, отъ благопріятнаго и неблагопріятнаго дѣйствія физическихъ вліяній (погоды, пищи) на нашу нервную систему; ощущенія, вызываемыя въ нашей душѣ различными физическими вліяніями на тѣло, сопровождаются настроеніями, доходящими до высшей степени возбужденности, или подавляющими до апатическаго разстройства. Болѣзненныя аффекціи нервной системы нерѣдко образуютъ то капризное настроеніе, которое проявляется въ быстромъ и ничѣмъ не мотивированномъ переходѣ отъ одного настроенія къ другому, противоположному. Во вторыхъ, настроенія образуются изъ чувственныхъ воспріятій. Такъ, если много разнообразныхъ предметовъ дѣйствуютъ на насъ въ быстрой послѣдовательности, то смѣна воспріятій, если только она не черезчуръ быстра, поставляетъ насъ въ пріятное настроеніе. Таково, напр. настроеніе наѣздника, который съ легкой отвагой ѣдетъ по мѣстности, полной перемѣнъ и разнообразія. Противоположное настроеніе наступаетъ тогда, когда мѣстность, вслѣдствіе своего однообразія, не представляетъ никакого интереса, или когда нужно проѣхать ее слишкомъ быстро. Далѣе, всякое мѣрное впечатлѣніе, тактъ музыки, маршъ, граціозное движеніе танца приводятъ насъ въ пріятное настроеніе. Въ области мышленія—настроенія происходятъ отъ свободнаго или задержаннаго теченія представленій. Если представленія воспроизводятся съ легкою послѣдовательностію, если фантазія свободно сочетаваетъ одни представленія съ другими, если разсудокъ безъ утомленія пробѣгаетъ рядъ мыслей,—все это приводитъ душу въ пріятное настроеніе. Напротивъ, если теченіе представленій задержано, если память, воображеніе и разсудокъ ослаблены,—наступаетъ разстроенное состояніе. Наша душа приходитъ въ стѣсненное настроеніе, въ состояніе замѣшательства и спутанности, когда многоразличныя представленія, безъ всякаго порядка и связи, какъ бы наводняютъ ее; напротивъ, она облегчается и настраивается пріятно, если превозмогаетъ этотъ безпорядокъ. Наконецъ, въ практической области настроенія образуются изъ удовлетвореннаго или неудовлетвореннаго стремленія къ дѣятельности. Такъ какъ жизнь души есть процессъ развитія и образованія, то ей свойственно стремленіе къ проявленію во внѣ своихъ силъ. Смотря по тому, легко или съ трудомъ происходитъ это проявленіе силъ во внѣ, душа настраивается пріятно или непріятно. Съ другой стороны и предметъ занятія души также можетъ производить пріятное или непріятное настроеніе. Соотвѣтствующее душѣ занятіе располагаетъ ее пріятно; напротивъ, продолжительная неудовлетворенность занятіемъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, иногда до недовольства и отягощенія жизнію. Отсюда—мрачное настроеніе тѣхъ, которые обманулись въ своемъ призваніи, которые, вслѣдствіе какихъ нибудь житейскихъ отношеній, принуждены бываютъ заниматься вещами, не соотвѣтствующими ихъ способностямъ и наклонностямъ, у которыхъ, слѣдо-

вательно, остается безъ удовлетворенія та или другая психическая способность, вслѣдствіе отсутствія побужденія и матеріала для ея дѣятельности. Но если душа нуждается въ упражненіи своихъ силъ соотвѣтствующимъ занятіемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она нуждается и въ успокоеніи, которое также поставляетъ ее въ пріятное настроеніе. Только это успокоеніе должно состоять не въ прекращеніи всякой вообще дѣятельности, а въ переходѣ отъ одной дѣятельности къ другой, противоположной.

§ 82. Аффекты.

Аффектомъ называется чувствованіе, достигшее самой высшей, крайней степени напряженія и силы.

Возникаютъ аффекты, по большей части, неожиданно. Но иногда аффекты возникаютъ не вдругъ, а развиваются постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся своею мыслію въ извѣстный предметъ, оцѣниваемъ, напр. величину утраты, понесенной нами въ лицѣ какого нибудь умершаго человѣка, усматриваемъ новыя опасности для нравственности въ извѣстномъ нашемъ дѣйствіи и т. п.

Какое же вліяніе на духовную жизнь производятъ аффекты? Аффектъ есть состояніе углубленной сосредоточенности на какомъ нибудь одномъ представленіи или чувствѣ. Поэтому, аффектъ въ области сердца есть тоже самое, что глубокое размышленіе въ области познанія или страсть въ области практической дѣятельности. Аффекты, повидимому, дѣйствуютъ на насъ различно: одни подвергаютъ насъ въ оцѣпенѣніе, останавливаютъ и физическую и психическую жизнь; другіе же страстно возбуждаютъ насъ, заставляютъ совершать неистовыя движенія, напрягаютъ всѣ силы духа и тѣла. Но это различіе только кажущееся; на самомъ же дѣлѣ всѣ аффекты дѣйствуютъ на насъ одинаковымъ образомъ, всѣ влекутъ за собой физическое и психическое истощеніе съ тѣмъ только различіемъ, что одни аффекты производятъ свое угнетающее дѣйствіе непосредственно, а другіе, возбудивъ напередъ самымъ сильнымъ образомъ человѣка, этимъ самымъ доводятъ его снова до крайняго истощенія. Такимъ образомъ, аффекты дѣйствуютъ какъ на физическую, такъ и на духовную жизнь парализующимъ образомъ.

Въ какомъ отношеніи находятся аффекты къ страстямъ и въ чемъ заключается ихъ различіе другъ отъ друга? Аффектъ и страсть—состоянія сродныя и потому являются очень часто въ весьма тѣсной связи между собою. И то и другое состояніе сопровождаются необыкновенною силою и, послѣдствіе этого, оказываютъ на тѣлесную и духовную жизнь могущественное, по большей части, вредное вліяніе и весьма часто служатъ причиною тѣлесныхъ и духовныхъ болѣзней. Страсти, какъ говоритъ Гагеманъ, являются вулканическою почвою, на которой возникаютъ аффекты. Когда страсть, стремящаяся къ умноженію своихъ наслажденій, неожиданно встрѣчаетъ препятствія для своего стремленія, тогда она вызываетъ въ душѣ бурные порывы и волненія. Въ свою очередь и аффекты, при частомъ возникновеніи, производятъ въ душѣ раздражительное состояніе и дѣлаютъ ее воспріимчивою по отношенію къ страстямъ.

Но, несмотря на такую тѣсную связь аффектовъ и страстей, мы не должны, однакожь, отождествлять ихъ, потому что они возникаютъ совершенно изъ различныхъ источниковъ: аффекты—изъ чувствованій, а страсти изъ области воли, да и въ своемъ обнаруженіи являются съ совершенно различнымъ характеромъ.

а) Аффекты, по большей части, возникаютъ внезапно; они застаютъ душу какъ бы врасплохъ и быстро проходятъ. Страсти-же всегда возникаютъ постепенно, — они все болѣе и болѣе усиливаются по мѣрѣ удовлетворенія, дѣйствуютъ весьма продолжительно и могутъ быть побѣждены только благодаря неусыпной борьбѣ и усиліямъ воли. Аффекты можно сравнить съ рѣкой, которая прорываетъ плотину, а страсти — съ потокомъ, который все болѣе и болѣе увеличивается и усиливается въ своемъ теченіи.

б) Аффекты мгновенно увлекаютъ человѣка; они не даютъ ему никакого времени для размышленія и обнаруживаются честно и открыто. Напротивъ, страсти всегда предполагаютъ размышленіе относительно плана дѣйствія, самое тщательное взвѣшиваніе средствъ, необходимыхъ для достиженія извѣстной цѣли. При этомъ страсть всегда дѣйствуетъ скрытно, чтобы тѣмъ лучше и безопаснѣе достигнуть своей цѣли.

в) Наконецъ, аффектъ, по остроумному выраженію Канта, дѣйствуетъ на здоровье, какъ параличъ, а страсть — какъ чахотка. Аффектъ внезапно потрясаетъ организмъ; напротивъ, страсть истощаетъ организмъ постепенно, какъ хроническая болѣзнь.

Такое отличіе аффекта отъ страсти мы должны признать вѣрнымъ, когда будемъ разсматривать ихъ абстрактно, отдѣльно другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности они находятся весьма часто въ связи между собою и въ это время сообщаютъ другъ другу свои свойства. Сама по себѣ страсть скрытна; но въ связи съ аффектомъ въ ней является открытая сторона: извѣстно, что страсть, достигнувъ высшей степени напряженія, разрѣшается, иногда совершенно непроизвольно, въ бурный аффектъ. Правда, страсть можетъ скрывать аффектъ (напр. въ сильной ненависти), но при удобномъ случаѣ эта же самая страсть можетъ обнаружиться въ самомъ сильномъ аффектѣ. Такимъ образомъ, не смотря на различіе, страсть и аффектъ въ дѣйствительности находятся въ весьма тѣсной связи между собою.

Психологіи отдѣлъ вторый—общій.

ГЛАВА VIII.

О ПРИРОДѢ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ И ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ ТѢЛУ.

§ 83. Душа, какъ начало жизненныхъ и психическихъ явленій.

Извѣстно, что душевная жизнь обнаруживается въ тѣлесномъ организмѣ, который, поэтому, не можетъ быть лишь внѣшнею, чуждою средою для душевной жизни. Изученіе жизненныхъ отправленій организма убѣждаетъ насъ въ томъ, что начало душевной жизни есть и начало жизни тѣла. Уже общій здравый смыслъ постигъ ту истину, что тѣло оживляется душею (одушевляется). Такъ, прежде всего, душею управляется первоначальное образованіе и развитіе изъ зародыша не только человѣческаго, но и вообще всякаго живаго организма. Организмъ образуется изъ одной зародышевой клѣточки посредствомъ ея дѣленія и образованія изъ нея новыхъ органическихъ элементовъ. Это первоначальное образованіе организма происходитъ съ такою правильностію, что положительно не можетъ быть объяснено безъ признанія въ основѣ образовательнаго процесса такой дѣятельности, которая совершается по строго опредѣленному плану. Всѣ отдѣльныя части образующагося организма располагаются въ такой связи между собою, которая принадлежитъ имъ по мѣсту, занимаемому въ *цѣломъ* организмѣ; слѣдовательно, при образованіи организма, *цѣлое* (идея организма) уже предшествуетъ образованію отдѣльныхъ частей, присутствуя въ зародышевой клѣточкѣ *идеально*, въ возможности, *реально* же осуществляясь въ опредѣленномъ сочетаніи вновь созидаемыхъ клѣточекъ въ цѣломъ организмѣ. Такую цѣлесообразную дѣятельность, обнаруживающуюся при образованіи организма изъ зародыша можно объяснить только дѣятельностію души, управляющей всѣми процессами, совершающимися при образованіи организма. Нельзя думать, чтобы зародышъ развивался въ орга-

низмъ вслѣдствіе какихъ либо внѣшнихъ возбужденій: уже въ утробѣ матери зародышъ совершаетъ „произвольныя“ движенія прежде, чѣмъ коснется его какой бы то ни было предметъ,—совершаетъ движенія единственно по *внутреннему побужденію*. Слѣдовательно, въ зародышѣ существуетъ сила, которая въ себѣ самой заключаетъ побужденіе къ дѣятельности, которая. поэтому, и дѣйствовать можетъ *сама собою*. Къ тому же при самыхъ разнообразныхъ, постоянно измѣняющихся и даже совершенно новыхъ, внѣшнихъ условіяхъ, жизненное развитіе сохраняетъ характеръ, свойственный *идеѣ* организма; внѣшнія же условія могутъ иногда только мѣшать органическому развитію и, при случаѣ, даже совершенно прекратить его (убить организмъ), но никогда не могутъ измѣнять, предопредѣленный идеею, ходъ развитія организма. Зиждительная дѣятельность души при образованіи организма обнаружится еще яснѣе, когда мы примемъ во вниманіе то, что зародыши всѣхъ млекопитающихъ животныхъ имѣютъ совершенно однообразное строеніе и въ первыя недѣли развиваются одинаковымъ образомъ, а между тѣмъ, при совершенно однообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ, зародышъ въ своемъ развитіи принимаетъ такія формы, которыя воспроизводятъ въ себѣ неизмѣнно лишь идею опредѣленной породы, къ которой принадлежитъ живое существо. Этого мало: въ организмахъ образуются даже такіе органы, для которыхъ, въ періодъ ихъ образованія, внѣшнія условія не представляютъ ничего соотвѣтствующаго. Такъ, напр. органъ зрѣнія образуется тогда, когда развивающійся зародышъ еще не видитъ свѣта. Само собою разумѣется, что если зародышъ при различныхъ условіяхъ развивается одинаковымъ образомъ, а при одинаковыхъ условіяхъ, сходные по строенію зародыши принимаютъ въ своемъ развитіи различныя формы, то развитіе организма управляется *самобытною силою*, которая хотя развивается и при содѣйствіи внѣшнихъ условій, но всегда своимъ собственнымъ способомъ и по своимъ особымъ законамъ. Такая сила жизни и есть *душа*, *) которая безсознательно и непроизвольно создаетъ живой организмъ, управляя физико-

---

*) Жизненную силу отождествляютъ съ душею многіе психологи и психофизіологи, признавая душу началомъ не только психическихъ, но и жизненныхъ явленій въ тѣлесномъ организмѣ. „Мы всю *морфологическую* дѣятельвость которую физіологи приписываютъ жизненной силѣ или общимъ силамъ неорганической природы, говоритъ Ульрици, должны приписать психической силѣ“... (*Ульрици*, тѣло и душа, с. 143 и слѣд. до с. 146). „При всѣхъ нашихъ антителеологическихъ наклонностяхъ, говоритъ Вундтъ, мы не можемъ отрицать факта цѣлесообразности жизненныхъ явленій, а понять его мы можемъ только въ томъ случаѣ, если предположимъ, что психическое развитіе создало тѣло (*Вундтъ*, основанія физіологич. психологіи, перев. Кандинскаго, вып. 2, стр. 1013).

химическими силами и направляя ихъ къ согласному, совокупному образу дѣйствія. При образованіи организма душа осуществляетъ въ формахъ пространства и времени то, что первоначально существовало въ ней лишь въ возможности. Вполнѣ образовавшееся органическое тѣло есть, слѣдовательно, ничто иное, какъ продуктъ и видимое выраженіе душевныхъ особенностей и, при томъ, всегда соотвѣтствующее природнымъ влеченіямъ живаго существа. Душа, единая по своей природѣ, является разчлененною въ различныхъ системахъ организма, имѣя въ каждой части его соотвѣтствующій органъ своей дѣятельности и управляя въ теченіе всей жизни организма всѣми его отправленіями. И не нѣкоторыя только, но всѣ части тѣлеснаго организма оживляются душею, которая проникаетъ ихъ до самыхъ простѣйшихъ элементовъ и возводитъ къ такому гармоническому единству, какое свойственно лишь тѣламъ живыхъ существъ природы.

Какъ начало, созидающее тѣлесный организмъ и оживляющее его, душа дѣйствуетъ безсознательно и непроизвольно, по предустановленнымъ для нея законамъ. Но на дальнѣйшей ступени развитія душа начинаетъ, съ большею или меньшею ясностію, сознавать разнообразныя состоянія, переживаемыя тѣлеснымъ организмомъ и, вступая въ разнообразныя соотношенія съ внѣшнимъ міромъ, приходитъ къ сознанію происходящихъ въ немъ явленій; въ тоже время душа мало по малу достигаетъ возможности сознательно и по своей волѣ дѣйствовать на свое тѣло, а при посредствѣ его—на внѣшній міръ. Съ перваго возникновенія сознательности душа начинаетъ обнаруживаться уже какъ *начало явленій психическихъ*.

§ 84. Душа во взаимодѣйствіи съ тѣломъ.

Послѣ того, какъ выяснено, что душа есть начало жизненныхъ и психическихъ явленій въ природѣ человѣка, можно уже опредѣлить и то: какое отношеніе существуетъ между душею и тѣлеснымъ организмомъ.

Много было попытокъ объяснить взаимодѣйствіе между душею и тѣломъ; но изъ нихъ какъ въ наукѣ, такъ и въ обыденной жизни, наибольшею извѣстностью пользовались объясненія, принадлежащія крайнему дуализму (Декарта и Лейбница). Духъ и тѣло, по этой теоріи, находятся въ такой рѣзкой противоположности, что взаимодѣйствіе между ними признается совершенно невозможнымъ. Ибо совершенно нельзя понять: какимъ образомъ протяженное (тѣло) можетъ приходить въ соприкосновеніе съ непротяженнымъ (духомъ), чтобы на него дѣйствовать, и обратно. Поэтому какъ душа, такъ и тѣло дѣйствуютъ сами по себѣ и фактическое взаимодѣйствіе ихъ можетъ быть объяснено только при помощи

внѣшней, высшей ихъ силы—Божества.—Но этотъ односторонній дуализмъ, очевидно, несостоятеленъ, потому что онъ совершенно уничтожаетъ единство личности, сознаваемое каждымъ изъ насъ и для фактическаго согласія душевной и тѣлесной дѣятельности предлагаетъ совершенно неестественное объясненіе.

а) По свидѣтельству самосознанія человѣкъ есть единое существо. Подъ нашимъ Я, какъ субъектомъ всей дѣятельности, разумѣемъ мы не тѣло, и не душу саму по себѣ, но *всего человѣка*. И если при помощи размышленія (рефлексіи) мы приходимъ къ тому убѣжденію, что *начало,* которымъ производится наша дѣятельность, есть нематеріальная душа, то какъ прежде, такъ и послѣ, мы остаемся при томъ сознаніи, что *субъектъ* нашей дѣятельности не есть ни душа, ни тѣло сами по себѣ, но *единая человѣческая личность.*

б) Нѣкоторыя, происходящія въ насъ, явленія не могутъ быть приписаны ни душѣ, ни тѣлу, взятымъ самимъ по себѣ. Это, такъ называемыя, operationes conjunctae, т. е. состоянія, которыя сами по себѣ имѣютъ хотя психическую природу, однако происходятъ въ соединеніи съ тѣлесными органами (напр. ощущенія, воззрѣнія). Эти послѣднія состоянія имѣютъ своимъ субъектомъ Я, которое должно быть, такимъ образомъ, единствомъ тѣла и души. Слѣдовательно, духъ и тѣло хотя существенно различны, но не противоположны до взаимнаго исключенія другъ друга. Напротивъ, находясь между собою въ существенномъ единствѣ, они образуютъ *одну человѣческую личность.*

Образуя существенное единство въ человѣческой личности, душа и тѣло, вслѣдствіе такого единства, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою. Фактическое взаимодѣйствіе между душею и тѣломъ совершается при помощи нервной системы. Какъ впечатлѣнія, получаемыя тѣломъ изъ внѣшняго міра и дѣйствующія на душу, такъ сознательное и безсознательное вліяніе души на организмъ, происходятъ не иначе, какъ при посредствѣ нервной системы. Взаимодѣйствіе между душею и тѣломъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) такъ какъ физико-химическія силы тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ организмъ, сохраняютъ въ послѣднемъ относительную самостоятельность, то, вслѣдствіе своей самостоятельности, онѣ необходимо должны оказывать большее или меньшее вліяніе на душу. Тѣло представляетъ организмъ, хотя и оживляемый душою, однако подчиняющійся своимъ собственнымъ законамъ, которымъ подчиняется и душа, управляющая растительными процессами организма безсознательно и непроизвольно. Отсюда объясняется и то, что все, дѣйствующее на тѣло споспѣшествующимъ образомъ, производитъ благодѣтельное вліяніе и на душу; болѣзнь же тѣла ослабляетъ и дѣятельность души. Разнообраз-

ныя душевныя настроенія: свѣтлое и веселое, или мрачное и унылое— весьма много зависятъ отъ здороваго или болѣзненнаго состоянія тѣлеснаго организма. Такимъ образомъ, тѣло съ происходящими въ немъ процессами можетъ оказывать большій или меньшій гнетъ на душевную жизнедѣятельность, при чемъ вліяніе тѣла на душу многоразлично видоизмѣняется прирожденными или пріобрѣтенными особенностями тѣлесной организаціи. Наконецъ, тѣло можетъ находиться въ противоборствѣ съ душею и, при крайнемъ преобладаніи, даже подчинять себѣ душу.

2) Однако, не смотря на большую или меньшую зависимость отъ тѣла, душа не только сохраняетъ по отношенію къ послѣднему свою самостоятельность, но и оказываетъ постоянное вліяніе на тѣло. Тѣло, оживляемое душею, отражаетъ въ себѣ, въ большей или меньшей степени, и всѣ состоянія, происходящія собственно въ душѣ. Извѣстно, напр., что чувство отвращенія нерѣдко производитъ тошноту и даже рвоту; чувство ожиданія ускоряетъ сердцебіеніе; испугъ производитъ на лицѣ блѣдность, стыдъ—краску и т. п. Душа не только сохраняетъ тѣло, но и сообщаетъ ему опредѣленную форму, такъ какъ душевная индивидуальность отражается во всей тѣлесной фигурѣ человѣка. Въ особенности, вслѣдствіе постояннаго выраженія душевныхъ состояній въ блескѣ глазъ и многоразличныхъ измѣненіяхъ лица, мало по малу, формируется опредѣленная физіономія человѣка. Правда, духъ человѣческій не можетъ создать въ своемъ тѣлѣ такихъ новыхъ свойствъ и отправленій, которыя не обусловливались бы анатомическимъ строеніемъ организма; но онъ можетъ видоизмѣнять отправленія организма, усиливать или ослаблять ихъ и сообщать имъ извѣстное направленіе, указываемое влеченіями, присущими его природѣ. Сосредоточивая вниманіе на свободно избранномъ предметѣ, мы чрезъ то совершенно заграждаемъ доступъ въ сознаніе какъ для внѣшнихъ впечатлѣній, такъ и для перемѣнъ, происходящихъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, свободно направляя наше *вниманіе*, мы можемъ ослаблять силу различныхъ ощущеній, не замѣчая ихъ, или замѣчая съ такой точки зрѣнія, которая придаетъ иное значеніе, ослабляющее ихъ силу. Такое значеніе имѣетъ вниманіе при перенесеніи различныхъ болѣзней, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Въ особенности могущественное, благодѣтельное или вредное, вліяніе на ходъ тѣлесной жизни оказываетъ *фантазія*. Всѣмъ извѣстно, что одна вѣра въ какое нибудь медицинское средство производитъ дѣйствительное излеченіе болѣзни, хотя бы данное средство не имѣло никакого отношенія къ болѣзни. И наоборотъ: ложное убѣжденіе во вредѣ какого нибудь средства вызываетъ нерѣдко дѣйствительно болѣзненные симптомы. Одною изъ важныхъ причинъ за-

болѣванія во время эпидемій служитъ опасеніе и излишняя мнительность, тогда какъ бодрость духа служитъ, во многихъ случаяхъ, самымъ надежнымъ предохраненіемъ отъ болѣзни. Наконецъ, извѣстны такіе случаи, когда сильное душевное возбужденіе служило причиною появленія различныхъ наружныхъ болѣзненныхъ явленій въ тѣлѣ человѣка. Такимъ образомъ, душа, оживляя и сохраняя тѣло, можетъ регулировать тѣлесные процессы, управлять ими, давать имъ иное направленіе и даже вызывать, намѣренно или ненамѣренно, въ тѣлѣ новыя явленія.

Итакъ, душа какъ начало жизненныхъ и психическихъ явленій въ природѣ человѣка, находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ тѣломъ. Въ этомъ взаимодѣйствіи, не смотря на существенное единство съ тѣломъ, душа, какъ сила, созидающая организмъ, сохраняющая его и управляющая всѣми его процессами, обнаруживаетъ природу, управляющуюся *своими собственными законами,* отличными отъ законовъ физико-химическихъ силъ матеріальнаго міра. Слѣдовательно, душѣ, какъ началу, имѣющему природу *нематеріальную*, должна быть приписана, по отношенію къ тѣлу, *полная самобытность;* тѣлу же, по отношенію къ душѣ, должна быть приписана самобытность лишь *относительная.*

§ 85. Душа во взаимодѣйствіи съ нервной системой.

Душа, находящаяся при посредствѣ нервной системы во взаимодѣйствіи съ своимъ тѣломъ, при посредствѣ *центральныхъ частей* нервной системы доходитъ *до сознанія* своей жизнедѣятельности. Органомъ сознательной душевной жизни служитъ исключительно большой мозгъ. Такъ какъ центральныя части нервной системы состоятъ изъ *отдѣльныхъ органовъ*, при посредствѣ которыхъ выполняются различные виды душевной дѣятельности, то въ мозгу не можетъ быть какого нибудь одного пункта (sensorium commune), въ которомъ бы душа имѣла исключительно свое мѣстопребываніе. Какъ анатомическія и физіологическія изслѣдованія не указываютъ въ мозгу такого пункта, такъ и психологія не можетъ признать состоятельнымъ этого взгляда на мѣстопребываніе души, потому что признавая душу пространственною величиною, хотя и самою малою, мы тѣмъ самымъ приписали бы душѣ такія свойства, какія могутъ принадлежать только бытію матеріальному. Душа, какъ сила, созидающая организмъ и сохраняющая его, присутствуетъ во всемъ тѣлѣ, имѣя въ каждой части его особый органъ своей жизнедѣятельности. Но отсюда нельзя дѣлать того заключенія, что внутреннее существо души ограничено пространствомъ; присутствуя во всемъ тѣлѣ, душа не является вмѣстѣ съ нимъ величиною пространственною: она

дѣйствуетъ въ пространствѣ, но сама не объемлется имъ. Поэтому нельзя понимать душу какъ жидкость, подобную эфирной или электромагнитной; она есть простая сущность, которая только вслѣдствіе своей ограниченности дѣйствуетъ въ тѣлѣ, не связываясь исключительно ни съ однимъ его пунктомъ. „Тѣло можетъ быть дѣлимо, но силъ души нельзя дѣлить, отсѣкать. Представимъ себѣ освѣщенную комнату, и въ ней одно средоточіе свѣта — свѣчу, напримѣръ: свѣтъ, изливающійся отъ одного средоточія, свѣтитъ и за десять шаговъ отъ свѣчи, и у самой свѣчи, и какъ скоро поставятъ какую либо преграду, то чрезъ это нельзя отдѣлить или отсѣчь лучей, простирающихся въ ту сторону, — они тотчасъ у своего средоточія. Такъ и душа распространена по всему тѣлу, но чрезъ отсѣченіе какихъ либо частей тѣла нельзя отсѣчь силъ души: онѣ всегда у своего центра (Голубинскій)“. Такимъ образомъ, большой мозгъ служитъ только органомъ высшихъ формъ душевной жизни; но онъ не можетъ считаться въ какомъ нибудь одномъ изъ своихъ пунктовъ исключительнымъ мѣстопребываніемъ души.

Если большой мозгъ есть исключительно органъ высшихъ формъ сознательной душевной жизни, то ясно, что необходимымъ условіемъ для нормальнаго обнаруженія душевной жизни служитъ нормальность головнаго мозга какъ по анатомическому строенію, такъ и по физіологическимъ отправленіямъ. Отсюда всѣ вліянія, болѣзненно дѣйствующія на головной мозгъ, какъ-то: сильныя потрясенія мозга (отъ удара, паденія, давленія, равно какъ отъ сильныхъ страстей), значительныя поврежденія мозга, недостатокъ и избытокъ крови въ мозгу, равно какъ смѣшеніе крови съ наркотическими веществами (напр. опіумомъ, алкоголемъ), вдыханіе хлороформа и т. п., сопровождаются полною или неполною, продолжительною или кратковременною безсознательностію.

§ 86. Критическій разборъ матеріалистическаго ученія о началѣ душевной жизни.

Если обнаруженіе сознательной душевной жизни не возможно безъ головнаго мозга, то не можетъ ли душевная жизнь быть признана лишь отправленіемъ мозга? Въ послѣднее время многіе ученые (Бюхнеръ, Молешотъ, К. Фохтъ, Кцольбе и др.), пытаясь объяснить духовную жизнь изъ однихъ матеріальныхъ процессовъ, происходящихъ въ нервной системѣ и, преимущественно, въ головномъ мозгу, дѣйствительно, высказывали то мнѣніе, что никакого самостоятельнаго духовнаго начала въ природѣ человѣческой нѣтъ: матерія, только различнымъ образомъ видоизмѣненная, составляетъ сущность всѣхъ явленій, происходящихъ въ человѣческой при-

родѣ. Какъ на доказательство своего мнѣнія, матеріалисты указываютъ, прежде всего и главнымъ образомъ, на полнѣйшую, будто бы, зависимость душевной жизни отъ мозга. „Каждый естествоиспытатель, говоритъ К. Фохтъ, при правильномъ мышленіи необходимо приходитъ къ убѣжденію, что всѣ душевныя явленія суть только отправленія мозговаго вещества, или, выражаясь грубѣе: мысли находятся почти въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ, напр. желчь къ печени". Но уже Бюхнеръ, другъ и сотоварищъ Фохта, назвалъ его вышеприведенное сравненіе дурно выбраннымъ, потому что „при самомъ точномъ наблюденіи, говоритъ Бюхнеръ, мы не въ состояніи отыскать ничего сходнаго между отдѣленіемъ желчи и тѣмъ процессомъ, вслѣдствіе котораго возникаетъ въ мозгу мысль". И дѣйствительно, не трудно убѣдиться, что всѣ, указываемые матеріалистами, факты, говоря о тѣсной связи душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — даже о зависимости первыхъ явленій отъ послѣднихъ, не представляютъ рѣшительно никакихъ основаній для признанія истиннымъ того матеріалистическаго мнѣнія, по которому сущностью душевной жизни считается матерія. Изъ критическаго обозрѣнія доказательствъ матеріализма для каждаго должно необходимо открыться, во 1-хъ, то, что значеніе фактовъ, на которые ссылаются представители матеріализма, подрывается массою противоположныхъ фактовъ и—во 2-хъ, что доказательства и заключенія матеріализма, въ большей части случаевъ, выводятся изъ совершенно ложныхъ основаній. Такъ, въ подтвержденіе своей теоріи матеріалисты указываютъ, прежде всего, на зависимость умственныхъ дарованій не только человѣка, но и животныхъ, отъ величины мозга, при чемъ съ увеличеніемъ массы мозга должна увеличиваться и разумность. Но такое мнѣніе далеко не подтверждается фактами, прежде всего, изъ животнаго царства: собака, напр. несравненно умнѣе барана и быка, однако имѣетъ не больше мозга, чѣмъ баранъ и гораздо менѣе, чѣмъ быкъ; мозгъ кита или слона въ нѣсколько разъ больше мозга человѣка *), который, однако—же, безконечно превосходитъ ихъ по своимъ умственнымъ способностямъ. Противорѣчатъ матеріалистической теоріи и факты изъ душевной жизни человѣчества. Правда, многіе изъ геніальныхъ людей имѣли и необыкновенно большую массу мозга (напр. Кювье, Паскаль, Байронъ), но многіе изъ нихъ имѣли головы и не особенно большія (напр. Рафаель, Наполеонъ, Вольтеръ). Знаменитый геттингенскій анатомъ Вагнеръ представилъ списокъ мозговъ, принадлежавшихъ различнымъ лицамъ, каковымъ спискомъ доказалъ, что высокая степень умственныхъ дарованій

*) Абсолютный средній вѣсъ *окончательно развитаго* человѣческаго мозга вѣситъ круглымъ числомъ 1400 граммовъ, тогда какъ мозгъ одного *молодаго* слона вѣсилъ 3080 граммовъ. (Топинаръ, антропологія, перев. Мечникова. СПБ. 1879 г. стр. 113).

далеко не всегда находится въ зависимости отъ количества мозга. Да и изъ обыденнаго наблюденія каждому должно быть извѣстно, что у многихъ людей, иногда даже образованныхъ, умственныя способности часто бываютъ слишкомъ малы въ сравненіи съ ихъ громадною головою, и наоборотъ: человѣкъ иногда обнаруживаетъ высокія умственныя дарованія при сравнительно небольшой головѣ (Карпентеръ, основанія физіологіи ума, т. I, ст. 85). Французскій ученый Грасьеле говоритъ, что маленькая голова, мозгъ которой еще увеличивается, находится въ лучшихъ условіяхъ для развитія ума, чѣмъ голова большихъ размѣровъ, развитіе которой остановилось. Отсюда нельзя не признать несостоятельнымъ и того мнѣнія, по которому неразвитость дикихъ народовъ объяснялась изъ сравнительно малаго объема черепа и незначительной массы мозга; справедливость требуетъ признать такою причиною, задерживавшею развитіе дикихъ народовъ, совершенно внѣшнія обстоятельства и условія, такъ какъ съ перемѣною послѣднихъ многіе изъ дикихъ народовъ обнаружили уже замѣчательную способность къ цивилизаціи. Всѣ эти факты и соображенія показываютъ: насколько несостоятельна попытка матеріализма признать причиною высокихъ умственныхъ дарованій величину мозговой массы. Вотъ почему сами матеріалисты при объясненіи совершенствъ умственныхъ способностей поставляютъ въ необходимость принимать въ разсчетъ величину мозга не абсолютную, а относительную, т. е. совѣтуютъ соизмѣрять величину мозга съ величиной всего тѣла. Но и это мнѣніе, хотя болѣе согласуется съ фактами, чѣмъ первое, тѣмъ не менѣе въ весьма многихъ случаяхъ не подтверждается опытомъ: мышь, напр. имѣетъ, относительно къ вѣсу своего тѣла, больше мозга, нежели человѣкъ, въ 13 разъ больше, чѣмъ лошадь и въ 11 разъ больше, чѣмъ слонъ *). Кромѣ того, извѣстно, что относительная величина мозга нѣкоторыхъ птицъ больше, чѣмъ величина мозга человѣка, напр. у синицы, чижа, воробья, канарейки,—но никто не скажетъ, чтобы упомянутыя птицы были умнѣе человѣка. Доказано также, что относительная величина мозга у всѣхъ вообще молодыхъ животныхъ больше, чѣмъ у животныхъ старыхъ, однако молодыя животныя по своимъ умственнымъ способностямъ должны быть поставлены несравненно ниже старыхъ.

Сами матеріалисты признаютъ силу указанныхъ исключеній и потому, для объясненія ихъ, къ величинѣ присоединяютъ еще форму мозга, поставляя совершенство умственныхъ дарованій въ прямое отношеніе къ количеству, глубинѣ и разнообразію извилинъ и углубленій на поверхности мозга. Но и этотъ матеріалистическій взглядъ далеко не всег-

*) Топинаръ, антропологія, стр. 115.

да оправдывается опытомъ. Такъ, у овцы, одного изъ глупѣйшихъ животныхъ, мозговыхъ извилинъ гораздо больше, чѣмъ у собаки; мозгъ дельфина по количеству извилинъ превосходитъ мозгъ геніальнѣйшаго изъ людей и, напротивъ, у смышленаго бобра совсѣмъ нѣтъ извилинъ, тогда какъ у поросенка есть ихъ довольно и очень глубокихъ. По свидѣтельству Топинара извилинъ не существуетъ у рыбъ, пресмыкающихся и у птицъ; ихъ нѣтъ также у значительнаго числа млекопитающихъ (антропологія, стр. 106). Что касается людей, то „до извѣстной степени можетъ быть справедливо, говоритъ Гиртль въ своей анатоміи, что у даровитыхъ людей находятъ неправильныя и многочисленныя извилины, а также и большую глубину промежуточныхъ бороздокъ; однако и я, и многіе другіе, находили эти признаки также при высшей степени идіотизма". Нашъ русскій профессоръ Зерновъ нашелъ, что мозгъ ребенка сравнительно богаче извилинами, чѣмъ мозгъ взрослаго человѣка *). Эти и многіе другіе факты являются совершенно необъяснимыми для матеріалистовъ, поставляющихъ богатство умственныхъ дарованій въ зависимость отъ извилинъ на мозговой массѣ. Вотъ почему многіе матеріалисты пытались было объяснить духовныя дарованія человѣка и животныхъ изъ химическаго состава мозга, именно изъ фосфора: безъ фосфора, по Молешотту, нѣтъ мысли. По мнѣнію одного химика (Куэбра) „отсутствіе въ мозговыхъ полушаріяхъ фосфора доводитъ человѣка до состоянія отупѣнія,—избытокъ его раздражаетъ нервную систему и причиняетъ то ужасное изступленіе, которое мы называемъ сумасшествіемъ и, наконецъ, только среднее количество фосфора устанавляетъ равновѣсіе и производитъ ту дивную гармонію, которая есть ничто иное, какъ душа спиритуалистовъ". Хотя фактъ этой зависимости и не можетъ быть отвергаемъ безусловно, однако нельзя дѣлать изъ него и тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ матеріализмъ. Если и вѣрно, что изъ всѣхъ частей тѣла наиболѣе содержитъ въ себѣ фосфора мозгъ, то изъ этого однако же вовсе не слѣдуетъ, чтобы фосфоръ самъ изъ себя производилъ мысли. Чтобъ доказать это положеніе, матеріализмъ долженъ бы былъ предварительно показать: какъ именно изъ фосфора выдѣляются мысли; но показать это никогда не удастся. Такимъ образомъ, матеріалистическое мнѣніе о возникновеніи изъ фосфора мысли является бездоказательнымъ предположеніемъ. Противъ этого матеріалистическаго предположенія можетъ служить возраженіемъ еще и то, что много фосфора содержитъ въ себѣ мозгъ нѣкоторыхъ животныхъ, которыя не считаются однако же слишкомъ умными (наприм. рыбъ). Кромѣ того, при анатомированіи мозговъ сумасшедшихъ не нашли въ нихъ больше фосфора,

*) Примѣч. редакціи къ антропологіи Топинара, с. 97.

чѣмъ сколько бываетъ вообще въ мозгахъ здоровыхъ людей, чего не могло бы быть, если бы причиною сумасшествія признать, вмѣстѣ съ матеріалистами, преобладаніе въ мозгу фосфора.

Чтобы доказать происхожденіе психической жизни изъ физіологическихъ процессовъ организма, представители матеріализма указываютъ на то значеніе, какое имѣетъ питаніе тѣла для нашей психической жизни: безъ обновленія крови чрезъ введеніе въ организмъ пищевыхъ веществъ не было-бы, говорятъ, психической жизни. Дѣйствительно, питаніе намъ необходимо, во 1-хъ для пріобрѣтенія животной теплоты и въ 2-хъ для возобновленія потраченныхъ веществъ въ тѣлесномъ организмѣ. Слѣдовательно, пища необходима, главнымъ образомъ, для цѣлей тѣлесной жизни. Но, въ силу тѣсной связи души съ тѣломъ, не можетъ быть вполнѣ безразличнымъ питаніе и для жизни душевной; истощенное, напр. голодомъ тѣло дѣлаетъ, обыкновенно, и самый духъ слабымъ и недѣятельнымъ. Однако, для уясненія истины, необходимо при этомъ обратить вниманіе и на такіе факты, когда пища почти не оказывала никакого вліянія на духъ. Такъ, христіанскіе подвижники подвергали свое тѣло неимовѣрному истощенію и однакожь были способны къ самой высокой духовной дѣятельности; великіе ученые проводили строго воздержную жизнь, состоявшую въ обузданіи чувственности; напр. Ньютонъ, когда писалъ свою *Оптику,* не употреблялъ ничего, кромѣ хлѣба и вина, разведеннаго водою; точно также и Кеплеръ написалъ чудные законы неба въ уединеніи и постѣ. Такимъ образомъ, для человѣческаго духа пища имѣетъ косвенное и, при томъ, далеко не существенное значеніе. Отсюда оказывается несостоятельность того мнѣнія нѣкоторыхъ физіологовъ, по которому духовныя способности человѣка поставляются въ исключительную зависимость отъ пищи. Въ особенности нельзя не признать грубымъ заблужденіемъ того мнѣнія Молешотта, что мясная пища есть причина тѣлесной силы и всѣхъ великихъ духовныхъ талантовъ, а пища растительная—причина тупоумія, духовной и физической слабости. Такое мнѣніе лишено всякой основательности. Если мы обратимъ вниманіе на животное царство вообще, то найдемъ, что, напр. у быка нѣтъ недостатка ни въ тѣлесной силѣ, ни въ храбрости, ни даже въ задорѣ, хотя онъ ѣстъ ту же самую траву, которую ѣдятъ самыя смирныя коровы; громадная сила медвѣдей и слоновъ поддерживается, по большой части, растительною пищею; кровожадная же гіэна не обнаруживаетъ, напротивъ, ни большой силы, ни мужества. Точно также не зависитъ отъ рода пищи смышленость и умъ животныхъ: если изъ травоядныхъ животныхъ указываютъ на глупую овцу, то можно съ полнымъ правомъ противопоставить ей умную и смышленую лошадь. Слѣдовательно, причина тѣлесной силы

и смышленности въ животномъ царствѣ заключается не въ пищѣ, а въ наслѣдственныхъ особенностяхъ извѣстной животной породы. Тоже самое нужно сказать и о человѣкѣ. Обильная пища вообще, а мясная въ особенности, безъ соотвѣтствующихъ тѣлесныхъ упражненій, не только не увеличиваетъ тѣлесной силы, но производитъ излишнее обремененіе и различныя болѣзни. Правда, избытокъ мясной пищи развиваетъ дородность и полноту тѣла, но не прочность здоровья, такъ какъ привычка къ обильному питанію уменьшаетъ способность переносить его недостатокъ. И если физическія работы безъ достаточнаго питанія приводятъ къ преждевременной дряхлости, то причина ослабленія организма здѣсь заключается въ недостаткѣ питанія, а не въ перевѣсѣ растительной пищи надъ животною. Когда же рѣшаются, подобно Молешотту, выводить изъ мясной пищи все разнообразіе духовныхъ дарованій природы человѣка, то совершенно удаляются съ почвы твердаго опыта. „Холодные чердаки, говоритъ Лотце, куда часто совсѣмъ не проникало другой пищи, кромѣ чернаго хлѣба, видали въ стѣнахъ своихъ рожденіе такихъ безсмертныхъ идей, какихъ не представляютъ намъ роскошные дворцы богачей, питающихся постоянно въ излишествѣ мясною пищею. Да и всѣ прошлыя поколѣнія ничего не знали о значеніи фосфора для организма, а между тѣмъ передали настоящему поколѣнію такое богатство знаній, превзойти которое не всегда удается современнымъ представителямъ мысли“. Такимъ образомъ богатство психической жизни находится въ прямой зависимости отъ наслѣдственно передаваемыхъ дарованій организаціи человѣка, а не отъ такого или иного питанія нашего тѣла: геній и при самой скудной пищѣ не потеряетъ своей геніальности, а человѣкъ глупый не поумнѣетъ, если только не поглупѣетъ еще болѣе, отъ самой питательной мясной пищи.

Въ послѣднее время для весьма многихъ матеріалистовъ побужденіемъ къ отрицанію самобытности духовнаго начала въ природѣ человѣка служитъ сходство человѣческаго мозга съ мозгомъ обезьяны. Но не трудно понять, что если бы было доказано полное тождество человѣческаго мозга съ мозгомъ обезьяны (чего однако же на самомъ дѣлѣ еще нѣтъ, да и быть не можетъ), то это было бы лишь самымъ неопровержимымъ доказательствомъ самобытности духовнаго начала человѣческой природы, потому что неизмѣримая разница между душевною жизнью человѣка и обезьяны свидѣтельствовала бы о самобытной организаціи духовной природы человѣка; мозгъ же являлся бы въ такомъ случаѣ тѣмъ, что онъ и есть въ сущности, т. е. орудіемъ или органомъ души. „Развѣ сходство и тождество двухъ инструментовъ, говоритъ одинъ ученый, убѣждаетъ насъ, что и артисты, на нихъ играющіе, должны быть похожи другъ на друга? Нѣтъ, нисколько. Артисты, имѣя разныя спо-

собности, совершенно разнятся въ игрѣ своей на одномъ и томъ же инструментѣ. Отчего же совершенно разныя психическія способности человѣка и обезьяны не могутъ произвести совершенно различныхъ психическихъ явленій при совершенномъ сходствѣ мозговъ?" Такимъ образомъ, и это основаніе, приводимое матеріализмомъ въ пользу своей теоріи, нужно признать несостоятельнымъ.

Наконецъ, нѣкоторые представители матеріализма пытаются доказать тождество душевныхъ и матеріальныхъ явленій, выходя изъ *закона сохраненія вещества и силы*. Въ настоящее время въ естествознаніи признается несомнѣнною истиною то, что никакое вещество не творится вновь и не исчезаетъ въ ничто, а только переходитъ изъ одной формы въ другую (движеніе переходитъ въ явленія механическія, тепловыя, свѣтовыя, электрическія, магнитныя, химическія), при чемъ сколько тратится вещества въ одной формѣ, столько же получается его въ другой формѣ. Изъ веществъ, соединенныхъ по извѣстнымъ химическимъ законамъ, состоятъ и всѣ живые организмы, при чемъ вмѣстѣ съ воздухомъ, пищею и т. п., вносится въ организмъ и извѣстная сумма силъ въ различныхъ состояніяхъ. Эти силы, также какъ и матерія, не творятся вновь и не переходятъ въ ничто, но, будучи, такъ сказать, скрыты въ нашей пищѣ, онѣ оказываются вполнѣ равными суммѣ *живыхъ* силъ, развиваемыхъ организмомъ во время какой нибудь работы въ видѣ тепла, электричества и т. п. Изъ матеріи же, по ученію матеріалистовъ, развивается въ организмѣ и та живая сила, которая извѣстна подъ именемъ душевной, психической. Эта мысль, повидимому, доказывается тѣмъ, что въ организмахъ происходитъ трата нервнаго вещества, всегда пропорціональная большей или меньшей напряженности душевной дѣятельности. — Таковы основанія, на которыхъ думаютъ представители матеріализма утвердить свое ученіе о тождествѣ душевныхъ и матеріальныхъ явленій. При безпристрастномъ изслѣдованіи эти основанія оказываются однако же недостаточными, прежде всего, потому, что на душевныя явленія не можетъ быть распространенъ законъ сохраненія силы. Въ самомъ дѣлѣ, на опредѣленное количество душевныхъ явленій должно бы тратиться такое же количество явленій химическихъ въ нервномъ веществѣ. Между тѣмъ извѣстно, что химическіе процессы нервнаго вещества, по закону сохраненія, переходятъ въ явленія тепловыя и электрическія, при чемъ сумма послѣднихъ явленій всегда равна суммѣ первыхъ; на произведеніе же душевныхъ явленій изъ химическихъ процессовъ не остается ровно ничего. Такимъ образомъ, душевныя явленія возникаютъ всегда въ связи и параллельно съ явленіями матеріальными, происходящими въ нервной системѣ, но не изъ этихъ послѣднихъ. Затѣмъ, нужно обратить вниманіе на то, что законъ сохра-

ненія силы обнаруживается всегда въ неразрывномъ единствѣ съ веществомъ и сводится въ концѣ концовъ къ обнаруженію силы въ веществѣ. Поэтому и душевныя явленія, если бы они обнимались закономъ сохраненія силы, должны бы были воплощаться въ какой нибудь массѣ вещества. Но, не говоря о невозможности отождествленія душевныхъ явленій съ матеріальными, достаточно ограничиться лишь тѣмъ замѣчаніемъ, что различныя массы вещества, вступая въ организмъ, вносятъ съ собою не душевныя, а обыкновенныя физико-химическія силы, которыя и разрѣшаются безъ остатка въ процессахъ, сопровождающихъ трату нервнаго вещества. Нельзя думать и того, чтобы вновь образуемыя соединенія нервной матеріи обнаруживались въ тоже время какъ душевныя явленія, такъ какъ этому будетъ противорѣчить тотъ фактъ, что во время душевной дѣятельности происходитъ не образованіе, а трата нервнаго вещества. Притомъ же, по закону сохраненія, на образованіе нервнаго вещества идутъ *всѣ* наличныя физико-химическія силы, на произведеніе же душевныхъ явленій такихъ силъ совсѣмъ не остается. Вотъ почему весьма многіе безпристрастные представители естествознанія и не думаютъ распространять на душевныя явленія законъ сохраненія вещества и силы. „Какъ физіологъ, говоритъ напр. Карпентеръ, я обязанъ признать, что физическая сила, употребляемая человѣческимъ тѣломъ, не производится de novo его волею, но что она происходитъ отъ окисленія того, что составляетъ его пищу; но я поддерживаю какъ достовѣрное (и это можетъ быть легко провѣрено каждымъ, кто захочетъ сдѣлать соотвѣтствующіе опыты), что, при совершеніи акта воли, эта физическая сила приводится въ дѣйствіе, направляется и контролируется отдѣльною личностію, нѣкіимъ «*Я*», и потому *я считаю столь же нелогичнымъ и даже абсурдомъ предполагать, что въ природѣ нѣтъ мѣста для Бога, какъ утверждать, что въ человѣкѣ нѣтъ мѣста для сознательнаго духа* *)“.

Такимъ образомъ, душа человѣческая есть начало, по своей природѣ отличное какъ вообще отъ физико-химическихъ процессовъ тѣла, такъ, въ частности, отъ процессовъ и отправленій нервной системы. Самобытность души выяснится еще болѣе, когда мы обратимъ вниманіе на основную особенность душевной природы—*сознаніе*. Результаты, которыхъ достигло научное изслѣдованіе матеріи и ея свойствъ, исключаютъ всякую возможность—приписать нервному веществу сознаніе. Сознающая матерія была бы совсѣмъ не тою матеріей, которая извѣстна физическимъ наукамъ, поэтому для изъясненія своего требовала бы признанія совершенно другаго начала—нематеріальнаго. Невозможность

*) Русская Рѣчь за 1880 г., кн. 9, стр. 244—245.

изъяснить происхожденіе сознанія изъ процессовъ, совершающихся въ мозгу, еще болѣе обнаруживается вслѣдствіе того, что всѣ матеріальные процессы могутъ имѣть лишь *объективный характеръ*. Поэтому, если бы нервное вещество и было одарено сознаніемъ, то оно могло бы сознавать лишь то, что въ немъ дѣйствительно происходитъ, — сознавать свои собственные процессы т. е. движенія или колебанія *нервныхъ частицъ*. Между тѣмъ явленія сознанія такъ рѣзко различаются отъ матеріальныхъ процессовъ, что, въ противоположность послѣднимъ, считаются, по справедливости, явленіями *субъективными*. Въ насъ происходятъ однообразныя колебанія нервныхъ частицъ, а мы сознаемъ свѣтъ и цвѣта, холодъ и тепло, радость и горе, разнообразнѣйшія мысли и желанія. Нѣтъ возможности не только отождествлять, но даже и сравнивать представленіе о ярко цвѣтущей зелени луга съ ощущеніемъ мелодіи соловьиной пѣсни, наслажденіе лучезарнымъ сіяніемъ восходящаго солнца съ какою-нибудь сложною математическою теоремою и т. п.,—но если мы сравнимъ указанныя явленія сознанія съ соотвѣтствующими имъ нервными процессами, то не только не найдемъ между ними ничего общаго, но найдемъ между этими процессами полнѣйшую противоположность. Вотъ почему представители матеріализма, признающіе сознаніе за свойство нервнаго вещества, грѣшатъ противъ основнаго закона мышленія—закона тождества, по которому А есть А, всякая вещь есть то, что она есть. Если же въ данномъ случаѣ А, т. е. нервный процессъ есть однообразное, только количественно различное, движеніе матеріи, то оно не можетъ быть въ тоже время В, т. е. качественно различнымъ содержаніемъ сознанія.

Но самымъ полнымъ образомъ духовное начало человѣческой природы обнаруживается въ процессѣ развитія человѣческаго духа.

§ 87. Процессъ развитія духовнаго начала психической жизни человѣка.

Начало душевной жизни, необъяснимое изъ матеріальныхъ процессовъ организма, должно быть признано не только нематеріальнымъ, а, какъ противоположное веществу, должно быть признано началомъ духовнымъ. Однако духовность начала психической жизни не является сразу въ готовой формѣ, а развивается постепенно, вмѣстѣ съ общимъ жизненнымъ развитіемъ человѣка; главные моменты этого развитія совпадаютъ съ моментами въ развитіи самосознанія. Во время этого развитія человѣкъ находится въ различныхъ отношеніяхъ къ своему тѣлу и внѣшнему міру, а съ другой стороны — выработываетъ различныя, болѣе или менѣе, полныя и правильныя понятія о своей природѣ. От-

сюда является необходимость опредѣлить: какіе моменты проходитъ духовное начало въ процессѣ своего развитія?

Духъ человѣческій въ раннемъ младенчествѣ человѣка нѣкоторое время бываетъ весь сосредоточенъ на познаніи внѣшняго міра, который какъ бы заслоняетъ отъ него его собственную природу, вслѣдствіе чего дитя долгое время не имѣетъ самосознанія, т. е. не считаетъ себя самостоятельнымъ существомъ, отдѣльнымъ отъ окружающихъ его предметовъ. Вотъ почему дитя долгое время называетъ себя не мѣстоимѣніемъ перваго лица, а мѣстоимѣніемъ третьяго лица, или даже тѣмъ именемъ, которымъ зовутъ его другіе. Но, мало по малу, и душа ребенка начинаетъ познавать себя, какъ отдѣльную личность. На этой первой ступени развитія самосознаніе является простымъ сознаніемъ отличій нашего тѣла отъ окружающихъ предметовъ. Благодаря различнымъ ощущеніямъ, дитя мало по малу приходитъ къ тому убѣжденію, что измѣненія въ состояніяхъ собственнаго тѣла дѣлаются извѣстны ему *непосредственно*, тогда какъ о внутреннихъ состояніяхъ внѣшнихъ вещей такое непосредственное знаніе не возможно. Затѣмъ, при помощи тѣла ребенокъ достигаетъ *непосредственнаго* господства надъ внѣшними вещами, такъ какъ оно подчинено господству его воли. Движенія тѣла слѣдуютъ непосредственно за внутренними импульсами, тогда какъ измѣненія во внѣшнихъ вещахъ совершаются лишь *посредствомъ* тѣлесныхъ членовъ, вслѣдствіе чего тѣло становится центральнымъ пунктомъ всѣхъ движеній и дѣйствій. Такимъ образомъ свое Я дитя представляетъ выражающимся въ тѣлѣ, какъ источникѣ разнообразныхъ ощущеній, чувствованій и произвольныхъ движеній. На этой ступени развитія находится самосознаніе не только дѣтей, но и многихъ изъ взрослыхъ, для которыхъ физическая сила служитъ главнымъ средствомъ къ существованію. Таковы дикари и необразованные люди, физическимъ трудомъ снискивающіе себѣ пропитаніе.

Но, при дальнѣйшемъ развитіи душевной жизни, самосознаніе на указанной ступени никогда остановиться не можетъ. Скоро человѣкъ замѣчаетъ, что природа его личности не исчерпывается однимъ тѣломъ и проявленіемъ тѣлесной силы, потому что живое въ тѣлѣ не оно само и не оно само является тою движущею силою, которая есть причина его собственныхъ измѣненій и перемѣнъ того внутренняго міра, который выражается въ представленіяхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ. На этой ступени развитія самосознанія человѣкъ живетъ, по большей части, чувственными ощущеніями, иногда очень тонкими и своеобразными, но всегда соединяющимися съ чувствомъ пріятнаго; умъ такихъ людей рѣдко возвышается надъ непроизвольною смѣною представленій и иногда весь обнаруживается въ произвольныхъ образахъ фантазіи. Но воспоминаніе о

пережитыхъ состояніяхъ, мало по малу, убѣждаетъ человѣка въ единствѣ и тождественности его Я. Этимъ-то недостаточнымъ воззрѣніемъ на природу психическаго начала и довольствуется большинство не только дѣтей, но и взрослыхъ, ведущихъ жизнь разсѣянную и исполненную удовольствій. Большинство такихъ людей приходитъ лишь къ сознанію необходимости—не полагать своего Я въ тѣлѣ и тѣлесной силѣ, но не пытается искать для него какого-нибудь опредѣленнаго объясненія. Правда, наука старается восполнить этотъ пробѣлъ, пытаясь объяснить переживаемыя человѣкомъ состоянія; но обыденное сознаніе остается, по большей части, равнодушнымъ къ подобнымъ объясненіямъ и ищетъ своей личности, своего Я въ переживаемыхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя отличаются отъ таковыхъ же состояній другихъ людей. На этой ступени развитія духовное начало только полагаетъ себя, какъ единый и неизмѣнный центръ во множествѣ своихъ измѣняющихся состояній; но оно еще не имѣетъ о себѣ опредѣленнаго понятія.

На новой ступени развитія самосознанія человѣкъ приходитъ къ тому убѣжденію, что его личность, его Я, не можетъ выражаться въ тѣхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя имъ переживаются, потому что отдѣльныя душевныя состоянія могутъ быть явленіями случайными, не выражающими истинной сущности природы человѣка. Вслѣдствіе этого въ человѣкѣ складывается взглядъ на свое Я, съ одной стороны, подъ вліяніемъ прирожденныхъ особенностей его личности, выражающихся въ тѣхъ или другихъ талантахъ и дарованіяхъ, опредѣленномъ темпераментѣ, въ общемъ сердечномъ настроеніи, а съ другой стороны—подъ вліяніемъ тѣхъ привычекъ и особенностей жизнедѣятельности, которыя складываются подъ воздѣйствіемъ преданій, нравовъ и обычаевъ, законовъ и учрежденій общественной жизни. На этой ступени развитія самосознанія личность человѣка, его Я, обнаруживается уже какъ *духовная сила* въ соотвѣтствующей дѣятельности; но эта сила находится еще подъ неотразимымъ вліяніемъ своихъ прирожденныхъ особенностей и извѣстныхъ условій общественной жизни; человѣкъ *сознаетъ себя*, какъ „индивидуальность“ и „продуктъ соціальныхъ условій“ *), но онъ не можетъ еще отвлечься отъ временнаго и условнаго и возвыситься до познанія вѣчной сущности своего духа.

На послѣдней ступени развитія самосознанія человѣкъ отвлекается отъ всего эмпирическаго и условнаго и приходитъ къ сознанію себя,

*) Съ этой точки зрѣнія опредѣляютъ существенныя основы человѣческой личности современные представители эмпирическаго направленія въ психологіи, напр. Спенсеръ и Льюисъ. См. напр. въ сочиненіи послѣдняго: „Изученіе психологіи“ главу *соціальный факторъ*, стр. 70.

какъ „духа, возвышающагося надъ условіями пространства и времени". Это, по отношенію къ предыдущему душевному развитію, специфически новое состояніе человѣческаго духа не есть только формальное состояніе, но соединяется съ реальнымъ содержаніемъ: человѣкъ на этой ступени развитія возвышается до сознанія въ своемъ духѣ влеченія къ Безконечному и свое духовное начало познаетъ подъ идеями истины, добра и красоты. Познавши духовное начало со стороны его вѣковѣчныхъ основаній, человѣкъ вмѣстѣ съ этимъ возвышается до степени нравственной свободы, такъ какъ начинаетъ дѣйствовать не по внѣшнимъ влеченіямъ своей чувственности и вліяніямъ внѣшняго міра, а по требованіямъ нравственнаго закона, сознаваемаго во внушеніяхъ совѣсти. Достигнувъ вершины своего духовнаго развитія, человѣкъ и въ міръ явленій, въ условія пространства и времени вноситъ лишь то, что находитъ въ себѣ, въ глубинѣ своего духа, являясь провозвѣстникомъ духовно-нравственнаго міропорядка и внося постоянно новыя, животворящія начала въ историческую жизнь человѣчества. Стремясь къ достиженію наивысшихъ степеней того совершенства, къ которому предназначенъ духъ по своей природѣ, человѣкъ на этой ступени развитія самосознанія всегда относится критически къ наличному содержанію своей жизни и окружающей дѣйствительности и непрестанно создаетъ образцы такого совершенства, въ которомъ находили бы удовлетвореніе всѣ высшія потребности его духа.

§ 88. Душа какъ духъ.

Начало психическихъ явленій въ человѣкѣ, будучи совершенно самобытнымъ по своей природѣ, должно быть признано, вслѣдствіе этого, *субстанціей* въ собственномъ смыслѣ. Какъ сущность самосознательная, разумная и свободная, психическое начало, по сравненію съ сложными, дѣлимыми и измѣняющимися процессами матеріальной природы человѣка, является началомъ простымъ, единымъ и тождественнымъ во все продолженіе своего существованія. Въ отношеніи къ другимъ существамъ психическое начало является индивидуальнымъ и личнымъ, а въ своей жизнедѣятельности—творческимъ и непрестанно совершенствующимся и въ этомъ совершенствованіи господствующимъ надъ матеріею—собственнымъ тѣломъ и внѣшнимъ міромъ. Такое начало, какъ противоположное матеріи, есть *духъ*,—субстанція въ своемъ родѣ единственная и качественно различная отъ всѣхъ другихъ субстанцій. Въ древности Платонъ и, въ особенности, Аристотель отдѣляли въ человѣкѣ духъ отъ души, какъ начало совершенно самостоятельное. Этого же взгляда держались и многіе отцы и учители церкви

(Ириней, Климентъ Александрійскій, Оригенъ). Но духъ и душу нельзя признать въ человѣкѣ сущностями одна отъ другой отдѣльными и самостоятельными, потому что въ иротивномъ случаѣ было бы совершенно не объяснимо единство сознанія и самосознанія. Душа человѣческая по *природѣ своей* есть духъ, но лишь *въ возможности*, т. е. она владѣетъ только прирожденными задатками для того, чтобы при помощи своей разумно-свободной дѣятельности развиться и возвыситься до степени духа. Въ дѣйствительности же духовнаго состоянія достигаетъ только та душа, которая, познавши свою духовность, стремится путемъ непрестаннаго совершенствованія осуществить назначеніе своей природы и въ этомъ совершенствованіи достигаетъ свободы по отношенію къ своему тѣлу и внѣшнему міру, какъ начало, господствующее надъ ними.

Но если душа человѣческая есть духъ лишь въ возможности, по своей природѣ, то должны быть и дѣйствительно есть такія души, которыя не достигаютъ въ своемъ развитіи до степени духа. Это тѣ человѣческія души, которыя съ самаго начала не получаютъ надлежащаго развитія и въ которыхъ, вслѣдствіе этого, чувственно-эгоистическія влеченія заглушаютъ духовныя потребности. Подобныя души нисходятъ до уподобленія душамъ животныхъ. Есть даже и такія человѣческія души, въ которыхъ или вслѣдствіе крайней природной ограниченности (идіотизма), или вслѣдствіе огрубѣнія отъ чувственной жизни глохнутъ всякія духовныя потребности и цѣлью существованія которыхъ становится только питаніе и сохраненіе тѣла. Такія человѣческія души въ своей жизни почти всецѣло погружаются въ растительные процессы организма. Но хотя человѣческая душа и есть духъ, однако она есть духъ не чистый, подобно Божеству, а образующій свое тѣло и посредствомъ него ощущающій и произвольно дѣйствующій, слѣдовательно, духъ ограниченный. Отсюда долгъ и истинное назначеніе каждаго человѣка — при помощи непрестаннаго труда возвышаться надъ своею ограниченностію и въ этомъ возвышеніи своей духовной природы надъ всѣмъ, задерживающимъ ея развитіе, постепенно доходить до *уподобленія Духу Безконечному*.

Какъ начало личное, духъ принадлежитъ каждому человѣку въ отдѣльности, заключенъ самъ въ себѣ, не зависимъ по своей природѣ отъ другихъ человѣческихъ личностей. Хотя пантеистическій монопсихизмъ и утверждаетъ, что каждая отдѣльная душа есть лишь преходящее явленіе абсолютной идеи или разума (Гегель); однако противъ этого монопсихизма собственное сознаніе убѣждаетъ каждаго, что всѣ, переживаемыя имъ, состоянія принадлежатъ только ему одному, что всѣ его дѣйствія лишь въ немъ имѣютъ своего отвѣтственнаго виновника. Если-бы духъ человѣческій былъ видоизмѣненіемъ (модификаціей) всеобщаго духа, то онъ и сознавалъ-бы себя какъ видоизмѣненіе послѣдняго, но не имѣлъ-бы сознанія о себѣ, какъ личности. Что наше самосознаніе принадлежитъ всеобщему сознанію, а наша душа есть лишь проявленіе всеобщей души,—этого не могла сдѣлать вѣроятнымъ даже и гегельянская діалектика.

И какъ самихъ себя сознаемъ мы самостоятельными существами, такъ относимся мы и къ ближнимъ своимъ, какъ существамъ самостоятельнымъ; точно также и имъ приписываемъ мы личный духъ и никогда не можемъ мы заставить себя думать, что намъ всѣмъ принадлежитъ лишь одинъ общій духъ. Наконецъ, каждый человѣкъ сознаетъ себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ за свои дѣйствія, каковое сознаніе было-бы невозможно, если-бы духъ каждаго человѣка не былъ личнымъ. Каждая человѣческая душа, будучи предназначена уже по своей организаціи къ тому, чтобы сдѣлаться личнымъ духомъ, возвышается, дѣйствительно, до степени *духа личнаго* посредствомъ своей разумной и свободной самодѣятельности.

§ 89. Душа животныхъ и духъ человѣка.

Въ новѣйшее время матеріалисты, отрицая субстанціальность и духовность души человѣческой, въ доказательство своего мнѣнія ссылаются на существованіе души у животныхъ, которая будто-бы ничѣмъ существенно не отличается отъ души человѣческой, а если и имѣетъ какое-нибудь различіе, то вовсе не существенное, не качественное, а только различіе въ степени, количественное. Не трудно видѣть всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія на душу человѣка въ сравненіи съ душею животныхъ.

Правда, совершеннѣйшее животное имѣетъ, повидимому, всѣ задатки духовной жизни, которыя имѣетъ и человѣкъ. Животное, кажется, имѣетъ родъ сознанія, ибо оно различаетъ ощущенія одно отъ другаго, знаетъ, что оно ощущаетъ, поелику направляетъ свои чувства на соотвѣтствующіе предметы. Однако, не смотря на такое видимое сходство, между животнымъ и человѣкомъ существуетъ несоизмѣримое различіе, состоящее въ томъ, что въ душѣ животныхъ вовсе нѣтъ тѣхъ прирожденныхъ задатковъ, которые дѣлаютъ человѣка способнымъ возвышаться до степени духа. Такъ, прежде всего, въ душѣ животныхъ нѣтъ влеченія къ Безконечному Существу, поэтому нѣтъ идеи о Немъ и религіи. Отсюда въ душѣ животныхъ совершенно нѣтъ и тѣхъ влеченій, которыя побуждали бы животное уподобляться въ своей жизнедѣятельности Существу Безконечному. Животнымъ не прирождено влеченіе къ истинѣ; поэтому побужденіемъ къ познанію животное имѣетъ не стремленіе къ знанію ради самаго знанія, какъ человѣкъ, а удовлетвореніе чувственно—эгоистическихъ потребностей своей природы. Животное, какъ и человѣкъ, ежедневно видитъ тысячи интересныхъ вещей, но останавливаетъ свое вниманіе только на тѣхъ изъ нихъ, которыя доставляютъ ему кормъ или физическое удовольствіе. Поэтому знаніе животныхъ по своему основному характеру есть знаніе пассивно-воспріемлющее, тогда какъ знаніе человѣческое есть самодѣятельно-творческое. Отсюда и содержаніе познанія животныхъ ограничивается только тѣми свѣдѣніями, которыя даются въ чувственныхъ воззрѣніяхъ, при

чемъ животныя нисколько не заботятся о томъ: находятся-ли познаваемыя явленія въ необходимой, или только случайной связи между собою. Доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что какъ скоро явленіе повторяется, хотя-бы случайно, дважды или трижды въ одномъ и томъ-же порядкѣ, то животное сейчасъ-же и примѣняется къ этому порядку, какъ необходимому; на этомъ-то главнымъ образомъ и основывается дрессировка домашнихъ животныхъ и поимка дикихъ. Животныя совершенно не могутъ отвлекаться отъ чувственно-наблюдаемыхъ явленій и усматривать въ нихъ общее и существенное,—животныя не обнаруживаютъ никакой способности къ отвлеченному мышленію. Будучи не способны къ образованію отвлеченныхъ понятій, животныя, вслѣдствіе этого, не имѣютъ и не могутъ имѣть и языка. И если матеріалисты приписываютъ животнымъ языкъ, то при этомъ смѣшиваютъ съ языкомъ существующіе у животныхъ способы сообщенія другъ другу душевныхъ состояній. Посредствомъ различныхъ тѣлодвиженій и непроизвольныхъ звуковъ животныя выражаютъ ощущенія, желанія, аффекты; человѣкъ-же сочетаніемъ членораздѣльныхъ звуковъ выражаетъ понятія и цѣлыя сочетанія понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Подобный членораздѣльный языкъ совершенно недоступенъ животнымъ.

Не имѣя прирожденнаго влеченія къ добру, животное не руководится въ своей дѣятельности нравственною нормою, подъ которую оно подводило-бы и съ которою сравнивало свои дѣйствія; животное не создаетъ идеаловъ нравственности, сообразуясь съ которыми, оно различало-бы влеченія своей природы по ихъ внутреннему достоинству, т. е. по тому, что одни влеченія болѣе соотвѣтствуютъ совершенному бытію, а другія—менѣе, и, соотвѣтственно этому, одни влеченія въ себѣ подавляло-бы, а другія—развивало или даже вновь создавало. Для животныхъ всѣ влеченія одинаково хороши, потому что всѣ они составляютъ необходимый результатъ ихъ организаціи и одинаково ведутъ къ матеріальному благополучію—основной цѣли ихъ стремленій. Всѣ дѣйствія животныхъ, поэтому, управляются чувственными потребностями организма и инстинктами, которые имѣютъ для животнаго абсолютное право на удовлетвореніе и вмѣстѣ абсолютно понудительную силу. Если животное въ своихъ поступкахъ управляется исключительно одними чувственными влеченіями и не испытываетъ колебанія въ выборѣ двухъ различныхъ требованій, такъ что, поэтому, вся дѣятельность его состоитъ изъ актовъ совершенно безвыборныхъ: то ясно, что животныя не могутъ возвышаться до степени нравственной свободы, не могутъ имѣть, слѣдовательно, и нравственности, а также не испытываютъ ничего, похожаго на нравственную отвѣтственность за свои дѣйствія, такъ какъ не имѣютъ совѣсти.

Наконецъ, не имѣя прирожденнаго влеченія къ красотѣ, животныя не обнаруживаютъ и того, что называется эстетическимъ чувствомъ и любовію къ прекрасному. Удовольствіе, возбуждаемое красотою, отличается отъ пріятныхъ чувственныхъ ощущеній тѣмъ, что вызывается сознательными представленіями различныхъ идеаловъ духовной жизни, хотя и созерцаемыми при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ,—или вызывается смутнымъ предчувствіемъ гармоніи между внѣшностію и предполагаемою сущностію вещи, или же предчувствіемъ гармоническаго соотношенія вещей между собою по идеямъ добра и справедливости. Животныя же испытываютъ не эстетическія удовольствія или неудовольствія, а только пріятныя или непріятныя чувственныя ощущенія, возникающія отъ различныхъ предметовъ и явленій.

Итакъ, того, что составляетъ сущность духовной природы человѣка: влеченій къ Безконечному, истинѣ, добру и красотѣ мы не находимъ въ душевной жизни животныхъ. Не имѣетъ, поэтому, животное ни побужденій, ни возможности и отвлекаться отъ переживаемыхъ состояній на самаго себя; только человѣкъ способенъ испытывать себя: выполнилъ ли онъ назначеніе своей духовной природы? Животное, поэтому, никогда не возвышается до *самосознанія* и сознанія себя, какъ личности; оно только экземпляръ своей породы, отличающійся отъ другихъ подобныхъ-же экземпляровъ такими качествами, какими надѣлила его природа. Будучи не въ состояніи возвыситься до самосознанія и разумнаго пониманія окружающей дѣйствительности, животное оказывается совершенно неспособнымъ и къ какому-бы то ни было *творчеству*, никогда не проявляя дѣятельности, направленной къ собственному тѣлесно-душевному усовершенствованію и преобразованію окружающей его природы.

Правда, психической жизни животныхъ свойственно развитіе, но это развитіе состоитъ въ осуществленіи и раскрытіи лишь идеи того рода, къ которому принадлежитъ животное; вслѣдствіе этого, развитіе животныхъ совершается невольно, роковымъ образомъ, — въ немъ животное не принимаетъ никакого свободнаго участія. Поэтому и всѣ, повидимому, разумныя и цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ вытекаютъ изъ прирожденныхъ слѣпыхъ влеченій (инстинкта), а не изъ сознательнаго размышленія или рефлексіи. Животное проявляетъ только тѣ способности, которыя принадлежатъ опредѣленному виду и, притомъ, молодое животное обнаруживаетъ такую-же ловкость и такія-же ошибки, какъ и старое. Его дѣйствія не измѣняются, когда цѣль, которую оно инстинктивно преслѣдуетъ, обстоятельствами разстраивается. Животное неподвижно, безъ прогресса и регресса. Съ такою-же неизмѣнностію, съ какою планеты совершаютъ свои пути, строитъ бобръ свое жилище, птицы

свои гнѣзда и т. п. въ теченіе тысячелѣтій, ничему не научаясь и ничего не забывая. Признанію неподвижности животныхъ, повидимому, противорѣчатъ тѣ факты, что животное, вслѣдствіе сдѣланныхъ опытовъ, обнаруживаетъ прогрессъ въ смышлености и хитрости (такъ, напр. старые олени и зайцы бываютъ хитрѣе молодыхъ) и что происшедшіе опыты, болѣе или менѣе, передаются потомкамъ (такъ переходятъ пріобрѣтенныя качества прирученныхъ животныхъ, напр. старыхъ собакъ на молодыхъ). Однако эти и другіе подобные факты не означаютъ прогресса, основывающагося на разумной дѣятельности. Каждое животное надѣлено природною способностію (инстинктомъ) къ тому, чтобы проявлять цѣлесообразную дѣятельность, посредствомъ которой животное могло-бы сохранять свое существованіе, избѣгать опасности и заботиться о дѣтенышахъ. Эта способность можетъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ приспособляться и чрезъ то измѣняться и совершенствоваться. Въ особенности заслуживаютъ вниманія такіе факты, когда животныя, прирученныя и разведенныя человѣкомъ, возвратившись въ состояніе дикости, мало по малу теряютъ пріобрѣтенныя измѣненія инстинкта. Такимъ образомъ, въ подобныхъ случаяхъ прогрессъ исходитъ не отъ животныхъ, но осуществляется разумною дѣятельностію человѣка. Что-же касается тѣхъ случаевъ, когда животное обнаруживаетъ не слѣпой инстинктъ, а какъ-бы разсужденіе и смышленость, то подобныя явленія объясняются тѣмъ, что у животныхъ съ инстинктомъ соединяются психическіе процессы ощущенія и непроизвольной комбинаціи представленій. (Такъ заяцъ непроизвольно комбинируетъ съ образомъ охотника впечатлѣніе выстрѣла, который его испугалъ и т. п.). Всѣ обнаруженія, такъ называемой, смышлености животныхъ сводятся къ воспріятію и комбинированію внѣшнихъ впечатлѣній, но не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшихъ задатковъ къ творчеству: животныя и физически и психически всегда являются такими, какими создала ихъ природа, безъ всякаго участія ихъ собственнаго желанія быть иными по своему типу. Животныя, за немногими исключеніями, живутъ въ естественной средѣ, образованной самой природой, между предметами, не ими созданными, даже не ими и видоизмѣненными, или видоизмѣненными исключительно механически. Тогда какъ въ жизни человѣчества и само человѣчество, и внѣшняя среда измѣняются постоянно и законосообразно по подобію органическаго бытія, въ животномъ мірѣ и самыя животныя, и ихъ созданія остаются неизмѣнными, а если и измѣняются, то настолько, какъ это мы видимъ въ неорганическомъ бытіи, т. е. отъ случайнаго вліянія внѣшнихъ силъ, отъ измѣненія условій существованія. Однимъ словомъ, въ психической жизни животныхъ не заключается и слѣда какого бы то ни было прогресса или цивилизаціи.

Итакъ, животныя представляютъ существа совершенно другаго рода, сравнительно съ человѣкомъ: они имѣютъ *душу,* но не духъ. Какъ въ теченіе всей своей жизни душа животныхъ, безличная и неразумная, никогда не можетъ отвлечься отъ оживляемаго ею тѣла и достигнуть свободнаго господства надъ нимъ, такъ и по смерти животнаго, вмѣстѣ съ жизнью тѣла, прекращается и существованіе души животнаго.

Психологіи отдѣлъ третій.

Состоянія и видоизмѣненія душевной жизни, зависящія отъ связи души съ тѣломъ.

ГЛАВА IX.

СОСТОЯНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ НОРМАЛЬНЫЯ.

Связь души съ тѣломъ и вліяніе на психическое развитіе человѣка внѣшней физической природы служатъ причиною возникновенія въ психической жизни человѣка многихъ особенностей и видоизмѣненій—нормальныхъ и ненормальныхъ. Нормальныя особенности душевной жизни бываютъ постоянными и періодическими. Къ постояннымъ особенностямъ принадлежатъ: темпераменты, половое различіе между людьми, расовыя и національныя особенности и наслѣдственность. Къ особенностямъ душевной жизни періодическимъ принадлежатъ: особенности въ психическомъ развитіи, зависящія отъ возрастовъ жизни и видоизмѣненія душевной жизни подъ вліяніемъ сна и сновидѣній.

А) ОСОБЕННОСТИ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ПОСТОЯННЫЯ.

§ 90 Темпераментъ.

Видоизмѣненія душевной жизни каждаго человѣка, зависящія отъ различныхъ особенностей тѣлесной организаціи, имѣютъ основаніемъ своимъ, прежде всего, природное расположеніе, извѣстное подъ именемъ темпераментовъ. Видоизмѣненія всеобщихъ душевныхъ состояній гораздо менѣе относятся къ познанію, чѣмъ къ чувствованіямъ и стремленіямъ; поэтому, не столько въ познаніи, сколько въ чувствованіяхъ и стремленіяхъ выражаются особенности душевной жизни каждой отдѣльной личности. Извѣстно, что чувствованія и стремленія у одного бываютъ возбудимы легко, у другаго—медленно, у третьяго—глубоко, у четвертаго—поверхностно. Эта неодинаковая природная возбудимость

чувствованій и стремленій у различныхъ лицъ называется *темпераментомъ*. Еще въ древности различали четыре темперамента: сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій. Сангвиническій темпераментъ отличается чувствительностію быстро возбудимою и, въ тоже время, поверхностною; холерическій—отличается чувствительностію быстрою и глубокою; меланхолическій — чувствительностію медленно возбудимою, но, въ тоже время, глубокою и, наконецъ, флегматическому темпераменту свойственна чувствительность медленно возбудимая и слабая со стороны своей интенсивности. Но такъ какъ чувствованія и стремленія находятся во внутреннемъ взаимодѣйствіи съ мыслительною дѣятельностію, то различная возбудимость первыхъ влечетъ за собою неодинаковыя обнаруженія умственно-познавательной дѣятельности духа. Каждый темпераментъ въ частности характеризуется слѣдующими особенностями.

а) *Сангвиническій* темпераментъ отличается быстрою, но поверхностною возбудимостію чувствованій и стремленій. Сангвиникъ поддается чувствованіямъ легко и скоръ на дѣйствія, но не устойчивъ въ нихъ. Если даже чувствованія и стремленія его проявляются на мгновеніе бурно, то и въ такомъ случаѣ они не отличаются глубиною и скоро прекращаются. Слѣдствіемъ этого бываетъ постоянная смѣна душевныхъ состояній, ибо душа сангвиника, не сосредоточиваясь всецѣло ни на одномъ впечатлѣніи, постоянно обращается все къ новымъ и новымъ впечатлѣніямъ. Живое, но поверхностное воспріятіе, всесторонность, легко отдающаяся самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, живая дѣятельность фантазіи, любопытство, мышленіе болѣе остроумное, чѣмъ проницательное и глубокое, легкомысліе, непостоянство въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, охота къ предпріимчивости безъ терпѣливой выносливости—таковы черты, характеризующія душевную дѣятельность этого темперамента. Вѣтренность, суетность, непостоянство, страсть къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, хитрость и лукавство, невѣрность въ любви, съ другой стороны—добродушіе, общественность, уступчивость, веселость—таковы темныя и свѣтлыя стороны этого темперамента.

б) *Холерическій* темпераментъ проявляется въ быстрой и глубокой возбудимости чувствованій и стремленій. Душа холерика такъ же легко возбудима, какъ и душа сангвиника, но не столь многими и разнообразными воспріятіями и представленіями, ибо впечатлѣнія глубоко проникаютъ въ душу холерика и возбуждаютъ всѣ ея силы къ дѣятельности; они быстро побуждаютъ волю къ рѣшеніямъ и къ энергическому выполненію ихъ. Ему не свойственна, поэтому, быстрая измѣнчивость чувствованій, поверхностная жажда новыхъ представленій, непостоянство въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Но ко всему, что относится къ до-

стиженію его цѣлей, холерикъ обнаруживаетъ живой интересъ и проницательный разсудокъ. Для грубыхъ страстей холерикъ мало воспріимчивъ; но если онъ поддается страсти, то послѣдняя легко и быстро усиливается; препятствія, затрудняющія осуществленіе его плановъ, вызываютъ въ немъ бурные аффекты (гнѣва и досады). Съ откровенностію, великодушіемъ, энергіею и храбростію у холерика часто соединяются: надменность, гордость, своенравіе, безразсудная отвага, страсть къ деспотизму.

в) *Меланхолическому* темпераменту свойственна медленная, но въ тоже время глубокая возбудимость чувствованій и стремленій. Во внѣшнемъ мірѣ меланхоликъ мало находитъ удовольствія, вслѣдствіе чего сосредоточивается въ своей внутренней душевной жизни и обнаруживаетъ склонность къ уединенію. Непрактичный въ жизни и нерѣшительный въ своихъ намѣреніяхъ, онъ боязливъ, подозрителенъ и недовѣрчивъ съ другими. Несчастныя событія и опыты жизни легко приводятъ его къ унынію и мизантропіи. Хорошія черты этого темперамента заключаются въ тонкой чувствительности, служащей источникомъ особенной нѣжности и задушевности, въ сосредоточенности на своихъ помыслахъ, въ наклонности повторять, воспоминать и перерабатывать свои представленія, ощущенія и мечты, вслѣдствіе чего меланхоликъ способенъ къ наукѣ и искусству. Но односторонность, угрожающая этому темпераменту, состоитъ въ преувеличенной оцѣнкѣ внѣшнихъ препятствій и опасностей и это отъ того, что онъ не пытается бороться съ ними и не пробуетъ своихъ силъ, далѣе,—въ осторожности, переходящей въ подозрительность и недовѣріе, и во взглядѣ на жизнь печальномъ, который долженъ бы оставаться только серьезнымъ.

г) *Флегматическій* темпераментъ характеризуется медленною и слабою возбудимостію чувствованій и стремленій. Воспріятія и представленія возбуждаютъ флегматика не быстро, но глубоко; къ сочувствію, благожелательности и дружбѣ онъ мало способенъ; не способенъ также къ бурнымъ страстямъ и аффектамъ. Онъ любитъ покой и удобство и избѣгаетъ дѣятельности и напряженія. Основательность въ сужденіяхъ, обдуманность въ дѣйствіяхъ, осмотрительность въ обращеніи, равно какъ склонность къ лѣни, чувственности и скупости — таковы преимущества и недостатки этого темперамента.

По указаннымъ темпераментамъ люди раздѣляются не такъ, чтобы каждый человѣкъ принадлежалъ къ какому нибудь лишь одному темпераменту и былъ или холерикъ, или флегматикъ и т. п. Напротивъ, въ дѣйствительности встрѣчается разнообразное смѣшеніе темпераментовъ; болѣе или менѣе чистые темпераменты встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно же каждый человѣкъ представляетъ соединеніе чертъ нѣсколькихъ,

преимущественно сходныхъ темпераментовъ (сангвиническаго и холерическаго, меланхолическаго и флегматическаго). Кромѣ того, темпераменты видоизмѣняются подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, воспитанія и особенно, самодѣятельности. Человѣкъ, достигшій въ своемъ духовномъ развитіи разумности и свободы, имѣетъ полную возможность видоизмѣнять свой темпераментъ; основанія этой возможности заключаются въ способности человѣка къ терпѣливой выносливости, къ борьбѣ съ дурными наклонностями и самообладанію. Наконецъ, на особенности темпераментовъ вліяютъ различія пола, возраста и расы.

Въ чемъ же заключается основаніе различныхъ темпераментовъ? Съ древнихъ временъ такимъ основаніемъ считали тѣлесныя свойства. По преобладанію какой нибудь одной изъ четырехъ жидкостей различались темпераменты: сангвиническій (кровяной), холерическій (желчный), меланхолическій (темножелчный) и флегматическій (мокротный). Этотъ взглядъ оставался господствующимъ до прошлаго столѣтія, когда темпераменты стали объяснять изъ твердыхъ частей тѣла, въ особенности изъ различной возбудимости и силы нервовъ и мускуловъ. Былъ высказанъ и еще одинъ взглядъ, по которому различіе темпераментовъ зависѣло отъ всего тѣлеснаго устройства. По этому взгляду сангвиническій, напр. темпераментъ выражается въ нѣжномъ и тонкомъ тѣлосложеніи, кругломъ подбородкѣ, румяномъ лицѣ, подвижномъ взорѣ, большой впечатлительности нервной системы и т. п. Подобное объясненіе если не совсѣмъ несправедливо, то во всякомъ случаѣ преувеличено. Необходимо признать, что различія темпераментовъ — психическія и имѣютъ свое главное основаніе въ прирожденныхъ особенностяхъ души. А затѣмъ, слѣдуетъ уже принять въ соображеніе и тѣлесныя свойства, заключающіяся въ крови, нервахъ и мускулахъ. Свойства нервовъ и мускуловъ, несомнѣнно, имѣютъ большое вліяніе на скорость и медленность, крѣпость и слабость возбудимости чувствованій и стремленій. Качества крови (артеріальной или венозной) точно также сильно вліяютъ на нервную дѣятельность. Такъ, напр. артеріальная кровь дѣйствуетъ на мозгъ возбуждающимъ, тогда какъ венозная—подавляющимъ образомъ; точно также артеріальная кровь усиливаетъ дѣятельность сердца, тогда какъ венозная — производитъ противоположное вліяніе. Усиленіе же или замедленіе дѣятельности сердца оказываетъ вліяніе на свойства нервовъ, а чрезъ нихъ и на душевную жизнь. Когда же свойства крови соединяются съ болѣе или менѣе развитыми органами дыханія и, въ особенности, грудью и т. п., то душевный темпераментъ можетъ въ нѣкоторой степени отражаться и въ тѣлесной организаціи. Отсюда понятно, какимъ образомъ измѣненія тѣлеснаго организма сопровождаются измѣненіями въ темпераментѣ.

§ 91. Полъ.

Основаніемъ половаго различія между людьми служатъ особенности въ анатомическомъ строеніи и физіологическихъ процессахъ организма, сопровождающіяся своеобразными видоизмѣненіями психической жизни. Въ половомъ отношеніи родъ человѣческій раздѣляется на двѣ, по количеству, приблизительно, равныя половины, изъ которыхъ каждая отличается отъ другой не только тѣлесными, но и духовными особенностями. Конечно, эти особенности не заключаются въ такихъ психическихъ задаткахъ, или сознательныхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя были бы исключительно свойственны одному мужескому или одному женскому полу; то, что мы находимъ въ каждомъ полѣ особеннаго, представляетъ лишь видоизмѣненіе всеобщей человѣческой душевной жизни, болѣе сильныя или слабыя прирожденныя способности, преобладаніе духовныхъ или чувственно—пожелательныхъ влеченій.

Психическое различіе мужчины и женщины, имѣющее свое основаніе не только въ тѣлесныхъ особенностяхъ, но и въ душевной организаціи, состоитъ въ слѣдующемъ.

а) Основная черта мужчины есть активность; его жизненная сфера есть общественная жизнь, въ которой онъ долженъ являться творящимъ и дѣйствующимъ началомъ. Поэтому онъ не только тѣлесно, но и духовно, вообще организованъ сильнѣе, чѣмъ женщина. Въ немъ преобладаетъ сила разума и воли; его мышленіе основательно и проницательно; его стремленіе нерѣдко бываетъ пылко и бурно; его воля, энергическая и настойчивая, соединяется съ мужествомъ и рѣшимостію; его твердость доходитъ до непреклонности и упорства, его мужество до безграничной отваги; отсюда—склонность къ эгоизму, честолюбію и гордости. Осторожное размышленіе, энергическая устойчивость въ намѣреніяхъ, сильная, одушевленная мужествомъ и смѣлостію, дѣятельность—таковы отличительныя черты истинно мужескаго пола.

б) Основная черта женщины есть восприимчивость; ея жизненный кругъ тѣснѣе, чѣмъ у мужчины, будучи ограниченъ семьею. У женщины жизнь чувствованій является преобладающею; тонко чувствующій смыслъ руководитъ ея сужденіями и дѣйствіями; искренность и нѣжность, кротость и миловидность, терпѣніе и снисходительность—черты, характеризующія женственность. Женское сердце легко поддается радости и горю. Особенно сильны въ женщинѣ: сочувствіе, любовь (какъ невѣсты, жены, матери), чувства приличія, скромности, красоты, а также чувствованія нравственныя и религіозныя. Природный хранитель этихъ благороднѣйшихъ особенностей женщины есть сильное чувство стыдливости.

Наконецъ, женщина способна и къ грубымъ, соединеннымъ съ хитростію и лукавствомъ, страстямъ, такъ какъ воля ея не всегда бываетъ сильна для того, чтобы оказать противодѣйствіе начинающемуся пороку; но, съ другой стороны, женщина способна къ разнообразнымъ жертвамъ и геройской добродѣтели, такъ какъ жизнь въ нравственно добромъ направленіи, при слабости противоположныхъ влеченій, можетъ стать все болѣе и болѣе насущною и воспламенить легко возбудимое чувство къ самоотверженнымъ подвигамъ.

Эти черты мужеской и женской природы въ отдѣльныхъ личностяхъ различнымъ образомъ видоизмѣняются. Между истинною мужественностію и истинною женственностію, смотря по различію темперамента, есть безчисленное множество промежуточныхъ ступеней до женственныхъ мужчинъ и мужественныхъ женщинъ. Всѣ четыре темперамента встрѣчаются въ обоихъ полахъ; поэтому нельзя сказать того, чтобы въ мужескомъ полѣ преобладали темпераменты холерическій и флегматическій, а въ женскомъ—сангвиническій и меланхолическій; въ представителяхъ каждаго пола встрѣчаются всѣ эти темпераменты, но только съ извѣстными различіями: темпераменты холерическій и флегматическій обнаруживаются рѣзче въ представителяхъ мужескаго пола, а темпераменты сангвиническій и меланхолическій—рѣзче въ представительницахъ пола женскаго (иначе ведетъ себя холерическій мужчина и иначе—холерическая женщина).

§ 92. Расы и національности.

Кромѣ различія по темпераментамъ и поламъ, природа человѣческая заключаетъ въ себѣ еще совокупность такихъ духовныхъ и тѣлесныхъ особенностей, которыя служатъ основаніемъ для раздѣленія всего человѣчества на большія или меньшія группы, называемыя *расами* и *національностями*. Хотя каждая раса и характеризуется постоянными (относительно), путемъ наслѣдственности окрѣпшими, особенностями души и тѣла (цвѣтомъ кожи и волосъ, своеобразнымъ строеніемъ костей и черепа и т. п.); однако сдѣлать точное раздѣленіе человѣчества на расы невозможно, вслѣдствіе многихъ переходныхъ ступеней, существующихъ между этими послѣдними; поэтому и относительно количества расъ высказываются различные взгляды. Впрочемъ, большинство антропологовъ дѣлитъ родъ человѣческій на пять расъ: кавказскую, монгольскую, малайскую, американскую и негрскую.

Несомнѣнно, что всѣ расы представляютъ видоизмѣненія одного человѣческаго рода; это доказывается какъ физическими, такъ и психическими особенностями расъ. Всѣ расы имѣютъ одинаковое анатоми-

ческое и физіологическое строеніе тѣлеснаго организма и одинаковую психическую организацію. Ни одна раса не имѣетъ такихъ душевныхъ способностей, которыя отсутствовали-бы у другой расы; всѣ расы способны къ духовному, умственному и нравственному совершенствованію. Различіе между расами состоитъ лишь въ томъ, что извѣстныя психическія способности у одной расы сильнѣе, у другой слабѣе, и въ самомъ развитіи своемъ принимаютъ у различныхъ расъ неодинаковыя направленія. Различіе между расами, слѣдовательно, только количественное; это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что тѣ расы, которыя находились прежде въ состояніи дикости, потомъ достигли значительной степени культурнаго развитія.

Представляя видоизмѣненія одного общечеловѣческаго типа, расы образовались, благодаря вліянію на человѣческую природу, прежде всего, климата. Самое поверхностное знакомство съ описаніями различныхъ странъ земнаго шара убѣждаетъ насъ въ томъ, что каждая мѣстность запечатлѣна своимъ особеннымъ характеромъ, каждый климатъ оттѣненъ своеобразными красками и человѣкъ въ различныхъ мѣстностяхъ отличается такими особенностями, что нѣкоторые естествоиспытатели думали было раздѣлять родъ человѣческій на нѣсколько коренныхъ, первоначальныхъ видовъ. Хотя это мнѣніе и неосновательно; но неоспоримо то, что тѣлесныя и духовныя особенности различныхъ народовъ находятся въ большой зависимости отъ климатическихъ условій: свойства воздуха извѣстной страны или благопріятствуютъ здоровью человѣка, или производятъ различныя болѣзни и, вслѣдствіе этого, значительно вліяютъ на развитіе и складъ тѣлесной организаціи; холодный или теплый, жаркій или умѣренный климаты дѣйствуютъ на духъ и тѣло человѣка возбуждающимъ или разслабляющимъ образомъ, плодородная или бѣдная почва страны служитъ причиною трудолюбія или лѣности жителей; разнообразный или однообразный видъ мѣстности служитъ источникомъ впечатлѣній и такимъ образомъ или способствуетъ духовному развитію, или задерживаетъ это развитіе; вѣчно ясное, голубое небо производитъ благотворное вліяніе на человѣка, возбуждая его къ физической и духовной бодрости; напротивъ, сѣрое, закрытое облаками, небо рождаетъ въ человѣкѣ мрачное настроеніе, располагаетъ къ угрюмости, дѣлаетъ суровымъ. Зависимость расовыхъ особенностей отъ климатическихъ условій такъ очевидна, что достаточно иногда одного взгляда, чтобъ указать мѣстность, къ которой принадлежитъ извѣстный человѣкъ. Уже въ древности Гиппократъ подмѣтилъ эту зависимость національныхъ особенностей отъ климатическихъ условій: „встрѣчаются, говоритъ онъ, народы и отдѣльныя лица, весьма сходныя съ горными странами, покрытыми лѣсами; есть между ними и такіе, которые напоминаютъ счастливыя почвы,

обильно орошаемыя источниками; нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сравнить съ ихъ лугами и болотами, другихъ—съ сухими и безплодными равнинами".

Какъ далеко простирается вліяніе климатическихъ условій на образованіе тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей народовъ? Въ рѣшеніи этого вопроса можно различать, главнымъ образомъ, два направленія. Одни (Монтескье, Бокль и др.) приписываютъ происхожденіе всѣхъ расовыхъ особенностей исключительно вліянію климатическихъ условій; другіе (напр. Гельвецій) вліянію климата не придаютъ въ этомъ отношеніи никакого значенія. Но то и другое мнѣніе — крайность. Вліяніе климатическихъ условій на человѣка несомнѣнно; однако не нужно забывать при этомъ и самодѣятельности человѣческаго духа. Вліяніе климата не всесильно. Вліяя на человѣка, онъ имѣетъ дѣло не съ какою нибудь пассивною вещью, а съ самобытнымъ духовнымъ началомъ, создающимъ силою своей самодѣятельности культуру природы. Извѣстно, что человѣкъ способенъ къ самой широкой акклиматизаціи; благодаря своему уму и волѣ, онъ видоизмѣняетъ во многомъ и самый климатъ мѣстности: превращаетъ болота въ плодоносные луга, безводныя равнины—въ цвѣтущіе виноградники, дремучіе и нездоровые лѣса—въ благодатныя долины, покрывающіяся богатыми жатвами. Такимъ образомъ, климатъ не можетъ производить всѣхъ расовыхъ особенностей уже по тому одному, что самъ находится въ зависимости отъ дѣятельности человѣческаго духа. Вотъ почему необходимо признать основныя черты главнѣйшихъ расовыхъ и даже національныхъ типовъ первоначальными, или данными въ духовной организаціи ихъ первыхъ родоначальниковъ и затѣмъ — передаваемыми путемъ наслѣдственности потомкамъ и въ этихъ послѣднихъ все съ большею и большею полнотою раскрывающимися и развивающимися.

Затѣмъ, на происхожденіе расовыхъ особенностей, совмѣстно съ климатомъ, оказывали вліяніе пища и образъ жизни. Возникшія такимъ образомъ разности становились тѣмъ болѣе крѣпкими, чѣмъ болѣе одна раса обособлялась отъ другой. Но самое сильное вліяніе на происхожденіе расъ имѣла духовная культура. Такъ-какъ тѣлесный организмъ создается подъ психическими вліяніями, то развитіе духа, или задержка и даже подавленіе этого развитія (въ интеллектуальномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ), необходимо придавало тѣлу особый отпечатокъ какъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ. Такъ произошли существующіе расы, изъ которыхъ у однихъ духовная культура достигла высокой степени, а у другихъ, болѣе или менѣе, остановилась въ своемъ развитіи, подъ содѣйствующимъ вліяніемъ внѣшнихъ условій.

Подвергаясь многоразличнымъ видоизмѣненіямъ, расы, съ теченіемъ времени, послужили естественнымъ основаніемъ *національностей*. Эти послѣднія возникали подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ факторовъ, которые содѣйствовали возникновенію расъ въ человѣчествѣ, при чемъ особенное вліяніе на происхожденіе національностей имѣли условія соціальныя (религія, языкъ, формы правленія, нравы и обычаи) и многоразличныя обстоятельства жизни исторической. Совокупностью событій, совершавшихся въ многовѣковой жизни народовъ, историческая жизнь содѣйствовала тому, что въ народномъ характерѣ одни качества вызывались и укрѣплялись, а другія ослаблялись и даже постепенно подавлялись, слѣдствіемъ чего было происхожденіе такихъ особенностей въ духовной жизни извѣстнаго народа, которыя, въ своей совокупности, и послужили основаніемъ его постояннаго національнаго характера. При этомъ не слѣдуетъ однакожъ упускать изъ вниманія еще того, что хотя первоначально, въ самую раннюю пору историческаго развитія, человѣческая природа бываетъ особенно воспріимчива къ разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ; но и въ эту пору духъ человѣческій выступаетъ на поприще историческаго развитія уже имѣющимъ опредѣленную организацію. Только этою первоначальною организаціею и можно объяснить то: почему одни народы быстро и успѣшно пошли по пути цивилизаціи, тогда какъ другіе, повидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, остались въ состояніи грубости, варварства и дикости. Но, признавая первоначальность организаціи человѣческаго духа, мы нисколько не думаемъ умалять значенія и разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній для духовнаго развитія человѣчества, такъ какъ несомнѣнно, что частныя видоизмѣненія и особенности въ національныхъ и племенныхъ типахъ складывались мало по малу именно подъ этими вліяніями. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи мы должны сдѣлать различіе между національными типами: однѣ націи отличаются такими рѣзкими и глубокими духовными особенностями, которыя почти не поддаются вліянію внѣшнихъ условій; къ такимъ національнымъ типамъ слѣдуетъ причислить, по премуществу, евреевъ, которые во всѣ времена и на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара сохраняли и сохраняютъ свои національныя особенности. Но есть и такіе народы, духовныя и тѣлесныя особенности которыхъ не отличаются особенною крѣпостію и устойчивостію, почему и поддаются весьма легко внѣшнимъ вліяніямъ. Такъ, португальскія семейства, поселившіяся въ XV в. на островахъ Зеленаго мыса, до конца XVIII столѣтія стали почти сходны съ туземными неграми и жителями сосѣдняго материка.

Такимъ образомъ, расовыя и національныя особенности полагаютъ, несомнѣнно, рѣзкій и глубокій отпечатокъ на всей, какъ тѣлесной, такъ и духовной природѣ народовъ. Однако вліяніе этихъ особенностей

на человѣческую природу не безгранично. Къ какой-бы расѣ и національности ни принадлежалъ человѣкъ, онъ имѣетъ полную возможность принимать участіе въ общечеловѣческомъ духовномъ совершенствованіи; развиваясь въ направленіи національныхъ особенностей, каждый человѣкъ не лишается возможности жить именно какъ человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо.

§ 93. Наслѣдственность.

Не малое вліяніе на многоразличныя видоизмѣненія психической жизни оказываютъ тѣ особенности, которыя переходятъ къ каждому человѣку путемъ наслѣдственности отъ родителей. Несомнѣнно, что природа каждаго человѣка заключаетъ въ себѣ очень много прирожденныхъ задатковъ. Каждымъ человѣкомъ наслѣдуются, прежде всего, особенности внѣшняго строенія тѣлеснаго организма, т. е. особенности въ образованіи членовъ, туловища, головы, даже ногтей или волосъ, цвѣта кожи, формы и объема тѣла, преимущественно-же особенности въ лицѣ, въ выраженіи и чертахъ физіогноміи. Затѣмъ, физіологическія и медицинскія изслѣдованія считаютъ доказанною ту истину, что какъ здоровье родителей, такъ и ихъ болѣзни — въ особенности дыхательныхъ органовъ и нервной системы—путемъ наслѣдственности передаются физической организаціи дѣтей. Подобно тому, какъ переходятъ къ дѣтямъ физическія качества родителей, такъ же точно передаются и особенности организаціи психической. Многочисленные факты неоспоримо доказываютъ то, что дѣти наслѣдуютъ отъ родителей всѣ особенности способностей познавательныхъ: памяти, воображенія, мышленія,—наслѣдуютъ также расположеніе къ извѣстнымъ видамъ спеціально-научной и художественной дѣятельности *). Наблюденія показали, что подобная-же наслѣдственность существуетъ и относительно качествъ нравственныхъ: городости, честолюбія, злопамятства, мстительности и т. п. Наконецъ, путемъ наслѣдственности же передается и предрасположеніе къ психическимъ страданіямъ и ненормальной душевной жизни, напр. неотразимымъ идеямъ, меланхоліи, слабоумію и т. п. Подобная наслѣдственность простирается не только на отдѣльныхъ лицъ, но и на цѣлыя націи, служа основаніемъ тѣхъ различій между ними, которыя существовали во всѣ времена, какъ несомнѣнный фактъ.

Хотя наблюденія надъ наслѣдственностію не привели еще въ настоящее время къ обоснованію точныхъ законовъ, управляющихъ не-

*) Извѣстно, что оба Сенеки славились своею прекрасною памятью. Въ семействѣ Баха было, кромѣ его самаго, 22 замѣчательныхъ музыканта; фамилія Тишбейнъ насчитывала у себя 28 живописцевъ; въ фамиліи Бернульи, въ теченіе двухъ столѣтій, явилось 10 замѣчательныхъ математиковъ.

реходомъ физическихъ и психическихъ особенностей отъ родителей къ дѣтямъ; тѣмъ не менѣе установлено нѣсколько эмпирическихъ формулъ, дозволяющихъ произвести довольно удовлетворительную классификацію фактовъ, относящихся къ области наслѣдственности:

1. Въ природѣ родителей заключается расположеніе къ наслѣдственной передачѣ дѣтямъ всѣхъ душевныхъ способностей—общихъ, т. е. видовыхъ, и индивидуальныхъ, старыхъ и вновь пріобрѣтенныхъ. *(Законъ прямой или непосредственной наслѣдственности).*

2. Одинъ изъ родителей можетъ имѣть преобладающее вліяніе на душевный строй потомка. *(Законъ преимущественной передачи способностей).*

3. Потомки часто наслѣдуютъ физическія и душевныя качества своихъ болѣе отдаленныхъ предковъ и бываютъ похожи на этихъ послѣднихъ, а не на родителей. *(Атавизмъ).*

4. Нѣкоторыя, точно опредѣленныя, особенности—физическія и психическія, обнаруживаются у потомковъ въ томъ-же возрастѣ, какъ и у предковъ. *(Законъ наслѣдственности въ соотвѣтственные возрасты жизни).*

Признавая несомнѣннымъ существованіе и вліяніе наслѣдственности на ходъ развитія индивидуальной душевной жизни, мы должны однакожь указать и предѣлы для этого вліянія. Путемъ наслѣдственности передается каждому человѣку извѣстное количество физическихъ и психическихъ способностей, съ опредѣленною мѣрою свойственной имъ энергіи; наслѣдственностію, слѣдовательно, опредѣляется до нѣкоторой степени направленіе и энергія психическаго развитія, но не опредѣляется съ безусловною необходимостію все содержаніе и весь ходъ этого послѣдняго. Возвысившись до самосознанія, разума и свободы, человѣкъ нерѣдко направляетъ дѣятельность свою на преобразованіе и видоизмѣненіе самыхъ природныхъ способностей своихъ, даетъ такое направленіе своей жизни, которое указывается не прирожденными и наслѣдственными расположеніями, а идеалами общечеловѣческаго совершенства и требованіями религіи и совѣсти.

Б) ОСОБЕННОСТИ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ.

§ 94. Возрасты или періоды жизни.

Земная жизнь человѣка, при ея нормальномъ теченіи, находится въ непрерывномъ развитіи, доколѣ не раскроются возможно полнымъ образомъ тѣлесныя и душевныя силы, а затѣмъ представляетъ постепенное ослабленіе послѣднихъ, доколѣ не наступитъ смерть. Это непрестанное измѣненіе, преимущественно, тѣлеснаго организма, не остается безъ вліянія и на ходъ сознательной душевной жизни. Въ этомъ от-

ношеніи можно различать четыре возраста жизни, сопровождающіеся различными тѣлесными и душевными особенностями, а именно: дѣтскій, юношескій, мужескій и старческій возрасты. Переходъ отъ одного возраста къ другому совершается не вдругъ, но постепенно.

а) *Дѣтскій возрастъ* продолжаестя до 12 или 14 лѣтъ. Быстро совершается въ это время органическое развитіе человѣка, представляя переходы отъ младенчества къ дѣтству и отъ дѣтства къ отрочеству. Душевная жизнь въ дѣтскомъ возрастѣ съ особенною напряженностію проявляется въ чувственныхъ ощущеніяхъ, образованіи представленій и запоминаніи пережитаго. Чувственныя ощущенія и представленія смѣняются въ душѣ дитяти съ необыкновенною быстротою, потому что всѣ предметы по своей новости привлекаютъ къ себѣ все его вниманіе; дитя проявляетъ необыкновенное любопытство и, въ тоже время, естественное непостоянство, слабость воли и дѣла, быстрый переходъ отъ одного душевнаго настроенія къ другому, легкомысліе и безпечное наслажденіе настоящимъ мгновеніемъ. Таковы отличительныя особенности дѣтскаго возраста.

б) *Юношескій возрастъ* продолжается приблизительно до 25 лѣтъ. Тѣлесный организмъ достигаетъ къ этому времени полной силы и красоты въ своемъ развитіи. Въ юношѣ начинаетъ мало по малу сказываться мужчина, проявляющій во внѣ свою дѣятельность; въ дѣвицѣ начинаетъ обнаруживаться женственность съ ея сердечною чувствительностію. Въ то время, какъ призваніе дѣвицы опредѣляется уже ея природою, юноша занятъ выборомъ своего призванія и приготовленіемъ къ нему. Живое воображеніе направляетъ взоръ юноши въ будущее и представляетъ ему идеалы, которые онъ стремится осуществить; предъ нимъ открывается жизнь съ ея несовершеннымъ устройствомъ и смѣлые планы улучшеній роятся въ его умѣ. Въ юношескомъ возрастѣ обнаруживаются съ особенною силою чувства истины, права, красоты и скромности (у дѣвицъ), хотя эти свѣтлыя черты юношескаго возраста и омрачаются нѣкоторыми темными явленіями, каковы напр. необыкновенный эгоизмъ, необдуманныя и буйныя дѣйствія и т. п.

в) *Мужескій возрастъ*, продолжающійся приблизительно до 55 года жизни, есть возрастъ тѣлесной и духовной зрѣлости, когда человѣкъ занимаетъ уже опредѣленное положеніе въ жизни и старается, по возможности, выполнять его. Выспренніе идеалы юношеской фантазіи отступаютъ назадъ предъ здравымъ пониманіемъ вещей и безпристрастнымъ уразумѣніемъ задачъ, представляемыхъ самою жизнію. Не смотря на самую энергическую дѣятельность, не смотря на сильное стремленіе къ власти и преобладанію, человѣкъ въ этомъ возрастѣ начинаетъ все болѣе и болѣе жить самъ собою, пользуясь всѣми событіями и опытами

своей жизни для образованія своего характера. Отсюда объясняется большая замкнутость, твердость и самостоятельность, меньшая возбудимость и живость при болѣе значительной глубинѣ душевныхъ движеній,—болѣе спокойная, но и болѣе послѣдовательная и постоянная дѣятельность, большая острота, положительность и вѣрность сужденія,—болѣе серьезный и болѣе строгій взглядъ на жизнь и поведеніе зрѣлаго мужа.

г) *Старческій возрастъ* обнимаетъ остальную жизнь, начиная приблизительно съ 55 лѣтъ. Ослабленіе тѣлесныхъ силъ и постепенное уменьшеніе интереса къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра имѣютъ слѣдствіемъ своимъ то, что дѣятельность чувствъ все болѣе и болѣе притупляется, память теряетъ свою силу, фантазія — живость. Мышленіе, вслѣдствіе тѣсной связи съ чувственными воззрѣніями, много теряетъ въ своей всесторонности (широтѣ), а часто и въ силѣ. Пылъ юношескихъ чувствованій, неотступность своенравныхъ стремленій, энергія неутомимой дѣятельности—все проходитъ безвозвратно. Продолжительный, нерѣдко—обманчивый, опытъ и упадокъ тѣлесныхъ силъ приводятъ старца къ обдуманности въ дѣйствіяхъ. Духъ его сосредоточивается въ самомъ себѣ; нравственно-религіозныя идеи и чувствованія выступаютъ на первый планъ и побуждаютъ старца располагать жизнь свою по ихъ вѣковѣчнымъ требованіямъ. Иногда обнаруживаются въ старческомъ возрастѣ и сильныя страсти (скупость и др.). Подъ конецъ же старческаго возраста всѣ силы нерѣдко доходятъ до полнаго упадка и человѣкъ приближается къ состоянію дѣтства. Но истинность требуетъ указать при этомъ и такіе случаи, когда жизнь духа какъ-бы не связывается съ ослабленіемъ тѣла въ старости, когда люди на закатѣ дней своихъ отличались такою крѣпостію и свѣжестію силъ, что могли трудиться съ юношескою энергіей до самой смерти. И кто знаетъ, какова была-бы старость человѣка, если бы грѣхъ (въ обширномъ смыслѣ — все, противное законамъ человѣческой природы) и неразуміе не ослабляли силъ человѣка и не сокращали дней его земнаго существованія?...

Въ четырехъ возрастахъ жизни многіе усматриваютъ соотвѣтствіе съ четырьмя темпераментами и къ дѣтскому возрасту пріурочиваютъ темпераментъ сангвиническій, къ юношескому—холерическій, къ мужескому—меланхолическій и къ старческому возрасту — флегматическій темпераментъ. Указанная параллель между возрастами жизни и темпераментами имѣетъ свое основаніе въ томъ, что психическія особенности каждаго возраста, въ своей зависимости отъ физіологическихъ условій, чередуются въ такой же послѣдовательности, какая свойственна темпераментамъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ того, чтобы всѣ дѣти были сангвиники, юноши—холерики и т. д. Характерическія черты,

общія темпераментамъ съ возрастами жизни, являются весьма различными, смотря по тому: сангвиническій, или какой нибудь другой темпераментъ составляетъ прирожденную особенность человѣческой природы въ отдѣльныхъ личностяхъ.

§ 95. Сонъ и сновидѣнія.

Сномъ съ психологической точки зрѣнія называется такое состояніе, въ которомъ почти прекращается сознательная жизнедѣятельность души, происходящая во взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, и становятся преобладающими чисто внутреннія, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, преимущественно растительныя, отправленія.

Сонъ принадлежитъ къ такимъ психическимъ состояніямъ, которыя обусловливаются воздѣйствіемъ тѣла на жизнь души; поэтому съ наступленіемъ сна начинаются перемѣны какъ въ тѣлесной, такъ и въ душевной жизни. Въ тѣлесной жизни сонъ, сравнительно съ бодрственнымъ состояніемъ, сопровождается ослабленіемъ большей части физіологическихъ отправленій. Прежде всего, дыханіе во время сна становится значительно медленнѣе, такъ что количество углекислоты въ выдыхаемомъ во время сна воздухѣ почти на $^1/_4$ меньше, чѣмъ во время бодрствованія. Сердцебіеніе, а съ нимъ и обращеніе крови, во время сна совершается также медленнѣе; вслѣдствіе же меньшаго окисленія крови и отдѣленіе теплоты бываетъ значительно менѣе, чѣмъ во время бодрствованія. Затѣмъ, внѣшнія чувства, сохраняющія полную раздражительность въ бодрственномъ состояніи, во снѣ теряютъ ее совершенно, или въ очень значительной степени. Эта бездѣятельность внѣшнихъ чувствъ отражается и на нервной системѣ, въ особенности на головномъ мозгу, по сосудамъ котораго кровь движется, сравнительно съ бодрственнымъ состояніемъ, значительно медленнѣе и притомъ въ меньшемъ количествѣ. Съ началомъ сна теряется красноватый цвѣтъ массы головнаго мозга; эта масса все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и какъ-бы съеживается, а съ прекращеніемъ сна опять расширяется и снова получаетъ свой красноватый видъ. Далѣе, мышцы произвольнаго движенія, находящіяся въ связи съ волей, также во снѣ не дѣйствуютъ, потому что не дѣйствуетъ начало ихъ—воля. Такимъ образомъ, всѣ физіологическія отправленія въ своей силѣ и напряженности во время сна какъ-бы понижаются; исключеніемъ въ этомъ отношеніи является лишь процессъ питанія, который во время сна не только не теряетъ своей силы и дѣятельности, но какъ бы еще болѣе ускоряется и усиливается. Этотъ процессъ въ продолженіе дня стѣсняется умственною дѣятельностію, вслѣдствіе чего кровь потрачивается на обновленіе матеріи мозга; между тѣмъ какъ во время сна кровь почти совсѣмъ от-

ливаетъ отъ мозга, поэтому и процессы питанія совершаются съ большею свободою, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Вотъ почему здоровый сонъ заключаетъ въ себѣ условія, необходимыя для возстановленія силъ, ослабѣвающихъ отъ напряженнаго труда бодрственной жизни. Таково различіе сна отъ бодрственнаго состоянія въ физіологическомъ отношеніи.

Но еще большее различіе между сномъ и бодрственнымъ состояніемъ оказывается въ психологическомъ отношеніи. Съ наступленіемъ сна прекращается дѣятельность нашихъ внѣшнихъ чувствъ: прежде всѣхъ—зрѣнія, затѣмъ—слуха, обонянія, вкуса и, наконецъ, осязанія. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и самый характеръ душевной жизни. Съ чувствомъ зрѣнія исчезаетъ, прежде всего, противоположность міра внѣшняго и внутренняго; глазъ, пожалуй, еще смотритъ, но мы уже не сознаемъ никакихъ ощущеній; тоже самое происходитъ и съ прочими чувствами; даже ощущенія боли во время сна смягчаются и, мало по малу, совсѣмъ затихаютъ. Точно такія же перемѣны происходятъ съ наступленіемъ сна и въ области мышленія. Въ насъ все болѣе и болѣе теряется сила и охота мыслить; съ наступленіемъ сна мы уже съ трудомъ и весьма неточно понимаемъ смыслъ рѣчи, которую намъ приходится выслушивать; наши собственныя представленія спутываются и теряютъ свою естественную связь; наконецъ, наступаетъ то, повидимому, безсознательное состояніе, которое называется глубокимъ сномъ.

Причина сна двоякая: физіологическая и психическая. Наступленію сна можетъ благопріятствовать сильное мускульное утомленіе, хотя и не всегда, потому что мы иногда бываемъ настолько измучены тѣлесной работой, что должны бы предаться покою, такъ какъ продолженіе работы становится невозможнымъ; однако мы можемъ не чувствовать позыва ко сну, иногда потому, что не дозволяетъ этого время, въ которое мы привыкли бодрствовать, а иногда потому, что тѣлесная работа, особенно съ непривычки, производитъ сильное раздраженіе нервовъ. Поэтому, въ утомленіи нервной системы дѣятельностію заключается главная и существенная физіологическая причина сна. Этимъ объясняется и то, почему различныя наркотическія вещества, раздражающія нервную систему до утомленія, какъ-то: опіумъ, спиртные напитки при сильномъ ихъ употребленіи и т. п. вещества могутъ усыпить среди дня даже противящихся сну; между тѣмъ какъ употребленіе другихъ наркотическихъ веществъ, какъ-то: кофе, чая и др., дѣйствующихъ на нервную систему возбуждающимъ образомъ, разгоняетъ сонливость. По этой же причинѣ наступленію сна благопріятствуетъ все то, что утомляетъ нервную систему, какъ-то: напряженная умственная дѣятельность, усиленное возбужденіе чувствъ и т. п. Но такъ какъ при утомленіи органа

своей дѣятельности—нервной системы душа не можетъ вступать въ такое *сознательное взаимодѣйствіе* съ внѣшнимъ міромъ, какое составляетъ отличительную особенность ея бодрственной жизни, то всѣ психическіе процессы, при помощи которыхъ осуществляется это взаимодѣйствіе души съ внѣшнимъ міромъ, по необходимости, ослабляются и душа, удаляясь на время отъ внѣшняго міра, въ продолженіи сна какъ бы уходитъ въ саму себя.

Итакъ, чтожъ такое сонъ и бодрствованіе? Во всей природѣ бодрствованіе является такимъ состояніемъ, въ которомъ внутреннія силы вещей проявляются во внѣ. Такъ, напр. во всей природѣ, при появленіи солнца, расширяется атмосфера, развертываются и распускаются растенія, животныя начинаютъ жить и дѣйствовать, каждое сообразно съ своимъ назначеніемъ, и человѣкъ выходитъ на дѣло свое и дѣланіе до вечера. Напротивъ, сонъ во всей природѣ является такимъ состояніемъ, когда дѣйствующія силы возвращаются снова внутрь самихъ себя. Такъ, напр. атмосфера съ закатомъ солнца сгущается къ поверхности земли; соки деревъ отъ вѣтвей направляются къ корню; у животныхъ жизнь оставляетъ орудія ихъ дѣятельности и сосредоточивается внутри организма; точно также и душа человѣческая, направлявшая въ бдѣніи свою силу во внѣ и, такимъ образомъ, дѣйствовавшая преимущественно на отправленія двигательныхъ и чувствовательныхъ нервовъ, стремится возстановить нарушенное этимъ равновѣсіе въ обнаруженіи своихъ силъ и во снѣ обращаетъ свою органическую дѣятельность во внутрь, на возстановленіе и укрѣпленіе органовъ своей жизнедѣятельности. Отсюда происходитъ и то пріятное чувство свѣжести, довольства и расположенія ко внутренней и внѣшней дѣятельности, съ которымъ мы пробуждаемся отъ здороваго сна.

Какъ наступаетъ сонъ и каково его дальнѣйшее развитіе — это извѣстно каждому. Сначала человѣкъ испытываетъ состояніе *утомленія* какъ въ тѣлесной, такъ и въ душевной жизни. Результатомъ этого утомленія бываетъ состояніе, извѣстное подъ именемъ *дремоты*, въ которомъ человѣкъ еще испытываетъ впечатлѣнія и сознаетъ ихъ, хотя, болѣе или менѣе, смутно и неопредѣленно. За состояніемъ дремоты слѣдуетъ въ собственномъ смыслѣ *сонъ*, въ развитіи котораго различаются слѣдующіе моменты. Сначала, по наступленіи сна, почти прекращается жизнедѣятельность души, происходящая во взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, и наступаетъ чисто внутренняя жизнь, проявляющаяся въ такъ называемыхъ сновидѣніяхъ. Въ первое время по наступленіи сна эта внутренняя душевная жизнь отличается особенною силою и напряженностію. Но потомъ начинается второй моментъ, съ котораго внутренняя душевная жизнь все болѣе и болѣе ослабѣваетъ; наступаетъ

состояніе, которое называютъ глубокимъ сномъ, хотя и въ этотъ второй моментъ сна душевная дѣятельность, доходя до самой слабой степени, совершенно не прекращается. Наконецъ, наступаетъ третій моментъ въ состояніи сна, когда укрѣпившіеся органы позволяютъ душѣ снова начать свою дѣятельность и чѣмъ ближе подходитъ этотъ послѣдній моментъ къ концу, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе становится душевная дѣятельность; сознаніе все болѣе и болѣе вступаетъ въ свои права, пока, наконецъ, не наступитъ состояніе, называемое *пробужденіемъ*.

Психическая дѣятельность, обнаруживающаяся во время сна, извѣстна подъ именемъ *сновидѣній*. Душевная дѣятельность, принимая въ сновидѣніяхъ чисто внутреннее направленіе, состоитъ въ образахъ, непроизвольно возникающихъ въ душѣ во время сна и сопровождающихся большею или меньшею сознательностію.

Душевная дѣятельность, проявляющаяся во время сна, во все продолженіе соннаго состоянія не прекращается. Хотя сонъ и характеризуется удаленіемъ души отъ внѣшняго міра внутрь самой себя, однако во время сна не прекращается совершенно даже и сознаніе нашихъ отношеній ко внѣшнему міру. Такъ называемый глубокій, мертвый сонъ какъ будто подтверждаетъ то мнѣніе, что съ человѣкомъ бываетъ такое состояніе, когда прекращается, повидимому, всякая душевная дѣятельность и сознаніе. Но многіе факты даютъ основаніе полагать, что какъ бы ни былъ глубокъ сонъ, сознаніе нашихъ отношеній ко внѣшнему міру никогда вполнѣ не исчезаетъ, сопровождая сонъ и сновидѣнія хотя бы только темнымъ и неопредѣленнымъ образомъ. Такъ, всѣмъ извѣстно, что многіе просыпаются въ обычный часъ, хотя бы передъ этимъ спали весьма немного времени, — или многіе просыпаются даже и въ необычные часы, если только твердо это задумали. Кромѣ того, извѣстно, что мать часто не слышитъ во снѣ значительнаго шума, но самый тихій крикъ дитяти будитъ ее. Всѣ эти и многіе другіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что во снѣ остается темное сознаніе внѣшняго міра и его отношенія къ спящему; и мы никогда не проснулись бы, если бы душа не имѣла этого сознанія. Но еще болѣе подтверждается непрерывность душевной дѣятельности фактомъ сновидѣній. Правда, многіе, отрицая непрерывность во снѣ душевной дѣятельности, ссылаются на то, что послѣ крѣпкаго, глубокаго сна мы рѣдко сознаемъ, чтобы видѣли что нибудь во снѣ; кромѣ того, нѣкоторые люди увѣряютъ, будто они никогда не видятъ сновъ. Но если мы не помнимъ сновъ, то это еще не значитъ, чтобы мы ихъ не видѣли. „Нѣкоторые утверждали, говоритъ Карусъ, что они не имѣли сновидѣній, а между тѣмъ говорили во снѣ. Разумное наблюденіе должно отличать самую дѣятельность отъ сознанія этой дѣятельности. Извѣстно, что даже и въ бодрственномъ состояніи бываютъ

такія минуты, въ которыя мы не имѣемъ сознанія о томъ, что дѣлаемъ, когда какъ будто спимъ". Можно, поэтому, съ вѣроятностію полагать, что душевная дѣятельность во время глубокаго сна доходитъ лишь до крайней степени слабости и неопредѣленности, вслѣдствіе чего мы и не помнимъ видѣнныхъ сновъ. Но и вообще многихъ сновъ, вслѣдствіе ихъ безсвязности, мы не помнимъ, хотя иногда опредѣленно знаемъ, что видѣли сонъ и нерѣдко, дѣйствительно, вспоминаемъ видѣнный сонъ, когда случайно попадаемъ на ту ассоціацію, звѣномъ которой былъ видѣнный нами сонъ. Такимъ образомъ, душевная дѣятельность не прекращается и во время самаго глубокаго сна, когда спящаго, повидимому не тревожатъ никакія грезы.

Для уразумѣнія сновидѣній необходимо обратить вниманіе а) на тѣ причины, которыя обусловливаютъ возникновеніе сновидѣній, и б) на ту форму, въ которой является содержаніе сновидѣній.

Истинный источникъ сновидѣній можетъ быть только внутренній, потому что внѣшнія чувства спящаго закрыты. Главная причина, создающая сновидѣнія, есть фантазія; но ей сопутствуютъ и всѣ остальные виды душевной дѣятельности. Къ возникновенію сновидѣній подаютъ поводъ многія обстоятельства. Такими поводами служатъ, прежде всего, внѣшнія впечатлѣнія. Спящій, хотя и не ясно, но все-таки слышитъ звуки, чувствуетъ прикосновеніе, ощущаетъ свѣтъ. Эти-то неясныя ощущенія и подаютъ поводъ къ различнымъ грезамъ *). Еще больше поводовъ къ возникновенію сновидѣній представляютъ различные физіологическіе процессы нашего организма и сопровождающія ихъ ощущенія. Такъ, задержка кровообращенія или приливъ крови къ мозгу производитъ кошмаръ, во время котораго снятся, по большей части, нападенія нечистыхъ силъ, различныхъ чудовищъ и т. п. Къ подобнымъ же причинамъ, вызывающимъ различныя сновидѣнія, принадлежатъ: болѣзненное состояніе органовъ, неудобное положеніе тѣла и т. п. состоянія, а также позывы и волненія нашей чувственной природы. Такъ какъ сонъ наступаетъ вслѣдствіе утомленія нервной системы и вообще вслѣдствіе органической усталости, то замѣчено, что въ первый періодъ сна бываютъ сновидѣнія, отличающіяся, по преимуществу, духовнымъ характеромъ. Когда же, въ продолженіе сна, нервная система достаточно укрѣпится и возстановятся ослабѣвшія силы организма, тогда начинаютъ заявлять себя и потребности чувственной природы человѣка. Вотъ

*) Ридъ разсказываетъ о себѣ, что пластырь, приложенный къ больной головѣ, вызвалъ въ немъ сновидѣніе, что будто на него напали индѣйцы и скальпировали его голову. Другой ученый (Грегори), которому къ ногамъ были приложены бутылки съ теплою водой, увидѣлъ во снѣ прогулку по раскаленному кратеру Этны.—Подобныхъ примѣровъ извѣстно множество.

почему въ срединѣ и концѣ сна, предъ пробужденіемъ, возникаютъ сновидѣнія, по большей части, съ чувственно-животнымъ характеромъ. — Но самымъ обильнымъ источникомъ сновидѣній служитъ *воспоминаніе* прошедшаго. Чаще всего воспроизводятся въ сновидѣніяхъ впечатлѣнія прожитаго дня и вообще событія недавняго времени; но нерѣдко воспроизводятся въ сновидѣніяхъ событія всей нашей прошедшей жизни, иногда самыя смутныя и далекія по времени. Затѣмъ, весьма важнымъ источникомъ сновидѣній и, въ тоже время, причиною, сообщающею имъ своеобразное направленіе, служатъ тѣ чувствованія и настроенія, которыя наполняли душу въ бодрственномъ состояніи. Въ сновидѣніяхъ проявляются по большей части наши постоянныя и продолжительныя чувствованія любви, ненависти, страха, сильные упреки совѣсти и т. п. Жизнь нашего сердца непремѣнно сообщаетъ снамъ соотвѣтствующую окраску. Такъ, человѣку счастливому снятся и сны радостные, а человѣку несчастному—сны тревожные и печальные. Наконецъ, рядъ причинъ, обусловливающихъ различныя видоизмѣненія въ содержаніи и направленіи сновидѣній, заключается въ темпераментѣ, степени умственнаго и нравственнаго развитія, возрастѣ, половомъ развитіи, въ жизненной обстановкѣ и т. п. Поэтому, въ сновидѣніяхъ каждый переживаетъ такія событія, въ которыхъ выражаются отличительныя особенности его бодрственной жизни: корыстолюбивому снятся деньги, сластолюбивому — пріятныя кушанья, разсѣянному—удовольствія и т. п. „Сновидѣнія часто предательски выдаютъ человѣку его дурные помыслы, дурныя наклонности, не сознаваемыя во время бодрственной жизни. Сновидѣнія въ этомъ отношеніи можно назвать, по справедливости, *тайнымъ судомъ* человѣка, гдѣ онъ самъ себя судитъ“ (Карусъ).

Но всѣ впечатлѣнія, дѣйствующія на спящаго, всѣ воспоминанія и чувствованія не сами по себѣ составляютъ сновидѣнія, а только даютъ поводы, матеріалъ и направленіе для дѣятельности *фантазіи*, которая содержанію сонной жизни сообщаетъ своеобразную *форму*. Такъ какъ фантазія спящаго не стѣсняется тѣми границами, которыя противоставляются ей въ бодрственномъ состояніи внѣшнимъ міромъ, а также разумомъ и волею, то форма, которую фантазія сообщаетъ содержанію сонной душевной жизни, отличается крайнею *произвольностію* и *причудливостію*. Отсюда, всѣ сновидѣнія отличаются, большею или меньшею, *субъективностію*, хотя для самой души ея сонные образы являются вполнѣ *объективными* и весьма часто отличаются такою ясностію и живостію, что нисколько не уступаютъ чувственнымъ воспріятіямъ, получаемымъ нами въ бодрственномъ состояніи. Сновидѣніе, такимъ образомъ, есть подобіе бодрственной жизни; во снѣ, какъ и на яву, мы созерцаемъ внѣшніе предметы, мыслимъ, чувствуемъ и дѣйствуемъ.

Душа наша, отрѣшившись отъ внѣшняго міра, все-таки не сознаетъ его отсутствія и свои собственныя, чисто субъективныя, произведенія считаетъ внѣшнею, объективною дѣйствительностію. Вотъ почему нѣкоторые психологи довольно остроумно сравниваютъ сонъ съ игрою въ театрѣ: душа въ этой игрѣ является драмматургомъ, актеромъ и зрителемъ.—Сообщая содержанію сонной жизни своеобразную форму, фантазія не сообразуется съ *условіями пространства:* сонная фантазія переноситъ личность въ самыя отдаленнѣйшія, невѣдомыя мѣста, заставляетъ ее проходить небо и землю, развертываетъ и смѣняетъ предъ взорами человѣка самыя разнообразнѣйшія панорамы. Еще менѣе сообразуется фантазія и съ *условіями времени.* Естественная послѣдовательность событій совершенно въ сновидѣніяхъ искажается: лица, которыхъ мы видимъ во снѣ, представляются въ ихъ прежнихъ, а не теперешнихъ положеніяхъ и отношеніяхъ. Смѣшиваются между собою отдѣльные моменты времени; теряется связь между предыдущимъ и послѣдующимъ. Событія бодрственной жизни, совершавшіяся и могущія совершаться въ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительные, моменты времени, въ сновидѣніяхъ представляются происходящими съ такою необыкновенною скоростію, какая свойственна только полету мысли *). Наконецъ, не имѣютъ никакого значенія для сонной фантазіи и отношенія между вещами и явленіями по закону *естественной причинности.* Фантазія производитъ самыя необыкновенныя превращенія съ грезящимъ лицемъ, заставляетъ его совершать необыкновенные поступки, дѣлаетъ свидѣтелемъ и участникомъ событій чудесныхъ и сверхъестественныхъ.

Но не всегда сновидѣнія наполняются только произвольными и причудливыми созданіями фантазіи. Иногда фантазія подпадаетъ подъ вліяніе разума и въ такихъ случаяхъ творческая дѣятельность ея поражаетъ своею серьезностію, глубиною и возвышенностію. Въ силетеніяхъ сновидѣній иногда обнаруживается такая глубина и нѣжность чувства, ясность представленія, тонкая наблюдательность и сила остроумія, какихъ мы не можемъ признать за постоянное достояніе бодрствующей жизни. Сновидѣніе обладаетъ часто удивительной поэзіей, превосходной силой аллегоріи, несравненнымъ юморомъ, замѣчательной ироніей. Оно разсматриваетъ міръ въ особенномъ идеализированномъ свѣтѣ. Оно изображаетъ намъ земную красоту въ небесномъ блескѣ, высокое — въ высшей формѣ величія, просто страшное—въ ужасающемъ видѣ, смѣш-

---

*) Разсказываютъ, что одинъ человѣкъ, разбуженный выстрѣломъ, въ самый моментъ пробужденія видѣлъ во снѣ, что онъ сдѣлался солдатомъ, вытерпѣлъ много бѣдствій и лишеній, затѣмъ—бѣжалъ, былъ пойманъ, преданъ суду, осужденъ и разстрѣлянъ.

ное—въ неописанномъ комизмѣ *).... Душа спящаго, освободившись отъ разсѣявающихъ ее внѣшнихъ впечатлѣній, замкнувшись и сосредоточившись въ себѣ, предается съ полною свободою теченію возникающихъ въ ней представленій; при руководствѣ же фантазіи со стороны разума, душа, слѣдуя въ сновидѣніяхъ по тому направленію, въ какомъ обнаруживала свою жизнедѣятельность во время бодрствованія, можетъ въ сновидѣніяхъ безпрепятственно доводить до конца работу, которою занималась въ бодрственомъ состояніи.

Наконецъ, для составленія полнаго понятія о сновидѣніяхъ, необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что многимъ снамъ во всѣ времена придавалось вѣщее значеніе. Такъ какъ поводы ко многимъ сновидѣніямъ заключаются въ физіологическихъ процессахъ организма, то сновидѣнія нерѣдко предсказываютъ о наступленіи скорой болѣзни. Но въ собственномъ смыслѣ вѣщее, пророчественное значеніе имѣютъ сновидѣнія тогда, когда предвѣщаютъ наступленіе такихъ будущихъ событій, которыя не могутъ быть предугаданы на основаніи естественнаго теченія событій изъ настоящей жизни извѣстнаго лица. Примѣровъ подобныхъ сновидѣній извѣстно весьма много. Такъ, бываютъ сновидѣнія, въ которыхъ представляется спящему то, что происходитъ въ это время вдали отъ него, при чемъ въ сновидѣніяхъ указывается на дѣйствительныя событія или *символическимъ образомъ,* или представляется событіе такъ, какъ оно происходитъ въ *дѣйствительности.* Къ этому послѣднему виду сновидѣній можно отнести извѣстный вѣщій сонъ Ломоносова. Ломоносову приснилось, что отецъ его погибъ на томъ именно островѣ Ледянаго моря, къ которому въ молодости онъ самъ вмѣстѣ съ отцемъ былъ однажды принесенъ бурею. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно около этого времени отецъ Ломоносова пропалъ безъ вѣсти, а при розыскахъ тѣло его было найдено на томъ самомъ островѣ **). Затѣмъ, бываетъ, что спящій видитъ во снѣ происходящее въ мѣстностяхъ не только отдаленныхъ отъ него, но и совершенно ему неизвѣстныхъ, и при участіи такихъ лицъ, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ, и эти лица и мѣстности представляются ему такъ живо и отчетливо, что послѣ, при встрѣчѣ съ ними, онъ тотчасъ можетъ узнать ихъ. Во всѣхъ указанныхъ видахъ снови-

---

*) Hildebrandt. Der Traum u. seine verwerthung fur's Leben. Lpz. 1875., p. 19 u. 25 (цит. изъ соч. Грота).

**) Одному сельскому священнику пришлось быть по дѣламъ въ ближайшемъ городѣ и переночевать тамъ. Ночью ему приснилось, будто горитъ его домъ и жизнь одного изъ его дѣтей находится въ опасности. Проснувшись, онъ тотъ часъ-же поспѣшилъ домой и дѣйствительно нашелъ все такъ, какъ ему снилось, едва успѣвши спасти своего маленькаго сына (Перти).

дѣній между сномъ и самымъ происшествіемъ есть близкое совпаденіе во времени. Но бываютъ и такія сновидѣнія, въ которыхъ представляются событія уже совершившіяся и притомъ такія, которыхъ самъ сновидящій въ бодрственномъ состояніи не видалъ, о которыхъ даже не слыхалъ, и въ которыхъ тѣмъ болѣе не былъ участникомъ; совершенно ясно представляются тѣ мѣстности, въ которыхъ совершились эти событія. Извѣстно очень много примѣровъ подобнаго рода сновидѣній, способствовавшихъ открытію различныхъ преступленій, находкѣ утерянныхъ вещей и т. п. Наконецъ, бываютъ и такія сновидѣнія, въ которыхъ, большею частію, символическимъ образомъ представляются событія, имѣющія совершиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Таковы сновидѣнія, въ которыхъ раскрывается предъ сновидящимъ будущая судьба: а) его личной жизни, б) другихъ, почему-либо близкихъ ему, лицъ или в) предъизображаются событія общественныя и даже всемірно-историческія. Примѣровъ подобнаго рода сновидѣній весьма много представляетъ св. Писаніе (Быт. XL; XLI. I—37; Дан. IV. 1—25; VII; Матѳ. II. 12; XXVII. 19 и мн. др.) и исторія человѣчества *).

Мы указываемъ на сновидѣнія, имѣющія вѣщее значеніе, какъ на факты, не предлагая объясненій происхожденія ихъ, такъ какъ всѣ подобные факты указываютъ на мистическія явленія человѣческой природы, *дѣйствительность которыхъ хотя и не подлежитъ сомнѣнію,* но для объясненія которыхъ еще не имѣется общепризнанной научной теоріи.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНІЯХЪ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ НЕНОРМАЛЬНЫХЪ.

Кромѣ психическихъ состояній, составляющихъ содержаніе общечеловѣческой душевной жизни въ ея нормальномъ развитіи, существуютъ еще такія видоизмѣненія душевной жизни, которыя обнаруживаются лишь у нѣкоторыхъ личностей. Это—состоянія душевной жизни ненормальныя, составляющія темную область душевной жизни; при чемъ одни изъ такихъ состояній повторяются отъ времени до времени, вслѣдъ за наступленіемъ извѣстныхъ поводовъ, сопровождаясь лишь временнымъ подавленіемъ самосознательной и свободной дѣятельности (сомнамбулизмъ, ясновидѣніе), тогда какъ другія состоянія влекутъ за собою

*) Таковы сновидѣнія: Астіага *(Герод. 1, 107)*, жены Юлія Цезаря на-канунѣ смерти послѣдняго, Ѳеодосія младшаго (Церк. ист. Ѳеодор. стр. 312), велик. кн. Павла Петровича на-канунѣ смерти Императрицы Екатерины II („Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.“ 1864., кн. 2. стр. 173) и мн. другія.

постоянное разстройство нормальной душевной жизни (въ собственномъ смыслѣ душевныя болѣзни).

§ 96. Сомнамбулизмъ.

Къ первому классу ненормальныхъ душевныхъ состояній, отличающихся темнотою и загадочностію, принадлежитъ обыкновенный *сомнамбулизмъ*, или хожденіе во снѣ. Это состояніе бываетъ у людей съ очень раздражительною, болѣзненно возбудимою нервною системою, чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Такъ какъ хожденіе во снѣ происходитъ часто во время луннаго свѣта, то оно называется, вслѣдствіе этого, *лунатизмомъ*. Хотя вліяніе луннаго свѣта на это состояніе и нельзя отрицать, однако родъ и способъ этого вліянія совершенно неизвѣстны (совершается-ли вліяніе луны на атмосферу и при помощи этой послѣдней на нервную систему, или какимъ-нибудь другимъ способомъ).

Сомнамбулъ поднимется сонный съ постели, обходитъ извѣстныя мѣстности, совершаетъ то или другое дѣйствіе, потомъ опять ложится въ постель и предается обычному сну. Во время сомнамбулическаго состоянія онъ взбирается на опасныя высоты съ величайшимъ проворствомъ, дѣйствуетъ во снѣ, повидимому, съ такимъ-же размышленіемъ и спокойствіемъ, какъ и въ бодрственномъ состояніи; иногда, впрочемъ онъ бываетъ неувѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — и тогда мѣстность и предметы вокругъ себя онъ осторожно ощупываетъ. Нерѣдко окружающіе предметы сомнамбулъ принимаетъ за нѣчто другое, чѣмъ они суть въ дѣйствительности; онъ, напр. производитъ на какихъ-нибудь предметахъ такія движенія, какъ будто-бы онъ ѣхалъ на лошади, или по землѣ движется такъ, какъ будто онъ плавалъ. Чувства сомнамбула по отношенію къ впечатлѣніямъ, обыкновенно, не воспріимчивы; глаза или закрыты, или сонно-неподвижно открыты. Но иногда у сомнамбуловъ обнаруживается и чрезвычайная чувствительность по отношенію къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. По пробужденіи, у сомнамбуловъ, обыкновенно, не остается никакого воспоминанія о бывшемъ съ ними состояніи; иногда остается темное воспоминаніе о пережитомъ сновидѣніи.

Какое нибудь всестороннее удовлетворительное объясненіе сомнамбулизма въ его много различныхъ проявленіяхъ уже потому невозможно, что наблюдавшіеся случаи въ ихъ частностяхъ рѣдко излагались съ научною точностію и иногда описывались преувеличенно. Что дѣйствія сомнамбуловъ представляютъ лишь осуществленіе переживаемыхъ во снѣ представленій, это съ достаточною вѣроятностію можетъ быть принято на основаніи тѣхъ случаевъ, когда, по пробужденіи, сохраняется еще воспоминаніе объ имѣвшемся сновидѣніи. Но даже и тогда, когда не

остается никакого воспоминанія о подобномъ состояніи, повтореніе сомнамбулами обыкновенныхъ дневныхъ дѣйствій указываетъ на то, что они осуществляютъ лишь сонное представленіе. Какъ-же происходитъ это осуществленіе сонныхъ представленій? Во снѣ душа бываетъ дѣятельна преимущественно какъ сила формирующая, организующая, и какъ сила, воспроизводящая и производящая образы (фантазія). Поелику дѣятельность фантазіи во снѣ не прерывается чувственными впечатлѣніями, какъ это бываетъ въ бодрственномъ состояніи, то она и можетъ происходить съ особенною свободою. Что эта дѣятельность, усиливающаяся въ особенно живыхъ сновидѣніяхъ, при благопріятномъ расположеніи нервной системы, пріобрѣтаетъ вліяніе на органы движенія и переходитъ на самомъ дѣлѣ въ движенія и дѣйствія, соотвѣтствующія сновидѣнію,— это можетъ быть признано вполнѣ вѣроятнымъ при томъ могущественномъ вліяніи, какое имѣетъ на организмъ фантазія. И если предметы, къ которымъ сомнамбулъ пріурочиваетъ свои дѣйствія, не согласуются съ его сонными образами, то онъ совершаетъ дѣйствіе безсмысленное. Напротивъ, когда предметы вполнѣ соотвѣтствуютъ его сонымъ представленіямъ, тогда въ дѣйствіяхъ его обнаруживается разумъ и пониманіе. (Это бываетъ, напр. тогда, когда сомнамбулъ повторяетъ обычныя ежедневныя дѣйствія; но при этомъ нужно принять въ соображеніе то обстоятельство, что привычныя дѣйствія выполняются, наконецъ, совершенно механически, такъ что человѣкъ даже и въ бодрственномъ состояніи можетъ выполнять ихъ безъ вниманія, почти какъ во снѣ, но тѣмъ не менѣе удачно). Для объясненія того факта, что сомнамбулъ взбирается на высокіе предметы съ проворствомъ и ловкостію, можно указать на незнаніе угрожающей опасности, затѣмъ—на усиленную дѣятельность симпатической нервной системы и ея вліяніе на двигательные нервы. Загадочными остаются въ состояніяхъ сомнамбулизма лишь отправленія чувствъ, сопровождающія совершаемыя сомнамбулами поступки. Чрезвычайно затруднительно утверждать для всѣхъ случаевъ то, что бы сомнамбулъ имѣлъ предъ глазами только свои сонныя дѣйствія и внѣ себя ничего не видѣлъ, чтобы его цѣлесообразныя дѣйствія объяснялись единственно изъ случайнаго совпаденія обстановки съ его сонными образами. Уже то обстоятельство, что ночной путникъ удачно минуетъ тѣ препятствія, которыя намѣренно для него полагаются, дѣлаетъ это объясненіе сомнительнымъ. Во многихъ случаяхъ онъ имѣетъ чувство близости предметовъ. Кажется, что у сомнамбуловъ до нѣкоторой степени дѣятельно чувство зрѣнія, преимущественно-же дѣятельно чувство осязанія. (Такъ, напр. сомнамбулъ, взбирающійся на стѣну, ощупываетъ, насколько прочно укрѣплены камни и т. п.). При этомъ дѣятельность чувствъ не выходитъ однако у сомнамбуловъ изъ круга ихъ сонныхъ

представленій. Такъ какъ ощущеніе и сознаніе этого послѣдняго совпадаютъ не всегда, то очень возможно, что, глубоко погруженная въ свои сонныя представленія и соотвѣтственно этому отдѣленная отъ бодрственнаго сознанія, душа сомнамбула, вмѣстѣ съ возникающими въ ней сонными представленіями, переживаетъ и чувственныя ощущенія, не имѣя однакожь о нихъ сознанія.

§ 97. Гипнотизмъ и спиритизмъ.

Къ числу особенно темныхъ ненормальныхъ психическихъ состояній принадлежитъ также и сомнамбулизмъ магнетическій или *гипнотизмъ*, на высшей степени обнаруженія называемый *ясновидѣніемъ*. По имени вѣнскаго врача Месмера (1773 г.), которому магнетическій сомнамбулизмъ обязанъ широкимъ распространеніемъ, онъ называется также *месмеризмомъ*. Гипнотизмъ, по большей части, вызывается искусственно, при помощи такъ называемаго магнетизированія (животный магнетизмъ). Процессъ магнетизированія совершается съ помощью манипуляцій, или, такъ называемыхъ, магнетическихъ линій, производимыхъ руками магнетизера сверху книзу, всегда въ одномъ и томъ-же направленіи, напр. отъ головы къ оконечностямъ рукъ или ногъ, но никогда—обратно. Магнетизированье можетъ совершаться даже при помощи одного взора. Иногда при гипнотизированіи употребляются разнообразныя искусственныя средства, усиливающія вліяніе магнетизированія (магнетическія батареи, зеркала, музыка, электричество и т. п.). Расположеніе къ гипнотическимъ состояніямъ существуетъ лишь у нѣкоторыхъ людей, болѣе—въ юности, чѣмъ въ старости, менѣе у мужескаго, чѣмъ у женскаго пола (преимущественно у истерическихъ женщинъ), вообще при слабой и болѣзненной нервной системѣ.

Хотя загадочныя явленія гипнотизма въ общемъ и мало изслѣдованы, однако даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе о томъ состояніи, въ которомъ находится магнетизируемый. Сначала этотъ послѣдній долженъ впасть въ состояніе, подобное натуральному сну; потомъ — въ магнетическій сонъ. Этотъ сонъ отличается отъ обыкновеннаго сна тѣмъ, что глубже послѣдняго и ненарушается никакими внѣшними вліяніями. Самый яркій свѣтъ, самый сильный шумъ, иногда даже давленіе, рѣзаніе и жженіе не могутъ разбудить погруженнаго въ такой сонъ. Во время подобнаго сна, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наступаетъ магнетическое сонное возбужденіе, или ясновидѣніе. Разсказываютъ, что чувства въ ясновидѣніи снова становятся дѣятельными, но при своеобразныхъ видоизмѣненіяхъ. Дѣятельность чувствъ уже не бываетъ исключительно связана специфическими органами, но происходитъ

при помощи нервовъ общаго чувства. Воспріимчивость чувствъ въ магнетическомъ снѣ становится такою острою, что легко различаются самыя слабыя впечатлѣнія, неуловимыя въ нормальномъ состояніи. Воля въ магнетизируемомъ совершенно подавляется; онъ находится въ безусловной зависимости отъ магнетизера, слѣпо повинуясь и автоматически исполняя его приказанія. За то сердечная чувствительность въ это время необыкновенно возвышается, сопровождаясь общимъ духовнымъ возбужденіемъ. Прежде всего возбуждается до высшей степени память: магнетически усыпленные припоминаютъ съ необыкновенною живостью мельчайшія подробности мѣстности, которую они нѣкогда видѣли, или факты, которыхъ были свидѣтелями. Затѣмъ наступаетъ необычайная экзальтація фантазіи и въ это время, по предложенію (внушенію) магнетизера, въ гипнотикѣ автоматически возникаютъ многоразличныя, нерѣдко самыя причудливыя галлюцинаціи, при чемъ переживаемыя психическія состоянія гипнотики выражаютъ самымъ совершеннымъ образомъ въ соотвѣтственныхъ тѣлесныхъ позахъ и мимическихъ движеніяхъ лица. Въ собственномъ смыслѣ ясновидѣніе у гипнотика выражается въ томъ, что онъ прозираетъ въ свое собственное тѣло, узнаетъ его болѣзни и соотвѣтствующія имъ цѣлебныя средства. Точно также гипнотикъ знаетъ и чувствуетъ состояніе магнетизера, проникая въ его сокровеннѣйшія мысли. Иногда гипнотикъ высказываетъ знаніе о вещахъ, пространственно и временно отдаленныхъ; на высшей-же степени ясновидѣнія онъ прозираетъ въ міровое цѣлое и паритъ въ областяхъ премірныхъ. Въ бодрственномъ состояніи обыкновенно не сохраняется никакого воспоминанія о магнетическомъ ясновидѣніи; но при возобновленіи послѣдняго воспоминаніе снова оживляется въ высшей степени, представляя совершеннѣйшее продолженіе того, что магнетизируемый переживалъ въ предшествующій сеансъ. Душевное состояніе во время магнетическаго сна, обыкновенно совершенно спокойное, иногда становится измѣнчивымъ и подвижнымъ; глубокое мрачное настроеніе быстро смѣняется самымъ свѣтлымъ возбужденіемъ. Смотря по различію магнетизируемыхъ субъектовъ, обнаруживаются въ состояніи усыпленія вторичныя явленія: сильная аффекція нервной системы, смѣняющіе другъ друга жаръ и холодъ въ членахъ, вздохи, плачъ, конвульсивный смѣхъ и, нерѣдко, судороги.

Вполнѣ удовлетворительнаго научнаго объясненія гипнотическихъ явленій до сихъ поръ не могли дать ни психологія, ни физіологія. Въ особенности затрудняли истинную постановку дѣла самообольщеніе и обманъ, которые съ самаго начала господствовали въ этой области, такъ что большая часть изъ того, что разсказывается о высшихъ познавательныхъ способностяхъ, о пространственной и временной дальнозор-

кости находившихся въ состояніи магнетическаго усыпленія, составляетъ продуктъ намѣреннаго обмана и возбужденнаго воображенія. Но нельзя утверждать и того, чтобы всѣ свѣдѣнія о явленіяхъ гипнотизма были лишены всякой истины. Такъ своеобразныя отношенія между магнетизеромъ и лицомъ, находящимся въ состояніи гипнотизма, дѣйствительно существуютъ; дѣйствительно существующими нужно признать и тѣ удивительныя явленія, которыя составляютъ сущность ясновидѣнія. Но для объясненія этихъ явленій нѣтъ нужды признавать существованіе какой-то нервной жидкости (эфира), истекающей изъ магнетизера и охватывающей лицо, подвергающееся усыпленію. Если даже согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что отъ магнетизера къ гипнотику исходятъ электрическіе токи, то эти послѣдніе могутъ располагать извѣстное лицо только къ магнетическому усыпленію, но едва-ли въ состояніи вызвать то психическое состояніе, какимъ бываетъ ясновидѣніе. Несомнѣнно, что ясновидѣніе возникаетъ подъ неотразимымъ психическимъ вліяніемъ магнетизера, представляя высшую степень возбужденія большей части психическихъ способностей (исключая, разумѣется, способности къ самоопредѣленію и логическому мышленію). Если мы примемъ при этомъ во вниманіе, что психическая жизнь гипнотика становится недоступною для внѣшнихъ впечатлѣній, которыя своимъ вторженіемъ во внутреннее существо души затрудняли и задерживали-бы естественное, свободное теченіе психическихъ процессовъ,—что, вслѣдствіе этого, вниманіе гипнотика представляетъ состояніе самой глубокой сосредоточенности, сопровождающейся необыкновеннымъ оживленіемъ памяти и возбужденіемъ фантазіи и сердца: то намъ станетъ до нѣкоторой степени понятною возможность такого познавательнаго состоянія, какимъ бываетъ ясновидѣніе. Кромѣ того, для объясненія этого состоянія необходимо признать, что хотя душа, въ силу своей ограниченности, въ земной жизни своей, и дѣйствуетъ въ постоянной связи съ тѣломъ; однако нельзя отрицать и того, что, какъ существо самостоятельное, душа, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть дѣятельна и безъ тѣла. Поэтому можно признать вѣроятнымъ, что душа уже въ этой жизни, вслѣдствіе нѣкоторой, хотя-бы и болѣзненной, отрѣшенности отъ своего тѣла, можетъ вступать въ непосредственное общеніе съ другими душами. И если уже въ обыкновенномъ снѣ душа обнаруживаетъ свою дѣятельность, преимущественно, какъ сила организующая, то эта же самая дѣятельность, разумѣется, въ высшей степени, происходитъ и во время магнетическаго сна, особенно если извѣстія о цѣлительной дѣятельности гипнотизма заслуживаютъ вѣроятія. Впрочемъ, если душа гипнотика становится болѣе объективною, когда ослабѣваетъ связь ея съ тѣломъ, то не будетъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что она во время особен-

наго возбужденія своихъ познавательныхъ способностей можетъ получать нѣкоторое прозрѣніе въ болѣзненныя состоянія своего тѣла.

Еще болѣе загадочнымъ, сравнительно съ гипнотизмомъ является, такъ называемый, *спиритизмъ*. Уже Шведенборгіане явленія гипнотизма объясняли дѣйствіемъ душъ умершихъ людей; съ того-же времени, какъ сдѣлалось извѣстнымъ столоѣданіе, широко распространилось то суевѣріе, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, души умершихъ могутъ сообщаться съ живыми людьми и открываться послѣднимъ при помощи особенныхъ, необычайныхъ явленій. Это суевѣріе и называется спиритизмомъ. По ученію представителей спиритизма души умершихъ постукиваютъ по столамъ и пишутъ при помощи особо устроеннаго аппарата (психографа). Иногда, впрочемъ, довольно бываетъ доски съ грифелемъ, листа бумаги съ карандашемъ, чтобы получить писаніе духа. Разсказываютъ, далѣе, что спириты видятъ столы и стулья поднимающимися безъ всякой сторонней помощи,—людей, парящихъ въ воздухѣ; слышатъ игру невидимыхъ рукъ на музыкальныхъ инструментахъ; видятъ явленія рукъ, головы и даже цѣлыхъ человѣческихъ фигуръ (такъ называемая матеріализація духовъ) и т. п. Для подобнаго вызова духовъ устрояются особыя собранія, вечера, въ которыхъ постоянно, или большею частію, должны участвовать *медіумы*—извѣстныя лица, обладающія особенною силою, необходимою для вызова духовъ. — Что касается естественнаго объясненія спиритическихъ явленій, то всѣ извѣстныя до сихъ поръ объясненія отличаются темнотою и, большею или меньшею, ненаучностію. Таковы гипотезы: о гипнотическомъ вліяніи, психической силѣ медіумовъ, четвертомъ измѣреніи пространства. Если свѣдѣнія о спиритическихъ явленіяхъ заслуживаютъ какого-нибудь вѣроятія (а въ этомъ, кажется, безусловно сомнѣваться нельзя), то въ такомъ случаѣ всѣ спиритическія явленія нужно приписать дѣйствію злыхъ духовъ, которые, по Божію попущенію, являются подъ видомъ обитателей загробнаго міра, съ цѣлію вовлекать въ суевѣріе людей, самовольно отторгшихся отъ Богооткровенной истины вѣры Христовой (Римл. I. 22—25).

§ 98. Экстатическое созерцаніе.

Изъ ненормальныхъ состояній отличается особенно мистическимъ характеромъ *экстатическое созерцаніе*, называемое иначе *вторымъ зрѣніемъ* (вторымъ—необыкновеннымъ, въ отличіе отъ перваго, обыкновеннаго зрѣнія). Расположеніе къ экстатическому созерцанію встрѣчается у обитателей нѣкоторыхъ однообразныхъ странъ (напр. Ирландіи и горной Шотландіи, вслѣдствіе чего иногда даже и называется шотландскимъ зрѣніемъ), встрѣчается у обитателей горныхъ долинъ и уединенныхъ

острововъ, и бываетъ прирождено извѣстнымъ семействамъ. Подобные визіонеры въ бодрственномъ состояніи видятъ совершающимися событія, пространственно отдаленныя, или такія, которыя еще только имѣютъ наступить въ будущемъ. Они видятъ отдаленныя зданія горящими, предвидятъ внезапные смертные случаи, погребальныя процессіи, свадьбы и т. п. Вообще предметами экстатическаго созерцанія бываютъ важныя печальныя или радостныя событія обыденной жизни. Особенный видъ экстатическаго созерцанія составляетъ самопрозрѣніе. Сюда же принадлежатъ видѣнія умершихъ людей, равно какъ видѣнія, бывающія у послѣдователей различныхъ фанатическихъ сектъ, распространяющіяся иногда эпидемически, какъ напр. въ Швеціи.

Научнаго объясненія явленій экстатическаго созерцанія не существуетъ; трудно даже въ этой области, представляющей обширное поприще для самообольщенія и обмановъ, отдѣлить истину отъ заблужденія. Извѣстно, что субъективнымъ возбужденіямъ чувствъ фантазія можетъ придавать видимость объективныхъ воспріятій и чрезъ то содѣйствовать возникновенію галлюцинацій. Несомнѣнно, что большая часть видѣній должна быть сведена къ подобнымъ галлюцинаціямъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ, обыкновенно, происходитъ экстатическое созерцаніе. Лица, подвергающіяся подобнымъ состояніямъ, отличаются обыкновенно нервозностію и живой фантазіей, живутъ въ уединенныхъ, лѣсныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, склонны къ суевѣрію, или принадлежатъ къ фанатическимъ сектамъ. Самыя видѣнія, по большей части, происходятъ въ сумракѣ и тишинѣ ночи, когда фантазія бываетъ особенно дѣятельна,—въ такихъ мѣстахъ, которыя настраиваютъ душу созерцательно и тѣмъ самымъ возбуждаютъ фантазію (на кладбищахъ, на поляхъ битвъ, въ мѣстахъ совершенія казни и т. п.). Состоятъ видѣнія, по большей части, или изъ неопредѣленныхъ слуховыхъ воспріятій: звуковъ, стуковъ и т. п., которымъ фантазія даетъ форму и жизнь, или изъ неопредѣленныхъ зрительныхъ воспріятій, которыя фантазія преобразуетъ въ человѣческія фигуры, или чисто субъективные образы возводитъ въ объективныя явленія.—Но при этомъ не слѣдуетъ, однакожь, утверждать того, чтобы всѣ вообще экстатическія состоянія были лишены объективнаго значенія. Напротивъ, нужно признать, что еще и въ этой жизни, когда душа какъ-бы отрѣшается отъ тѣла, взору визіонера можетъ представляться самая отдаленная перспектива и его духъ можетъ вступать въ непосредственное общеніе съ другими духами. Равнымъ образомъ и то обстоятельство, что являющіеся духи принимаютъ, обыкновенно, тѣлесную форму, не даетъ намъ никакого права считать за обманъ всѣ явленія духовъ, такъ-какъ вполнѣ мыслимо, что являющійся духъ получаетъ тѣ-

лесный образъ лишь въ душѣ визіонера, каковой образъ, по закону проэкціи ощущеній, необходимо созерцается вовнѣ. Вообще, если нельзя легкомысленно вѣрить всѣмъ подобнымъ состояніямъ, то не должно легкомысленно и отрицать ихъ. Нужно всегда помнить, что въ мірѣ происходитъ много такихъ необычайныхъ мистическихъ явленій, которыя совершенно не доступны объясненію при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

§ 99. Душевныя болѣзни. Общее обозрѣніе этихъ состояній психической жизни.

Разсмотрѣнныя нами ненормальныя состоянія душевной жизни являются лишь временнымъ помраченіемъ самосознанія и самоопредѣленія души. Но есть другой классъ ненормальныхъ состояній души, которыя служатъ выраженіемъ постояннаго разстройства психической жизни. Явленія послѣдняго рода составляютъ область душевныхъ болѣзней въ собственномъ смыслѣ. Сущность душевныхъ болѣзней состоитъ въ постоянномъ уклоненіи отъ того образа дѣятельности, который свойственъ сознательной душевной жизни въ ея нормальномъ развитіи. Но это разстройство относится не къ самому существу души, а лишь къ душѣ въ ея связи съ тѣломъ. Какъ сущность ограниченная, душа можетъ проявлять свою дѣятельность только при содѣйствіи нервной системы, отъ нормальнаго состоянія которой, естественно, зависитъ и нормальный образъ душевной жизни, и наоборотъ: ненормальное, болѣзненное состояніе мозга должно сопровождаться ненормальностію и душевной жизни. Какъ мастеръ, лишившись необходимаго органа, не можетъ обнаруживать дѣятельность, которую онъ выполнялъ при помощи потеряннаго органа, — или, владѣя испорченнымъ орудіемъ, будетъ обнаруживать и разстроенную дѣятельность: такъ и душа, при поврежденіи и разстройствѣ органовъ своей дѣятельности, будетъ обнаруживать ненормальныя отправленія. Такимъ образомъ, ближайшимъ основаніемъ душевныхъ болѣзней служитъ именно болѣзненное состояніе мозга, частію (при скоропреходящихъ ненормальныхъ состояніяхъ) анемія или гиперемія мозга (недостатокъ или избытокъ крови въ мозгу), частію (при продолжительныхъ или неизлѣчимыхъ душевныхъ болѣзняхъ) измѣненія въ строеніи мозга, атрофія мозговыхъ путей и т. п. Но при этомъ нужно замѣтить, что касательно ближайшаго отношенія поврежденій мозга къ отдѣльнымъ формамъ душевныхъ болѣзней въ наукѣ существуетъ много невыясненнаго. Нерѣдко значительныя поврежденія, даже потеря какой нибудь одной, а иногда и обѣихъ переднихъ частей большаго мозга можетъ не сопровождаться никакимъ вредомъ для сознательной душев-

ной жизни. И наоборотъ: часто при довольно сложныхъ болѣзняхъ не находили въ мозгу никакого замѣтнаго поврежденія, тогда какъ у умершихъ душевно здоровыми, при анатомированіи, находили въ мозгу значительныя поврежденія. Поэтому причинъ душевныхъ болѣзней нужно искать не столько въ мозгу, сколько въ душѣ и ея взаимодѣйствіи съ своимъ тѣломъ. Отсюда причины душевныхъ болѣзней раздѣляются: на *психическія*, *органическія* и *смѣшанныя*.

а) *Психическія причины* должны быть признаны самыми важными источниками душевныхъ болѣзней, такъ какъ они постепенно подготовляютъ, или даже непосредственно вызываютъ болѣзнь. Къ этому классу причинъ принадлежатъ: сильные аффекты и страсти и, въ особенности, непріятныя, тяжелыя и подавляющія душевныя состоянія. Эти послѣднія состоянія по своему роду и внѣшнимъ причинамъ могутъ быть весьма различны; иногда это мгновенно возбужденный гнѣвъ, испугъ, или горе, вслѣдствіе оскорбленія, потери имущества, неожиданной смерти и т. п. Въ другихъ случаяхъ это медленно дѣйствующія на душу слѣдствія обманутаго честолюбія, домашнихъ непріятностей, несчастной любви, ревности, раскаянія въ собственныхъ дурныхъ поступкахъ и т. п. Къ этимъ причинамъ присоединяются обстоятельства, располагающія къ душевнымъ болѣзнямъ: безнравственная жизнь, лѣность, пристрастіе къ глупостямъ моды и удовольствіямъ, крайности политическихъ мнѣній и религіозная мечтательность и т. п. Въ однихъ случаяхъ психическія причины вызываютъ душевную болѣзнь *непосредственно*, производя въ мозгу сильное и продолжительное раздраженіе; въ другихъ случаяхъ психологическія причины вызываютъ душевныя болѣзни *посредственно*, производя сначала различныя потологическія измѣненія въ организмѣ (нарушенія въ дыханіи, кровообращеніи, пищевареніи, въ отправленіяхъ кишекъ, продолжительную безсонницу и т. п.) и уже потомъ—болѣзненныя измѣненія въ мозгу.

б) Во многихъ случаяхъ душевныя болѣзни происходятъ отъ причинъ исключительно *органическихъ*, при содѣйствующемъ вліяніи которыхъ и чисто психическія причины получаютъ большую силу. Такія органическія причины психическихъ болѣзней суть: тяжкія поврежденія головы, нервныя болѣзни, гистерія (общая болѣзнь всей нервной системы), различныя острыя болѣзни, сопровождаемыя лихорадкою (тифъ, перемежающаяся лихорадка, пнеймонія и т. п.), хроническія болѣзни всего организма и, особенно, всѣ состоянія истощенія и анеміи, возникающія вслѣдствіе большой потери крови въ одинъ разъ (напр. при родахъ), послѣ долгаго голоданія и бѣдственной жизни и, наконецъ, вслѣдствіе самыхъ различныхъ общихъ и мѣстныхъ болѣзней, уменьшающихъ пищевареніе, образованіе крови и питаніе,—хроническія бо-

лѣзни мѣстныя (болѣзни сердца, легкихъ и т. п.), состояніе беременности и рожденія и многія другія.

в) Къ *смѣшаннымъ причинамъ,* вызывающимъ душевныя болѣзни, принадлежатъ: пьянство и безпокойный, безпорядочный, развратный, сопряженный съ крайней нищетою и лишеніями образъ жизни.

Всѣ эти причины оказываютъ не одинаково сильное вліяніе, смотря по тому, какое расположеніе встрѣчаютъ въ природѣ человѣка: благопріятствующее, или неблагопріятствующее возникновенію душевныхъ болѣзней. Благопріятствующія расположенія могутъ заключаться въ наслѣдственности, недостаткахъ воспитанія, слабомъ тѣлосложеніи, затѣмъ— въ извѣстныхъ особенностяхъ темперамента, пола, возраста, націи и государства.

Ходъ развитія душевныхъ болѣзней, естественно, очень разнообразенъ, смотря по различію расположеній и содѣйствующихъ причинъ. Если душевная болѣзнь наступаетъ не внезапно. вслѣдствіе значительныхъ нервныхъ поврежденій, но развивается мало по малу, то она начинается обыкновенно съ *меланхолическаго настроенія* (унынія, тоски, грусти), при чемъ фантазія создаетъ галлюцинаціи, соотвѣтствующія этому настроенію. При дальнѣйшемъ развитіи это удрученное состояніе часто переходитъ въ неистовство и бѣшенство, проявляющееся въ умоизступленной жаждѣ разрушенія.—Вторая стадія болѣзни есть *безуміе,* являющееся почти всегда послѣдствіемъ предыдущаго меланхолическаго настроенія. Удрученность, повидимому, оставляетъ душу и за мрачнымъ слѣдуетъ свѣтлое настроеніе. Въ этомъ состояніи возникаютъ неотразимыя безумныя идеи, сопровождающіяся столь-же безумными фантастическими представленіями (напр. идеями величія). Мышленіе, управляемое безумными мечтами, формально не нарушается и дѣйствуетъ логически вполнѣ правильно.—Мало по малу душевная болѣзнь вступаетъ въ третію стадію своего развитія и становится преимущественно болѣзнью умственно-познательной дѣятельности. Мышленіе все болѣе и болѣе слабѣетъ, становится безсвязнымъ, спутаннымъ; забывчивость увеличивается. Поелику, вслѣдствіе ослабѣнія памяти, связь прежней душевной жизни съ настоящимъ состояніемъ у больнаго не сохраняется, то этотъ послѣдній утрачиваетъ истинное сознаніе своего Я, становится самъ для себя новымъ лицомъ и иногда совершенно утрачиваетъ сознаніе своей индивидуальности; теперь онъ уже не связанъ какою нибудь одною безумною идеей, но переживаетъ наплывъ постоянно новыхъ, безсвязныхъ представленій (всеобщее разстройство) и, наконецъ, впадаетъ въ апатическое слабоуміе.

Излѣчимость душевныхъ болѣзней находится вообще въ обратномъ отношеніи къ ихъ продолжительности. Если мозгъ повреждается сразу,

или постепенно, но глубоко, то на выздоровленіе обыкновенно бываетъ мало надежды. Иногда излѣченіе удается въ стадіи меланхоліи и безумія. Но когда наступаетъ умопомѣшательство, когда собственная личность становится для больнаго иною и его духомъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ апатія: тогда или мало бываетъ, или совсѣмъ не остается надежды на выздоровленіе.—Для излеченія душевныхъ болѣзней въ первой стадіи ихъ развитія необходима врачебная помощь, необходима собственно для устраненія тѣлесныхъ болѣзней, находящихся въ основѣ ненормальныхъ психическихъ состояній; затѣмъ — заботливый уходъ, серьезность и послѣдовательность въ соединеніи съ любвеобильною кротостію и ласковостію; иногда необходимы, впрочемъ, и принудительныя мѣры. Преимущественно же неободимо заботливое удаленіе больнаго отъ всего того, что можетъ дать пищу болѣзненному настроенію, направленіе фантазіи на другія представленія, пріученіе къ такой дѣятельности, которая отклоняла-бы отъ безумныхъ идей и т. п.

§ 100. Обозрѣніе отдѣльныхъ формъ душевныхъ болѣзней.

Душевныя болѣзни могутъ быть раздѣлены на двѣ основныя группы. Къ одной группѣ принадлежатъ болѣзни, основаніемъ которыхъ служитъ то, что у больнаго возникаютъ, крѣпнутъ и преобладаютъ ненормальныя сердечныя настроенія и аффекты, подъ вліяніемъ которыхъ вся психическая жизнь принимаетъ соотвѣтствующій имъ характеръ; ко второй группѣ принадлежатъ болѣзни, имѣющія причиною своею разстройство мышленія и воли, при чемъ наблюденіе показываетъ, что состоянія, принадлежащія къ первой группѣ, въ большинствѣ случаевъ, предшествуютъ состояніямъ второй группы и что эти послѣднія составляютъ обыкновенно слѣдствіе и исходъ первыхъ въ томъ случаѣ, если болѣзнь мозга не была излѣчена. Такимъ образомъ, душевныя болѣзни первоначально возникаютъ въ сердцѣ, при послѣдующемъ-же развитіи простираются и на умъ, производя разстройство дѣятельности этого послѣдняго. Болѣзни, развивающіяся въ первой формѣ, бываютъ частію состояніями угнетенности, частію состояніями экзальтаціи; въ первомъ случаѣ онѣ ненормально угнетаютъ сердце, а во второмъ — ненормально возбуждаютъ его.

1) *Меланхолія* или тоска, являющаяся слѣдствіемъ тѣлесныхъ страданій, различныхъ несчастій, ревности и т. п. обнаруживается первоначально въ формѣ безпредметной боязни, въ чувствѣ подавленности, печали, съ каковыми чувствованіями соединяются потомъ опредѣленныя грустныя представленія, соотвѣтствующія душевному настроенію больнаго. Меланхоліей начинается большая часть душевныхъ болѣзней. Са-

мая легкая, слабая форма меланхоліи есть *ипохондрія*—унылое, подавленное, печальное душевное настроеніе, развивающееся изъ сильнаго ощущенія тѣлесной болѣзни, постоянно привлекающей вниманіе больнаго. Ложныя сужденія относятся здѣсь почти исключительно къ состоянію здоровья субъекта, постоянно озабоченнаго трудною болѣзнью, которой онъ, по его мнѣнію, страдаетъ, вслѣдствіе чего бредъ больнаго заключается главнымъ образомъ въ безосновательныхъ и странныхъ взглядахъ на сущность и степень этой болѣзни. Меланхолія въ собственномъ смыслѣ начинается тогда, когда ипохондрическое настроеніе переходитъ въ глубокое чувство психической боли. Печальное настроеніе духа наполняетъ меланхолика отращеніемъ ко всему окружающему, подозрительностію и злостнымъ расположеніемъ даже къ близкимъ лицамъ—друзьямъ и родственникамъ. Развиваются соотвѣтствующія душевному настроенію галлюцинаціи и иллюзіи; наконецъ появляются неотразимыя идеи, бывающія или религіознаго содержанія (malancholia religiosa), когда бредъ вращается, преимущественно, въ области религіозныхъ представленій (о тяжкой грѣховности, страхѣ адскихъ мученій, проклятіи Богомъ и т. п.); при этомъ чувство подавленности иногда выражается въ представленіи, что больной одержимъ бѣсами (демоно-меланхолія). Иногда у меланхоликовъ является безумная идея, что они потеряли собственную личность, что больной умеръ, что у него члены изъ дерева, что онъ превращенъ въ отвратительное животное (melancholia metamorphosis) и т. п. Въ меланхоліи иногда обнаруживается совершеннѣйшая слабовольность и тупоуміе, а иногда — стремительныя желанія, которыя, соотвѣтствуя мрачному настроенію, направляются на разрушеніе, съ цѣлію избавиться отъ внутреннихъ мукъ (уничтоженіе, напр. собственной жизни или жизни другихъ людей, животныхъ, или даже неодушевленныхъ предметовъ).

2) *Манія* есть общее названіе для состояній экзальтаціи, проявляющихся въ болѣзненно возбужденныхъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Болѣзненная внутренняя сосредоточенность меланхоліи въ маніи обыкновенно замѣняется ненормальною внѣшнею дѣятельностію. Манія обнаруживается главнымъ образомъ въ двухъ формахъ: бѣшенствѣ и безуміи.

а) *Бѣшенство* обнаруживается въ усиленной степени психическаго возбужденія, соединеннаго съ безпокойными, поспѣшными, нелѣпыми дѣйствіями и выходками. Стремленіе къ постоянному движенію и дѣйствію, необходимость немедленно и быстро выразить во внѣ все содержаніе психическихъ процессовъ побуждаетъ больныхъ то къ совершенно безвредному движенію, пляскѣ, разговорамъ, пѣснямъ, крику, смѣху, плачу и т. п., то къ поспѣшной и безцѣльной дѣятельности, которая, по моментальнымъ вспышкамъ фантазіи, желаетъ нетерпѣливо тотчасъ-же измѣнить все окружающее, то къ склонности уничтожить все живое и безжизнен-

ное, при чемъ больной можетъ дойти до взрывовъ самаго слѣпого бѣшенства и неистовства. Общая экзальтація выражается, въ частности, въ особенно быстромъ теченіи представленій, при чемъ большею частію съ самаго начала, или, по крайней мѣрѣ, очень скоро количественное возбужденіе и экзальтація этой стороны душевной жизни становятся такъ велики, что слѣдствіемъ ихъ является быстро тѣснящаяся послѣдовательность отдѣльныхъ представленій, неимѣющихъ никакой внутренней связи между собою и часто связуемыхъ только наружными, случайными поводами. Въ связи съ необыкновенно быстрымъ теченіемъ представленій у больныхъ проявляется продолжительный импульсъ къ сокращенію мышцъ; психическая экзальтація постоянно сопровождается движеніями тѣла и особенно органа рѣчи, при чемъ больные могутъ дѣйствовать своими мышцами съ такою продолжительностію, которая совершенно невозможна для здоровыхъ. Такъ, напр. больные въ теченіи цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ, при весьма кратковременномъ снѣ, постоянно и сильно неистовствуютъ, обнаруживая необыкновенно громадное мышечное напряженіе. При этомъ замѣчается у больныхъ полное отсутствіе здравыхъ поступковъ, нѣтъ преслѣдованія разумныхъ жизненныхъ цѣлей, отсутствіе заботы о семействѣ, о собственномъ существованіи, никакой возможности дать уговорить себя заняться чѣмъ нибудь полезнымъ; равнодушіе относительно всего, что не соприкасается съ болѣзненнымъ возбужденіемъ, полное пренебреженіе наружностью, уничтоженіе всякаго сознанія о приличіи, стыдѣ и чистотѣ.

б) Тогда какъ бѣшенство есть необузданное стремленіе, заключающее въ себѣ нѣчто слѣпое, чѣмъ опредѣляются господствующія влеченія и случайное возбужденіе чувствъ, — вторая форма сумасшествія — *безуміе* есть болѣзненно возбужденное стремленіе, соединяющееся съ обдуманностію и размышленіемъ. Безуміе, подобно бѣшенству, развивается изъ меланхолической тоски. Состояніе возбужденія сначала, часто въ теченіи долгаго времени, какъ бы колеблется между обѣими формами; съ укорененіемъ-же отдѣльныхъ нелѣпыхъ представленій больной вступаетъ, очевидно, въ новое состояніе, въ которомъ проявленіе воли, ослабленное или даже подавленное въ меланхолическомъ періодѣ, нетолько возвращается, но еще возбуждается и усиливается, вслѣдствіе чего прежнее настроеніе подавленности смѣняется свѣтлымъ настроеніемъ съ возвышеннымъ самочувствомъ. Постоянное самопревозношеніе съ соотвѣтствующими ложными представленіями, фантастически-преувеличенныя идеи, эксцентрическіе планы, бредъ величія — таковы главнѣйшіе симптомы, характеризующіе безуміе. Естественно, что подобныя состоянія различаются въ зависимости отъ прежней жизни, состоянія и занятій, а также отъ образованія больныхъ. Мастеровой, напр. преувели-

чиваетъ свое ремесло; военный думаетъ о большихъ арміяхъ, хочетъ начинать походы и совершать завоеванія; иные строятъ планы путешествій по землѣ и морямъ на новоустроенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ; другіе проектируютъ громадные постройки (замковъ, городовъ) и т. п. Въ тѣсной связи съ этими представленіями образуются ложныя представленія и сужденія относительно собственнаго Я и его отношеніи къ міру. Въ особенности часто замѣчается безумное представленіе о знаменитой личности, сверхчеловѣческомъ могуществѣ, неисчерпаемыхъ сокровищахъ, высокомъ положеніи и т. п. Соотвѣтственно господствующему настроенію, появляются нерѣдко галлюцинаціи и иллюзіи, имѣющія въ безуміи гораздо худшее значеніе, чѣмъ при бѣшенствѣ. Въ этомъ послѣднемъ состояніи онѣ вскорѣ забываются, въ безуміи-же дѣлаются постоянными, питая и усиливая безумныя представленія.

Если душевная болѣзнь въ разсмотрѣнныхъ стадіяхъ развитія не бываетъ излѣчена, то она переходитъ въ новую форму — въ *состояніе психическаго разслабленія,* основная особенность котораго состоитъ въ разстройствѣ умственной способности при отступившихъ на второй планъ или совершенно исчезнувшихъ аффектахъ. Душевныя болѣзни въ этой формѣ обыкновенно бываютъ слѣдствіемъ сердечныхъ страданій (меланхоліи и маніи); иногда бываютъ прирождены; иногда возникаютъ вслѣдствіе болѣзней въ раннемъ дѣтствѣ, или вслѣдствіе внезапныхъ значительныхъ поврежденій мозга. Душевныя болѣзни на этой ступени развитія образуютъ двѣ большія группы болѣзненныхъ состояній: *помѣшательство* (частное и общее) и *слабоуміе.* Сюда же нужно причислить еще особенный видъ душевныхъ болѣзней, такъ называемый, *идіотизмъ.*

а) *Помѣшательство* или безсмысліе—такая стадія въ ходѣ развитія душевной болѣзни, отличительную особенность которой составляетъ поврежденіе и разстройство всей умственно-познавательной дѣятельности. Это болѣзненое состояніе сначала бываетъ *частнымъ.* Жизнь сердца съ наступленіемъ помѣшательства мало по малу охладѣваетъ; стремленія становятся все болѣе и болѣе слабыми. Душевная жизнь начинаетъ проходить спокойнѣе, правильнѣе, какъ будто нормальнѣе; но, въ сущности, нормальности ея уже не существуетъ: ложная идея господствуетъ надъ всею душевною жизнію и больной, вслѣдствіе общаго разслабленія, уже не въ состояніи подвергнуть сомнѣнію свои безумныя идеи. Съ развитіемъ болѣзни постепенно возрастаетъ притупленіе и ослабленіе всѣхъ психическихъ способностей; больной начинаетъ относиться ко всему, совершающемуся вокругъ него, съ необыкновеннымъ равнодушіемъ. Ни одинъ изъ подобныхъ больныхъ не выказываетъ болѣе участія къ внѣшнему міру, любви и ненависти, какъ прежде; смерть друзей и родственниковъ, потеря самыхъ любимыхъ предметовъ не

производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія, или же вызываютъ только поверхностное смущеніе, довольно скоро исчезающее. Галлюцинаціи и иллюзіи всѣхъ органовъ чувствъ ни въ одной формѣ сумасшествія не встрѣчаются такъ часто, какъ при безсмысліи, и въ очень многихъ случаяхъ онѣ, по преимуществу, питаютъ и поддерживаютъ бредъ. При большой забывчивости, собственная личность постепенно становится для больнаго чужою; иногда совершенно исчезаетъ всякое сознаніе индивидуальности и помѣшанный начинаетъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Въ состояніи частнаго помѣшательства нерѣдко встрѣчаются причудливыя склонности всякаго рода; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ имѣютъ связь съ ложною идеею, иногда-же совершенно не имѣютъ никакихъ мотивовъ. (Такъ, одни больные всѣ старанія прилагаютъ къ тому, чтобы украшать себя различными лоскутками и тряпками, другіе ищутъ гвозди, третьи упорно молчатъ, иные постоянно разговариваютъ или поютъ и т. п). Помѣшательство становится *всеобщимъ,* когда оно перестаетъ управляться какою нибудь одною ложною идеею, когда—больной, предоставленный общей путаницѣ своихъ представленій, постоянно переходитъ отъ одной безумной идеи къ другой. Настроеніе становится все болѣе и болѣе слабымъ и подавленнымъ; память почти совсѣмъ исчезаетъ. Предоставленный безпорядочному теченію безсвязныхъ представленій и будучи не въ состояніи удержать ихъ, помѣшанный, вслѣдствіе этого, становится болѣе не способнымъ къ правильному, логическому мышленію. Галлюцинаціи въ этой формѣ помѣшательства очень часты, но, подобно ложнымъ представленіямъ, безсвязны, спутаны, случайны.

б) *Слабоуміе* составляетъ конечный исходъ въ развитіи душевныхъ болѣзней, представляетъ крайнюю степень психическаго разслабленія. Сердечная жизнь совершенно умираетъ; память и рѣчь почти совсѣмъ утрачиваются. Неспособность связать и сравнить между собою нѣсколько представленій постоянно увеличивается и на мѣсто еще возможнаго прежде разнообразія отрывочныхъ безсвязныхъ представленій постепенно наступаетъ почти совершенное отсутствіе образовъ и мыслей. Вмѣстѣ съ высшею степенью тупости фантазіи и ничтожностью разсудка идетъ рука объ руку чрезвычайная слабость воли. Больной ничего не можетъ сдѣлать по собственному побужденію; часто онъ неспособенъ заботиться даже о своихъ простѣйшихъ потребностяхъ. Поведеніе его неизмѣнно и одинаково: то онъ будто обращенъ къ самому себѣ, боязливъ, лѣнивъ, молчаливъ и неподвиженъ; то производитъ совершенно автоматическія движенія, качаніе тѣла съ одной стороны на другую, потираніе рукъ, бормотаніе безъ всякаго смысла и цѣли и т. п. И только въ нѣкоторые счастливые часы какъ будто возвращаются къ больному отголоски прежней жизни, сказывается въ немъ болѣе участія и интереса къ внѣш-

нему міру и чувство живой благодарности за дружеское съ нимъ обращеніе *). Отъ этого, постепенно развивающагося слабоумія, какъ послѣдней ступени душевныхъ болѣзней, нужно различать примитивное слабоуміе, возникающее внезапно, вслѣдствіе значительныхъ поврежденій головы.

в) Наконецъ, *идіотизмъ*—духовная немощь, возникающая или съ началомъ жизни, или въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, представляющая подобіе частнаго или полнаго слабоумія,—есть неизлѣчимая остановка психическаго развитія вслѣдствіе аномалій въ строеніи и отправленіяхъ мозга, а именно: вслѣдствіе задержки въ развитіи мозга и черепа (отъ ранняго сращенія черепныхъ швовъ), недостаточнаго или неравномѣрнаго развитія какой-либо изъ отдѣльныхъ частей мозга и т. п. Идіотизмъ бываетъ или наслѣдственнымъ (вслѣдствіе браковъ въ кровномъ родствѣ, пьянства родителей и т. п.), или возникаетъ въ первоначальномъ дѣтствѣ (вслѣдствіе небрежнаго ухода, міазматическаго воздуха, первномозговыхъ болѣзней и т. п.). Въ крайнихъ степеняхъ своего развитія идіотизмъ характеризуется слабостью и вялостью чувственныхъ воспріятій и такимъ-же недостаточнымъ процессомъ образованія представленій, которыя до того слабы и поверхностны, что тотчасъ-же, по своемъ возникновеніи, и исчезаютъ, не давая возможности больному образовать изъ нихъ какія-либо сочетанія. Идіоты не способны ни къ внимательности, ни къ размышленію; у нихъ нѣтъ ни памяти, ни умственной инициативы. Во многихъ случаяхъ съ идіотизмомъ соединяется или совершенное отсутствіе рѣчи, такъ что больные не обнаруживаютъ никакой попытки говорить,—или же чрезвычайная недостаточность ея, такъ называемая, идіотическая нѣмота, вслѣдствіе чего больные оказываются или совершенно неспособными къ какому-бы то ни было духовному развитію, или проявляютъ способность къ воспитанію крайне ограниченному и недостаточному. Въ нѣкоторыхъ слабыхъ степеняхъ идіотизма обнаруживаются односторонніе способности и таланты, представляющіе какой-то полусознательный, инстинктивный характеръ, напр. способности къ музыкѣ, рисованію, счетоводству и т. п. Въ отношеніи сердечной чувствительности идіоты проявляютъ или апатическое равнодушіе, или сильные, но безцѣльные, порывы и разрушительныя стремленія, при чемъ у крайнихъ идіотовъ психическія состоянія радости и огорченія зависятъ вполнѣ отъ тѣлесныхъ ощущеній. Всѣ указанныя аномаліи въ развитіи идіотовъ весьма часто осложняются параличными состояніями

*) „Эти остатки, эти слѣды самоощущенія и чувства, говоритъ Гризингеръ, заставляютъ насъ уважать человѣческую природу даже въ ея глубокомъ паденіи, даже въ этихъ несчастныхъ, безмолвныхъ, безсмысленныхъ существахъ, движенія которыхъ такъ часто указываютъ на мрачное прошедшее“.

и судорогами, то весьма ограниченными, напр. на пальцахъ ногъ, на на одной рукѣ, на одной ногѣ, то болѣе общими, представляющими до извѣстной степени характеръ иляски св. Витта. — Особою формою идіотизма является *кретинизмъ*, составляющій во многихъ странахъ западной Европы *эндемическую* болѣзнь, т. е. мѣстное вырожденіе организма. Эндемическій кретинизмъ соединяется съ крайне уродливымъ тѣлосложеніемъ и при этомъ всегда сопровождается эндемическимъ зобомъ, такъ что большинство кретиновъ имѣютъ большіе зобы или прирожденные, или развившіеся впослѣдствіи; случаи, гдѣ нѣтъ зоба, чрезвычайно рѣдки. Главные центры кретинизма составляютъ во всѣхъ странахъ свѣта высокія горныя цѣпи съ ихъ отрогами: въ Европѣ—Альпы, въ Азіи—Гималайскія горы, въ Америкѣ — Кордильеры. Главною причиною кретинизма служитъ сырость воздуха и почвы. Психическое развитіе въ крайнихъ степеняхъ кретинизма или вовсе не наступаетъ, или замѣчаются только слабые зачатки его; какъ умственная, такъ и сердечная сторона остаются въ какомъ-то апатическомъ, неподвижномъ, окоченѣломъ состояніи; нѣкоторые кретины совершенно лишены способности рѣчи. Въ болѣе слабыхъ степеняхъ кретинизма встрѣчается нерѣдко оживленное состояніе, нѣкоторая способность пониманія, сопровождающаяся слабою возможностію выучиться, хотя неясно, говорить. Возмужалость у кретиновъ наступаетъ поздно, часто только на 20 году, и если до тѣхъ поръ продолжалось дѣтство, то съ этого времени прямо начинается старость, и какъ въ психическомъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи, начиная съ возмужалости и до конца жизни, бываетъ уже мало измѣненій.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Алфавитный указатель

научныхъ трудовъ, которыми авторъ пользовался при составленіи настоящаго «пособія къ изученію Психологіи».

Баландинъ. О внѣшнихъ чувствахъ (съ нѣм.). СПБ. 1861.

Бернштейнъ. Физіологія органовъ чувствъ. СПБ. 1876.

Бэнъ. Душа и тѣло. Кіевъ, 1880.

Бэнъ. Психологія. Перев. съ англ. СПБ. 1881.

Владиславлевъ. Современныя направленія въ наукѣ о душѣ. СПБ. 1866 г.

Владиславлевъ. Психологія Т. 1 и 2, СПБ. 1881.

Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. 1 и 2.

Вундтъ. Основанія физіологической психологіи, перев. съ нѣм. Кандинскаго. Вып. 1 и 2. Москва, 18⁸⁰/₈₁.

Гальтонъ. Наслѣдственность таланта. СПБ. 1875.

Гартманъ. Сущность міроваго процесса, или философія безсознательнаго. Вып. 1 и 2. Москва, 1873.

Гогоцкій. Философскій лексиконъ, 4 тома.

Гогоцкій. Критическое обозрѣніе сочиненія М. Троицкаго: „нѣмецкая психологія". Кіевъ, 1877.

Гогоцкій. Программа психологіи, вып. 1 и 2.

Гризингеръ. Душевныя болѣзни. Перев. съ нѣмецк. Овсянникова. СПБ. 1875.

Гротъ. Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ, 1878.

Гротъ. Психологія чувствованій. СПБ. 1880.

Дресслеръ. Основанія психологіи и логики по Бенеке. СПБ. 1871.

Жане. Мозгъ и мысль. СПБ. 1868.

Жане. Конечныя причины. Перев. съ франц. Д. В. Поспѣхова. Кіевъ, 1879.

Кавелинъ. Задачи психологіи. СПБ. 1872.

Каптеревъ. Педагогическая психологія. СПБ. 1877.

Карпентеръ. Основанія физіологіи ума. Т. 1. СПБ. 1877.

Карьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. 1 Москва, 1870.

Карусъ. Сравнительная психологія. перев. Смирнова. М. 1867.

Кленке. Система органической психологіи. СПБ. 1856.

Козловъ. Критическій этюдъ по поводу книги Грота: „психологія чувствованій". Кіевъ, 1881.

Линицкій. Объ умозрѣніи и отношеніи умозрительнаго познанія къ опыту. Кіевъ 1881.

Лотце. Микрокозмъ, т. 1 и 2. Перев. Корша. М. 1866.

Лотце. Основанія психологіи. СПБ. 1884.

Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Т. 1 и 2, СПБ. 1875—76.

Льюисъ. Изученіе психологіи. Москва, 1880.

Манассеинъ. О значеніи психическихъ вліяній. СПБ. 1878.

Мори. Сонъ и сновидѣнія М. 1867.

Никаноръ, архіепископъ. Позитивная философія и сверхчувственное бытіе. СПБ. 1875.

Рибо. Наслѣдственность душевныхъ свойствъ. Переводъ съ франц. подъ ред. Черемшацкаго. СПБ. 1884.

Смаильсъ. Самодѣятельность, перев. съ англ. Кутейникова. СПБ. 1867 г.

Смаильсъ. Характеръ, перев. съ англ. Майковой. СПБ. 1880.

Смирновъ. О сознаніи и безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ. Казань. 1875.

Спенсеръ. Основанія психологіи, 4 тома СПБ. 1876.

Тиндаль. Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ, перев. Павленкова. Вятка, 1873.

Троицкій. Наука о духѣ. Т. 1 и 2, М. 1882.

Тэнъ. Объ умѣ и познаніи, 2 тома. СПБ. 1872.

Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, т. 1 и 2.

Ульрици. Тѣло и душа СПБ. 1869.

Ульрици. Нравственная природа человѣка, перев. Голубинскаго. Казань, 1878.

Чистовичъ. Курсъ психологіи, изд. 2-е. СПБ. 1872.

Эбрардъ. Апологетика. СПБ. 1877.

Юркевичъ. Курсъ педагогики. Москва, 1869.

Юркевичъ. Чтенія о воспитаніи. Москва, 1865.

Ѳеофанъ (Авсеневъ), архимандритъ. Изъ записокъ по психологіи. Кіевъ, 1869.

Brentano. Psychologie v. empirisch. Standpuncte. Lpz. B. 1, 1874.

Drbal. Lehrbuch der empirisch. Psychologie. Wien, 1882.

Dreher. Die Kunst in ihren Beziehung zur Psychologie und zur Naturwissenschaft. Dritt. Aufl. Berl. 1878.

Hagemann. Psyshologie. Vierte Auflage, 1881.

Hagemann. Metaphysik. Münster, 1869.

J. H. Fichte. Anthropologie. Zw. Aufl. Lpz. 1860.

J. H. Fichte. Psychologie. Erst. Theil, Lpz. 1864.

Lindner. Lehrbuch der empirisch. Psychologie. Zw. Aufl. 1868.

Nahlowsky. Das Gefuhlsleben. Lpz. 1862.

Perty. Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur. Lpz. 1858.

Ulrici. Glauben und Wissen. Lpz. 1858.

Volkmann von Volkmar. Lehrbuch der empirischen Psychologie. Zw. Aufl. B. 1 und 2. 1876.

Журнальныя статьи:

Астафьевъ. Психическій міръ женщины. *Русск. Вѣстн.* 1881. 12; 1882. 6.

Голубинскій. Умозрительная психологія. *Душепол. Чт.* 1871. 4—10.

Градовскій. Значеніе идеала въ обществен. жизни. *Вѣстн. Евр.* 1877. 1.

Дебольскій. Основы психологіи. *Семья и Школа,* 1887. 1, 3....

Дебольскій. О приложеніи математики къ психологіи. *Тамъ-же,* 1876. 9.

Докучаевъ. Элементарныя формы мышленія. *Народная Школа,* 1880. 6—12.

Кавелинъ. Психологическая критика. *Вѣстн. Евр.* 1874. 3—6.

Карповъ. Введеніе въ психологію. *Христ. Чт.* 1868. 1.

Линицкій. Нравственная статистика. *Кіевск. Епарх. Вѣдомости* 1878, №№ 5 и 8.

Ловягинъ. Лингвистическія основанія языковъ человѣческихъ. *Христ Чт.* 1879. 3—4.

Малеванскій. О духовной природѣ человѣка. *Православное Обозр.* 1873. 4 и 5.

Милославскій. Законъ сохраненія силы и душевныя явленія. *Тамъ-же* 1877. 10.

Нервъ и его жизнь. *Свѣтъ.* 1879, 6 и 7.

Никольскій. Совѣсть. *Донск. Епарх. Вѣд.* 1878, №№ 10—19.

Нуаре. Максъ Мюллеръ и философія языка. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1880. 7 и 8.

Прейеръ. Физіологія цвѣтовыхъ ощущеній. *Знаніе.* 1872. 9 и 10.

Прейеръ. О предѣлахъ чувственныхъ воспріятій. *Тамъ-же* 1876. 5.

Рише. Къ вопросу о сомнамбулизмѣ. *Труды Кіевск. духовн. Акад.* 1884. 9; 1885. 9. (Это изслѣдованіе издано отдѣльною книгою. СПБ. 1885).

Розовъ. О различіи человѣческой и животной природы. *Тамъ-же* 1873, IV.

Снегиревъ. Сонъ и сновидѣнія. *Правосл. Собесѣдн.* 1875. III. 208 и 441; 1876. II. 51 и 136, III. 321.

Снегиревъ. Психологія и логика, какъ философскія науки. *Русск. Вѣстн.* 1876. II. 427.

Снегиревъ. Науки о человѣкѣ. *Тамъ-же,* III. 62.

Стадлинъ. Рефлексъ предъ судомъ рефлексіи. *Русск. Вѣстн.* 1874. 10.

Страховъ. Англійская психологія. *Отеч. Записки.* 1867. 17 и 24.

Струве. Самостоятельное начало душевныхъ явленій. *Русск. Вѣстн.* 1870. 2.

Сѣченовъ. Кому и какъ разработывать психологію. *Вѣстникъ Евр.* 1873. 4.

Фатьяновъ. Дальтонизмъ. *Природа и Охота.* 1878. 10.

Фикъ. О вкусѣ и обоняніи. *Знаніе,* 1876. 9.

Физическій законъ сознанія. *Свѣтъ.* 1879. 7.

Фотерджилль. Состояніе умственныхъ способностей при обыкновенныхъ болѣзняхъ. *Знаніе.* 1875. 4.

Шимковъ. Внѣшній міръ и наши о немъ представленія. *Природа и Охота*, 1878. 10.

Э-нъ. Человѣкъ—простой ли чувствующій автоматъ? *От. Зап.* 1866, 5 и 6.

Юркевичъ. Изъ науки о человѣческомъ духѣ. *Труды Кіевск. дух. Акад.* 1860. IV.

Dreher. Zum Verständniss Sinneswahrnehmungen. Zeitschr. für Philosophie und philosophische Kritik, herausg. v. Ulrici, 1877. 71 Band., 2 Heft, 1878. 72 B., 1 u. 2 H., 73 B. 2 H., 1879. 74 B. 1 H., 1880. 76 B. 1 H., 77 B., 1 H.

Fortlage. Vom zwiefachen Apriori d. menschlich. Vernunft. Ibid. 1880. 77. Band. 1 Heft.

Geyer. Darstellung und Kritik d. Lotze'schen Lehre von d. Localzeichen. Philosophische Monatshefte, 1885. XXI Band, IX u. X Heft.

Koch. Ueber das Gedachtniss. Zeitschr. für Philosophie u. philosoph. Kritik, 1881. 78 B., 2 Heft.

Nathan. Vorstellen, Fühlen, Wollen. Philosoph. Monatshefte, 1884. XX Band, IV u. V Heft.

Schaarschmidt. Zur Widerlegung des Determinisnus. Ibid.

Ulrici. Philosophische Fragen und Bedenken. Mit Beziehung auf die Schrift: «In Sachen d. Psychophysik, von G. Th. Fechner». Zeitschr. f. Philosophie und philosoph. Kritik, 1878. 72 Band., 2 Heft.

Volkelt. Die Farben und die Seele. Ibid. 1881. 79 B., 1 Heft.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

Стр.

§ 1. Опредѣленіе психологіи 3
„ 2. Предметъ психологіи. . . . . —
„ 3. Принципъ психологіи 4
„ 4. Задача психологіи. 7
„ 5. Главные источники психологіи . . . . . —
„ 6. Второстепенные источники психологіи. 10
„ 7. Методъ психологіи 12
„ 8. Раздѣленіе психологіи. 15
„ 9. Важность изученія психологіи 16

Глава I. Общія условія душевной жизни.

„ 10. Физіологическія условія душевной жизни. Нервная система. 19
„ 11. Психическія условія душевной жизни. Сознаніе. Вниманіе. 22
„ 12. Основа сознанія 25
„ 13. Отличительныя особенности сознанія. 28
„ 14. Самосознаніе. 31
„ 15. О способностяхъ души 32

Глава II. Объ ощущеніяхъ.

„ 16. Понятіе объ ощущеніи 34
„ 17. Происхожденіе ощущеній. 35
„ 18. Отношеніе между нервнымъ раздраженіемъ и ощущеніемъ 36
„ 19. Свойства ощущеній 38
„ 20. Раздѣленіе ощущеній. . . . . —
„ 21. Ощущенія общей чувствительности. 39
„ 22. Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ. 40
„ 23. Ощущенія зрѣнія. 41
„ 24. Значеніе ощущеній зрѣнія для душевнаго образованія. 42
„ 25. Ощущенія слуха. 44
„ 26. Значеніе слуховыхъ ощущеній для душевнаго образованія. 46
„ 27. Осязаніе. 48
„ 28. Обоняніе и вкусъ. 49
„ 29. Локализація ощущеній 51
„ 30. Проэкція ощущеній. Перцепціи 52
„ 31. Отношеніе содержанія чувственныхъ ощущеній къ внѣшней дѣйствительности (объективности) природы 54

Стр.

§ 32. Происхожденіе пространственныхъ воспріятій 57
„ 33. Обманы чувствъ 61

Глава III. О представленіяхъ.

„ 34. Понятіе о представленіяхъ. Предметный характеръ представленій 62
„ 35. Различіе между чувственнымъ ощущеніемъ и представленіемъ 63
„ 36. Образованіе представленій. Воображеніе 65
„ 37. Сохраненіе представленій душею. Память 66
„ 38. Матеріалистическая теорія памяти 67
„ 39. Критическая оцѣнка механическихъ теорій памяти 68
„ 40. Воспоминаніе 71
„ 41. Законы воспроизведенія представленій 72
„ 42. Психологическое изъясненіе воспоминаній 75
„ 43. Условіи, опредѣляющія совершенства памяти и воспоминанія 76
„ 44. Фантазія 81
„ 45. Взаимодѣйствіе фантазіи съ остальными явленіями душевной жизни и съ тѣлеснымъ организмомъ 84
„ 46. Значеніе представленій въ духовной жизни 85

Глава IV. Область мышленія.

„ 47. Понятіе о мышленіи 86
„ 48. Задача и отношеніе мышленія къ общей психической дѣятельности 87
„ 49. Виды мыслительной дѣятельности. Понятіе 88
„ 50. Сужденіе и умозаключеніе 90

Глава V. Разумъ и процессъ идеальнаго творчества.

„ 51. Понятіе о разумѣ и идеяхъ 92
„ 52 Виды идей 95
„ 53. Познаніе 99
„ 54. Психологическія причины заблужденій. Совершенства и недостатки мышленія. 103
„ 55. Понятіе объ идеальномъ творчествѣ и виды творчества 104
„ 56. Происхожденіе языка 109
„ 57. Происхожденіе письменности 114
„ 58. Творчество художественное 115

Глава VI. Практическая дѣятельность.

„ 59. Влеченіе и стремленіе 117
„ 60. Инстинктъ 118
„ 61. Влеченія природы человѣческой 120
„ 62. Желаніе 122
„ 63. Склонность 124
„ 64. Страсть 125
„ 65. Происхожденіе страстей и борьба съ ними 127
„ 66. Воля . . . . . —
„ 67. Свобода воли 129
„ 68. Процессъ и главные моменты дѣятельности воли 130
„ 69. Идея общей цѣли практической дѣятельности 132
„ 70. Совѣсть 134
„ 71. Возраженія противъ свободы воли и ихъ критическая оцѣнка 136
„ 72. Характеръ 143

Стр.

Глава VII. Сердце и чувствованія.

§ 73. Понятіе о чувствованіяхъ. Происхожденіе чувствованій 146
„ 74. Отличительныя свойства чувствованій 148
„ 75. Взаимное соотношеніе чувствованій съ прочими явленіями сознанія: а) съ ощущеніями, в) памятью и фантазіей г), мышленіемъ и д) волей 150
„ 76. Природная чувствительность сердца и видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. 153
„ 77. Формальныя чувствованія 155
„ 78. Предметныя чувствованія 160
„ 79. Самочувствованіе 164
„ 80. Чувствованія симпатическія. 165
„ 81. Настроенія 168
„ 82. Аффекты. 171

Глава VIII. О природѣ души человѣческой и ея отношеніи къ тѣлу.

„ 83. Душа, какъ начало жизненныхъ и психическихъ явленій 173
„ 84. Душа во взаимодѣйствіи съ тѣломъ. 175
„ 85. Душа во взаимодѣйствіи съ нервной системой 178
„ 86. Критическій разборъ матеріалистическаго ученія о началѣ душевной жизни. 179
„ 87. Процессъ развитія духовнаго начала психической жизни человѣка . . . 187
„ 88. Душа какъ духъ 190
„ 89. Душа животныхъ и духъ человѣка 192

Глава IX. Состоянія душевной жизни, зависящія отъ связи души съ тѣломъ.

Состоянія душевной жизни нормальныя: А) постоянныя 197
§ 90. Темпераментъ . . . . . —
„ 91. Полъ. 201
„ 92. Расы и національности 202
„ 93. Наслѣдственность 206
В) Особенности душевной жизни періодическія 207
§ 94. Возрасты или періоды жизни . . . . . —
„ 95. Сонъ и сновидѣнія 210

Глава X.

О состояніяхъ душевной жизни ненормальныхъ 218
§ 96. Сомнамбулизмъ. 219
„ 97. Гипнотизмъ и спиритизмъ 221
„ 98. Экстатическое созерцаніе 224
„ 99. Душевныя болѣзни. Общее обозрѣніе этихъ состояній психической жизни. 226
„ 100. Обозрѣніе отдѣльныхъ формъ душевныхъ болѣзней 229
Прибавленіе 235

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано:	Нужно читать:
12	7 сверху	представляемыхъ	представляемаго
31	10 —	процессовъ,	процессовъ
61	7 —	обтанъ	обманъ
63	18 снизу	неопреодолимое	непреодолимое
74	11 —	вида	вида,
84	11 сверху	послѣдніе	послѣднее
93	17 снизу	одного-же	однакоже
95	22 —	переходящаго	преходящаго
132	13 —	назначеніе	назначенія
141	19 —	основывается	основываются
159	8 —	противопожное	противоположное
192	7 —	итересныхъ	интересныхъ
202	3 сверху	оказаать	оказать
219	14 —	поднимется	поднимается

Duke University Libraries
D03899453+